

**К 100-летию со дня рождения
Даниила Леонидовича
Андреева**

ДАНИИЛ АНДРЕЕВ

**СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ**

ДАНИИЛ АНДРЕЕВ

Том второй

**ЖЕЛЕЗНАЯ МИСТЕРИЯ
СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ**

**Москва
Русский путь
2006**

ББК 84 (2Рос)6
А 655



Издательская программа Правительства Москвы

ЖЕЛЕЗНАЯ МИСТЕРИЯ

Составление, подготовка текста,
послесловие и примечания
Б.Н. РОМАНОВА

Художник
Е.Л. ВЕЛЬЧИНСКИЙ

ISBN 5-85887-247-6
ISBN 5-85887-249-2

© Окунев А.А., наследник, 2006
© Романов Б.Н., сост., послесловие, примечания, 2006
© Вельчинский Е.Л., оформление, 2006
© Русский путь, 2006

ОТ АВТОРА

«Железная мистерия» предполагает читателя, уже знакомого с книгой «Русские боги». Мистерия связана с нею общностью темы, центральные образы первой книги — демиург Яросвет, Навна, демон великодержавной государственности уицраор Жругр — остаются главенствующими и во второй. Для читателя, незнакомого с первой книгой, некоторые подробности Мистерии могут показаться непонятными, особенно в начале чтения.

Действие разворачивается в многослойном пространстве. Из этих слоев, расположенных горизонтально, особенное значение имеют три.

Средний слой — арена событий условно-исторического плана. Это — картина большого города на морском берегу. Центром его служит Цитадель; справа от нее — пятиглавый собор, слева — дворец Августейшего. Вокруг этого архитектурного ансамбля — кварталы богатых домов с колоннами, обширные районы многоэтажных громад и лачуг, фабричные предместья. В отдельных случаях становятся видными, как бы крупным планом, площади, гавани, монументы, залы общественных зданий, рынки, подземелья, заводские цеха. Открытый к морю, город оцеплен со стороны материка полукружьем стен с несколькими воротами. Далее простирается равнина, в свою очередь окаймленная скалистыми хребтом. Один из концов этой горной дуги обрывается крутым мысом в море невдалеке от города. По мере хода действия пейзаж этот претерпевает значительные изменения.

Под этим слоем на больших глубинах расположен Нижний слой Мистерии; это — подобие некоторых миров инфрафизики, связанных со Средним историческим слоем общностью протекающих там процессов. Нижний слой становится видимым лишь минутами, когда перебегающие световые вспышки пронизывают его частично или насквозь, а Средний слой охватывается полутьмою. В остальное время оттуда доносятся лишь шумы и голоса. Человеческого обличия существа Нижнего слоя не имеют; однако у некоторых из них, мельчайших, можно заметить отдаленное сходство с человеческой формой.

Третий слой, Вышний, остается невидимым, за исключением редких мгновений. Но голоса оттуда доносятся также: вначале — очень редко, потом — чаще.

ВСТУПЛЕНИЕ

Я не знаю,
какой воскуривать Тебе ладан
И какие
Тебе присваивать
имена.
Только сердцем благоговейшим Ты угадан,
Только встреча с Твоим сиянием предрешена.
Твои тихие,
расколдовывающие
силы
Отмыкают
с неукоснительностью часов
Слух мой, замкнутый от колыбели и до могилы,
Зренье, запертое от рождения на засов.
Совлекаемая
невидимыми
перстами,
Все прозрачнее
истончающаяся
ткань,
И мерцает за ней — не солнце еще, не пламя,
Но восходу его предшествующая рань.
Поднимаешься
предварениями
до храмов
На вершинах
многонародных
метакультур,
Ловишь эхо переводыхания Парабрамы
В столкновении
мирозданий
и брамфатур.

И я чувствую
 в потрясающие
 мгновенья,
 Что за гранью,
 и галактической,
 и земной,
 Ты нас примешь, как сопричастников вдохновенья
 Для сотворчества
 и сорадования
 с Тобой.

И, разгадывая
 вечнодвижущиеся
 знаки
 На скрижалях
 метаистории
 и судьбы,
 Различаю и в мимолетном, как в Зодиаке,
 Те же ходы миропронизывающей борьбы.

Дух замедливает у пламенного порога:
 Он прислушивается, он вглядывается в грозу,
 В обнаруживаемый
 замысл
 Противобога,
 В цитадели
 его владычества —
 там, внизу;

Он возносит свою надежду и упованья
 К ослепительнейшим
 соборам
 Святой Руси,
 Что в годину непредставимого ликования
 Отразятся
 на земле,
 как на небеси.

Катастрофам
 и планетарным
 Преображеньям —
 Первообразам, приоткрывшимся вдалеке —
 Я зеркальности
 обрету ли
 без искаженья
 В этих строфах на человеческом языке?
 Опрокинутся
 общепризнанные
 каноны,
 Громоздившиеся веками, как пантеон;
 В стих низринутся —
 полнозвучны
 и многозвонны —
 Первенствующие
 спондей
 и гиперпеон.

И, не зная ни успокоенья, ни постоянства,
 Странной лексики обращающаяся праща
 Разбросает
 добросозвучья
 и диссонансы,
 Непреклонною
 диалектикой
 скрежеща.

Не отринь же меня за бред и косноязычье,
 Небывалое это Действо благослови,
 Ты, Чьему
 благосозиданию
 и величью
 Мы сыновствуем
 во творчестве
 и любви.

Акт первый
ВТОРЖЕНИЕ

Осенние сумерки.
Смутный шум улиц. Порывы ветра доносят из-за городских стен, с равнины, то падающий, то поднимающийся гул народного множества. Очень издалека видны редкие, вздрагивающие пятна: то ли свет в окнах разбросанных по равнине деревень, то ли костры боевого стана. Во дворце Августейшего — танцевальная музыка.

— Mesdames — à droite!
— Messieurs — à gauche!¹

— Вы чувствуете легкую гарь? —
— Ah!..
Как обаятелен,
 как пригож
Сегодня
 наш государь!

Во дворцовых подвалах — радение.

И-эх, наваждение...
— Ох,
 ни зги...
— Подь женишок-Саваоф:
 лей!
 жги!
 Хлынь
 в зло,
 в грех...
— Ты накати-налети,
 друг —
 дух!
— Ты заверти-подхвати,
 слей
 двух —

_____ 1. — Дамы — направо! Господа — налево! (фр.) — Ред.

Трех?
— Сто!
— Всех!

На окраине — старинный монастырек. Келья Прозревающего. Он средних лет. Сидит в кресле, откинув голову на спинку и закрыв глаза.

Г о л о с н е в и д и м о г о д а й м о н а ¹

Видишь ли суть
 сквозь пятна
Мечущихся личин?
Слышишь ли голос невнятный
Со дна пучин? —

П р о з р е в а ю щ и й
Улавливаю, но размывчиво... смутно...
взор еще застит мгла...
Мнится — в геенне вручают кому-то
родившемуся —
 дар зла.

Тонкий, как нить, вздрагивающий
г о л о с и з г л у б и н ы
Развенчивай
 Царство
 Пред концом!
Оскверняй
 Церковь
 Бубенцом!
Прилепись
 К клиру
 Алтаря!
Подрывай
 Веру
 В трон царя!

Во дворцовой зале появляется Августейший в сопровождении хлыстовского «саваофа». Оркестр рассыпается стайей взвизгов. Дамы упархивают за колонны.

— Mon Dieu! Qui est ça?²
— Mesdames, спокойно...

Хитер, как лиса —
И в том вся тайна.

_____ 1. Здесь под этим термином, прямо противоположным термину «демон», понимаются весьма светлые иноматериальные существа, вдохновляющие некоторых деятелей культуры и истории. (Здесь и далее подстрочные примечания, кроме особо оговоренных, принадлежат Д.Л. Андрееву.)

2. Мой Бог! Кто это? (фр.) — Ред.

— Но очи-то! Очи!..
 — Ах, не скажите...
 — О чем он пророчит,
 Живой небожитель?

«С а в а о ф», *поднимая перст,
 густым окающим говором*

Нынче всякий походя
 Лжет, в бесовской похоти,
 Будто лишь в Европе ум,
 Русь же — мрак да опиум.
 По таким ударить —
 Значит *государить*.

А в г у с т е й ш и й

Да, нелегко нам судно вести
 Между сирен докучных...
 С голосом царской совести
 Вы лишь один созвучны.

«Саваоф» обводит колдующим взором зал. Дамы показываются из-за колонн.

О д н а, *приближаясь*
 Простите неверный шаг...
 Наш обморок... Наш смешок...
 Теперь мы, осилив шок,
 В вас поняли истый шик.

Д р у г а я, *пошатываясь*
 Какой неимоверный взор!
 Он — бел, фиолетов, бур...
 Не все ли равно — пожар
 Подхватит нас? Смерть? Позор?..

Т р е т ь я, *коленипреклоненно*
 О, возложи свою руку,
 Как на священную раку,
 На грудь мою: слышишь трепет?
 То — кровь наша нас торопит!

«С а в а о ф», *благословляя дам и мужчин*
 Государь возлюбленный!
 Мир, чертями вздыбленный,
 Немогуц, пока я —
 Страж твоего покоя.

А в г у с т е й ш и й

Вижу колонны я... обелиски...
 Не вижу люде й в империи!
 Мне грустно: народ российский
 Утратил мое доверие.
 Один только вы мне близки,
 Утес среди волн безверия!

«С а в а о ф», *возлагая руки: правую на грудь дамы в белом,
 левую — на грудь дамы в розовом*

Государь наш батюшка!
 Ослабела церквушка;
 Коль не хочешь падать —
 Патриарха надоть!

Ж е н с к и й г о л о с, *подле Августейшего*

Светится он несказанною тайной,
 Мудрость его — как Русь глубока...
 Чье же в России чело достойней
 Белого клубука?

Вокруг «саваофа» вспыхивают синие огни. Порхая, они осеняют Августейшего, Принцев крови, старцев ареопага. Свет в люстрах убывает.

А в г у с т е й ш и й

Молись за Россию, отче,
 Угодный Господу Богу;
 А я — лишь смиренный зодчий,
 Зовущий ее ко благу.
 Черчу военные планы,
 Чтоб было где реять флагу...
 Умрем — и зарей желанной
 Пойдем по райскому лугу.

Августейший удаляется.
 В зал врываются радевшие в подвалах.

— Ох, чудеса! Эх, кудеса!
 Правь, Саваоф,
 Бог!

— Каждый — христос...
 — Мы — в небеса,
 Меж облаков...
 — И — охх!

Неистово кружащийся «саваоф» становится центром хоровода. Люстры едва тлеют. Синие огни выпархивают наружу, карабкаясь по стенам дворца. Дворец маячит над городом, весь трепещет в их танцующем вихре.

Заглушенный говор
На антресолях

— Ах, государь совсем обольщен:
Он кроток, доверчив, прям...

В казармах
— Глупейший из всех, занимавших трон!
Нелепейшая из драм!

В церковных притворах
— Никто не расшатывал с древних времен
Так вероломно храм...

В квартирах
— Позор! Царица семи корон
Хлыстовствует по вечерам!..

На улицах
— Смотри: возмущенье со всех сторон!
Фарс! Балаган! Срам!

Прозревающий в своем монастырьке
Демон грозный
и мелкий бес нам
Ложь нашептывают все лукавее...
Боже, скрой омофором небесным
От врага глубину православия!
Если братства наши бессильны
Перед царством его встающим —
Укажи, где хранить светильню
И кому передать в грядущем!

Зигзагообразный луч внезапно пронизывает на миг глубину Нижнего слоя. Там, вблизи опрокинутого острием к центру земли капища античеловечества, тяжело пульсирует дряхлое тело Жругра, демона великодержавной государственности. Щупальца жадно всасывают пищу из почв, подобную красной росе. Голова на длинной шее то припадает к земле, то взмывает в вышину. Он претерпевает муку размножения: от его туловища отпочковывается уменьшенное его подобие. Бледное, тощее, с огромной пастью, оно юлит вокруг старика, стараясь откусить одно из его щупалец.
Вспышка гаснет.

Дробный, настойчивый стук в Западные ворота.

Монотонно-высокий Голос из-за ворот
Довольно с нас лампадок и просфор.
Хотим — Босфор!
А чтоб народ впотьмах не костенел —
И Дарданелл.

Мы подновим облупленный фронтон, —
Ведь я — бон-тон,
Я — доктор прав, на мне всегда сюртук.
Тук-тук. Тук-тук.

Голоса в ареопаге
— Государь, не впустить ли?
— Смажем маслицем петли —
И не скрипнут, пожалуй...
Чугун-то тяжелый!..

Августейший
Непрошенных сватов
Прошу без советов.

Голос за воротами
Я к вам — посол от тех, кто трезв и бодр.
Ваш хлипкий одр
Мы укрепим: поймите странный ход!
Не Дон-Кихот
Наш идеал, а уж скорей Гладстон.
Зачем же стон?
Зачем же вновь я слышу, как всегда,
Ни «нет», ни «да»?

Говор в домах
— Умнее не сумел тоста...
— Этот из того ж теста.
— Разве это вождь? Паста!
— Было бы им всем пусто!

Ворчание в подворотнях
— Врали про народ? — Врали!
— Прели меж перин? — Прели!
— Жрали мандарин? — Жрали!
— Грели свой живот? — Грели!

Вспышка света еще раз проносится по нижним слоям.
Видно, как от Жругра отпочковывается второе детище — Бурое, с черными глазами без блеска.
За городской стеной — пальба. Выстрелы уже и на улицах.
Резкий, как барабанная дробь, стук в Восточные ворота.

Экзальтированный голос из-за ворот
Коль не откроешь мне, тиран,
дверцы —

Жди катапульту! Жди таран
 в сердце!
За мной — здоровье, дух и речь
 русских,
За мною — толпы! Обеспечь
 впуск их!

Глухой говор в народе
— Уж не наши ли грядут мстители?
— Уж не наша ли плоть и кровь?..

Начальник полиции
Гончие! Гончие! Внюхивайтесь!
 ищите!
По следам! Взад — вперед — вкривь!
 Гончие
Лаем, рыскаем по рвам
 вбок,
 вглубь,
В коридоры, в каждый спуск,
 ход,
 копь,
Но везде по подворотням
 скрыт
 вор,
Колобродни! плутни! бредни!
 гвалт
 свор!

Говор в народе
— Гордыню кормим всемирную!..
— Ношу несем безмерную...
— Землю грызем черную...
— Плачемся в ночь бурную!

Голос Велги¹
из глубинных пещер под Цитаделью
Чьи мольбы
 в мой
 сон
 вкрадываются?

Чей призыв
 в мой
 мрак
 врезывается?

Крики
— Что нам все Дарданеллы,
Коль царь свирепей гориллы?
— Коль негде поесть, согреться?..
— Коль спит с мужиком царица?..

Голос Велги
Слышу вновь
 гул
 толп
 взмаливающихся,
Ропот волн,
 вдоль
 стен
 взлизывающихся:
Узнаю
 их
 крик
 бешеный;
Иль мой срок
 бьет
 в склик
 башенный?

Голос Жругра, задыхающегося в борьбе
То на башне бьет
 лишь
Склик на брань новую...
Спи, сестра, как века
 спишь

Под земной лавою!
Я тогда завалил сам
Срыв к тебе — глыбою,
Запер сам
 твой глухой гром,
Твою мощь
 грубую!..

1. В е л г а — мощное демоническое существо женственной природы, умножательница жертв, вдохновительница анархий. Велг несколько. Велга России очень стара.

К р и к и н а у л и ц а х
 — Эх, понагнать жуть бы!
 — Со свету их сжить бы!
 — В ковах тугих сжать бы!
 — В домнах живьем сжечь бы!

В о с к л и ц а н и я в з а л а х д в о р ц а
 — Что это?.. Кто это?..
 — Что там за трели?
 — Было так радостно —
 не вчера ли?..
 — Боже мой: если...
 — Мы ж говорили!
 — Люстры погасли!..
 — Карлики... тролли...

Электричество действительно гаснет совсем. Залы дворца озарены только стаями перебегающих синих огней.

А в г у с т е й ш и й
 Спокойно! То — смерч мимолетных пятен.
 На юг эскадрон я бросил ужé.
 Одно лишь досадно: враг непонятен,
 Как если б туман
 встал
 в мятеже...

«С а в а о ф»
 Утрой, батюшка, стражу:
 кончится ночька —
 На царство помажу
 твоего сыночка.

П е р в ы й о т р я д з а щ и т н и к о в
 (мчась на равнину)
 Пуля — измене,
 ворам —
 топор, —
 Царским вельнем
 во весь
 опор,
 Грянем трубой! Праведна цель!
 Ратники! в бой —
 за Цитадель!

От Жругра отпочковывается третье детище — Багровое. С непостижимой быстротой набрасываясь на родителя, оно откусывает у него одно щупальце за другим.

В о п л ь Ж р у г р а
 Игвы! раругги! на помощь!
 Где ж поезда цистерн?
 Корма не вижу...
 Множится немощь...
 Корм! корм! корм!

Г о л о с а и г в ¹
 (в великом подземном городе античеловечества)
 — Смешна твоя тупость.
 — Слышна твоя косность.
 — Тошна твоя пресность.
 — Тесна твоя праздность!

Г о л о с Б а г р о в о г о Ж р у г р и т а
 Кто не со мной —
 Завтра сгною
 На мировом
 Дне.
 В пасть старика
 Пищу мою
 Больше не сметь:
 Мне!

С у е т а с р е д и и г в
 — Укрепляем штанги...
 — Удлиняем шланги...
 — Грузим на платформы...
 — Пей, хозяин корма!

Г о л о с Б а г р о в о г о
 Власть
 всасываю...
 Ой,
 прелесь...
 В пасть
 вбрасываю —
 Жуй,
 челюсть...

1. И г в ы — высокоразумные существа, антиподы человечества, обитатели четырехмерного пространственного мира, связанного с нижней стороной земной коры.

Г о л о с Ж р у г р а
Титаны! колоссы... Во имя долга!
Забудем раздор!.. Растет
Опасность для всех:
 вырвется Велга —
Кто ж заградит
 вход?
Г о л о с а ч е л о в е к о у з н и к о в
(в Цитадели подземного мира)
Мы держим — мы держим —
 здесь, в мрачном Друккарге,
Твой оплот,
Но утратился стержень,
 игвы плещут в восторге,
Расползаются связи плит...
 Ж р у г р
Яросвет! Помози же пламенем!
Враг-сын
 норовит в храм...
Я ль не венчал твоим знаменем
Купол имперских хором?
Я ль не зажег над временем
 Радугу — Третий Рим?
 К р и к и и г в
Он с нашим врагом
Вступил
 в торг!
Чтоб отдать на разгром
 Друккарг!..¹

Г о л о с В е л и к о г о И г в ы
Пахнуло черное дыханье гóспода
 В разум мне.
Я слышу мысль мирового деспота
 Там, на Дне;
Я понял волю его державную:
 Пищу впредь
Вливать Багровому, ныне славному,
 В рот и в грудь.

Г о л о с Б а г р о в о г о
Я без труда
В пасть старику
Наглухо вбил
 Кляп.
Игвы! Сюда!
Вскачь! На скаку!
Шибче — со всех
 Лап!
Сотню цистерн
Красной росы
Лейте мне, псы,
 В рот!
Ум мой от скверн
Чист, как алмаз,
Сила растет,
 Жжет...

В ту же секунду на чугу́н Северных ворот города обрушиваются громоподобные удары.

Г о л о с ч е л о в е к о о р у д и я Б а г р о в о г о Ж р у г р и т а
 за стеной
Равенство — цель.
Метод — подкоп,
Взрыв, а потом —
 Штурм.
Кличьте метель,
Бурю, потоп,
Бунт и разгром
 Тюрьм!

Р а з н о г о л о с ы е к р и к и в б л и з и г о р о д с к о й с т е н ы

— Он — у ворот...
— Прячьте ребят!
 — Ой, зарябят
 Годы невзгод...
— Да-с, кавардак...
 — Не клеветать:
 Друг, а не враг!
 Брат, а не тать!
— Башни — в дыму,
Вон — уже брешь...
 — Все, кто в дому, —
 В бой! на рубеж!

1. Д р у к к а р г — великий город, одна из держав этого мира, в известном смысле анти-Россия.

— Бедный наш край...
 — Бар — в топоры!!!
 — Хоть до поры,
 Спас, не карай...

Г о л о с Ч е л о в е к о о р у д и я
 з а с т е н о й

Им своих банд
 Не подружить:
 Гонит их врозь
 Спесь.
 Лестниц! канат!
 Лямки вяжи,
 Метче забрось —
 Лезь!
 Рвенье утрой;
 В бодрой груди
 Не остужай
 Жар:
 Дел впереди —
 Хоть отбавляй:
 Целый земной
 Шар!

В темноте улиц возникают шеренги:

— Вот кто умеет звать и хотеть!
 — Вот кто не расположен простить!
 — Ох уж! и неумолим, как тать...
 — Ох уж... и неуловим, как ртуть!

Г о н ч и е,
 с б и в а я с н о г

— Эй, вожак — вот тут!
 — Там!..

— Брешешь: вон он под мостом...
 — Вон с бродягою простым
 Треплется...

— Речью дерзок, как мужик,
 Черен обликом, как жук,
 Над народом, как божок
 Дыблется!

Г о л о с а в а р е о п а г е

Подлая нахань вздымает голк...
 Гвардия! нá конь.
 Верши свой долг!

В т о р о й о т р я д з а щ и т н и к о в,
 п р о н о с я с ь

В бранную пляску сабель и шпаг
 Шлет нас верховный ареопаг.
 Прочь, кто боится!

Плачь,
 холоп!

Гвардия мчится
 вскачь,
 в галоп.

Набат. На равнине — гул сражения.

В з в и з г и р а д е ю щ и х
 — Ах, накатил! — Ух, закружил
 Светлый дружок —
 Спас...

— Ох, подмывает,
 — И-их! — несет
 Старую Русь
 в пляс!

Ш е п о т в а р е о п а г е

— Мерзавца — убрать!
 Профанировал царство,
 С помазанника сорвал ореол...
 — Однако не поздно ли будет лекарство?
 — Не слишком ли
 одряхлел наш орел?

В темноте — выстрел. Поспешно: второй, третий, четвертый... Падение грузной массы. Синие огни получают дар звука: с визгом сливаясь в клуб, они погружаются в дворцовый подвал. Впотымах придворные натывают друг на друга:

— Наконец-то! Спасенье! Счастье!
 — Собаке — собачья смерть...
 — Не смоем ли этим бесчестье?..
 — Завалим ли водоверть?

К р и к и н а п л о щ а д и

— Что ж, стыдобушка-царь?
 Гнуть
 выи?

— Громоздить, как и встарь,
 вал?!

— Эй, братва! Подрубай
 сваи!

— Эй, орда! Подрывай
 ствол!

Г о л о с В е л г и
в пустотах под Цитаделью города

Дай мне, ад,
 мой
 плащ
 пламенный,
Озаряй подъем
 в град —
 в мир
 временный!
Пламеней, метá,
 в ночь
 вклиниваемая!
Откачись, плита,
 прочь
 скидываемая!

Глухие подземные удары.

Г о л о с с т а р о г о Ж р у г р а
Брат! Яроцвет! Из растерзанных складок
Видишь, смотрю, ни мертв, ни жив...
Я ж опроверг, зачеркнул напоследок
Все...

Г о л о с К а р н ы¹
Тщетно лукавишь, утлый рассудок!
Кто превозможет
 рок
 держав?
Хмель вековой тирании был сладок —
Вот, ты расслаблен.
 Ты наг.
 Ты ржав.

С т а р ы й Ж р у г р
в великом ужасе
Но за что?! Я же строил...
Руки виснут, как плеть...
Порожденья, все трое,

Жаждут вгрызться мне в плоть,
Они ждут моей смерти,
Чтоб похитить мой ум!
Жадно жрать мое сердце!
Сбросить душу в Уппум!!

Г о л о с К а р н ы,
 удаляясь

...Как и сам в старину пожрал ты
Сердце собственного отца.

Г о л о с а и г в

— Громаду твою развинчиваем...
— Царство твое развенчиваем...
— Мощь твою замораживаем...
— Нищь твою обнаруживаем!

Г о л о с Д а й м о н а
в монастыре, на окраине
Видишь, трое исчадий, как винт,
Вклиниваются в него?

П р о з р е в а ю щ и й
Да, он влачится сквозь лабиринт,
Будто ища дупло.

Д а й м о н
Это он хочет телом совпасть
С капищем игв — в одно;
Это цепляется он за власть,
Чтобы не пасть на Дно.

П р о з р е в а ю щ и й
Вижу — еще оторвался один,
Черный, как уголь с золой...

Д а й м о н
То — недоносок. Последний сын.
Может быть, самый злой.

В е л г а
Наконец-то
 загремел
 срок
 в медь
 башенную!

1. В е щ а я К а р н а (ст.-рус.) — олицетворение народной скорби о великих бедствиях, насылаемых на страну.

Выхожу
 госпожой
 в град,
 тьмой
 прошенная!
 Рвись за мной,
 вой зверьем,
 рой
 зол
 будущих,
 Из глубин,
 скважин, недр,
 нор,
 вверх
 прядающих!

Из провала поднимается туманная фигура: развевающиеся покрывала, лиловые и черные, по-
 лыхают над крышами домов; лицо закрыто сплошной маской.

Трудовой —
 по дворам —
 люд!
 Встань
 в лютости,
 Расчищай
 вожакам
 банд
 Путь
 к крепости;
 Раскрывай
 в ураган
 медь
 створ
 древнюю,
 Пропускай
 в стольный град —
 внутри —
 рать
 славную!

Г о м о н т о л п ы, заливающей улицы, устремляясь ко всем воротам городских стен.

К р и к и
 — Брусья громады
 Рушь, громада!

— Братьям народа
 Настежь врата!

Все ворота распахиваются. Толпы восставших вливаются вовнутрь, смешиваясь с горожанами.
 Раскаты «ура», братание, обрывки песен.

Р а б о ч и й п о э т,
перебегая от толпы к толпе

Мы, дети народа,
 Добились свободы!
 Вперед, народ,
 Народ, вперед!

В бою все народы
 Добьются свободы —
 Свободы народной,
 Власти свободной!

Нар-род!
 Впер-ред!

В о з г л а с ы в н а р о д е

— Братья! в объятья!
 — Сольемся в одно мы!..
 — Жилищами нищих
 Станут хоромы..
 — И это — не сон?
 — Три века — рабами..
 — Пой в унисон:
 «Алое знамя»!

— Встава-ай,
 богатством обойденный,
 Весь ми-ир...

Г о с п о д и н в с ю р т у к е, первый, поднявший стук в ворота, теперь усаживается,
 завладев залом ближайшего особняка, за длинный, сукном покрытый стол.
 Вокруг стола рассаживаются — кто где попало.

— Привет, друзья! Народом почтенъ
 Мы, ум страны.
 Давно не мог уж свергнутый злодей
 Рождать идей!
 Но наша роль — Русь вывести на простор.
 Пароль — Босфор!

Ч е л о в е к в о ф р е н ч е,
перебегая через зал и выскакивая на балкон
 Ура, Россия! Твой тиран —
 в узах.

Поток восстанья мирно стих
 в шлюзах;
 Все, кто мечтал про общий рай —
 с нами.
 Свободный ветер! развевай
 знамя!

В о з г л а с ы в н и з у
 Ты про землю не забудь,
 барин!
 А то, пожалуй, будет день
 бурен...

Человекоорудие Багрового Жругрита
(прямо посреди площади)

Крепость — на слом.
 Извергов — в плен.
 Кровью промыть
 Край.
 Масса! Вперед!
 В кровь — до колен!
 Штурм, но потом —
 Рай.

Несколько человек во френчах и визитках выскакивают из особняка на мостовую:

Не вами, а нами
 Поднято знамя,
 Брошено семя,
 Тянуто бремя...

Г о л о с в т о л п е
 Таких чегой-то не помним:
 Сидели, верно, в палатах...

В ы с к о ч и в ш и е
 — Смотри, коль не помнишь:
 Жилетка — в заплатках!
 — В холод ли, в жар ли
 По каторгам мерли, —
 — Этапами перли
 Без йода, без марли...
 — С рыданьями в горле...
 — Обыски, тюрьмы,
 Сифилис, корь мы —
 Все исчерпали
 В страшной купели...

К р и к и
 — Ну, уж, запели...
 — Сказки да бредни
 Старой обедни...
 — Вам бы старушек...
 — Вам бы лишь грошик
 На аналой...
 Долой!

Человекоорудие Багрового Жругрита

Правильно, народ!
 Сбрасывай багром,
 Прямо к фонарю
 При:
 Пусть-ка на весу
 Мелют языком...
 Вон еще второй...
 Три!

Восклицания с балкона

— Народ, осторожно!
 Обнимемтесь дружно:
 Сейчас — не до розни!
 А этот — лишь казни
 Сулит, — он тираном
 Быть хочет! Он грозным...

Человекоорудие

Хватит! Молчать,
 Мерзкий наймит,
 Платный холоп,
 Гнус!
 Ставлю печать
 Прямо на лоб;
 Кто обелит?
 Ну-с?
 Знаем: кляня
 Люд трудовой,
 Наш предают
 Строй...
 Кто не со мной —
 Против меня.
 Пролетарьят!
 В бой!

Площадь гудит. На улицах, ведущих к городской Цитадели, стычки.

В е л г а
 Тех троих —
 обойду
 Мглой
 дня
 бурного.
 Силы слив,
 обойму
 Лишь
 дух
 Черного.
 Смерк закат;
 над душой
 Длят
 Власть
 Сумерки...
 Погуляй,
 брат меньшей!
 Множь
 жертв
 судороги!

Одно из щупалец Черного Жругрита появляется на площади. Оно кажется человеком, влезшим на фонарь.

Щ у п а л ь ц е
 Эй, голь бродящая!
 Бабье гулящее!
 Подонки вольные,
 Борцы подпольные,
 Рвань безрентное —
 Интеллигентное!
 Кто спит без наволок!
 Господ навыволок
 До ближних проволок!
 Ч е р н ь
 — Эх, просят усадьбы:
 В гостиных накласть бы.
 — По зеркалу грохнуть.
 — Фарфор гардарахнуть.
 — По бревнышку все растаскать бы!
 — Хозяев — на вилы...

— Настежь подвалы...
 — Дождалась, Рассеюшка, свадьбы.

П а н и к а в а р е о п а г е
 Кончено: гневный гром
 Грянул в чело страны!
 Уж у руин дворцов
 Только вороний грай...
 Отягощены грехом,
 Кривдой заклеяны,
 Как мы обороним
 Край!

Г о л о с К а р н ы
 Волю народов не спрашивающая,
 Грянула буря немыслимая,
 Правых с неправыми смешивающая,
 Вины столетий исчисляющая.

Ч е л о в е к о о р у д и е Б а г р о в о г о ,
завладев пьедесталом сброшенного памятника одного из царей

Нынче одна
 Четкая цель:
 Взять Цитадель
 В лоб.
 Вздуйся, страна,
 Яростью масс!
 Всем, кто на нас —
 Гроб.

Над силуэтом говорящего вспыхивает тускло-пунцовый язык. Им озаряются множество нитей: то ли они струятся из рук говорящего в темноту улиц, то ли, напротив, поднимаются оттуда к его рукам.

С м е ш а н н ы е в о з г л а с ы в о с т о р г а , я р о с т и , с м я т е н и я

— Братцы! Он гласит
 истину!..
 — Врет — все на одной
 ноте...
 — Вон к нему ползут по́ снегу
 Судеб, воля и чувств
 нити...

Ч е л о в е к о о р у д и е < Б а г р о в о г о >
 Пусть агитаторы лезут в нутро
 всех
 душ,

В берлоги, где спутано зло и добро,
в грязь,
в глушь.

А г и т а т о р ы

— Раскорчевываем любой
мозг.
— Подготавливаем круговой
сыск.
— Души взманиваем в мировой
блеск.
— Репетируем громовой
взвизг!

В улицах громоздятся баррикады. Отряды Бурого и Бледного с одной стороны, Багрового и Черного — с другой вступают в рукопашную за овладение городской Цитаделью.

П р о з р е в а ю щ и й

Господи, кровь моя заледенела
От бесовского зрелища:
Жругр совмещает рваное тело
С формой подземного капища;
В главной из башен агонизирует
Тусклое сердце чудовища...

Д а й м о н

Видишь — все трое орудий распарывают,
Вторгшись, отчее туловище?

П р о з р е в а ю щ и й

Вижу, о, вижу... Бледный отброшен,
Бурый с Багровым борются,
Алчно друг друга от мерзких брашен
Отталкивают и щерятся...

Д а й м о н

К сердцу,
что в высочайшей из башен
Бьется,
ползут и щурятся.

Грохот взрыва.

Человекоорудие Багрового

Рати! Цитадель
Сдавлена вокруг.

Шире проскребай
Брешь,
В эту колыбель
Роскоши и мук
Влейся! Разрушай!
Режь!

Человек во френче
Захватчик! демагог! тиран!
деспот!
Он обманул! Проник на трон
йспод...

Г о с п о д и н в с ю р т у к е
Вступила Русь в кровавое ненастие.
На трон династии
Влез проходимец. Что ему Босфор?
Хам, неуч, вор...

В о п л и

в откатывающихся отрядах Бледного и Бурого

Лжецы! Им воля народа —
Сор,
Хлам!
К нам, люди светлой породы!
К нам!
К нам!

Отступающие делают отчаянную попытку — запеть Г и м н.

Не наше ли пламя
Гудит надо всеми...
Мы подняли знамя,
Мы бросили семя...

Отряды Багрового и Черного,
оттесняя соперников в предместья

Штык — этим трутням жирным
В грудь,
В пуп,
В глаз!

Да здравствует бой всемирный:
Класс
на класс!

Прозревающий
Багровый
сердце растерзанного
К груди прижимает вкривь:
Вижу качанье размеренное
Присосок, сосущих кровь...

Голос Великого Игвы
Пахнуло черное дыханье гóспода
В разум мне.
Я слышу мысль мирового деспота
Там, на Дне:
Я слышу волю его державную —
Исторгнуть прочь
Труп побежденного и обезглавленного
В Уппум¹,
в ночь.

Человекоорудие Багрового,
подхватывая

В Цитадели скрыт
Тот, кто был виной:
Шарьте между плит
Стен!
Маски или грим
С узников — долой:
Казнь завершим
Плен.

Шепот ужаса вокруг Цитадели

— Но... с ним же малюточки!
— Сынок и девчаточки!
— Помедлить бы чуточки...
— Дошли мы до черточки.

Говор солдат в подвале

— Ищи-ка в убежище!
— Тащи-ка убожище!
— Куда заползли,
Тли...

Голос Августейшего
Зачем же мальчика?.. Боже!

— Пли!

Выстрел заглушается боем часов на крепостной башне. Будто двенадцать железных штанг с дребезжанием рушатся одна за другой на великий город. Будто невероятные скрежещущие удары — ржзэнгл! ржзэнгл! — раскатываются где-то в подземном мире: то ли под Уралом, то ли под Карпатами, то ли под безмолвными хребтами Азии.

Голос Великого Игвы
из-под купола центрального капища игв

Багровый избран

самим

Гагтунгром¹.

Нам мудрость вóлит: принять ярем.
Рожденный в слое, нагом, как тундра,
Он стал царем.

Ему поклонятся все державы,
Все уицраоры, все вожди.

Но он предтеча! Владыку славы
Другого жди.

Пряма, как стержень, его дорога
И тверд, как конус, грядущий строй:
Власть человека - противобога
Над всей землей.

Жругр уготовит ему твердыню
Там, в человечестве, в злом краю —
Трон всемогущества, блеск, гордыню.
Триумф в бою.

ТИШИНА.

Замерев в напряженном внимании, игвы едва шелестят своими мышинными крыльями.

Рожденный в видимости человеческой,
Пройдя геенну по пламенам,

Антихрист будет душой вечной
Подобен нам.

Как мы — разумный, но совершенный,
Ось бытия

и небытия,

Согласователь всех волей вселенной
В едином «я».

_____ 1. У п п у м — «дождь вечной тоски», ад уицраоров.

_____ 1. Одно из имен великого демона земного шара.

Цикл возрастающих инкарнаций
 Он довершает в земном краю;
 Ему — блеск наших иллюминаций,
 Молитвы лью.
 Он всем нам выход, путь долгожданный
 Откроет кверху — в трехмерный слой.
 Встречай предтечу его осанной,
 Величь хвалой!

В капище игв начинается великое радение.

Акт второй ВОСШЕСТВИЕ

Ночь.

В предместьях — пожары. Цитадель в их отсветах кажется колеблющейся. В улицах — волнуемое народное море. За городом — неумолчный гул бурлящей страны. Площадь вокруг Цитадели пуста. Три магистральных трассы, сходящиеся к ней, черны от народных толп. В устье одной из трасс — Господин в сюртуке. За ним — группа мужчин в котелках и в крахмальном белье, но в валенках. Дальше виднеются шляпы мужские и даже дамские, со страусовыми перьями.

Г о с п о д и н в с ю р т у к е, *грозя Цитадели кулаком*

Предатели... Как близок был Босфор —
 Наш семафор!

Он вопиял пред Богом и людьми:
 О Русь, возьми!

И что ж теперь? Наг даже отчий дом...
 Перед судом

Эпох грядущих — этих парвеню
 Я обвиню!

Г о в о р п о з а д и

— Энергичней, смелей! За страну
 Едините же нас!

— Ну же, ну!

— Дар, профессор, вам дан: жечь сердца.
 Пепелите же их! до конца!

В устье другой трассы — Человек с горящим взором, во френче. За ним — вооруженный отряд, дальше — толпа.

Ч е л о в е к в о ф р е н ч е, *размахивая шпагой*

Где ж обещанье — мужикам
 землю?

Поганят все: святой ли храм,
 дом ли...

Бесчестят всех: мужик, купец,
 поп ли, —

Дворец, прекраснейший дворец —
 в пепле!

К р и к и п о з а д и
 — А сулили разломать крепость!
 — Глыбы рабства раскидать в пропасть!
 — Не простим мы себе глупость...
 — Не хотим из Руси выпасть!

В устье третьей трассы — Человек, обвешанный гранатами, зацепился за фонарь.
 Позади — галдеж, ругань, дробь чечетки, взрывы хохота.

Ч е л о в е к н а ф о н а р е,
 г р о з я Ц и т а д е л и н а г а н о м
 Всяких диктаторов хрястни, народ,
 бóзем!
 Воля в сердцах колосится, как, брат,
 озимь!
 Вправе любой на шелкá из дворцов,
 жемчуг,
 Каждому — все: кюрасо! огурцов!
 женщин!

К т о - т о п о з а д и,
 п о д х в а т ы в а я
 Бей фонтаном, кюрасо!
 Ум, ходи, как колесо!
 Хоросо, брат, хоросо,
 Весело!
 Город, гудом загуди!
 Город, сбродом загалди!
 Сброд, плакатом разряди
 Весь его!

Внезапно лямка, похожая на лассо, взвизывает из Цитадели и, ухватив группу в устье первой трассы, мигом втаскивает ее вовнутрь. Короткий взвизг, общее остолбенение.

Г о м о н
 — Как?.. — Что?.. — Кто?.. — Вы видели?..
 — Уж не грезится ль в тифу... в бреде ли?..
 — Вон, несчастных в подвал сгрудили...
 — А за что? Разве мы шкодили?

С молниеносной быстротой лямка выхватывает группу из второй трассы. Доносится нечеловеческий вопль, над Цитаделью поднимается странный дымок. Толпа приходит в бешенство:

— Как! На русского ж брата вы!
 — Малюты Скуратовы!
 — Аракчеев — ребенок!..
 — Случайных бабенок,

Врачей заслуженных...
 — Солдат обожженных,
 Едва из окопов...
 — Келадзе, Акопов...
 — Двух стареньких прачек...
 — Известный поручик...

Лямка выхватывает пачку людей из третьей трассы.

Р е в
 — Гад... — Рвут... — В гроб... — В мать...
 — Спрут... — Скот... — Срыть... — Смять...
 — В глаз... — В пах... — Рвань... — Псы...
 — А... — О... — У... — Ы...

Г о л о с Б а г р о в о г о Ч е л о в е к о о р у д и я,
 т е п е р ь — В о ж д я — и з ц е н т р а Ц и т а д е л и

Правильно, друзья,
 Всех пересидим,
 Хоть наш рацион
 Тош.
 Хитростью — житья
 Гадам не дадим!
 Это-то и есть
 Мощь.

Командиры, появляясь в устьях всех трех трасс — Б л е д н ы й, Б у р ы й и Ч е р н ы й.

П е р в ы й
 За «Неделимую»,
 Жарко-любимую
 Отчую вотчину — воины, в бой!
 В т о р о й
 За всенародный
 Праздник свободный —
 Доктор, учитель, рабочий — в бой!
 Т р е т ь и й
 Иродов новых
 Вымучить в ковах
 Трупы толочь их: вольница! в бой!

Вооруженные части со всех трасс устремляются на Цитадель. Небольшие отряды защитников опрокидываются. Волны наступления взлизываются на стены; крылья здания вздрагивают от разрыва гранат и бомб.

Шелестящие голоса
 — В шкуры... в шубы... в шелк...
 в мех —
 — мы, кто так дрожал...
 — В дупла теплых тел —
 тех,
 кто в дома бежал...
 — Эй, готовь сугрев —
 жир,
 сало, сгустки, фарш...
 — В глубь домов, квартир,
 грев
 всех живущих — марш!

Г о л о с В е л г и
 Тарнаба!
 Грянь,
 брякающая!
 Гольгьба!
 Хлынь,
 цокающая!
 Разрушая
 столп
 вызолоченный,
 Разбросай
 сор
 выволоченный...

П е р е п л я с
 Ночь взмахнула кистенями,
 Разомкнула погреба —
 Ой, ой, погреба
 Для вчерашнего раба.
 А кому не хватит бочек,
 Ныне настезь всякий дом, —
 Да-с, да-с, всякий дом, —
 С белкой, с бархатом, с бобром.
 Эй, вы, шкафики-славянки,
 Сундучки да рундучки...
 Без гитары, без тальянки
 Сыпь чечетку, босячки!

В домах — хлопанье дверей, топот ног по лестницам, вскрики обывателей.

— Освободители!
 Хоть нас не раньте...
 — В убогих люлечках
 Ребят не троньте!
 — Мы обнищавшие
 Дарами жизни...
 — Едва дышавшие
 От казни к казни...

В е л г а
 С вас сорву
 гнет
 всех
 заповедей,
 Оборву
 бред
 всех
 проповедей!
 Расточись,
 скарб
 нор
 вспугиваемых!
 Распадись,
 герб
 ростр
 сбрасываемых...

Г о л о с А ф р о д и т ы В с е н а р о д н о й ¹
 Она мечется за мною,
 однокрылая...
 Она гонится за мною,
 озверелая...

Ч е р н ь
 Разгуляй-гуляй,
 Гольгьба раздетая,
 Голь разутая!
 Наша ночь — черная,
 Ветром вздутая...

¹ Это существо — проявление единой великой стихии, Афродиты Всенародной Человечества, но устойчивое и одаренное разумом. Это — ваятельницы народной плоти; общее название их — кароссы.

Одиноким голос,
запевая в глубине улицы
Непонятной, страшной свободой
Ночь России

 глядит в упор,
Свищет лютою непогодой,
Плетью снежной сечет наш взор,
И в раздолье души пустынной
Запеваает ветер Конца —
Неумолчный и неустанный,
Как рокочущий
 рог
 гонца.

А ф р о д и т а В с е н а р о д н а я
— Очаги мои гаснут...
 Лампы мирные меркнут...
Остывают все ложа...
 Клекот Велги все ближе...
 Яросвет!
 Яросвет!

Г о л о с д е м и у р г а Я р о с в е т а,
достигающий слуха едва-едва, с паузами, с провалами между слов
Каросса! Помощь...
 не вправе дать...
И з ч е т ы р е х... я ни одному;
Не может...
 в каждом из них...
 не рдеть

Ядро,
 притягивающее тьму.

Прозревающий напрягает все силы слуха. Ему кажется, будто нечто в его существе приближено и отрывочно переводит в слова то невыразимое, что едва улавливает духовный слух.

Броней эфирной укройте дух,
К борьбе готовьтесь
 во всех мирах...
Цель — духом истины побороть
Наивеличайшего
 из четырех.

Г о л о с Б а г р о в о г о
Ты слышишь, Игва? Наш враг наружный
Ни им не властен помочь, ни мне...

В е л и к и й И г в а
Твой голос громче,
 острей оружие,
И крепнет войско в земной стране,
Растлились души враждебных армий,
Их кровь в сосудах желта, как гной...
Теперь — на помощь
 тем, кто в казарме
В атаку рвется: их мощь утрой!

Б е с е д а П р о з р е в а ю щ е г о с Д а й м о н о м
в старом монастыре на окраине
— Видишь? Будто космических
Груд непомерных осыпь...
 — Слышу: нечеловеческую
 Ухающую
 поступить.
— Слышишь? — камни взывают
От ледяного озноба?
 — Вижу: цугом взмывают
 Черные луны
 в небо.

Ворота Цитадели распахиваются. Вооруженные потоки наливаются в устья всех трасс, как лава вулкана. Над волной наступающих движутся туманные клубы.

И х г о л о с а
— Цугом бряцающим
— Шагом гарцюющим
— Цоком сдавливающим
— Плиты расплющивающим
 — Подвигаемся!
 — Подвигаемся!

К р и к и р а з б е г а ю щ и х с я г о р о ж а н
— Это — не люди...
— Это — не люди!..
 — Это — рой скорлуп!
— К морю... К оgrade...
— Молись о чуде...
 — Прячься в любой
 склеп!!

Вторая волна туманных сгустков

— В сознание мечущихся
вобьем
наш
след.

— Рыданьем прячущихся
зальем
наш
глад.

— С роями пучащихся
учнем
наш
блуд.

— К сердцам подскакивая!
— Вкруг душ причмокивая!

Вскрики на улицах
— Свет фонарей — в ущербе...
— А я-то не понимал...

— Брось копошиться в скарбе!
— В гавань — на старый мол!
— Боже... час этой скорби
Все разметал... все смыл...

Крики в гавани
— Mesdames — à cabines!
Messieurs — à pont!¹
— Стерва! дубина!
Жри свой купон!

— Трюмы битком... Иконы —
За борт... уж не до треб...
— А этот разлегся: кинем
К рыбам: это лишь труп!

— Господи... за океаном
Каких ни исходим троп...
— Прошу добром и законом!
Швырните для нас хоть трап!!

Гудки отходящих пароходов.

Отряды Бледного и Бурого,
в паническом бегстве покидая город

— Вязкая мгла кругом
Обволокла наш булат...

_____ 1. — Дамы — в каюты! Господа — на палубу! (фр.) — Ред.

— Кони ржут из трясин,
Засасываемые ко дну...
— Не бились с таким врагом
Ни дед, ни отец, ни брат...
— Прячься, младенец-сын!
Правнук! Спаси страну!

Толпы разбитых армий докатываются до мыса, вдающегося в море, взмывают на мыс —
дальше отступать некуда. Последние пароходы выходят в открытое море.

Отступающие

— Стойте, куда мы... — Братья,
Там лишь обрыв крутой...
— Да, — кровью дедовской рати
Пропитанный, политый...
— Апофеозом столетий
Некогда был этот бой...
— Мы, господа, на закате
Нашей страны святой!

Но над страной давно уже не закат, а темная ночь. Во мраке можно разобрать только одно:
лавина отступающих обрушивается с крутизны в море.

— Спасите!.. — Весло!.. — Плыви...
— Захлебываюсь...
— Прощай...
— Жене... на память любви...
— Сдох, сволочь! таких прыщей
России не надо!.. — Брат,
С кормы хоть веревку брось...
— Так вот наш смертный парад...
— Опять ты хвататься? брысь!
— Смотрите: сам генерал...
— Мне в щеку вцепился краб...
— Ни поп нас не отпел,
Ни мать не крестила гроб.

Голоса тонут в темноте, слившейся в одно мрак земной и небесный. Только слышно, как бурное
море накатывается на подножия скал.

Прозревающий

Вот каков закон уицраора,
Демонический
и тупой...
Полукружьями черного мрамора
Мнится взор его полуслепой.

Д а й м о н

Его ум тяжел: обнаружь его
В речи, грузной, как дух свинца.

П р о з р е в а ю щ и й

Вижу: он пожирает заживо
Братьев вздрагивающие сердца;
Поднимает взор
на взметнувшуюся
Велги мгlistую бахромку...

Д а й м о н

Ярость алчущей и бунтующей
Девы мрака
страшна ему.

Г о л о с Б а г р о в о г о

Поднимаю скалу отброшенную —
Ох, тяжела!
Ох, высока!
Волоку под тайницу башенную —
Два шага —
Три шага.

Усиливающимся голосом, непререкаемо

Пир окончен твой, дочь дьявола!
Свейся в кольца —
под кров тьмы.

Последние взвизгивания метели. Удар камня, замыкающего спуск в пустоты.
Т и ш и н а.

Г о л о с А ф р о д и т ы В с е н а р о д н о й

Ты пришел! Богатырь благосклонный,
Мой жених, мой сын, мой желанный!
Ты — один, кто помыслил о долге, —
Победитель неистовой Велги!

В о з д ы х а н и я в к а п и щ е и г в

Ох,
Доблестнейший...
Бог
Милостивейший...
Ух,
Царственнейший!

Б а г р о в ы й Ж р у г р и т, т е п е р ь

Ж р у г р, н о в ы й у и ц р а о р

Оденьте ж меня — цитаделью!
Обвейте мой стан — магистралью!
Украстье меня — этим вымпелом!
Венчайте меня — этим куполом!!

Тысячи игв и раругтов возлагают гигантский куб литого золота на темя Жругра.

В о з г л а с ы

— Как велик, сверкающий!..
— Как высок!
— Как широк, ликующий!
— Как могуч!

В е л и к и й И г в а,

творя чары в верхнем ярусе капища
В мир человеческий, в город бурный,
Сквозь толщи, ввысь,
Струись, незримый, инфрапурпурный
Дух игв, струись!
Кристаллизуйся в ночных урочьях,
Твердей, черней,
Стань в Цитадели, как средоточье
Грядущих дней!
Устой Гагтунгра в наземном мире,
Наш смысл и суть, —
Рассудок наций взмани к химере
И тайной будь!

В городской Цитадели выявляется внутренний покой: он смутно виднеется сквозь толщу стен как исполинский черный кристалл, тускло сверкающий внутри здания.

В е л и к и й И г в а

Со мной общенье в кристалле черном
Верша тайком,
Служитель станет моим покорным
Проводником;
Тих и смиренен, в одежде сирой,
С клеймом труда,
От глаз народа личиной серой
Укрыт всегда;
Не узнан даже
вождями наций,
Пусть чародей
Слепит размахом иллюминаций
Умы людей;

Пусть шевелит он раздор и войны
 В золе времен,
 Ненарушимым забралом тайны
 Оборонен!

Шепот жреца
внутри черного кристалла

Весь обволакиваюсь
 свинцовым гримом —
 Вочеловечиваюсь,
 никем не зримым, —
 Следы затаптываю
 бесцветной пудрой —
 Вождам нашептываю
 про план наш мудрый.

Голос Жругра
 Но туп
 слух человеческий,
 Глух
 ум:
 Не проникнуть ему в глубь вечности
 И моих галактических дум.
 Дам
 миру глашатая:
 Пусть
 он
 Донесет до народов хоть сотую,
 Мою правду,
 мой свет,
 мой закон.

Жрец
 Он волей твоей уж давно
 Крутится,
 Он солнцем твоим, как окно,
 Светится...

Жругр
 Он будет владыкой над теми,
 Что были доселе пустыми.
 Весь мир его жаждет в истоме, —
 Он станет
 моими устами.

Тот, кто был Вождем, теперь — Правитель, показывается на уступе Цитадели.
 Голова его окружена пурпуровым нимбом.

Голоса в народе

— Глянь: у него над теменем
 Пляшет язык багровый!
 — Слышь! — За домами, в темени
 Высится кто-то новый.
 — Чуешь? Вся нечисть — кольцами
 Жметя, вождя не тронув...
 Друг! У него меж пальцами
 Вожжи ста миллионов.

Внезапные вскрики женщин

— Спаситель!
 — Целитель!
 — Всех бурь обуздатель!

Возгласы мужчин

— Испытанный вождь побед!
 — Отмститель старых обид!
 — Сниматель тяжких забот!

Восклицания молодежи

— Он нам откроет путь — вдаль!
 — Он научит сносить боль!
 — Он мечту претворит — в быль!

Голос Жругра

Скрыть его на миг в башне;
 Ниже опустить стрешни;
 Я преобразую тель;
 Плотью ему дам — сталь!

Шепот в черном кристалле

— Тайник обеспечен.
 — Правитель захвачен.
 — Да: мягок и тучен...
 — Наш труд будет точен.

Жругр

Расцветить ширмы.
 Укрепить фермы.
 Округлить формы.
 Облачить в бармы.

Металлическое позвякивание в черном кристалле.

Ш е п о т

- Мозг уже никелирован...
- Совесть в железный саван...
- Нервы теперь — из кварца...
- Не поддалось лишь сердце.

Бряцающая поступь — и П р а в и т е л ь показывается на уступе вновь. Облик его изменился: движения стали механическими, рост значительно превышает человеческий. В блеске, исходящем от него, — твердость и холод металла. Слышны неровные удары сердца, заключенного в броню.

П р а в и т е л ь

Войско подошло
К камню рубежей.
Там — еще редут
Тьмы.
Труженики ждут
Бурь и мятежей;
Их освободим
Мы.
Мудрости веков
Разум наш открыт,
Праведный наш гнев
Прям.
Пять материков
Плачутся навзрыд,
Руки простерев
К нам.

П о д г о л о с к и

- Там вечный страх голода... Ах! ах!
- И — стары ли, молоды — страх плах...
- А детки, детюшеньки... Ох! ох!
- Из-за малюсеньких крох — вздох...

П р а в и т е л ь

Кое-кто бубнит:
«Африка — черна,
Азия — желта»... —
Вздор!
Черен — только враг,
Желт — лишь ренегат,
Социал-наймит,
Вор.

— Устали — не знать!
Отдых — позабыть!
Взмой, энтузиазм,
Брызнь!
Доблестная рать —
Мощно! Во всю прыть!
Ибо коммунизм —
Жизнь!

П р а в и т е л ь делает мистериальный жест: оба кулака взмываются к небу и поочередно падают, как бы дробя твердьни, на все четыре стороны румба.
В войсках ликование.

С о л д а т ы

— Верно, ребята! Плюешь
На европейскую плешь!
— Кто ерундит, что без лыж
Сгинем в метелице? Ложь!
— Подвиг наш в памяти свеж:
Вброд одолели Сиваш...
— Даже тифозная вошь
Нас не осилила: вишь!

М о л о д е ж ь

— Правильно, Жора:
Париж был маяк,
Нынче же — свора
горе-вояк.
— Правильно, Колька:
британский
лев —
Это же только
гигантский
блеф!
— Правильно, Шурка:
ревнет наш бас —
В пыль штукатурка
их авиабаз!

Молодежь и люди средних лет выстраиваются в шеренги. Капельмейстер, пятясь и дирижируя, ведет их за собой.

Г и м н

Рабы всех корон! Единитесь!
Грядет мировой самосуд.
Ни Бог, ни монархи, ни витязь
От деспота вас не спасут.

Вы — порох, мы — искра святая!
Мы видим сквозь древнюю тень,
Как в небе России, светая,
Восходит блистающий день...

На башне Цитадели бьет час ночи. Однако это никого не смущает. Со всех трасс льются новые потоки, устремляясь за город, к пограничным горам.

Мы наги, мы босы, но вера
Взметет до небес наш поток,
На Гавр, Гималай, Кордильеры,
На запад, на юг, на восток...

Д а й м о н и П р о з р е в а ю щ и й

— Видишь, он уже равняется
Тушей с гранями крепости...
— Вижу: четко чернеются
В душах отверстия пропасти.
— Вон уж вдали гиганты
Встали на пиках гор...
— Прямо от горизонта
Смотрят сюда в упор.
— Мантии — блеск водопадов,
Крылья — до неба взмах...
— Не демиурги ль народов
На сторожевых хребтах?

Г о л о с а В е л и к и х Д е м и у р г о в ¹

С е в е р о - З а п а д н ы й
Братья, не взмечается ль на нас
вал
темени,
Взлизываясь кверху — зачернить
лал
знамени?

Ю г о - З а п а д н ы й
Дух-Противобог десятерит
груз
бремени,
Кару не дает преобразить
в Lex
Domini².

1. Д е м и у р г и — великие миротворящие и народоводительствующие духи, осуществляющие в своем творчестве мировой Божественный план так, как он ими понимается. Ярослав — условное наименование демиурга России.

2. Lex Domini (лат.) — закон Бога.

Ю ж н ы й

С семенем проклятым он смешал
мрак
семени,
В сердце человека подменил
знак
Имени.

В о с т о ч н ы й

Он свой, недоступный нам, приют
свил
в храмине,
К нам уже нацеливая бунт
сил
времени!
Г о л о с д е м и у р г а Я р о с в е т а
Целый к вам готовит он самум
искр
пламени;
Он мечтает вышвырнуть в Уппум —
вниз,
к Дну меня...
Строгим замыкаю я кольцом
рать
шумную —
Венчанную дьявольским венцом
Русь
темную.

П р о з р е в а ю щ и й,
трепеща

Так вот он какой!
Над разгромом
Творит он, сжимая бунт,
Он — благ,
он схож с серафимом!
Стопой
попирая фронт,
Он циркулем неизмеримым
Очерчивает горизонт.

На фронте замешательство.
Достигшие гор войска тщетно пытаются преодолеть их.

Г о в о р

- Корки таская,
кишки не набьешь.
— А скала-то — какая...
— Даешь, брат, даешь!
— Нет: босиком тут —
пятки в крови.
— А насекомых! —
Дави не дави...

К о м а н д и р ы,
подбадривая

- Встань на буржуев! Степан,
на пап!
— Вспомни: вельможный-то пан
дал драп!

К р и к и

- К черту! Пора уж домой:
Ждет мать.
— К черту! Не буду с сумой
Хромать!
— Странно: прикончить врага
Стих зуд...
— Странно: любая нога —
Пять пуд!

К о м а н д и р ы

- Экая жалость!
Народ —
тряпье.
— Видно, усталость
Берет
свое.

П р а в и т е л ь,
на уступе Цитадели
Это — еще не крах.
Нами изобретен
Метод — воспламенить
Мир.
Ставьте на площадях
Ультра-ракето-трон:
Город наш превратим
В тир!

Из Цитадели выкатывают чудовищную установку для запуска воспламеняющихся ракет.
Молодые энтузиасты волокут массивные ракетоснаряды. Хохот.

- Весь мир подожжем с размаха...
Ха-ха! ха-ха-ха!
ха-хах-ха!
Ужо будет им всем на орехи...
Хо-ху! хо-хо-хó!
хе-хéх-хе!
— Вот эту запустим
к Грацу:
Лекарство от грусти
Фрицу.
— Вот эту — тебе, брат Жан:
Без всяких, притом,
аржан.
— Ту — для франтих и франтишек:
Пускай попляшет Франтишек.
— А это — чтоб мистер Джон
Не чванился, как питон!

Огненные ракеты взлетают с сухим треском. Видно, как, описав высокую дугу, они достигают горных рубежей, и, точно натолкнувшись на невидимую преграду, рассыпаются и гаснут над самым рубежом.

П р а в и т е л ь,
скрежеща зубами
Тот, кто изобрел
Эту дребедень —
Явный диверсант,
Враг.
Я ж вам говорил:
Ждите утро! День!
Глупо слать десант
В мрак!

Конструктора, вертевшегося у установки, хватают десятки рук.
Слабо пискнув, он исчезает в подвале Цитадели.

П р а в и т е л ь
Раньше нагнети
Собственную мощь,
Фабрик новый ряд
Множь,
Силачей в пути
Только укрепят
Трудности таких
Нош.

Рай наш оградим
 От других держав,
 Бодро оцепив
 Круг,
 Вал соорудив,
 Стены поддержав,
 Мускулами тыщ
 Рук.

Помните: наш глаз
 Бодрствует внизу,
 Помыслы насквозь
 Зрит;
 Знаем, кто из вас
 Прятался в пазу
 Двигавшихся врозь
 Плит!

Обыватели

— Кто ж прятался, батюшка?
 — Какая там плитущка...
 — Твой замысел, сватушка,
 Мил всем. Даже тетушка...

Другие,
перебивая

— Простит ли?! Раскаиваемся!
 — Прозрели! распластываемся...

Энтузиасты,
перебивая всех

— Зоркости твоей — верим!
 — Мудрости твоей вторим!
 — Вареву идей варим.
 — Курево похвал курим.

Правитель

Солнечную даль
 Вижу я с твердынь
 В молниях от бомб...
 Вам
 Новую скрижаль
 Новых благостынь
 С новых гекатомб
 Дам!

Подголоски

— Мозги уже вспаханы!
 — Жребии встряхнуты!
 — Сердца распахнуты!
 — Идеи ввихнуты!

Мерный шаг движущихся. Топот колонн.

Марш

Нáчато! Нáчато! Наш
 град —
 Лучший из городов.
 Утром — весь люд на парад,
 круг
 Дамбами огородив!
 Вспухнет над кúбами куб
 вверх,
 Встанет над ромбами ромб,
 Чтобы с невидимых глыб
 рос
 Наш громовой дифирамб!

Акт третий
ЦАРСТВОВАНИЕ

Лязгающий измеритель времени на конусообразном капище игв в Друккарге бьет один раз.

В е л и к и й И г в а
Скрыта в мутных пучинах
Глубже глыб государства
Тайна брачного чина
Гордых демонов царства
С той, кто издавна лепит
Плоть земных и подземных,
С той великой, чей трепет —
В нас, живых и разумных.

Х о р к а п и щ а
Мать
воинства!
Глубь
таинства!
Тло
творчества!

В е л и к и й И г в а
Вкруг женственной плоти
Клубились столетья —
Шуршащие мутью
Туманные платья,
Но вечно все та же
Всходила на ложе,
С веками лишь глаже,
Стройней и моложе.

Х о р
Мать
вечная!

Плоть
злачная!
Тель
тучная!

В е л и к и й И г в а,
возвышая голос

Из мрака ко мраку —
Без нимбов, без аур,
Вздымается к браку
Господь уицраор.

Преественно-третий,
Властительный, юный,
Надежда столетий,
Владыка подлунной!

Г о л о с у и ц р а о р а Ж р у г р а

Где вы, мудрые мисты?
Приготовьте нам место...
Возведите помосты...
Да прибудет невеста!

Удары бубнов. Рокотание барабанов.

Х о р
— Кто таится в страстной дрожи?
— Властная!
— Добрая!
— Кто в домах нам холит ложе?
— Страстная!
— Щедрая!
— Кто алчбою смутной мучит?
— Грузная!
— Душная!
— Кто продленью рода учит?
— Грозная!
— Страшная!

Шум медленного шествия по уступам капища. Ряды золотых дисков на его
верхнем ярусе начинают приветственный гул.

А ф р о д и т а В с е н а р о д н а я

Поднимаюсь,
влача покров мой
широкотканый,

К предназначенному
 служенью —
 супруга-мать, —
 Мой властительный! Предначертанный!
 долгожданный!

В третий раз мне
 ниспосылаемая
 благодать!

Как таинственны
 твои каменные личины!

Как торжественны
 сопускающиеся мосты!

Как лицо твое и обличье неразличимы,
 Наклоненные с непонятной мне высоты!

Х о р
 Лабиринт священных гротов
 Уж укрыл
 тайну тайн...

Ж р е ц,
внутри черного кристалла, откликаясь
 Я раскрыл внизу ворота,
 В город вплыл
 мрак окрайн...

В е л и к и й И г в а
 Пусть придавит сон чугунный
 Души всех
 в граде том:
 Чтоб испил господь подлунной
 Влагу душ,
 спящих сном...

Ж р е ц
 От притихших дворцов
 до застав
 Изменяется народный состав;
 Это — тайн всероссийских язык,
 Это — брачная ночь владык!

Г о л о с а Д а й м о н а и П р о з р е в а ю щ е г о
 — Слышишь — будто космических
 Пульсов двух громыханье?

— Слышу: нечеловеческое,
 Лязгающее
 дыханье.
 — Видишь, в домах молчащих
 Шарят его присоски?
 — Вижу: сознание спящих
 Он втягивает, как сгустки.
 Глубокая тишина.
 Уицраор всасывает души погруженных в сон и ввергает их в лоно своей супруги.

А ф р о д и т а В с е н а р о д н а я
 Русь наверху — как черная скатерть...
 Три океана во мраке видны...
 Слава тебе, что творишь меня матерью
 Новому —
 третьему царству страны!

У и ц р а о р
 Принесешь мне к утру новые
 Чада чудные!
 Мир возрастим железной нивою
 Беспощадною!
 Сверхдержаву облачим
 В плоть чугунную,
 Землю мощью потрясем
 Ураганною!

На Цитадели великого города часы бьют четыре.

Ж р е ц
 А время кружится...
 Рассвет торопится...
 Уж утро трубится!

К а р н а
 Утро свинцовое брезжит над миром.
 Дети ущерба
 встают к труду,
 В тягостный бой меж новым и старым,
 В призрачный путь
 по серому льду.

О б ы в а т е л и в д о м а х,
протирая глаза
 — Вот свежая нынче погодка!
 — Ну что ж, взбодрится походка.

Щерь клыки — не щерь,
 Все равно трудом
 Мы преобразим
 Тварь.
 С кем же вы теперь,
 Вы, кто так дрожал
 Над своим добром
 Встарь?

Г о л о с а н а п л о щ а д я х
 — Перебираем баночки...
 — Перетираем скляночки...
 — Перемываем крыночки...

Д р у г и е
 — Семеним на цыпочках...
 — Привстаем на лапочках —
 Бледных лапках в цапочках,
 В стареньких опорочках!

М и н и с т р в о с п и т а н и я
 Волен каждый встать
 К нам в ряды добром,
 Будь он раньше хоть
 Поп;
 Мы ж позолотим
 Каждому тавром
 Туловище, грудь,
 Лоб.

К р и к и
 — Вперед! Вперед!
 — Сколько нас? — Уйма!
 — Вытереть, вытравить
 Старые клейма!
 — Братцы! Новый устав!
 — Почесть новых постов...
 — Хвост-то —
 до самых застав!
 — Мост
 завалиться готов...

Ш е п о т в ч е р н о м к р и с т а л л е
 Замысел тонкий оправдывается:
 Ихние с нашими слепливаются,

Птенчики юрко вылупливаются,
 В стайки стройные скапливаются.

Часы на Цитадели бьют три.

Г о л о с у и ц р а о р а
 Готов он!

Таких не бывало.
 Он блещет, как меч Азраила.
 Зажечь все огни ореола!
 Утроить глаза караула!

Ф а н ф а р ы .

М и н и с т р ,
 поднимаясь на носках

Братцы! Час назад
 Злобный паралич
 Нашего вождя

Сгреб.
 В красный зиккурат
 Люди понесли,
 Плача, как дитя,
 Гроб.

Горечь глубока —
 О!.. Но среди нас
 Верный ученик:

Тот,
 Кто из тупика
 Подвигами спас
 Рать, когда мы шли
 Вброд.

Р а с т е р я н н ы е г о л о с а
 — Как это... Когда ж это?
 — Это — он для слога.
 — Все, что нами нажито, —
 Общая заслуга!
 — Да, но предревкомы...
 Шефы... командармы...
 — Может быть, такому
 Крест дадут?

— ...и бармы?

Ф а н ф а р ы е щ е р а з .

Кто об устой
 глыб
 Бьет, как баран,
 лоб.
 Там, где звучал
 всхлип,
 Там, где жирел
 клоп,
 Можно сгрудить
 хлеб.
 Соорудить
 клуб.

Автомат делает знак Министру.

Министр воспитания,
вскочив на паранет

Граждане! Тиран
 Пробовал в народ
 Сызмальства внедрить
 Страх:
 Рабством и бедой
 Строен этот храм.
 Рушьте его свод
 В прах!

Толпа, повеселев
 — Ну-ка — враз, деточки...
 — Посдерем цаточки.
 — Разнесем туточки
 В одни суточки.

Шорохи в воздухе
 Веками снаружи
 Об этом мечтали...
 В ознобе да в стуже...
 В гееннском провале...

Протяжный крик раненного колокола, сброшенного на асфальт.

Прозревай, *появляясь на паперти вместе со священником*

Теперь вскрывается явно,
 Кто взмел этот вихрь на мир.
 Спасем, кто верует, главное:
 Наш образ
 и наш потир.

Клир,
уносящий священные реликвии
 Уходим в пустыни темные,
 Хоронимся по городам, —
 Да будут своды тюремные,
 Барак лагерей — наш дом...

Церковный политик,
пытаясь задержать шествие
 Стой! Ищи равнодействующую,
 Иль погибать
 всем.

Священник,
не останавливаясь

Храни нас Бог
 от предательствующего
 Поклона злым чудесам.

Церковный политик,
поворачиваясь к толпе

Гнал лицемеров из храма
 Сам Иисус бичом.
 Вы — справедливы! Правы!
 Розни меж нас — ни в чем!

Удаляющееся пенье клира

...Под ветром режущим,
 По катакомбам, удаляясь
 В глухих убежищах
 Безвестных комнат,
 В метели свищущей
 На горном спуске,
 Храни нас, блещущий
 Синклите Русский!

Говор в ареопаге
 — Упрямство мула!..
 — Да: рушить — мало...
 — Охаять смело —
 Вот будет мило!

Голос Прозревающего — *вдали*
 Лишь вам соратствуем
 В боренье крестном,

О братство праведных
В Кремле Небесном!

К л и р,
уже едва слышно

Во царстве вражьем
По бездорожью,
Где ныне страждем
Во Имя Божье,
В духовном поле
Ростки посева
Учи нас холить,
О Матерь-Дева!

Поперек руин собора протягивается полотнище: «Работы производит Государственный Разруштрест». Перед полотнищем сколачивается трибуна. На трибуне появляется

Г е н е р а л - л е й т е н а н т к у л ь т у р н ы х с и л

Был мамонт с бивнем,
Был скиф.

Ответьте:
Кто ж прогрессивнее
Всех на свете?

Г о л о с а

Не скиф, не мамонт; значит — мы,
Обличители всякой тьмы.

Г е н е р а л - л е й т е н а н т

Так. Наша родина —
Столп наук.
Но свил в народе
Гнездо паука.
Чтоб паутину
Порвать навек,
Мы всю рутину
Сгрудим в ковчег;
Фундамент храма
Вполне хорош:
Мы вставим в раму
Синклит святош,
Пронумеруем
(На то указ),
Отполируем
Фанеру касс...

Тотчас — черед:
И в наш музей
Не завернет
Лишь ротозей.

О ж и в л е н н ы е г о л о с а
— Мысль!..
— За стеклами — гады,
В залах — шустрые гиды...
— В блеске цифр — наши годы,
Трудовые их гуды...
— Экспонаты озвучены,
Для окурочков — урны...
— Как глубоконаучно!
— Как высоко-культурно!

На месте собора начинается сооружение антирелигиозной кунсткамеры.

Г о л о с М о л о д о й Ж е н щ и н ы
тихо напеваает колыбельную песню в глубине каменных громад

Времени черные гири
Мерно стучат на цепи.
Спи в этом сумрачном мире,
Свет мой единственный, спи!
Кем ты в судьбу мою послан?
К чьим маякам устремлен?
Что за таинственный послух
Ждет тебя в даях времен?

Механический свист, похожий на взмах исполинского бича, взвывается где-то совсем близко — и удаляется.

Я лишь забочусь о хлебе
Да над судьбой ворожу.
Твой предназначенный жребий
В снах материнских слежу.
Ищет неистовый Ирод
Дух твой, за власть трепещи...
Да охранит тебя город
В каменных складках плаща!

Голос гаснет в шуме строительства.

Г о л о с а н а п л о щ а д я х
— Улучшаем природушку.
— Закаляем утробушку.
— Укрепляем твердынюшку.
— Украшаем отчизнушку.

Д р у г и е

- Чертим машинища.
- Роем копалища.
- Строим заводища.
- Высим культурищу!

В о с п и т а т е л и

- Лекцией, станком — кто чем —
- Школьников тишком точим.
- Каждый их изъян лечим.
- Здравствовать без «я» учим.

О р г а н и з а т о р ы

- В стройках на ветру стынем!
- Жалуем, журим, женим.
- К новым всякий день граням
- В игре эстафет гоним.

Г о л о с а и з к о т л о в а н о в

- Тычемся тусклыми тысячами.
- Топчемся днями расчерченными.
- Крутимся скóпами скорченными,
- Скрученными, замороченными.

Г о л о с а и з п о д з е м е л и й

- Нас, пленников, жрет труд.
- Нас, узников, жмет страх.
- Час, кланяясь, бить бут.
- Два, ползая, рыть прах.

Г о л о с у и ц р а о р а

Не вмещаюсь уже в постылую Цитадель,
Расширяюсь

головокружительно

вверх и вдаль —

Надевайте же мне на душу

бетон и толь,

Алюминий, вольфрам, иридий,

гудрон и сталь!

А в т о м а т

на террасе, подхватывая

Наш мировой

план

Мощи молодой

полн:

Тоннами пьет

нефть,

Кипами жрет

юфть;

Щупает высь

сфер,

Никнет к сосцам

гор,

К тайнам земных

дыр

Тянет взрывной

шнур.

Возгласы гордости и удовлетворения.

Чтоб

гражданин

влил

Душу в металл

сверл!

Чтоб

добывать

лал,

Ртуть, антрацит,

перл!

Чтоб устремить

пыл

В стройку стальных

стойл,

В скрежет и визг

пил,

В топот и стук

кайл!

Автомат скрывается в Цитадели. Часы торопливо отзванивают полдень.
Воздух дрожит от работы машин, гуда колес, ударов металла о металл.

Г о л о с н е и з в е с т н о г о м а л ь ч и к а,
затерянного в толпе

Не слишком ли рано пришел я? Ни в ком

Не вижу союзника думам,

Не слышит никто, что звенит родником

Под этим свирепым самумом.

К товарищам выйду ль — их день закружил,
 К отцу ль — он усталый, он резкий...
 Но понял бы Лермонтов, если бы жил,
 Ласкал бы в слезах Достоевский...

Тревожные голоса в черном кристалле

— Бдите! По звездам
 Печалются юноши!
 — Бдите: по гнездам
 Плодятся змееныши!

Г о л о с м а л ь ч и к а

Еще непонятна задача моя —
 Что свергну? Воздвигну? Построю?
 Но слышу вас, гении, слышу, друзья:
 Вы рядом, — вот здесь, — надо мною!
 Голос пропадает в городском шуме.

Обрывки разговоров в магазинных очередях:

В о д н о й

— Такие — пятьсот, те — триста.
 — Намедни у Резинотреста...
 — А этот завмаг: уж трус-то!
 — Ему бы...
 — Не так-то просто.

В д р у г о й

— Возьмешь для отдыха книжку,
 Зайдешь иногда в киношку:
 Какой-то Монблан... Кашмир...
 А выйдешь — опять кошмар.

В т р е т ь е й

— Еще не давали? — Ждем.
 — Опять под этим дождем...
 — А знаешь: в слове «дают» —
 Какой-то странный уют!

Г е н е р а л - л е й т е н а н т к у л ь т у р н ы х с и л,

наострив уши

Еще немало среди нас
 В мечте сосущих ананас;
 Спят, как чурбаны, а с перин
 Вскочив, глотают аспирин
 И, у врача взяв бюллетень,
 На ясный день наводят тень.

Б о р ц ы з а н о в ы й б ы т,
наострив уши

— В вас еще живы
 Дух легкой наживы,
 Отрыжка сивухи
 И прочие духи!
 — Ну, чем вы живете?
 Сплетнями тети?
 — Хватит! На стройку!
 В пафос! В героику!
 — Может быть, Ванечка,
 Хочешь диванчика?
 Галстук да пыльник?
 Марш за напильник!

З а с л у ж е н н ы й д е я т е л ь х у д о ж е с т в е н н о г о ф р о н т а,
негодую

Что вам искусство?
 Спрятались в куст вы!
 Что вам палитра?
 Лишь бы пол-литра!
 Сесть бы в середку,
 Есть бы селедку...
 Ваш дух, идеал —
 Пух одеял!

М и н и с т р о б щ е с т в е н н о г о в о с п и т а н и я

Помните: наш руль —
 Заповедь: будь храбр,
 Бдителен, суров,
 Прям.
 Новая мораль
 Тысячами швабр
 Выскребет из душ
 Хлам!
 Дети на отцов,
 Исподволь, в ночи
 Исповедь несут
 Мне:
 Мучит ли их блуд?
 Спят ли на печи?
 Стонут ли в хмельном
 Сне?

О р г а н и з а т о р ы,
подхватывая

- Икру в роддомах вынянчить.
- Питать, подсушить, выжучить.
- Заветную мысль вымучить.
- Доносам за страх выучить.

П е д а г о г и

- Иголкой их ум протрачиваем.
- Идежкой насквозь просвечиваем.
- Магический том разучиваем.
- От гордости грудь выпячиваем.

По улицам маршируют шеренги подростков. В левой руке — штандарт, правая бодро взмахивает при каждом шаге.

- Грудь колесом пучится.
- Жить напролом хочется.
- Деды по домáм тычутся,
- В старый гардероб прячутся.

Г о л о с а и з п о д з е м е л и й

- Тут, в сумраке, нет
смен.
- В глубь рúдников сход
крут.
- Весь горестный год
плен.
- До гроба весь век
труд.

С л а б ы е г о л о с к и
с кладбищ и крематориев

Под марши вымученные,
Змеясь от боли,
Роимся, выхваченные
Из колыбели;
Кружимся хлопьями,
Травую сорною,
Листвой над топями
Бесцельно сорванною...

Н а м е с т н и к

Помните: Цитадель
Требует: наш кров
Высить вон до тех
Туч.

Прядайте сквозь щель!
Пухните с боков!
Вздуйтесь выше всех
Круч!

Ш о р о х и и с в и с т ы

- Из нор высачиваемся...
- Из пор выструиваемся...
- Из фибр выгноиваемся...
- До неба взбрызгиваемся!

Горизонт скрывается за призрачными силуэтами ступенчатых громад, шпилей, подъемных кранов.

Н е и з в е с т н ы й м а л ь ч и к

Ах, тесно в этих ущельях,
Среди человеческих волн...
Зато — какое веселье,
Чуть только взойдешь на холм!

Он поднимается по скату холма на окраине столицы.

Какой-то премудрый дедушка
Сидит здесь порой на склоне:
Рассказывает мне о Ведах...
О Рáдонежском...

Эхнатоне...

Седины — белейшим облаком,
А взор глубок, как озера...
Он напоминает обликом
Рабиндраната Тагора.

П р о з р е в а ю щ и й , с п у с к а я с ь с х о л м а

Опять ты беседовать шел,
Веселый мой босоножка?
Никто бы нам не мешал,
Но ты опоздал немножко.
Сегодня прекрасный гость
Тебя навестит на вершине:
Немногим дано обрести
Найтчика совершенней.

М а л ь ч и к

на острие холма. Отсюда вся столица охватывается взглядом

Нет никого. Но город — как могуч!
В нем каждый камень дышит прошлым русским.
По гребням крыш перебегает луч
И меркнет там, по рвам и темным спускам.

Но не луч — не сравнимый ни с чем океан света озаряет внезапно то, что скрыто постоянно. На один миг разверзаются пучины под великим городом и выси над ним. Храмы Небесной России блещут на воздушных вершинах золотом, белизной, синевой, а внизу распаиваются — один другого мрачнее — лилово-черные, багрово-желтые миры уицраоров и античеловечества. Над глыбами подземной крепости видится лазурное свечение плененной там Соборной Души, а кто-то невыразимо могущественный пронисится в высоте массой белого света, среди которого полыхают пламена, еще более ослепительные.

Прорыв длится секунду.
 Г о л о с Д а й м о н а
 Космос России мгновенно объемь,
 Помни о нем
 и расти:
 Толпы и толпы в заоблачный Кремль
 Ты предназначен вести.
 М а л ь ч и к
на коленях, закрыв лицо руками
 Что это? Боже, нет слов в языке,
 Нету понятий таких...
 Д а й м о н
 Будут. — Как светоч во властной руке,
 Станет твой огненный стих.
 Братством
 преображаемых царств
 Будет всемирный исход...
 Жди и готовься: кругами мытарств
 Движимы
 ты
 и народ.

Голос гаснет. Мальчик лежит на земле, спрятав лицо. Внизу шумит город, слив голоса человеческих миллионов и машин. Но ему слышно другое. Теперь ему слышно, как глубоко в Друккарге мутная и страстная женственная сущность полыхает беспокойными красными покровами. Эту невыразимую речь кто-то приближает к человеческим словам, переводит, втискивает в них, и тогда мальчик разбирает —

Г о л о с А ф р о д и т ы В с е н а р о д н о й
 Ты страну мою избавил от геенны,
 И рабой твоей пребуду до конца,
 Отчего же наши дети — все чугуны,
 Без лица?
 Г о л о с у и ц р а о р а
 Непреклонною
 их стойкостью
 за химеру
 «Я» единственное
 на вселенную
 распространю:

Начинается преобразовывающая эра,
 Перед коей
 все миновавшее
 равно дню!
 Не постигнешь ты никогда
 моего алканья,
 Не проникнешься
 моей бушующей
 мечтой:
 По ту сторону
 Всезакона
 и беззаконья
 Воздвигается
 рavelин мой —
 и только мой!

Г о л о с К а р н ы
 Вспомни заветы! Вспомни заветы,
 Узницы Навны страж и слуга!
 Род уицраоров создан в столетях
 Был демиургом — щит от врага;
 Но в материнское лоно обманом
 Следом проник сатана: берегись!
 Двойственный рок тебя мчит ураганом,
 Чтобы разбить о заветную высь!
 У и ц р а о р
 Лжешь, кудесница
 несмывающейся обиды!
 Уж надломлена,
 уже скашивается
 ось времен;
 Мир рыдает,
 мир жаждет, молит
 моей победы,
 Демиургами сверхнародов
 порабощен!

Черный конус внутри Цитадели зардевает вспышками перебегающих искр.

Ж р е ц,
 в молитвенном экстазе
 Ты крепнешь, впивая
 Раздоры и ропот
 Из скважин Китая,
 Из трещин Европы;

Уж щупальца, роя
Тло наций, простерты;
Взор щурится к бою...
Считая когорты...

Г о л о с к и с к л а д б и щ и к о л у м б а р и е в

...Не смея песенку
Поднять до всхлипа,
Ютимся — пасынками
Судьбы — у склепа,
И каждый в ниточку
От боли сжался...
Смягчись хоть чуточку!
Помилуй, сжался!..

С в я щ е н н и к,
в катакомбах

Как червь, он изложет
Незрелую совесть,
Навек уничтожит
Духовную завязь, —
И понижают
Растленные веком,
И замолкают
Надтреснутым звуком...

Ж р е ц,
простираясь ниц

Великий! Ты — семя
Всемирного древа:
Оно надо всеми
Из злобы и гнева
Взойдет и раскинет,
До неба ширяя,
Кровавую скинию
Адского рая!

Г о л о с у и ц р а о р а

Не умечаюсь...

не насыщаюсь...

нет, мало, мало!

Все увеличиваюсь...

ометалличиваюсь...

скорей, скорей!

Сжимайте, жарьте по крематориям
тук и сало!

Ловите, всасывайте
воронками
лагерей!

Пачки сухих выстрелов.

Г о л о с н е и з в е с т н о г о м а л ь ч и к а
за городом на морском берегу

Под этим ли небом возвещено мне
Пройти по спиралям несчастий
До власти, немислимой даже во сне,
До мирообъемлющей власти?

Г о л о с К а р н ы

А крепость растет — над ярусом ярус,
И толпы не видят в полдневном свету,
Что прямо в зените — багровый Антарес
Льет свою силу

на крепость ту.

Ж р е ц

Вихрем всклокочены, мчатся минуты,
Энтузиазм

бьет через край...

Ометалличенный, кольцами сжатый,
Неба достиг

днесь

наш строй...

К а р н а

Вот уж уходит солнце зенита,
Чтоб не вернуться вспять никогда,
Чтоб исчерпала рок свой планета,
Блеском бездумья сплошь залита.

Г о л о с м а л ь ч и к а

Еще никого я не встретил,
Кому бы, сквозь тьму веществ,
Мерцал, ликующ и светел,
Мир легких, как луч, существ.
С ребятами плещемя вместе,
Нас моет та же река,
Но глухи сердца их к вести,
Трепещущей издалека.

Никто не слышит, как дальние
 Поют божества морей,
 Как плещутся духи кристальные
 Над отмелью рыбарей;
 Кто веет полунамеками,
 Творя туман и росу,
 Мерцающими, зеленоокими
 Друзьями в лугах и в лесу...

Д а й м о н

Крест одиночества строг и велик.
 Горькую явь обнаружь:
 Мир стихий еще не проник
 В глубь человеческих душ.

М а л ь ч и к

Но и под маску города
 Никто взглянуть не посмел:
 Их оглушают аккорды
 Бряцающих судеб и дел.
 Никто не чувствует, как дышит
 Скала над срывом во тьму...
 О, если б хоть вождь услышал,
 Что бездна поет ему!

*Женственный голос,
 едва доносящийся из невероятной глубины, тихо поет*

Глубже пучин
 Мира стошумного
 Я без личин
 Сплю.
 Древний покой
 Края безлунного —
 Мрак вековой
 Длю.
 Рдея во мглу,
 Тысячи факелов
 Правят хвалу
 Мне.
 Слышу псалом
 Сумрачных ангелов
 На мировом
 Дне.

Кровь, как нектар,
 Мне изливаемый, —
 Вольный ваш дар
 Пью,
 Дымный хитон
 Пряжи сплетаемой
 Миру сквозь сон
 Вью.
 Но все ясней
 В вашем просторе я
 Слышу страстей
 Ход.
 Выйду опять
 В полночь истории
 Ваш колебать
 Свод.
 Дольше, хмельней
 С полночью каждою
 Будет вам мой
 Век...
 Стройте ж, пока,
 Алча и жажда,
 Не подниму
 Век.

Акт четвертый
ТИРАНИЯ

Гул заводов, работающих на полную мощность. Шум уличного движения.

В о з б у ж д е н н ы е г о л о с а,
в одной из очередей перед магазинами

— Без очереди!.. Он врет!
— Не пустим! — Ступайте в ряд.
— Вот от таких — весь вред...
— Стоит, точно в землю врыт!

В один из магазинов подвезли товар.
Очередь напирает. Задние смяли передних.

Г в а л т

— Пять-сорок... держи... — Дай...
— Хозяин... — талон... да!
— Не прите... — украл! — Стой!
— Спасите... Мне рёбр... ой!!!

П о ж и л о й и н т е л л и г е н т,
выбитый из очереди, уныло махнув рукой

Деретесь... а вы вот,
Сделали б вывод:
Купишь —
Кукиш.

Резкий лязгающий звон пререзает уличные шумы.
Т и ш и н а.

М и н и с т р, *теперь уже* Н а м е с т н и к

Граждане! Груз жертв
Нес народ не зря, —
Гордо их сложив
В холм.
Град блестит от яств,
Мир весь озаря,
Счастья и надежд
Полн.

И герой-народ
Понял, что пора
С недруга нам сбить
Спесь,
Битвами — под свод
Славы и добра
Мир объединить
Весь.

Т р е в о ж н ы й ш е п о т в а р е о п а г е

— А грудки-то — сухонькие...
— А носики — остренькие...
— А косточки — хиленькие...
— А хвостики — худенькие...

Г о л о с А в т о м а т а,
из *внутренности Цитадели*

Подцветить хилость;
Подкормить малость;
Поднабить полость...
Показать жалость!

Н а м е с т н и к,
подхватывая

Но великий вождь
Любит, чтоб народ
Гладок был, здоров,
Сыт.

Нынче — всем на час
Отдых от работ!
Радость да войдет
В быт!

Общий вздох облегчения.

А г и т а т о р ы

— Как он любит всех:
самого
малого!
— Как объемлет всех:
смелого,
хилого...
— Как он знает счет
дел его,
сил его!

— Как он видит все:
голову,
тулово!

Жрец покинул черный кристалл. В бесцветной, как солдатское сукно, мантии, он преклоняет колена во главе толпы перед Цитаделью.

Ж р е ц,
чередующься со скандирующей стих толпою
— Благодарим, о заступник труждающихся,
— Всех судеб
швец!
— Благодарим, о маяк заблуждающихся,
— Чей ум
куц!
— Благодарим, вдохновитель и пестователь
— Львов, льявят,
львиц!
— Благодарим, по столетиям шествователь,
— Ось всех
спиц!
— Благодарим, властелин диалектики,
— Врагов
жнец!
— Благодарим, величайший в галактике!
— Бум-бумм...
бац!

Стена Цитадели с рокотом раздвигается, и на террасу выезжает Автомат, ростом теперь превышающий уже пятиэтажный дом.

А в т о м а т, *в упоении*
Нынче вся суть
в том,
Чтоб, отдохнув,
всем
Стать, как один
ком.
Крепкий по всем
швам.
Школа! завод!
вуз!
Град вам открыт
весь;
Дынь, баб и дуль
воз

Должен войти
в вас.
Ешьте на весь
вес!
Пейте весь час
квас!
Чтоб в парадиз
вас
Завтрашний день
ввез.

В небе вспыхивают квадраты и ромбы разных цветов.

Ц е р к о в н ы й п о л и т и к
Святой Бог!.. Он прогнал тьму!
Он расторг ночь на Руси!
Кто подобен в веках ему?
Он нам дал огонь с небеси.

Крики восторга, дробь чечетки, отдельные, слегка насмешливые г о л о с а:

— Чуть поразмять ноги...
— Прыть показать в беге...
— В пляс! А потом, други,
Хоть запрягай дроги.

А г и т а т о р ы - э н т у з и а с т ы
поочередно

— Вот так праздник! Вот парад,
Ай-люли!
— Пусть завидует народ
Всей земли.
— Отчеканивай, дружище,
Бутс да бот
Не жалей!
— Четче, громче, звонче, чище,
Веселей!
Веселей!
— Ешь, братишка, щи да сласти
За двоих,
За троих!
— Чтоб наш пыл — опора власти —
Не заглох!
Не затих!

М а с с о в и к - з а т е й н и к

Труженик! Усвой
наш
брасс:
Стройся чередой
вдоль
трасс;
Лохмы припомадь,
взбей
кок —
Эка благодать:
прыг,
скок!
Резвой чехардой
близ
рва
Дрыгайтесь за мной:
раз,
два!

Визг дудок и саксофонов, удары меди.

А г и т а т о р ы

— А фейерверк-то!.. до туч
брызг
рой!
— Как равномерно падуч
взмет
струй...
— Эй, выходи на балкон:
вон —
змей,
— Десятихвостый дракон!
волк!
вий!

М у ж с к о й г о л о с
запекает в толпе

Встреть веселей ночку!
Девочка дает ручку,
Завтра — опять в скачку,
В круг, в трудовой гон...

Убыль сочтешь после,
Нынче — как сыр в масле, —
Ведь все равно мысли
Мыслит за нас
он!

Ж е н с к и й г о л о с

Убыль сочтешь после,
Сдай ребяtnю в ясли,
Там подрастут, если
Мыслит за нас
сам...

Ой, разряжусь шелком!
Эй, расфранчусь шалком!
Ай, подзавьюсь челкой!
Сердце швырну
псам!

Плавный рокот аттракционов, взрывы смеха, уханье праздничных салютов.

П р и п л ы с ы в а ю щ а я т о л п а

Рвись
Вдаль
Стяг
Взвёивающийся!
Рей
Ввысь
Флаг
Всплескивающийся!
Груз
Дум
Прочь
Скидывается.
Гонг
Бьет,
Смех
Взвихривается, —
Пусть
Дождь:
Кровь
Взбадривается.
Сам
Вождь
В нас
Вглядывается!

Отдельные выкрики

— И никаких пугалов!
 — Хоть океан
 вброд!
 — Й-их! удалым сняголовам
 Нынче сам черт — брат...

Т о л п а

 Хлынь
 Звон
 Струн
 Праздничных...
 Грянь
 Гром
 Труб
 Вызолоченных!
 Крой,
 Брат,
 В медь
 Брякающую,
 Бей
 Звонч
 Цань
 Цокающую...

Э с т р а д н и к и

— Видя праздник наш таковский,
 Прослезился бы Чайковский.

— Как наш мир великолепен —
 Обалдел бы старый Репин.

— Трелям наших саксофонов
 Поразился б сам Сафонов.

— Увидав наш рай простой,
 Сдох бы с зависти Толстой.

В ы к р и к и

— Ох, отобьем пámорки!
 — Ух, в голове — чад...
 — Глянь-ка: кругом сумерки,
 Мжица, туман,
 чит...

Мужской голос — в толпе

Плачьте больней, домры!
 Цепь фонарей в сумрак
 Манит, нашьлет óмрак
 Бражный, густой
 сон...

Пойте в слезах, гусли!
 Ведь все равно — если
 Чувства, права, мысли
 Мыслит за нас

он!

Женский голос — подхватывая

Все — трын-трава, если
 В вечную тьму после...
 День промелькнет, час ли —
 К моргу наш путь
 прямо...

Жми нас в ночных парках,
 Мчи на витых горках,
 Каждому — быть в урках,
 Сгинуть
 по лагерям.

Д в о е — вполголоса

— Шмыг стороной, киска...
 — Шмыг, только ой, узко...
 — Чтó нам? С тобой ласка
 Хоть на гнилых досках.

Мужской голос — в катакомбах

Лишь бы найти к сроку
 Силы — постичь Книгу;
 Лишь бы, возрадив сына,
 Дать ему наш
 ключ

К ржавым замкам Рока,
 К правде и лжи Ига,
 К белым дворцам Солнца
 Там, в глубине
 туч...

Женский голос — подхватывая

Сердце свое выну,
 Брошусь навстречь карам,
 Под громовой топот
 Цокающих
 коней,
 Лишь бы вручить сыну
 Горьким святым даром
 Наш роковой опыт
 Этих ночных
 дней!

Голос неизвестного юноши,
 который недавно еще был мальчиком

Это — тупик мой. Вся пройдена́
 Топь Афродиты Народной;
 Плотностью чувств безысходно
 Жизнь моя отягощена.
 Только сладчайший Голос со Дна
 Слышится — темный, прохладный...
 Иль боготорчешских царств глубина
 Хлябью манит многоводной?

Женственный голос из глубинной крепости Друккарга

В темном краю
 Муку свою
 Столько столетий, как пленница, пью...
 В этом жилье
 В мертвой земле,
 Бодрствуют духи с рукой на копье...
 Дни — как гроба...
 И, как раба,
 Жду, что сулит мне врагинь ворожба...

Голос внезапно изменяется: не сопрано, но глубокое контральто мягко слышится оттуда же, странно похожее тембром на звучание предыдущего, точно голос старшей сестры:

Строг судия —
 Бог бытия,
 Догмат-секиру возмездья куя...
 Сладко мое
 Жжет лезвие
 Тех, кто склонится ко мне в забвенье.

В темном краю
 Саваны шью
 Над паутиною пряжей пою.

Неизвестный юноша
 Кто́ это? кто́ это? Что нам пророчат
 Смутные песни вещих подруг?

На Цитадели протяжно и тяжело бьет шесть.

Бесстрастный голос с вышины

День кончен.
 Первая Стража Ночи
 Вступает в круг.

Карна

Хлынули сумерки — смұры и бурны:
 Дети ущерба снуют во мгле,
 В вечных тенетах скорби и скверны,
 Ниже и ниже — к мертвой земле.
 И, надвигаясь на море и горы,
 Ночь мировая глядит в зрачки,
 Приоткрывая ларец Пандоры
 Медленным

волхвованьем
 руки.

Голос Даймона

Видишь: от тела владыки
 Темное отпочковалось?
 Ползает по виадуку,
 Вьется, змеясь, как волос...

Юноша

Вижу: клубится исчадьем,
 Ищет державной доли,
 Вглядывающимся отродьем
 Рыщет у Цитадели...

Гром отдаленного взрыва. Плясовая музыка обрывается.

Вскрики

— Кто́ это? где́ это? — Выстрел! убили!
 — В кои-то веки бойко попели...
 — Где ж это взрыв?
 — Да в Цитадели!

— Сбоку весь кров разворотили...
 — Слушайте, слушайте:
 вон уже вестник.
 — Пал на посту
 старший наместник!
 — Ох, наступает беда...
 Быть
 казням...
 — Уж потеряем тогда
 Счет
 ўзням!

Мрачная мелодия, похожая на похоронную, надвигается на толпу
 и пригибает голоса к земле.

Хор погребальной процессии

— Он пал на посту...
 — Тум-тумм!
 — Он был опекун
 Всем намм...
 — Он был как отец,
 Как кумм...
 — Бей, скорбный народ,
 В там-тамм!

Новый кандидат в наместники

Смерть
 Вырвала снова из наших рядов
 пук
 жертв.
 Пусть
 Лег наш министр в похоронный рыдван;
 пусть
 мертв;
 Он
 Прожил сознательно, в поте лица
 свой
 век;
 Он
 Пламенно жаждал нести до конца
 свой
 вьюк...
 Смерть
 Только сплотит нас, и не утрашит
 нас
 враг,

Ни
 Бог, ни соперник, ни войны, ни злой
 вой
 вьюг!

Голоса в ареопаге
 — Мощь властелина явлена:
 — Злое отродье словлено,
 Пытано — обезглавлено —
 Истолчено — раздроблено.

Голосу црора
 В ночь, как молния, дам
 клич
 в битву.

Завтра мир будет мой — дотла!
 Кто же смеет сорвать
 мне
 жатву?

Не дает истребить
 сев зла?

Жрец — в черном кристалле
 Наш господь разъярен. в черном кристалле
 Злат-куб

Над челом заметал
 сноп
 искр.
 Пусть суров станет вождь,
 пусть
 груб.

Бдить всю ночь! Запретить
 шум
 игр!

Автомат,
 поспешно выезжая на террасу
 Вникнуть в любой
 мозг,
 Чтобы любой
 писк,
 Всякий клочок
 дрязг

Взять в круговой
 сыск.
 Кто там лизнул
 кекс?
 Кто разнуздал
 секс?
 Вон — инженер:
 как-с
 Он раздобыл
 кокс?..
 Каждый, родясь,
 знать
 Должен, как жить
 впредь:
 Ртом — пусть сосет
 грудь,
 Оком — следит
 мать!

Новый кандидат в наместники

Расшифровать
 знаки;
 В домах проследить
 стуки!
 В больницах унять
 тики!
 В гробах подстеречь
 токи!

Автомат,
вглядываясь в глубь Цитадели, конфиденциально

Вдруг — неровен
 час —
 Пуля, стилет,
 газ,
 Даже простой
 сглаз
 Жизни лишат
 нас.
 Надо создать
 кров,
 Весь наш уступ
 скрыв:

Пусть пешеход
 прав,
 Но, коль шагнет, —
 в ров!

Новый кандидат в наместники

Спешим — надстраиваем...
 Угол выкраиваем...
 Сверху задраиваем...
 Оштукатуриваем!

Автомат,
уже из крошечного отверстия в стене Цитадели

Слаб наш сатрап
 был:
 Пил, бормотал,
 спал —
 В нем погасал
 пыл;
 Он поделом
 пал.
 В венах страны —
 тромб!
 Бурей чреват
 румб!
 Враг у ночных
 ламп
 Копит запас
 бомб.

Шепот ужаса.

Вот вам другой
 друг:
 Бодр, справедлив,
 строг,
 Чтоб
 горожан
 стриг
 И —
 никаких
 драк!
 Он разомнет
 воск.

Он прищемит
визг.
Он смастерит
блеск.
Он наведет
лоск!

Первый наместник, приосаниваясь

Уж мы-то смастерим —
мы-то!
Все будет до основ
смыто.
Сумеет доконать
смуту,
Словчимся оправдать
смету!

Гончие

Лаем, рыскаем по рвам —
вбок,
вглубь,
В штольни, в шахты, в каждый дом,
цель,
копь,
Только — в каждой подворотне
скрыт
вор,
В душах — распри, плутни, бредни,
гвалт,
спор!

Топот разбегающихся горожан.

Наместник

Всюду вникать сторожко:
К чему у друзей пирушка?
Что шепчет в углу старушка?
Зачем у больного отрыжка?

Воздух исчерчивается посвистывающими дуновениями, мечущимися во все стороны.

Приглушенные вскрики

— Ай, нетопырь шурхнула!
— Вон еще три... пять...
— Ой, не смотри кверху!
— Под ноги лишь
глядь...

Наместник, входя в ажиотаж
Травить по щелям нежить.
Приблудных собак — вешать.
Следить — как чихнет лошадь...
В подполье — мокриц слушать!

Шелесты в воздухе
— Бетон просверливаем...
— Гудрон проскребываем...
— Кирпич проскваживаем!
— Обнаруживаем!

Наместник

Обнаруженных влачить
сквозь
строй,
Пригибать до мостовой
хрящ
вый,
В землю вбить их, как живой
ряд
свай...

Рто-запором заклепать
их
вой!

Отборщик —
в сопровождении караула

Страж!
Взять
вот
этого!
Смыть
знак!
Скрыть
след его!

Вопли ужаса и недоумения

— Но я же... тавром помечен!..
— Я же... на пост назначен!..
— Я... к орденам представлен!..
— Мной... диверсант был словлен!..

Отборщик

Эй,
мразь,
брось
плутни!
Тех...
Тех...
Тех...
Сотня.
Тот
сброд
брать
вместе,
Чтоб
счет
стал
двести.

Голоса в подъездах

— Не я! — Сворачивайте
туда, к соседу.
— Не мы! Просвечивайте
вон ту породу!
— Вон этот — баловался,
исчадьё кликал...
— Тот парень жаловался...
— Тот звал... тот плакал.

Конвой

— Прутиком — вправо! вправо!
— Кнутиком — влево! влево!
— Жгутиком — живо! живо!

Отдельные голоса в лестничных клетках

— Шу-шу-шу — и я патриот.
— Шу-шу-шу — всегда наперед.
— Шу-шу-шу — тот плевал на портрет.
— Шу-шу-шу — те квартирки подряд.

Женские голоса в квартирах

— Сынки... голубчики...
— Родные хлопчики...
— У нас — лишь чепчики...
— Лишь детки-всхлипчики!..

Голоса ребят

— Гражданин офицер!
Клад в люк
Мой братан вчера приволок.
— Папа садит в горшок
лук!
— Мамка прячет деньги в чулок!

Энтузиасты

— Вот непосредственность детских душ!
— Чем за такой героизм воздашь?
— Не героизм, а гражданский долг:
В нем педагоги-то знали толк!

Наместник

Ремонтировать чуть-чуть
плоть
квелую,
Эшелонами спускать
в копь
голую:
Пригодятся — даровой
раб —
силою...
Кто раскается — тому
гроб
жалую.

Пение из глубины катакомб

В сердце мрака замурованных,
Крепких лишь духовной силой
В час свинцовый, в ночь суровую,
Господи, помилуй!

Тайные мысли в ареопаге

— Докарались до бреда.
— Трупов — целая грудка!
— Не хватает народа!
— Где возьмем для парада?
— Вместо всех операций
Не пора ль опереться?
— На мораль опереться...
За дюраль побороться...

Пение в катакомбах
 До звезды над нами утренней,
 До скончанья тьмы постылой
 Всех, кто слышит голос внутренний,
 Господи, помилуй!

Наместник
 Кто там поет? Кто бубнит?
 где?
 в скважинах?
 Не под тяжестью же плит,
 льдом
 стуженных?
 Не в руинах же, дотла
 мной
 выжженных?
 Не в фундаментах же глыб,
 мной
 сложенных!

Гончие
 Слышим, уши наострив,
 их
 стон,
 Рыщем, ищем в недрах шахт
 их
 стан,
 Упираемся в глухой
 бут,
 в тын;
 Тщетно тыкаем носы
 в гладь
 стен.

Наместник
 Сами себя обезвредили:
 День напролет колобродили —
 Замуровались в обители,
 Крипту¹ законопатили.

Автомат
 Пусть! Завалив
 грот,

Собственный кал
 жрут:
 Глад им скосил
 рот,
 Разум их впал
 в бред.

Голос Афродиты Всенародной
 Вместить не в силах я сквозь мёрзкие
 дней
 чадных
 Благого замысла, мой вседержитель,
 но зачем — боль?
 Зачем калеченье, зачем терзание детей
 бедных,

Простых воль?
 Голос уицраора
 Затем, что алчет моя геенна
 и рать химер.
 Затем, что голод грызет Гагтунгра:
 он строг и хмур.
 Затем, что точен закон страданья,
 как колесо.
 Затем, что будущее мирозданье
 окупит все.

Крики бегущих женщин
 — Защитники храбрые! Что за грозное время?
 — Вон знаки недобрые
 зажглись над горами:
 Меч алый, немеркнувший,
 лучом повис...
 То — острием кверху,
 то — острием вниз!

Агитаторы,
 выскакивая из подъездов
 Разум просветлив,
 все
 сплошь
 Поняли, что миф
 есть
 ложь:

_____ 1. Крипты — подземные церкви в катакомбах.

Масками чудес
 скрыв
 страх,
 Сказками небес
 лжет
 враг.

Н о в ы е в с к р и к и
 — Глянь-ка, гляньте: зарево
 Из-за рубежных гор!
 Словно чадающее курево...
 — Точно грозящий взор...

Ц е р к о в н ы й п о л и т и к,
 воздевая руки

Жизнь безбурную чад блаженных
 Защити!
 От нашествия иноплеменных
 Огради!

Н а м е с т н и к
 Слушайте, цеха,
 Стройки, рудники:
 Недруг наш сулит
 Шторм.
 Что ж! Мы сотрясем
 Все материки
 Сменой мировых
 Форм.
 Страшная заря
 Вызолотит прах
 В царстве вековых
 Зол:
 Копится не зря
 В наших тайниках
 Порох, динамит,
 Тол.
 Ух! Как нетопырь
 Бросятся враги
 В страхе из домов
 Вон...
 Уши растопырь,
 Чих перемоги:
 Будет говорить
 Он!

Ф а н ф а р ы.
 Лучи прожекторов скрещиваются на высотной части Цитадели. Она раздвигается как футляр,
 являя народу А в т о м а т а, высоту уже с небоскреб, в ослепительно сверкающей броне.
 Трепет ужаса и восторга.

А в т о м а т
 Я изобрел
 вам,
 Что не придет
 в ум.
 Враг в эту ночь
 к двум
 Лопнет по всем
 швам.
 С дробью секунд
 в срок
 Сдан мой чертеж
 с рук.
 Будь, гражданин,
 строг,
 Если найдешь
 брак!
 Стройте ж быстрее,
 вскачь!
 Смотрит нам в лоб
 ночь...
 Не для пустых
 вирш
 Вечер нам дан.
 Марш!

Стены высотной части задвигаются. Прожекторы гаснут.

Г е н е р а л - л е й т е н а н т к у л ь т у р н ы х с и л,
 поднимая руку
 За разбуженный врагами
 Дух грозы!
 За ответ! за гром! за пламя!

Т о л п а
 — За! — за! — за!

Г е н е р а л - л е й т е н а н т
 За битье в котлы, литавры,
 В медь, в тазы,
 Чтоб врагу издергать нервы!

Т о л п а

— За! — за! — за!

Г е н е р а л - л е й т е н а н т
За сознательность! За бодрый
Взмах лозы!
За всемирность власти мудрой!

Т о л п а

— За! — за! — за!

Г е н е р а л - л е й т е н а н т
Чтоб для всех была бесспорной,
Как азы,
Неизбежность нашей формы!

Т о л п а

— За! — за! — за!

А г и т а т о р ы
— К рукам — руки,
— К плечам — плечи,
— К ногам — ноги,
— К мозгам — мозг!
— Точней знаки.
— Плотней сроки.
— Быстрее встречи.
— Жирней лоск!

Зарево внезапного взрыва где-то за горизонтом. Волны звуков: гул, рокот падения огромных масс, вопль тысяч людей, достигнутых каким-то страшным бедствием.

Г е н е р а л - л е й т е н а н т,
потирая руки

Браво! Наши зарубежные товарищи
Вторглись в некое злокозненное сборище
И бомбончиком замедленного действия
Водворили там единство и спокойствие.

Второй, еще сильнейший взрыв.

Л и к о в а н и е э н т у з и а с т о в , а г и т а т о р о в
и п о д г о л о с к о в

— Славно гардарахнули! Знай наших!
— Взвизгнули мерзавцы: жмутся в нишах!
— А пламя как отсвечивает в плешах!
— Пляшет, как на выкормленных тушах!

П е д а г о г и

Орудий таких
мир не знал:
Зодчий, отец
всех,
Игрек нашел, вник в интеграл,
Вычислил цепь
вех.

О р г а н и з а т о р ы

В наших руках — судьбы планет,
Черных держав
крах:
Токи включим — вздрогнет до недр
В их городах
прах!
Если войной ринутся к нам —
Вздыбим назад
ад!
В странах врагов этим трудам
Будет наш брат
рад!

Звуки города приобретают опять, как и минувшим днем, трудовой ритм, но пронзительный скрежет бросаемых рельс и штанг, хроматические взывы свистков и рокот циклотронов наполняют его новым смыслом.

Ш е р е н г и р а б о т а ю щ и х

В наших руках — мщенье времен,
Древних обид
стон;

С древних орбит
сорван дейтрон,

Чуть повернуть
кран!

В дымных котлах рдеет уран,
От скоростей —

крен,

Это — врагам смертный урон
И триллион

ран!

Е щ е ш е р е н г и

Плавим, дробим,
месим, куем —

Шибче вертись,
дрель!
Поршнем снуем, втулкой поем —
Каждый свою
трель.

Г о л о с а н а о к р а й н а х
Нефть и руду

мчат поезда —
Слышишь гудков
лай?
Все, кто живет, — как никогда
Сжаты в один
слой.

Е щ е г о л о с а
Рдеет без сна
рать фонарей,
В судорогах — весь
край, —
Только б успеть! Шибче! Быстрей!
Никелируй,
крой!..

Эхо голосов перерастает в кольцо гудков, звучащих над материковыми частями горизонта. Порою доносившиеся и раньше, теперь они вычерчивают на фоне стремительного рокота машин странную и скорбную мелодию.

П е р е к л и к а ю щ и е с я г о л о с а д о з о р а

— Бдит
наш
град
царственный.
Без сна, в труде. —
— Ум,
взор,
слух
бодрственный
Блюди везде.
— Враг —
здесь!
Мрак,
призраки —
Ему с руки.

— Вкруг
домн,
дамб,
пригородов,
Свершай круги!

М о л ч а н и е.
Только перекликаются гудки, целые симфонии слагая под облаками.

Д о з о р
— Эй,
страж!
Бдишь
крепко ли?
Смотри, не лги!
Ух,
тьма!
Срыв,
тропка ли —
Ни зги! Ни зги!
— Стань
вбок:
там
значится
Фонарный круг.
— Эх,
ночь...
Как
плачутся
Гудки вокруг!
— Чтоб
страх
бил
в голову,
Бросал в озноб.
— Чтоб
сам
Бог
к городу
Не ведал троп.

Акт пятый
УЩЕРБ

Кажется, будто миновали огромные промежутки времени; в действительности вечер еще далек от перехода в ночь. Уицраор Жругр вторгся в зону одного из соседей, умертвил его и, пожрав его сердце, отпочковал новое, как бы синтетическое детище. Обликом напоминающее дракона, нодвигающееся полувзлетами, полупрыжками, оно осталось крепнуть и царить в новой зоне, а Жругр вернулся в Друккарг, удостоясь от игв небывалого триумфа. В эти минуты в великой столице на поверхности земли А в т о м а т предстал народу в скрещении не серебряных уже, но огненно-алых прожекторов. Теперь высотная часть Цитадели опять скрыла его, но ошеломленное население не осмеливается отвести глаза от нее ни на минуту.

Н е и з в е с т н ы й, тот самый, что не так давно еще был юношей, и П р о з р е в а ю щ и й спускаются с холма, на котором протекали когда-то их первые встречи. Теперь с холма видно загородное пространство, все перегороденное в шахматном порядке колючей проволокой. Местами проволока пересекает уже и городские улицы.

Н е и з в е с т н ы й

Все осквернено. Даже — этот холм.

Кажется порой: газ
Выполз из щелей,
выпорхнул из колб,
И уже проник
в нас.

П р о з р е в а ю щ и й

Ты замечаешь — чем больше крови
Впитывает наш грунт,
Тем фонари и люстры багровей,
А кругозор — как фронт?

Н е и з в е с т н ы й

Страшно ступать... стыдно ступать
Здесь по земле больной:
Кажется — кровь, жидкая плоть,
Хлюпает под ногой.

Начинаются городские кварталы. Оба путника смешиваются с толпой.

Прожил на этой странной планете
Я только тридцать лет;

Но сопоставлю:

к мажорной ноте
Склонен теперь весь люд;
Он уж не тот — возрастным составом:
Редкость — старик, как Вы;
Плотные — в центре;
кто хил — к заставам,
Дети — ниже травы.

А путь их лежит именно через центр. Там, на плацу перед Цитаделью, при помощи аппаратуры дальновидения, дальностьюслышания и дальностьюобоняния А в т о м а т производит обучение и проверку растущих кадров.

О б у ч а е м ы е

О родник благ,
зло
сдабривающий!
Человек-бог,
мир
вздыбливающий!
Вдохновляй нас,
с ног
сбившихся,
Скопом петь гимн
снам
сбывшимся...

А в т о м а т

Два раза нуль — нуль.
Десять раз нуль — сто.
В этом — всех тайн руль...
Что? Там ворчат? кто?

О б ы в а т е л и

О, никто, свет
всех
верующих!
Не карай нас,
вверх
прыгающих...

А в т о м а т,
внезапно раздражаясь
Рохли! отбор! брак!
Кой мне от вас прок?
На фиг мне ваш прыг?

Ваших копыт брык!..
 Вынянчил наш град
 Новый людской род:
 Те — не идут; прут!
 В лоб! напролом! вброд!

На плац вступает шеренга человекоподобных существ с циферблатами вместо лиц.

М а р ш

Стальные лифики
 Крепят нам грудь!
 Крутые графики —
 Наш путь и суть!
 Пусть скрежет строфики
 Не даст вздохнуть.
 Шли к черту кейфики
 И бодрым будь!

А в т о м а т

Та́к себе. Можно четче!

Ц и ф е р б л а т ы
 Сделаемся, наш отче!

Из-за угла выдвигаются шеренги с авиабомбами вместо голов.

П е с е н к а

Нет пользы родине
 В пустой красе.
 Пускай уродиной
 Мы станем все,
 Зато под черепом —
 Не мозг, но тол!
 Залают черти ли
 На твой престол —
 Швырни нас ловкою
 Рукой тогда
 Лишь вниз головкою
 На города!

А в т о м а т

Нет! — Время, народ, не раннее,
 Пора бы нам стать ураннее!

Шелестя и шурша, на плац выбегают новые шеренги кадров: у этих вместо голов аппараты психопросвечивания.

Ш у р ш а щ а я с к о р о г о в о р к а

Снуем, прошмыгиваем
 Ко всем знакомым;
 Слегка поругиваем
 Горком с райкомом;
 Присев, втирушами,
 За пивом, чаем,
 Чужие души
 Разоблачаем.

А в т о м а т

Хорош. Без этих
 Всем нам
 быть в не́тях.

Шествие замыкается группой людей с водруженными на плечи вместо голов громкоговорителями.

М е х а н и ч е с к и й л а й

Хоу, хоу...

Гул го́лоса

В мозг

тыщ

Вбей

штамп.

Рёв! Тми

шум хаоса,

Рост

войск,

счет

бомб!

Бу, уу!

Вождь высказал

Мысль:

«Плач

есть

вздор!»

Вой труб!

Скрой выстрелы,

Вскрик

дыр,

всхлип

нор!

А в т о м а т
 Ха-ха!
 Товарищи с юмором.
 Блоха —
 а какие шúm и гром!
 П р о з р е в а ю щ и й,
 проходя краем плаца
 Вот они, множества,
 Жругром когда-то
 Засосанные
 и вброшенные
 Во чрево кароссы, —
 из Русского Сада
 Ростки, безвозвратно скошенные...
 Чугунные дети, садам соседа
 Гибель нести послушные.
 Н е и з в е с т н ы й
 Скажите одно: какова расплата
 Тем, кто несчастных уродовал?
 П р о з р е в а ю щ и й
 Наш разум
 не приспособлял лота
 К промерам мира загробного.
 Сначала взглядишь в крепостные устои
 Сквозь цоколь, сквозь пьедестал:
 Видишь — там — потайную, пустую,
 Нишу черную...
 как кристалл?
 Н е и з в е с т н ы й
 Да... как будто там вьются стаи
 С жгучим взором... почти без тел.

Действительно, в черном кристалле Цитадели обозначается как бы особая ниша, схожая с усыпальницей. Там совершается чье-то единообразное движение, чей-то медленный с интервалами ход по кругу. Будто ворожащие существа выполняют заклинательное действо вокруг спящего.

М о н о т о н н ы е г о л о с а
 — Вот сторожим
 Твой сон...
 — Верно храним
 Твой сан...
 — Длит на земле
 Твой сын

Путь к всевладычеству.
 — Плещет над ним
 Наш кров;
 — Злостью миров
 Он прав, —
 — Нами творим,
 Он — миф,
 Бич человечества!
 Г о л о с н е п о д в и ж н о - л е ж а щ е г о — *сквозь сон*
 Не раньте проклятыми чарами
 Хоть час... лишь миг...
 Дайте хоть совладать с укурами,
 Что знал...
 ждал...
 мог...
 В о р о ж а щ и е
 — Сильнее тебя
 Твой ореол:
 — Вырос над гробом
 Мистериал, —
 Не разорвал
 Сам Азраил
 Пут —
 уз...
 вервия...
 — Сын твой залит
 Светом твоим,
 — Стяг твой шумит
 К дальним краям,
 — Млатом твоим
 В горнах куем, —
 Мы:
 рать
 первая!

Иная мелодия, женственная и завораживающая, возникает из недоступных глубин: не то колыбельная песня, не то — заупокойное волхование.

— Крепче усни,
 Бедный герой,
 В долгом Преддверии смерти второй.
 Будь глубока,
 Дрема, века,
 В толще подземного материка!

Весь хрусталем
 Крыт саркофаг...
 Складками ластится траурный флаг...
 Окружено
 Хладным огнем
 Ложе страдания ночью и днем.
 Спи, мой герой:
 Я вожу,
 Я фимиамами сон окружу,
 Остановлю
 Дни и века
 В лоне чугунного материка.

 Н е и з в е с т н ы й
 О, узнаю: это — она,
 Недостижима — и вечно темна:
 Мне сквозь Народную Душу звучал
 Голос ее...
 Звезды ее
 Мчались, гудя, по окраинам вселенной
 В гулкую пустоту...
 Ради чего же сошла она в тленную,
 В душную крепость ту?

 П р о з р е в а ю щ и й
 То — не она, ослепленный обманом!
 В сумрачных песнях
 Хищных кудесниц
 Эхо ее отдается всегда,
 Царство ж ее — за последним туманом,
 Глубже черного льда.

 Н е и з в е с т н ы й
 Да, я предвидел... Неясным чутьем
 Горько расслаивал эти напевы.
 Космос и Хаос,
 Если казалось,
 Будто струит их в мечтанье моем
 Высь Приснодевы...

 П р о з р е в а ю щ и й
 Если миры Приснодевы заронят
 В душу сиянье — двоя этот блик,
 Тихо возникнет на призрачном троне
 Женственный, вероломный двойник.

В этом — закон твоей узкой тропы,
 Скользкой тропы...
 Страшной тропы...
 С моря поднимается ветер. Цепочки фонарей вдоль набережных и проспектов раскачиваются,
 мерцающая, как звезды в угольно-черных небесах.
 На перекрестке — замешательство, топот бегущей от набережной толпы обывателей.

 В с к р и к и
 — Черный корабль!
 — Вновь эта тень!
 — Ящиком... гробом...
 без парусов...
 — За город дунь!
 — Вновь этот недруг!
 — В рытвины... в недра...
 — Крепче засов!

 Большинство пешеходов продолжает двигаться, как бы ничего не слыша.
 Но обучавшиеся на плацу бросаются врассыпную.

 — Бежим, пока в жертву
 тиран нас не выдал!
 — Везде его жерла!
 — Везде его идол!

 Часть обучавшихся бросается на колени перед Цитаделью.

 — Владыка! Мы зоркой страже
 Доверили наши «я», —
 Спаси ж, человеко-боже,
 От слуг ино-бытия!

 Н а м е с т н и к —
с балкона десятого этажа
 Очень жаль. Суров
 Мировой закон,
 И уж недалек
 Час,
 Как преображен
 Гением веков
 Будет он для всех
 Нас.

 Ц е р к о в н ы й п о л и т и к
 Строен, хоть угрюм
 Контур пришлеца
 С кружевом нагих
 Райн:

Замкнутые в трюм
Выпьют до конца
Оцет мировых
Тайн.

М а с с о в и к - з а т е й н и к,
подхватывая

Разве не туризм —
Рейсик в океан:
Отдых... упокой
Душ...

Всякому порой
Хочется в туман,
В провинциализм,
В глушь.

Р а с т е р я н н ы е в о з г л а с ы

— Но... как же?.. Там вовсе
Не отдых... не дрема...

Э с т р а д н и к,
фиглярничая сбоку

Народ испугавси.
Подумаешь, драма!

К р и к и о т ч а я н ь я

— Но вы ж нам твердили,
Что это не больно...
— Что сладко в могиле
Уснем добровольно...
— Бубнил же ваш гений,
Что смерть нас не мучит...
— Что мрак без страданий
Он всем обеспечит!

Цитадель безмолвствует. Из кварталов на плац выскакивают люди-циферблаты и люди-авиабомбы.

В о п л и

— Но я же был вам полезен!
— Но я ведь насквозь железен!
— Я вашим врагам был грозен!
— Гранит наук мной разгрызен!

С у щ е с т в а - г р о м к о г о в о р и т е л и
и п с и х о п р о с в е ч и в а т е л и,
мечась по плацу

— Не я ль бичевал всех прежних?!
— Не я ль ублажал всех важных?!
— Не я ль доносил на ближних?!
Отсеивал всех ненужных?!

Отчаянным рывком преследуемые сдергивают с лиц циферблаты, но лиц под ними уже не оказывается: только кровавый блин. Другие срывают с плеч авиабомбы, просвечиватели, рупоры, но заменить их нечем. Безглавые существа натываются на цоколь Цитадели и друг на друга. За неимением ртов взвизги ярости вылетают прямо из сердца.

— Бессмертие наше
купил он за ношу!..
— За право на рабство!!
За радость холопства!!!

От набережной приближаются грузные шаги с большими интервалами.

Н е з р и м ы й о ц е н щ и к —
в сопровождении бесшумно бегущих свор

— Духовно-выхолощенных,
Духовно-выкорчеванных,
Плодов не давших,
Всуе метавшихся,
Всуе трудившихся,
Всуе кипевших.

Л е п е т о б е з г л а в и в ш и х с я

— Не торопись чуточку!
— Дай хоть допить чарочку...
— Хоть доскрести мисочку...
— Дотанцевать плясочку!

А уличное движение продолжается как ни в чем не бывало. Очевидно, происходящего не видят даже некоторые из людей-циферблатов и авиабомб. Сомкнув поредевшие ряды, они продолжают маршировку.

О ц е н щ и к

Тавром помеченных,
Грехом калеченных,
Клеймом прожженных.
Духовным сифилисом
Насквозь изъеденных
И прокаженных.

В с х л и п ы

- Присесть бы на лавочку...
- Доцеловать бы девочку...
- Обнять бы земляшку...
- Махнуть бы солнышку!

Но солнца нет и в помине: ночь еще только приближается к перелому.

Г о л о с а о т о б р а н н ы х,
уже восходящих на корабль, сразу изменившихся
до неузнаваемости, глухо доносятся издалека

Куда нас помчит по чугунным валам
злой
шторм?

Где будем распутывать, где доплетем
сеть
карм?

Где будем искать мы, как свора рабов,
наш
корм?

Без крова, без духа, без тел, без гробов,
без урн?..

Нам в души, на корни слабеющих сил
уж льет

Нимб тускло-лиловых, подземных светил
свой яд...

Ветер с океана усиливается. В его порывах слышны

Г о л о с а

Вой,
вей,
ветр
взвеивающийся!

Плачь,
плачь,
дух
жалующийся!

Рой
хлябь
волн

рушащихся,
Мчи

вдаль
гроб

взбрасывающийся!!!

Еле слышное П е н и е в глубине катакомб

Малых сих, не снесших бремени,
Поглощаемых могилой,
Всех, растленных князем времени,
Господи, помилуй!

Малых сих, в огне истаивающих,
Всех, гонимых адской силой,
По морям крошечным плавающих,
Господи, помилуй!

Г о л о с а в в е т р е

Наг
сонм
душ
выкорчеванных...

Вниз,
в мрак

Дна
выброшенных...

Слеп
наш

шаг
сдавливающий.

Дик
наш

стон
вскрикивающий...

Неизвестный и Прозревающий, тихо пробираясь к городской окраине:

Н е и з в е с т н ы й

Кажется мне, что я видел когда-то
Родину черного корабля:
Траурных лун, не знавших заката,
Свет

на пурпуровые поля;
Медных морей глухое рыданье,
Мертвых хребтов

мерную дрожь;
Геометрически-голые зданья,
Точно высокоумный чертеж...

П р о з р е в а ю щ и й

Ты расслоить их
не в состоянии,

Эту систему миров; но поймешь
Скоро, когда по лестнице знанья
С проводником небесным пойдешь.

Неизвестный
Друг мой, на Вас указывал даймон,
Вы же указываете на него...
Оба вы — о необычайном,
Стражи лучшего моего.

Прозревающий
Я веду тебя в нашу глубь:
Она замкнута и глуха.
Там отверженных приголубь
Лаской веры, теплом стиха;
Их суровая жизнь узка,
Несохранна от палачей;
Все испытано: гнев, тоска,
Горечь сумерек, гнет ночей.
Лишь единого не вкусил
Ни один в этой злой судьбе:
Стыд предательства правых сил,
Срам измен
самому себе.

Неизвестный
А их жажда иных миров где?
Чем их воли объединены?

Прозревающий
Словом — Да — обращенным к правде;
Словом — Нет — к палачам страны.
Есть неверующие; их мало.
Много жаждущих; верны все:
Не сдаются в кипящих смолах,
Молча молятся на колесе.
Много пламенных разноречий
Между ними, но нет вражды...

На Цитадели бьет девять.

Бесстрастный голос с вышины
Ход смен!
Вторая Стража Ночи
Берет бразды.

Ветер усиливается. Амплитуда раскачиваемых фонарей возрастает,
полосы света и тени перепархивают с дома на дом.

Прозревающий
И, не покидая земли, ты
Увидишь скоро: улавливает
Наш дух, доверяясь снам,
Как братство и вождь Синклита
В Небесном Кремле уготавливают
Эпоху, сходящую к нам.
Выходят живые посланцы
Тех стран по эфирным отрогам —
Светильники будущих дней, —
Затеplены Господом-Солнцем,
Скользят по воздушным дорогам
Содружеством белых теней.

Пауза.
Неизвестный слушает с напряженным вниманием.

Прозревающий
Прозрачная синяя лампа
У каждого в легких ладонях,
Над нею трепещет звезда,
И с каждым уступом — все краше,
Отчетливей дивный огонь их
Над срывами льда.
А здесь, по трущобам России,
В бараках, в бедных селеньях,
Роженицы стонут в бреду
И пестуют люди простые
Героев и будущих гениев
В детском саду.

Неизвестный
Но разве дух века не станет
Студить их внутренний жар,
Язвить их душевные ткани,
Растленьем губить их дар?

Прозревающий
Гений раслиться не может.
С Гагтунгром в бою? — Да, многим
Сужден был этот удел:
Он их губил на дороге, —
Но этих не уничтожит:
Поздно. Он не успел.

В тучах скрываются последние звезды. Зарево городских фонарей позволяет видеть,
что тучи громоздятся целыми бастионами, слой над слоем.

Н е и з в е с т н ы й
Мрак — один темнее другого.
Солнце в надире.

Зенит тьмы.
Даже слово, простое слово,
Через силу лепечем мы.

П р о з р е в а ю щ и й,
останавливаясь и закрыв лицо руками

Слышу — чую:
в вышних пространствах
Начат бой — уицраор стар —
И легенда о постоянстве
Тьмы, объявшей весь мир, — лжет!

Покрывая завывания ветра, над столицей вздымается г о л о с А в т о м а т а,
и интонации тревоги впервые проступают в нем.

Маршалы, зорче!
рубеж — сдавлен,
Мрак стал весомым.

Народ —
бди!
Урбург, Оттава, Стамбул, Дублин
Скрылись —

и не разберу где.
Груз этих крайних минут
тяжек,
Но обеспечен триумф. Лишь
Четверть часа — и весь мир ляжет
Пред...

Плотно-черные горы туч внезапно распахиываются, на миг являя ярко-белый просвет. Нечто не-
уловимое, как нож гильотины, беззвучно обрушивается оттуда на высотную часть Цитадели.
Ни грохота, ни взрыва... Только слабый вскрик, короткий звяк металла.
Секунда тишины, похожей на обморок.

Г о л о с А в т о м а т а
Бумм всезакон в том
Бумм всезакон в том
Бумм всезакон в том
Бряк всезакон в том...

Н а м е с т н и к
Выключить ток... — мигом!
Пять пропусков — магам.

П а н и к а в а р е о п а г е

— Где ж он?.. — Пропал... сгинул!
— В скважину, вниз канул...
— Прочь, наутек дунул!..
— Нас пред грозой кинул!

С т а р ш и й м а г,
влезая в футляр А в т о м а т а
Вы можете быть надежны:
Ведь смертные все недужны,
Но верен и строг наш метод.
И даже в сплошной тьме тут
Наукам чужда ветреность...

Д о л г а я п а у з а.

Здесь... следует сменить...
внутренность...

Г л а в н ы й т е л о х р а н и т е л ь,
грозя небу

Вздумал развязывать катастрофу?
Не запугаешь: наш рост — факт!
Припомним когда-нибудь и Саваофу
Этот террористический акт!

Кое-где двери домов приоткрываются на узенькую щелку. В щелках показываются

Б л е д н ы е н о с ы:

— Что случилось? Опять — займ?..
— Может быть, пересчет клейм?..
— Регистрация людских уйм?..
— Дамбизация речных пойм?..

Отдельные смельчаки прошмыгивают от двери к двери:

— Неимоверный, друзья, слух:
Будто г е н и й совсем плох.
— Э, поклеп... растянул пах...
— Да, но слег! Это ж факт: слег!
— Ваши слухи, как рой блох:
Провоцировать нас всех,
Чтоб умножить число плах...
— Что?.. Когда?..

Сам собой?
Слег?

Голоса в ареопаге

— Кто ж теперь? — Старший. —

— Ох! Станет крах горше...

— Вздор! Сочиним вирши,

Вздыбим до туч марши...

Но не марши, а крик ярости и боли — крик раненого уицраора вздымается из глубины. Его подхватывают рыдающие голоса; в Друккарге выстраиваются кругом, заламывая руки, химеры с унылыми лицами; игвы с волями испуга и гнева мечутся по своему городу, похожему на нагромождение багровых ромбов и коричневых кубов. И в верхней великой столице кажется, будто гудки всех заводов, свистки всех пароходов, сирены всех машин сливаются в единой траурной ноте, выстраиваясь по всему горизонту, как трубы невероятного органа.

В черном кристалле у саркофага совершается нечто, схожее со сменой стражи. Слышится беспорядочное отступление, скачкообразные взлеты и падения тех, кто ворожил над ложем спящего.

Г о л о с с б р о ш е н н о г о с п о в е р х н о с т и з е м л и

— Что это? Где я?

М о л ч а н и е.

В н о в ь я в и в ш и й с я

в предельном ужасе

— Где я? И кто вы?

Б л ю с т и т е л ь н и ц ы к а р м ы

П е р в а я

Мы — стражи вот этого только отрезка,

И ты успокоишься, гнев усмирив;

В т о р а я

Утешься, кромешник: здесь жестко и узко,

Но кратким приютом тебе этот кров —

Т р е т ь я

Начальный этап постепенного спуска

Уступами нисходящих миров.

В н о в ь я в и в ш и й с я

Как смеете вы светоносцу народов...

Б л ю с т и т е л ь н и ц ы

Вершим мы как надо, сосуд твой дробя.

О н

Но знаете ль, кто я?

Б л ю с т и т е л ь н и ц ы:

П е р в а я

Захватчик монады,

Антихристом стать осудивший себя.

В т о р а я

Быть может, вернешься потом, как антихрист,
Достроишь до самого неба свой трон.

Т р е т ь я

А ныне всю магму пронижешь крест-накрест
И мощь соберешь для последних времен.

П е р в а я — к старшему в саркофаге

Встань, мученик гроба! Настало иное,
На смену явился твой избранный сын.

П р о б у ж д е н н ы й

Не сын... Исполинов таких я не знаю...
Надвинут на лик ему черный кессон...

Б л ю с т и т е л ь н и ц ы

Твоя антицерковь цела еще в мире,
Готовится третий облечься в твой сан...

П р о б у ж д е н н ы й

На искус готов я, на крестный, суровый,
Но чем искупить, что тогда погубил?!

Б л ю с т и т е л ь н и ц ы

Твое искупление — плиту под державой
Поддерживать — всей полнотой твоих сил.

П р о б у ж д е н н ы й

Под э той державой? О, только не это...
На это ни воли, ни силы не дам!

Б л ю с т и т е л ь н и ц ы

Но права на выбор у пленника нету.
Ступай, скорбящий Адам!

Медленные, грузные шаги, как бы удаляющиеся. Навстречу им взмывают, бессильно поникая всякий раз, будто порывы ветра, похожие на вздохи великанов.

П р о з р е в а ю щ и й

Видишь туманных гигантов? На выи
Давит им титанический свод,
Но каждый из них человеком в России
Был в свой черед.

Неизвестный
 Странно-знакомы тяжкие маски:
 Силуюсь припомнить — и не могу...
 Будто я видел их в древней сказке
 Там, на родном берегу...

Стонущие голоса кариатид
 — Стань
 в наш
 ряд,
 ряд неискупленный,
 Груз
 глыб
 взять
 мощью накопленной.
 — Нет,
 друг,
 груз
 не уменьшается!..
 — Нет,
 круг
 лишь
 преобразуется...

Пробужденный,
теперь — туманный колосс в ряду кариатид
 Есть ли другая, горчайшая пытка,
 Чем, отвергая, поддерживать зло?

Блюстительницы
 Есть. Нескончаем пергамент их свитка,
 Бездонно засасывающее жерло.

Пробужденный
 Я зло созидал, но я мыслил о благе,
 А ныне лишь пытку сменяю другой...

Блюстительницы:
 Первая
 И вспомнишь, быть может, года в саркофаге
 Как сон, передышку, покой.

Вторая — *к вновь прибывшему*
 Укладываем под чугунные дуги
 Тебя, человечества бич и изгой;

Третья
 Напрасно яришься: бесстрастные слуги
 Закона мы лишь, а не власти благой.

Новый обитатель саркофага
 На помощь! скорее!.. Где мощь моя, где же?!.
 Нет, я не разрушен... я вырвусь, приду...

Блюстительницы
 Как дрогнуло, как опускается ложе,
 Ты разве не чувствуешь в этом бреду?

Обитатель саркофага
 Проклятье... Я — бог ваш! Я — мудрый, великий!
 Таких не бывало...
 Куда ж Я, куда?
 Все ниже, темнее... Ни искры, ни блика...
 Кто смеет карать меня здесь, без суда?!.

Голос достигает поверхности земли. Опустевший футляр Автомата
 позвякивает бессильной дрожью резонанса.

Шепоты в ареопаге
 — Вот гортань! Даже здесь слышно.
 — Хоть бы смолк: тут и так тошно.
 — А при нем было, ох! — душно...
 — Нужен новый взамен. Спешно!

Вопль снизу
 На помощь! Откройте мой храм. Пусть народы
 Текут и лобзуют мой облик!.. Я жив,
 Взовьюсь на поверхность... я в роды и роды!
 Найду себе тело, владельца пожрав!

Блюстительницы кармы
 Твой храм опечатан. Все гимны лишь свите.
 Проклясть твою память готова страна...

Вопль
 Предатели! четверговать их!! Спасите...

Блюстительницы
 Забудь неудачу: пройдут времена —
 И встанешь, как черное солнце, в зените.

Вопль
 Я встану теперь!.. Но... совсем уже глухо...
 Там, вниз, только магмы... Нет, прочь! Не мешать!

Хочу — не в другую, а в эту эпоху!
Наверх — и внедриться в живущую плоть...

Б о р м о т а н и е в а р е о п а г е
— Однако упорство! Такого морозу
Нагнало: озноб и в спине и в боку.
— Подобных гигантов не вырастишь сразу.
— Ну, это вопрос. Я семь лет начеку.

С т а р ш и й м а г —
тревожно

Но... ведь у вас даже судорога глаза
Не соответствует кнопкам Z — Q!
Этот вот штепсель останется втуне...
Этому щупальцу быть холостым...
Страшно! А что, если вдруг на трибуне
Завтра сорветесь на самом простом?

Б о р м о т а н и е
— Ну, так скорее обследовать недра!
— Шу... Шу-шу-шу...

С т а р ш и й м а г,
несколько забываясь

Нет: до зари выступать ex cathedra¹
Не разрешу.

Р а з д р а ж е н н ы й ш е п о т
— Чушь говорите. — Подъемником, лифтом!
— Все вместе — к рубильникам! штифтам!
— Посмотрим, как мудрствовал шеф-то...
— И цел ли еще телеграф там.

Шарк торопливых шагов в дюралевом футляре.

— Как пусто без трупа-то...
— Непрочны все трапы-то...
— Вздор! Только без топота!
— И — лишнего трепета.

С т а р ш и й м а г,
указуя

Великолепно вместилище!
Вот здесь — поглощалище!
Вон там — усвоялище,
А тут говорилище.

П р е т е н д е н т н а р у к о в о д я щ у ю р о л ь,
начиная распоряжаться

NN — к реле утешальни.
ZZ — на стул бормотальни.
Вон тот — за дуду обещаальни.
А я — за пульт управильни.

Н е у в е р е н н ы е г о л о с а
— А как же — глазами-вращалище?
— А как же... усом-шевелилище?
— А... а руку-за-борт-положилище?
— А... благостно-усмехалище?..

П р е т е н д е н т,
усаживаясь за пульт, — в раздумье

Дотянусь ли к щупальцам?
К наставленья-капальцам?
К афоризмо-сыпальцам?
К грозно-пятко-топальцам?

Н а м е с т н и к —
с балкона Цитадели, во всеуслышанье

Граждане! Угас
Гений. Никогда
Не было таких
Драм...

В с е о б щ и й в ы д о х в о з д у х а

— У — ох!
— Сду — ох?!

Н а м е с т н и к,
притворяясь, будто ничего не замечает

...Никогда
Не было таких
Драм.

Мир, как сирота,
Жметя в этот час,
Трогательно-тих,
К нам.

У с и л и в а ю щ и й с я г о в о р

— Это, братцы, свыше:
Свечку ставьте.
— А я-то как услышала,
Выскочила в кофе...

_____ 1. С трибуны (лат.) — Ред.

— Думали — бессмертный
И конца не будет...
— В атмосфере спертой
И мудрец забредит!

Н а м е с т н и к,
возвьшая голос

Мир, я говорю,
Жметя в этот час,
Трогательно-тих,

К нам.

Ясно! Ибо тут
Правил исполин,
Тут его святой

Одр...

Отчетливо слышные разговоры

— Значит, лег, проклятый,
В бушлат деревянный...
— Убег от расплаты!
Затих, как невинный!

— Что ж его скрючило?

Вот-те и владыка...

— Что бы это значило —

Вот в чем закавыка!

Н а м е с т н и к,
с терпеливым упорством

...Оттого, что тут
Правил исполин,
Тут его святой

Одр.

Тут ни распрь, ни смут,
Стан борцов — един,

И, как никогда,

Бодр.

Грохот чьего-то падения в футляре Автомата.

З л о б н ы е в з в и з г и в н у т р и

— Ага! оборвался! грохнулся!
— Как миленький гардарахнулся!
— Разоблачен! все видно!
— Хамелеон! ехидна!

П р е т е н д е н т

Конец прохвосту. Спокойней-ка:
На нем — все вины покойника.

К р и к и в н а р о д е

— А, вот кто высасывал кровушку!

— Кто нам урезывал хлебушку!

— Кто измождал нам утробушку!

— Кто доконал мою бабушку!..

П о д г о л о с к и

— Невернейший из неверных!

— Коварнейший из коварных!

— Как врал-то в речах бравурных!

— Как жрал из запасов сырных!

П р е т е н д е н т

Нажал-то я кнопку впору,
С изнанки подкравшись к сыру!
Поддал ему трошки пару!
Пусть не наглеет с жиру.

П о д г о л о с к и

Из нас вы один были докой.

Мы молим вас стать владыкой!

П р е т е н д е н т

Для вас я готов взять время.
Загвоздка — в пристойном гриме.

Претендент укрепляется за пультом.

Войну придется отсрочить.

Чур — прошлого не порочить,

Лишь эту скотину хаять;

Оружье беречь и драить.

В о п л ь с н и з у

Мерзавцы! Они упустили минуту!
Взъярившийся Запад растет по часам!..
Спасите... веревку! я вверх по канату
Взовьюсь до Друккарга...

Б л ю с т и т е л ь н и ц ы

Таким чудесам
Преграды Закона вовек нерушимы.

В о п л ь

Нет, я поднимусь! Грохочите в сполох!
 Пусть игвы поднимут на крыльях мышинных
 И ангелы мрака — на алых крылах!..

В о з н я в а р е о п а г е

— Старик-то играет на нервах!..
 — Беснуется в адских прорвах!..
 — Для нас верней без урона
 Копить запасы урана...
 — Да: лучше — сменить пластинки...
 — Откроем чуть-чуть застенки...
 — Признаем две-три ошибки...
 — Дадим погорельцам шубки...

Н а м е с т н и к —
с балкона

Меж учеников
 Блещет как алмаз
 Тот, кто вам сберег
 Сыр.
 Ни один из вас
 Так не обожал
 Лучшего из слов:
 «Мир»!
 С теми, кто сердит,
 Он поговорит,
 Вчувствовавшись в роль
 Всех:
 Западу — кивок,
 А для азиат —
 Резвая гастроль,
 Смех.

Т о л п а в е с е л е е т

— Вот так уж давно пора бы!..
 — Пойдут ананасы, крабы!
 — Заморские вина, рыбы!
 — Ох, жулики высшей пробы!

Ц и ф е р б л а т ы, Б о м б ы, Г р о м к о г о в о р и т е л и

— А мы-то всегда готовы!
 — Свято блюдем основы!
 — И как никогда едины!
 — На полюс хотя б! на льдины!

Ф а н ф а р ы.

Э н т у з и а с т ы

— Ах, сердце заходится...
 — Ох, дух занимается...
 — Бел-свет заливается!

Слышно, как внутри футляра несколько человек, пыхтя, подвигают к ротовому отверстию тяжелую установку.
 Голос Претендента, теперь — П р а в и т е л я — звучит бодро, иногда покрываясь досадными тарахтениями: видимо, аппарат еще не вполне налажен.

На сегодня закон в том,
 Чтоб не кушать, как зверь, ртом,
 Но научный экстракт — суп
 Гибкой трубкой вводить в пуп.
 Суп в мозгах утолит зуд,
 Тем — кто худ — округлит зад,
 Он украсит любой пол,
 Разовьет трудовой пыл.

Рукоплескания.

Не война (дзинь-дзень-звяк) — нет:
 Это рано. Вопрос снят.
 Лишь враги (этот рой гнид)
 Вновь к атомной беде гнут.
 Но у нас есть на них кнут:
 Твердо-сдержанный тон нот,
 Силу ж нот четверит темп
 Водородных — у нас — бомб.
 Будет срок — пошумим всласть,
 Но теперь мы сосем гроздь,
 Холим мышцы, крепим кость,
 Упражняем в грызне пасть.

Улыбки членов ареопага, смех подголосков, хохот агитаторов.

П р а в и т е л ь,
раскручивая свою пружину до конца

По цехам, у ворот хат,
 Сеть читален пустив в ход,
 Увеличим напор помп,
 Нарастим в пику всем темп.
 Создадим миллион ферм!
 Восемьсот тысяч тонн сперм!
 Обеспечим стране корм,
 Увеличим ее

шарм.

Отверстие Цитадели захлопывается.

А г и т а т о р ы,
ударя ладонями в такт
— Вот-то будет ладненько!
— сытенько!
— гладенько!
— Разве мало полото?
— колото?
— молото?
— Сколько будет сала-то!
— мыла-то!
— кала-то!
— Унавозим пастбища...
— косьбища...
— гульбища...
— Укрепимся ребрами!
— бедрами!
— ядрами!

На фасадах вспыхивают разноцветные огни.
Пр о з р е в а ю щ и й и Н е и з в е с т н ы й со свечами в руках начинают спускаться по
спиральной лестнице в катакомбы.

Пр о з р е в а ю щ и й
А крик-то не молкнет! Какая
Воистину страшная сила!
Расплата у нижнего края —
И та — его не скосила!

В о п л ь с н и з у
Откройте же храм, негодяи! На площадь —
Мой мраморный бюст в сорок пять этажей!
Как странно: я делаюсь больше, но площе.
О, лишь бы распухнуть... Дрожжей мне, дрожжей!

Б л ю с т и т е л ь н и ц ы:
Первая
Такого еще никогда не бывало:
Цепляется даже за самый огонь!

В т о р а я
Смотрите: сама преисподняя взвыла:
«Не тронь моего знаменосца, не тронь!»

Т р е т ь я
Уж ангелы мрака спешат из провала!
Туннели Шим-бига дрожат от погонь!

В о п л ь

Ага! Спуск замедлен!
Пещера ли, склеп ли?
Когда-то сквозь этот базальтовый грунт
Я рылся... и капали красные капли
На темя, как ровные сгустки секунд...

Б л ю с т и т е л ь н и ц ы

Молчи, изувер! твои дикие вопли
Достигли Друккарга! Бессмысленный бунт
Великого Игвы и Жругра направлен
На стражу Возмездья, на нас, на закон!..

В о п л ь,
усиливаясь

Гагтунгр, помогай же! Сигнал мой уловлен,
На вырубку мне посылай легион!

Г о л о с а а н г е л о в м р а к а

— Крылья рубиновые
Шумят кругом.
— Мечи глубинные
Грозят врагам.
— Летим, разбрызгивая
Болота душ:
— Пусть вьются, взвизгивая,
С подземных луж!

Г о л о с а х и м е р

Пусть
к нам
мчат,
взлаивая,
Свист,
писк
вверх
взмеивая!
Ветр!
Всю
толщ
выморожь:
Он —
здесь,
наш
выкормыш!

Порыв ветра. Свечи в руках Прозревающего и Неизвестного гаснут.
Тьма.

Прозревающий
Понял теперь, кто укрыт
Был в исполинской броне?

Неизвестный
Вот кого холил народ,
Рабскую верность храня!

Шелест тревожных голосов проносится в Вышних слоях, отдаваясь, как эхо, в средних.

— Сбросил кессон!
— Вернул себе сан!
— Вырвался,
вырвался,
вырвался,
вырвался...
— Но он не сам: он кем-то несом...
— Вырвался!
— Вырвался!
— Вырвался!
— Вырвался!
— Вырвался...
— Вырвался...

Не молния, но размытые, бурно-летающие пятна света мутно выхватывают куски нижних слоев. Некто или Нечто, бесформенное и огромное, уже едва напоминающее человеческое обличье, с пустыми глазницами, подхватывается ангелами мрака. Несомое точно по воздуху, оно приближается к стенам подземного города игв.

Голос вырвавшегося
Жругр! Напрягись!
Чтоб демиург
Рухнул в Уппум!
Настежь, Друккарг!
Я — у ворот...
Рушьте порог...
Рвись ко мне, рать
игв и раругг!

Прозревающий
Он воцариться алчет в Друккарге,
Хочет воскреснуть там навсегда...
Слышишь — раругги воют в восторге!
Игвы режут громовое «да»!

Неизвестный
Что, воцарясь, он сотворил бы?

Прозревающий
Он покорил бы Юг и Восток,
Из колдовской
гагтунгровой колбы
Невероятную силу б извлек,
Хищную мудрость геенны обрел бы,
Дьявольский план изучив назубок.

Неизвестный
А наверху, в человечестве?
Прозревающий
Стал бы,
Вочеловечась, владыкой —
как бог.

Полный ярости Голос вырвавшегося
Жругр! Не лукавь! С демиургом нет торга!
Ты мне ответишь за все головой!

Голос Жругра
Знаю! борюсь! Но ток демиурга
Парализует мне центр волевой.

Голоса раруггов
Круча Небесной России извергла
Целую рать просветленных на бой.

Возглас Великого Игвы
Вижу, как грады других демиургов
Сонмы Синклита сзывают трубой.

Голоса ангелов мрака
Инфрабагровое пламя померкло!
Даймоны, ангелы стали стеной!

Подобие конского скача возникает вдали. Как будто крылатое, только похожее на коня, существо свертывается с горных высот, перелетает пропасти, заставляет гудеть под копытами глыбы нижних слоев.

Прозревающий
Радость! Радость! Император-инок!
Песню-славу, друг мой, возгласи!
Сквозь миры он мчит на поединок
С антиподами Святой Руси!

Тьма слабеет. В полумраке проносится молниеносное видение Белого всадника.

Вскрик вырвавшегося
Ты?!

Подожди...

Не я ли за благо
Нашей страны
стоял и стою...

Белый всадник
Сгинь, порожденье Противобога!
В пропасти сыщешь
правду свою.

Голос вырвавшегося,
внезапно слабея

Прочь... Ты не ранил... Это — минута
Слабости воли... Нет, я вернусь...
Мнишь меня бросить прямо на Дно ты:
Лжешь! Ты бессилён сломать мою ось!..
О, поддержите... Все — как из ваты...
Этот проклятый все видит насквозь!!

Блюстительницы кармы
Больше не вырвешься. Бледным канатом
Дух тебе вяжем
прямо и вкось.

Скрежет

Воображаете, это — победа?
Будто страдания сломят меня?
Только — отсрочка Гагтунгрова чуда!
Только — оттяжка славного дня!

Блюстительницы
Нас не касаются замыслы ада,
Замыслы неба, замысел твой.
Мы — равнодействующая. Награда
За совершенное в жизни земной.

Стон

Падаю... Падаю... Глуше, все глуше.
Знаю уже эту пропасть... Спаси,
Хоть Иисус, вызволяющий души!!
Нет, я не то говорю... В небеси
Можешь царить еще век...
Я нарушил

Гордость на миг лишь. В Небесной Руси
Равных мне нет! Я окрепну в геенне,
Я увеличусь, как Шаданакар!
Станут нулем во всеобщей осанне
Мне одному

острия ваших кар!
С инфраатомной энергии пола
Я вековые запоры сорву,
Чтоб человечество взвыло, запело
В оргии мне, как всемирному льву!

Голоса Блюстительниц
Будешь исторгнут из Шаданакара
В непредставимые духу круги.

Стон

Может быть, но не скоро... не скоро...
Вот они, магмы!

Гагтунгр, помоги!

Голос перестает достигать земной поверхности.

Акт шестой
КРИПТА

Одна из маленьких крипт в глубине катакомб. Несколько десятков собравшихся стоят или сидят в тесной, душной комнате. Перед аналоем — С в я щ е н н и к, тот самый, что уносил церковные реликвии из разрушаемого собора; теперь это уже совсем старичок.

С в я щ е н н и к

Истомились смертною жаждою!
Нету вестников; дух поник;
Утешают последней надеждою
На зарю
только притчи книг.

Р е к т о р

Зари еще нет и признака.
Скоро удушье, — конец.

С в я щ е н н и к

Отгоним страхи и призраки!
Вчитаемся в шифр страниц!

Р е к т о р

Этих страниц, никем не разобранных,
Не расшифруешь, сколько ни числь.
А наверху уже к бою прибрано
Все! От академий до ясель!..
Гнев меня душит. Пилою зазубренной
Злость перепиливает каждую мысль.

Д е в у ш к а

Мне кажется, вы сужаете
Нашу святую задачу.
Вас поглощает политика;
Отсюда — бесплодный гнев.
Нет! Сердце вооружайте!
О долготерпенье молитесь!
Ведь вот даже я не плачу,
На свете все потеряв.

М о л о д о й и н т е л л и г е н т
Противоречив и двойственен
Наш долг среди этих груд:
Физическое бездействие —
И крестный духовный труд.
Но затхлость старых конфессий
Нам тоже слишком узка.
Порой от чада и плесени
Тоска... такая тоска!

С в я щ е н н и к

Но ведь о шести днях творения,
Про Еву... про Третий Рим...
Чтоб избежать словопрения,
Мы больше не говорим! —

П р о з р е в а ю щ и й,
входя вместе с Н е и з в е с т н ы м

Я привожу к вам проверенного
Годиной невзгод и гроз.
Верьте владельцу ускоренного
Жребия среди вас!

Вот он.

Р е к т о р

Этот?.. Но среди наших детей
Бегал он, равный с равными,
Шустрый вожатый игр и затей
С братьями единокровными!..

П р о з р е в а ю щ и й

Он — ваш; он — узник; но нет другого,
Кто б дар тройной через жизнь

нес,

Тая в волшебных ларцах слова
Итог всемирный
своих грез.

Р е к т о р

Таких речей о т р о й н о м д а р е
Мы не воспримем...

П р о з р е в а ю щ и й

Ну что ж, забудь:
Они в грядущем, за гранью горя,

Поймутся сами когда-нибудь.
Тебя, мой мальчик, препоручаю
Тому, чей голос ты слышал сам,
Кого восемнадцать весен чуя,
Ты стал доверчивей к чудесам.

Прозревающий удаляется.

Г о л о с н е в и д и м о г о Д а й м о н а

Ты должен, пройдя сквозь печальное
Подвижничество катакомб,
В судьбе совместить невмещаемое:

Луч Вести —
Меч Власти —
Нимб.

Н е и з в е с т н ы й

Ты здесь. Ты снова!..

Все рубежи мои

Со мной минуешь —

сквозь бой,

мрак, —

Опять ты вестью непостижимой

Вжигашь в мозг мне

тройной знак!

Воспламеняешь мечтой ум мой —

Мечтой, понятной лишь нам двум,

Опять томишь и пьянишь

думой,

Неисполнимейшею из дум...

Д а й м о н

Я по уступам

тебя сведу

До кладбищ духа на дне, в аду,

Тропой, колеблющейся, как шнур,

Взойдешь к вершинам метакультур;

Я приоткрою твоим очам

Свет, неподвластный земным ночам;

Я укреплю твою речь и статью,

Чтобы глашатаем мог ты стать,

И отойду лишь во дни конца,

В минуту тройственного венца.

Н е и з в е с т н ы й

Я знаю: тщетно теперь

с дрожью

Скорбеть, как узок я,

как слаб,

слеп:

Ответ твой станет властней, строже,

В нем — смерть и радость,

вино и хлеб...

Д а й м о н

Дай тишине воцариться в груди,

Слух изошри и открой,

По ступеням созерцанья взойди,

Жажущие — за тобой.

М о л ч а н и е.

Н е и з в е с т н ы й

Ты открываешь мне, как всегда,

Тишь и радость во мне самом,

Глубь, где кану я без следа,

Больше горечью не томим.

Что за пристани? Что за высь?..

В млечном воинстве — тишина,

Там — мерцание звездных пен

У серебряных островов...

Голубым полосам открыт,

Остров сердца светится здесь,

Оторочен

пенной стиха,

Серебристой, как Млечный Путь...

С т а р и ч о к - с в я щ е н н и к

Да: ему вручено водительство;

Им мерцает сам рай в глаза нам,

Ибо в странных речах — свидетельство

О надмирном

и несказанном.

Н е и з в е с т н ы й

Поднимаюсь по ступеням

слуха,

Перешагиваю по камням

рвы...

Этот — первый из миров
духа —
Слышите ли сквозь меня
вы?

Г о л о с а в к а т а к о м б а х
Ловим, слышим — совсем
явственно
Чей-то голос сквозь тебя — к нам,
Чью-то песню, как снега
девственную,
Льющуюся голубым сном...

*Полный грусти Женственный голос — сопрано —
поет в глубине Цитадели*

Чахнут цветы...
Сохнут листья...
Друг мой заоблачный, слышишь ли ты?
Клир мой затих,
Мир мой поблек,
Взор же твой ясный так синь, так далек...
Синий ручей
Сил и начал
С отчих нагорий сверкал и журчал,
Радость струил,
Корни поил,
С каждым цветком про тебя говорил.
— Глыбу свою —
Злобу свою
Враг твой безумный обрушил в струю,
Заволокла
Дни мои мгла,
Кровь моя, жизнь моя изнемогла...

Голос прерывается.
Через минуту песня возникает вновь, едва колеблясь.

Вот еще цвет:
Дума ль? звезда ль?
Пусть упорхнет он в ненастную даль;
Снег запоеет —
Буря взовьет —
В гибнущий город мой зов унесет.
Дети в плену
Сходят ко сну —
Я лепестками к их душам прильну.

Узникам зла
В душевной судьбе
Весть распахну — о тебе... о тебе...
И, приоткрыв
Им нашу синь,
Путь умягчу им по камню пустынь...
Сад мой увял,
Мир мой поблек,
День же спасенья так мглист...
так далек...

Г о л о с д е м и у р г а Я р о с в е т а
Он недалек, но он хмур и кровав,
Он непреклонен — но прав:
Он уничтожит твой плен, разбросав
Грузные глыбы держав.

Н е и з в е с т н ы й
Слышу твой отзвук,
вечно желанная,
Милая,жданная, к нам благосклонная:
Кто же ты? кто?

Ж е н с т в е н н ы й г о л о с
Тысячи звезд я хранила в себе,
Множество бликов в игре и движении;
Видел и ты в мимолетной игре
Их отраженье.

Н е и з в е с т н ы й
Знаю, но кто ты? В источнике дней
Помню твой голос знакомый,
Он мне — как шелест берез у дверей
Отчего дома!

Н а в н а
Каждому в этой кромешной стране
Сладостной болью сквозу я,
В ласках природы
и в творческом сне
Горе врачую.

Г о л о с а в к а т а к о м б а х
Слышим, о, слышим песню твою,
Кротость твою,
Мудрость твою, —

Кто ж ты, сияние в злом и пустынном
 Нашем краю? —
 Н а в н а

Ктó я?
 Все та, что в Путивле старинном
 С башни навстречу разбитым полкам,
 Плакала о женихе и герое
 Солнцу, ветрам, облакам;
 Та, что годиною татар грозовою
 Друга, сраженного в лютом бою,
 В Китеж вела по стезе воскресенья —
 В вечность мою.
 Я поднималась над веком гоненья,
 Клича гонимых в мою высоту
 Огненным таинством самосожженья
 В диком скиту.

Г о л о с а в к а т а к о м б а х
 Помним, о, помним — в давней ночи,
 В древней ночи,
 В грозной ночи!
 Ты и позднее над родиной нашей
 Лики меняла, но чьи?
 Н а в н а

Время неслось, и я резвой Наташей,
 Звонкою девочкой в вешнем цвету
 Лунною ночью бездумно вместила
 Мир
 и его красоту;
 Я в полумраке аллеи проходила,
 От недоступного счастья грустна,
 Дальнего друга задумчивой Таней
 Ждать у окна;
 Я различила за плеском блужданий
 К подвигу зов, обжигавший сердца,
 Гордой Еленой, отдав мою силу
 Делу супруга-борца;
 Я ради ближних закон преступила,
 Кроткою Соней себя отдала
 Гордому грешнику, правдой наполнив
 Жизнь в кандалах...
 И, отразив сквозь небесные волны
 Взор Приснодевы, поэту во мгле

Я улыбнулась в дыму фимиама —
 Лада, Невеста, Прекрасная Дама,
 Отблеск Премудрости
 на земле.

Т и ш и н а.

Г о л о с а в к а т а к о м б а х
 Милая! Помним доселе твой зов
 Памятью ста миллионов!

Г о л о с а и з п о д з е м е л и й
 Чаем тебя сквозь нависнувший кров,
 Золото скрытое тронув...

Г о л о с а о т о в с ю д у
 Чуем тебя сквозь бураны веков,
 Гибель империй и тронов.

Г о л о с а п о д л е м а ш и н
 Слышим тебя сквозь дрожанье станков,
 Гул циклотронов!

Н а в н а
 Через меня —
 Выше меня
 Слух поднимай свой над морем огня,
 Слушай в плену,
 В скорби и зле,
 Храм Солнца Мира в Небесном Кремле!

Н е и з в е с т н ы й
 Поднимаюсь
 от мира к миру,
 от слоя к слою, —
 Вот распахиваются
 ослепительнейшие
 поля,
 Солнце дышит,
 лесá блистающею смолою
 Убеля...
 Благовонные,
 благодатные
 песни, думы —

Сквозь поднимающиеся и спадающие воздыхания литургийных созвучий различается еле слышное пение огромного далекого хора.

Тихо-тихо вторят ему

Молящиеся

Величит душа моя Господа,
И возрадовался дух мой
О Боге, Спасе моем.

Священник

Прадеды это предчувствовали
В праздничных древних служеньях...
Праведники

причаствовали

Этому в теплых рыданиях!

Неизвестный

Боже... Не слухом, не зреньем —
Всем существом целокупным
Вижу подножие

неимоверного храма, —

Горы земные — ничто перед ним!..

Даймон

Ты видишь — ибо ты вспомнил.
Ты вспомнил — ибо ты стал.

Неизвестный

Но скорбью, щемящую скорбью
Там полон заоблачный воздух!
Я чувствую: в странном ущербе
Звучат его голоса...

Голос демиурга Яросвета

Для соборного молебствия —

не о празднике,

О спасении

от неслыханного

на земле,

Вас, святители,

вас, угодники,

вас, о праведники,

Ждем в Кремле!

Даймон

На скорбную землю
Спускается горнее.

Готовы ли внимлющие?

Украшена ль горница?

Священник

Свечи пылают,
Куруется ладан,
Блещет на каждом
Царственный пояс, —
Внемлем безмолвию,
Внутренним ладом,
Долу склоняясь.

Неизвестный

Шатер серебристого света,
Мерцающий тонким кровом,
Одел меня... зренье меркнет
От неудержимых слез...

Даймон

То — приближение духа,
Плерома Вселенской Церкви,
Дыхание роз.

Хор в Небесном Кремле

Плещут в эфире
Дивные ткани,
Блещет трикирий
В поднятой длани, —
То из Синклита
Шаданакара
Брат наш крылатый
Близится скоро.

Приближающийся голос
старейшего из святителей

Мир тебе, город тоскующий!
Вам, изнемогшие в скорби!
Вам, издали слышащие
Голос мой на земле!

Старичок - священник,
рыдая, почти без слов

О чудотворче, свете...
Отче... предстатель русский...

Мгновенная вспышка дает различить, как отовсюду стекаются лучезарные сонмы святителей и праведников прошедшего.

Г о л о с Я р о с в е т а

Вы озаряли тем, кто погас,
Тропы в загробном горе;
Вы облегчали в их судный час
Противовесы и гири;
Чем искалечил их души колосс,
Правивший в русском мире?

Г о л о с а с в я т и т е л е й и п р а в е д н и к о в:

П е р в ы й

Безрадостны были посланничества,
Бесплодны были паломничества
К Голгофе нашей страны:
Сходили мы узкими лестницами,
Стояли под темными виселицами
Виновных
и без вины;

В т о р о й

Встречали новопреставленных
Дарами сил уготовленных,
Лобзанием братских уст,
Но, властью тирана ослабленный,
Лишь мукою смерти повапленный,
Каждый был наг и пуст.

Т р е т ь и й

Народ в ознобе и в оторопи;
На мать доносят отроки,
На друга — старинный друг;
В години преобразования
Доходят жертвы растления
До людоедских мук.

Ч е т в е р т ы й

Других, ослепленных сызмальства,
Влечет воронка предательства,
В посмертную злую глушь;
Их крылья совести — сломаны,
Чтоб после впивали демоны
Страданья и боль их душ.

Е щ е о д и н

Тираном растленная заживо,
Впитавшая злобу и ложь его,
Бесчисленна их толпа;
Весами бесстрастными взвешивается,
В страдалища, в пламя низбрасывается
Их утлая скорлупа.

Г о л о с Я р о с в е т а

приобретает опять мощь зова, слышимого внизу и вверху — везде

К вам призывы мои
безрадостнейшие —
к вам,

Ратоборцы отгрохотавших уже времен,
В поле брани,
по черностепью

и диким рвам
Жизнь за други своя отдавшим без похорон.
Кто оружием Противобога неумертвим,
Кто лишь крепнет
в безумном пении

гроз и пург,
Кто боролся
перед Друккаргом
как серафим,
А в грядущем эоне станет
как демиург!

Мрак, заслоняющий вышние и нижние слои, озаряется: множество фигур в блистающих, как латы, одеждах, с факелами в высоко поднятых руках, движутся по невидимым стезям к Небесному Кремлю.

Г о л о с а г е р о е в п р о ш е д ш е г о:

П е р в ы й

Вот — то, что веками подкрадывалось
По тропам столетий изрытым,
Отмаливалось,
откладывалось,
Отсрочивалось
Синклитом!

Д р у г о й

Заслышав твой клич ли, трубы ли,
Спеша от подземных отрогов,
Мы кольца воли ослабили
Вкруг города игв и раруггов.

Т р е т и й

Мы здесь, Яросвете, но некоторых
Гнетут чугунные грузы:
Судьба их из битвы повергла
В крошечные вражьи узы.

Ч е т в е р т ы й

Они в плену преисподней:
Их давит мертвая арка
Глубиннейшей, самой задней
Из тайных темниц Друккарга.

Е щ е о д и н

Но от решающей битвы
Неуловимо сторонятся
Лукаво-умные игвы
И бешеная их конница.

Гул голосов стихает, как бы расступаясь перед кем-то более
могущественным, приближающимся издалека.

Т и х и й г о в о р

— Спешит в ристании
Рушитель ига...
— Грядет — в блистании
Архистратига!
— Его присутствие
Нам мощь умножит!
— Его напутствие
Броней послужит.

Мерный скач-полет воздушного всадника явственно определяется для слуха.

Г о л о с а

— Горяч, как полдень,
Под ним н о с и т е л ь:
— Он мчится в молниях,
Как в яркой свите;
— Он сам — оружие,
Поборник сирым;
— Конь нашей дружбы
С животным миром!

Н е и з в е с т н ы й,
вслушиваясь

Топот Белого Всадника...
Кем был он? где коронован?

Даймон! Ты — наш посредник;
Дай угадать мне, кто он!

Д а й м о н

В твоей стране
Он жил, он правил;
Он сам прибавил
Свой груз к Вине,
Но, взяв Вину,
Он понял, с кем он;
Он понял: демон
Влечет страну
Чредой подмен,
Столь явных ныне,
В кольцо гордыни
И в адский плен.
И ложь держав
Отверг он сердцем;
Быв самодержцем,
Ушел, избрав
Седой туман
Да нищий посох,
Омытый в росах
Нездешних стран.

Звук конского скача стихает.

Г о л о с Я р о с в е т а

Ты предшественника Антихриста поборол;
До Синклита

Шаданакара

ты достигнул;
Что увидел ты с поднебесия, мой орел?
Что за свиток

тебе Сын Господа

развернул?

Г о л о с И м п е р а т о р а - и с к у п и т е л я

Гибель зарится,

Яросвете,

на твой чертог.

Чужеземные уицраоры разъярены;
Их обуздывает

великий

Противобог,

То было в песках Египта,
И русской весною было,
И может быть, ваша крипта
Не вовсе его забыла.

Неизвестный
с трепетом и радостью
«Рыцарь-Монах»!..
Он снился мне! брезжил... снился...
Лишь тенью своей — иль сам...

Даймон
Ты чувствуешь — он прикоснулся
Ладонью к твоим волосам?

Неизвестный
невнятно
За что же это... за что же?
Как сторож,
дремал на посту я...
Коллеблющиеся, ничтожные,
Полжизни изжиты впустую!

Даймон
Молчи о прощенном заранее.
Еще истончи свое зрение!

Неизвестный
Чуть различаю — следом — другого,
Он без оружия, зрим едва,
Но раскалено, как белая лава,
Само средоточие духа его...

Даймон
Когда-то он сжег золотое создание,
Двойственность долга испив до дна,
Но смертная горечь самозаклания
Давно, о, давно уже утолена!
Теперь готовит он действие наше
Ко дню наивысшего из торжеств...
О, как химерам слепяц и страшен
Его малейший
взор
и жест!

Неизвестный
Изнемогает состав мой душевный
От близости тех, кто гением был,
Чей облик теперь, в Синклите верховном
Испепеляющ... бесплотен... бел...

Даймон
А следующий — как молния:
Сияющ, гневен и грозен.
Великим поэтом, пророком
Был он в своей стране...

Неизвестный,
дрожа
Господи... мой любимейший!..
Дай мне склониться наземь...
Дай драгоценную руку
Видеть и плакать мне!..

Даймон
Сто лет миновало, как он пророческим
Запечатленным стихом предварил
Век наш с его богоборческим зодчеством
И вожака его сил.

Неизвестный
Знаю, но...
что ж это, даймон?! Он сам
Передо мной склоняется...
Даймон! Мне страшно! Твоим чудесам
Совесть и разум противятся...

Даймон
Ты робок. Тебе еще странно.
Прими все, что видишь, смиренно.

Неизвестный
Смиреньем... нет, просто сознанием
Кто он, исполин, кто — я,
Обожжена, как пламенем,
Давно гордыня моя.
Душа с младенчества никла
Пред огненным даром его...

И гаснут они, задышающиеся
Под каменным панцирем ночи.

Молчание.

Голос Яросвета

Братья! Братья!

Переводители

дальних стран!

В страшный час этот вы слышите ли меня?

Соприствуете ли

нам вы

с пяти сторон,

Соболезнование

к нашим бедствиям

преклоня?

Тишина.

Над хребтами Восточного горизонта становится видимой световая, стремительно движущаяся фигура в струящихся одеждах. Лотосообразная корона; прекрасный лик.

Голос

Те же низвергаются

на мой

край

беды!

Враг мой загоразживает тьмой

рай

Будды;

Новый уицраор моих стран

злей

тигра:

Сумрачна, тяжка в нем, как уран,

кровь

Жругра!

На Юго-Восточном небосклоне, далеко за горными цепями, возникает облик сидящего гиганта в белом, с розовой радугой, пересекающей его чело; концы радуги исчезают за его плечами.

Голос

Помня уицраоров,

Синклит

стран

Ганга

Взвесил и отринул вековой

долг

крови;

Грянет ли к сраженьям над страной

гул

гонга,

Лишь эфирной помощью помочь

мы

вправе.

Обе руки сидящего приподнимаются: стаи белых и розовых цветов возникают и опускаются за темными горами.

Тишина.

Ярко-зеленое бурное сияние, пересеченное оранжевыми вспышками, проступает из мрака на Юге. Лик едва различим — только пылающие глаза, опущенные и точно прожигающие землю.

Голос

Сбросил с уицраоров

моих

стран

древних

Ковы и запрет я, и Синклит

мой

смолк,

Чтобы не ослабить их для битв

лет

гневных

С тем, чье низвержение в Уппум —

наш

долг.

Пауза.

Видно, как фигура, облаченная в голубовато-сиреневое блистание, с серебряной тиарой на голове, готовится опрокинуть кубок с раскаленно-красным вином над горизонтом Юго-Запада.

Голос

Если похищает сатана

ключ

жизни,

Землю

от духовности

плитой

мглы

скрыв, —

С Жругром и Лай-Чжоем будет бой

наш

в бездне.

Горе сверхнародам! Горе всем,

кто жив!

Земля колеблется. И видно, как над морями Северо-Запада лучезарный
гигант в синем и лиловом снимает с себя золотой зубчатый венец.

Г о л о с

Брат! Из уицраоров

один

мною

светел:

Скоро он предстанет, с золотым

схож

львом;

Если не отступит сатана —

все

в пепел

Бросит мой Укурмия — мой лев,

мой гром.

Этим я отрину от себя

дар

славы,

Право на водительство земель

в веках, —

Знаю! Но достойнейший возьмет

то

право

И перед лицом его бежит

сам

страх.

Гигант бросает свой венец в дальнее море. Море воспламеняется.
Огненные языки волн взлизываются до туч.

Все гаснет.

Слои охватываются темнотой. Слабо мигают только огни в катакомбах.

Ш е п о т в К р и п т е:

Д е в у ш к а

Страшно знамение будущих дней,

Грозно!

С в я щ е н н и к

Встанет огнями против огней

Бездна...

М о л о д о й и н т е л л и г е н т

Тяжко чудовище движется в ней,

Грузно...

Р е к т о р

Поздно надеяться. Враг все сильней.

Поздно!

Г о л о с Я р о с в е т а

Не восполнен еще собор наш:

звучанья Навны

Еле слышатся,

чуть доносятся, —

блеск погас...

Ты, невеста моя! Ты, узница сил державных!

Вечно юная,

долгожданная!

слышишь нас?

Д а л е к и й г о л о с Н а в н ы

Я — с тобою,

со всеми снмами

православных,

Кто в Небесной России молится в этот час.

Я р о с в е т

Так. Затеплите же созвездья живых огней!

Совість мечется,

разрывается,

разум нем;

Выбор ставился и таинственной, и грозней,

Но горчайшего

не возникало

ни перед кем.

М о л ч а н и е.

С т а р ы й с в я щ е н н и к,

тихо

Склоните колена, все слышащие!

Все видящие!

Все плачущие!

Все собравшиеся в крипте становятся на колени.

Я р о с в е т,

возвышая голос

Молите Бога

об откровении,

об ответе:

Да различим мы
 путеводительнейший
 глагол,
 Найдем дорогу — непредрешенную нами,
 третью,
 Избежим ужаса от избрания
 зла из зол.
 Молитесь, праведники,
 духоискательствовавшие
 по кельям!
 Молитесь, гении, что были вестниками внизу!
 Молитесь, слышащие мой голос по подземельям,
 И родоумыслы, когда-то правившие в грозу!

Удар колокола.

В наступившей тишине слышится как бы шорох коленопреклонения великих множеств и затепливания друг от друга тысяч, может быть, миллионов огней. В крипте все, кроме Неизвестного, закрывают лицо руками. Тогда становится видимым белый многобашенный Собор, как бы воздвигнутый из живого света и окруженный гигантскими музыкальными инструментами, похожими на золотые лиры. А вокруг — необозримое море огней в руках Синклита.

Акт седьмой ГЕФСИМАНИЯ

Крипта, едва различимая в темноте, кажется опустившейся глубже. Выше нее все укрыто мраком. Оттуда, из Небесной России, льются голоса, но тьма редет лишь минутами и лишь настолько, чтобы световые очерки Великого Собора и Предстоящих вокруг него казались еле видимыми сквозь густой туман.

Голос Яросвета

Прежде вступления молящихся множеств во храм,
 Сосредоточим себя
 на общении сердца с Христом.

Старший из святителей
 на лестнице собора

— Сердца имеем горé!

Я р о с в е т

— Мироздания лоза нетленная,
 Солнце праведных,
 Бог —
 Сын!

Состраданием во всей вселенной
 древле распятый
 Бог —
 Сын!

Цепь закона преодолевающий
 изнутри
 Бог —
 Сын!

Плоть исконную преображающий
 в блеск зари,
 Бог —
 Сын!

Примирающий, вочеловечившись,
 двух врагов,
 Плоть —
 Дух!

Устремляющий в лоно Вечности
 из веков,
 Путь
 Двух!
 Поднимая к Твоим обителям
 нашу скорбь,
 Взор,
 Слух,
 Русь Небесная ждет наития
 Твоих сил,
 Наш
 Друг!

К л и р

Боже великий! Бездна видна!
 Мукам нет дна.
 Скорби нет дна!

Г о л о с И м п е р а т о р а - И с к у п и т е л я

Умножать ли борьбу нам
 с мощью воинств багровых,
 Совмещая усилия
 с силой ярых во зле
 Уицраоров чуждых,
 мир повергнуть готовых
 В непроглядное горе
 там внизу, на земле...

К л и р

— Имени нет
 горю тому!
 Бою тому!
 Мраку тому!

И м п е р а т о р - И с к у п и т е л ь

Иль отбросить оружие,
 этим силы утроив
 Уицраора Жругра
 в его жгучей крови,
 Чтоб враги его царства
 отступили без боя...
 Выбор страшен, о Боже.
 Укажи! Вдохнови!

К л и р

— В Вышнюю Русь
 сумрак проник,
 Холод проник,
 Ужас проник.

С т а р е й ш и й и з с в я т и т е л е й

Твою помощь в бою с погибелью
 Молим все.
 Твоей Правды при грозном выборе
 Молим все.
 Мимосшествия бури близкой
 Молим все!
 О кромешной стране Российской
 Молим все!

К л и р

— Господи! Помилуй!

С в я т и т е л ь

От мора, голода ее, от обнищания
 Защити!
 От властелинов с печатью Каина
 Защити!
 От лжезаконов их беззаконных
 Защити!
 От кар и казней многомиллионных
 Защити!

К л и р

— Господи, помилуй!

С в я т и т е л ь

От оскудения рек духовности
 Оборони!
 От моря ненависти, от смерти совести
 Оборони!
 От суховеев с пустынь порока
 Оборони!
 И от рабствования духу Мрака
 Оборони!

К л и р

— Господи, помилуй!
 Защити ее нами, нашим бдением бессонным;

Обетóванных
 подъемов горних
 им в лоно света —
 Молим все!

О браке жданном
 Души Соборной
 и Яросвета —
 Молим все!

К л и р

Из эфирного золота
 несравненными лирами
 Семь веков окружали мы
 созидаемый храм:
 Зазвенеть их заставят
 лишь архангелы крыльями,
 Весть о браке напутствую
 по мирам и мирам.

С в я т и т е л ь

Выражение
 Предвечной Женственности
 в их дивной Дочери
 Благослови!

Ее рождение
 в живой пространственности
 Руси Полночной
 Благослови!

Да будет плоть Ей —
 всечеловеческое
 земное братство:
 Благослови!

Да станет кротостью Ее
 просвечено
 земное царство:
 Благослови!

К л и р

От ясного детства
 до мудрого старчества,
 В семье и содружествах,
 в трудах живых,
 Да станут вседневным
 Бого-сотворчеством
 Деянья людей
 и дыханья их!

С в я т и т е л ь

Мы Розой Мира
 зовем то зодчество;
 все страны, грады все
 Заблещут в ней:
 Духо-веселие,
 Бого-сотворчество,
 миро-сорадование
 Грядущих дней.

Жизнь просветленна
 в трудах и праздниках,
 в игре, хвале, —
 То впереди
 Предвозвещённое
 блаженство праведных
 на всей земле,
 Гряди! гряди!

Я р о с в е т

О Родник состраданья!
 Вечно-чуждая гнева!
 Вновь звучат Тебе гимном
 все чертоги души, —
 Нет, не имя — лишь слово
 Госпожа-Приснодева,
 Как в старинных преданьях,
 повторять разреши!

Все приму: воздаянье
 вечной стужей и мраком,
 Лишь улыбкой надмирной
 просквози в этот край,
 Не снимай благодати
 с предрешенного брака,
 Путеводного взора
 с наших душ не снимай!

Пусть — ни солнца, ни рая,
 ни жезла, ни короны,
 Пусть до дальних низовий
 ураган, мятежи, —
 Прав ли я, отвергая
 древний долг обороны,
 Попуская День Крови?
 Отзовись! Укажи!

Весь Синклит и все воинство

Все созвездия зыждущая
 Красотой совершенной.
 От возмездия милующая
 Дева-Матерь вселенной!
 Всех сердец утешительница
 Неоскудной любовью!
 Всех ночей озарительница —
 Отзовись славословью!

Ответ из запредельных сфер, не вмещимый ни светом, ни звуком, прикасается к Мировой Сальватэрре, преломляется — низливается к куполам храма в Небесном Кремле и дробится на множество блистающих радуг.

Я р о с в е т — Р ы ц а р ю - М о н а х у

Был ты в жизненном следовании
 Всеблагою привечен;
 Строг в Ее исповедовании,
 Ее розой отмечен, —
 Помоги же разгадыванием
 Тайны, явленной в знаке,
 Утоли меня радованием
 О взыскуемом браке!

Р ы ц а р ь - М о н а х
 Демиурга ль могущественного
 Человек прозорливей?
 Отзвук мира Божественного
 Невмещаем во слове;
 Речь немеет, истаяивающая
 В приближении к раю...
 Тщетно мыслью расслаивающей
 Тайну в звук облакаю.

Радуги медленно меркнут, но одна осеняет лоб и грудь Рыцаря-Монаха.

Лишь одну отраженную
 Мысль вмещаю словами...
 Говорит Всеблаженная:
 — В ы б о р с д е л а н — д р у г и м и:
 Все, благое и злое,
 Брат твой бросит огню.
 В з о р с т е б я н е с н и м а ю.
 Т в о ю Д о ч ь о с е н ю.

Глубокая тишина.

Старый священник в крипте

Ныне отпускаеши
 раба твоего, Владыко,
 по глаголу Твоему,
 с миром...

Тихо и медленно начинают гудеть все колокола Собора.

Я р о с в е т

Так взойдем к созерцанию
 Изначального Логоса
 Перед спуском Синклита
 К бою в темный Друккарг.

Третий удар великого колокола.

Слышно, как распахиваются двери, и внутреннее пространство храма Солнца Мира на миг приоткрывает свою звуковую жизнь. Поднимающаяся волна невыразимого напева ангельских клиров начинает медленно удаляться, как бы заслоняясь новыми и новыми средостениями, словно горная вершина, все ледники и фирны которой зазвучали в едином сверхчеловеческом гимне, удаляется, уплывает, возносится ввысь.
 В катакомбах тишина.

Д а й м о н

Встаньте. — Такие служенья
 Неприкосновенны для слуха:
 Они разорвали бы сердце
 У бедных детей земли.

Г о л о с а в к р и п т е

Друг наш! Неизреченно
 Испытанное душою:
 Теперь начинает брезжить
 Каждому
 его долг.

Н е и з в е с т н ы й

Не знаю, чем я достоин
 Видеть и то, что видел,
 Слышать и то, что слышал —
 Близкими...
 как зыбь волн.

Д а й м о н

Когда, младенцем, ты спал
 в зыбке,
 Тоскуя в смутном земном
 сне,

Сам Яросвет твой подъем
 зыбкий
 Измерил, счел и вручил
 мне.
 Твори! Готовься к иным
 севам!
 Уж стены тюрем грозят
 пасть,
 И те из вас, кто силен
 гневом,
 Возьмут горчайшую из нош —
 власть.
 Когда ж умолкнут кругом
 грозы
 И поколение пройдет,
 мы
 Спуск лучезарной, твоей
 грезы
 Благословим в глубину
 тьмы.
 Иных побед и другой
 славы
 Перед тобой расстелю
 плат,
 Чтоб дни склонялись, как ниц
 травы,
 У ног твоих, наш земной
 брат!
 Вся помощь рая — в твоей
 силе,
 В судьбе — народных судьбин
 суть,
 И Млечный Путь
 в небесах России
 Глядит, как пастырь, на твой
 путь.

 Н е и з в е с т н ы й
 Но что я должен?
 К чему назначен?
 Что, кроме песен, доступно мне?

 Д а й м о н
 Ты — тот, кто принял
 в зените ночи

Весть о грядущем с высот
 дне.
 Ты утвердишь мировой
 град свой —
 Не гнет державный, но мощь
 скреп,
 Что свяжут мир круговым
 Братством,
 Живым, как воздух,
 простым, как хлеб.

 Г о л о с Р е к т о р а
 Друзья! Наш старый священнослужитель
 Умер.

 В катакомбах замешательство.

 Он скончался, преклонив колена,
 Смертью праведных.

Одна за другой тают звуковые преграды, защищавшие катакомбы со всех сторон. Гул машин с поверхности города передается по вздрагивающим земным пластам. Сквозь него прорываются отдельные выкрики: там, волею Автомата, подготавливается новое потрясение умов.

АКТ ВОСЬМОЙ
СПУСК

На городских часах только что пробило д е с я т ь. Это поражает: течение времени кажется замедлившимся необычайно. Звуки, достигающие до катакомб, расслаиваются. Монотонно гудят под городскими кварталами установки засекреченных заводов.

Ясно слышатся низкие, басовитые г о л о с а р а б о т а ю щ и х в самом глубоком этаже:

— Носим антрацит, носим,
— Втащим, раскачаем, бросим,
— Месиво в котлах месим,
— Гипер-циклотрон высим.

Не так отчетливо звучат б а р и т о н ы из кабинетов и лабораторий:

— Рефикс... позитрон... Точно!
— Надо их дослать кучно.
— Этот себя вел склочно...
— Дайте ваш приказ зычно!

Из надземных этажей долетают лишь реплики бодрых т е н о р о в, в интонациях чувствуется приподнятость настроения и даже резвость:

— Лампочки в софит... Bravo!
— Ту — на сантиметр вправо...
— Лучше бы... чуть-чуть... криво.
— Эврика! Совсем ново!

Собравшиеся в крипте сосредоточены и молчаливы. Недавно пережитое заметно сплотило участников, сгустило серьезность в их настроении.

М о л о д о й и н т е л л и г е н т
Закончилось странствие
Хранителя-старца:
В другие пространства
Отпущено сердце...

Р е к т о р

А мы предоставлены
Игре отражений...
Кем будет возглавлен
Ход наших служений?

Д е в у ш к а
Тем из нас, кто внимал
первым
Звону истинного Кремля;
Чьи созданыя
голубым перлом
Светят, горе нам убеля.

Неизвестный молчит, но
Г о л о с е г о Д а й м о н а
теперь улавливают минутами и другие собравшиеся.

Крест ответственности,
груз знания
Вправе взять теперь только ты.

Неизвестный

Но пора ли? Ведь накануне я
Как слепец бродил сквозь пласты,
Я скользил, плутал, а ты видел,
Обо мне скорбя, как в былом
Создал я свой тотем, идол
Из забавы добром и злом,
До сих пор не забыть

песни,

Что влекла меня внутрь, вниз,
И все круче был спуск, отвесней,
К тем берлогам, что спят

в нас.

Д а й м о н

Ты был прав. Испытав шахту,
Путник знает подъем вверх.
Но тогда оборвал шаг ты
У изнанки грядущих вер.
До пределов, где спит Велга,
По кругам шеолов¹ пройти —
В этом боль твоего долга,
Крест пути.

М о л о д о й и н т е л л и г е н т
Успеть ли? Покой — лишь краткий

отрезок

На темном и бурном шелку
эпох,

1. Ш е о л (цудаист<ское>) — теневая страна умерших. Здесь — темные миры чистилиц.

Испепелится, и дух его горек
Станет, как сам Ахерон.

Г о л о с п е р е в о з ч и к а,
глухо

Взад и вперед — неподвижно движенье,
Плотные волны — все те ж...
Вечная полночь! Избавь от служенья,
Сном непробудным утешь...

Т и ш и н а.

Теперь крипта представляется высоко вверху, превратившись в неясно светящееся пятнышко. Посвистывает ветер.

Д а й м о н

Ты видишь?

Н е и з в е с т н ы й
Не знаю... Я чувствую
Смещение координат,
Томящее головокружение...
Неясность пути назад...
Немыслимое сооружение —
Нет, кажется, груды гор...
Пульсирование их и движение,
Как чаш под грузами гирь...

Д а й м о н

Не с той ли, быть может, громады могучей
Когда-то услышал ты пенье?

Н е и з в е с т н ы й

Но голос тот был и пьянящ и летуч,
И смутен, как нежная тень...

Д а й м о н

Что же пела она?

Н е и з в е с т н ы й

Не знаю... Слова напрасно ловлю,
До сознания лишь стих долетел:
«Нищ твой удел —
Стать на краю,
Робко взирающим в пропасть мою:
Не на краю —
Лишь в глубине
Горшей из бездн
причащаются мне».

П а у з а.

Помню образ: «Здесь, за Ахероном,
Охраняя тайный мой приют,
Кружат луны в траурных коронах
И поют, волшебные, поют...»

П а у з а.

Я думал: то Велга, свое колдовство
Сплетая над городом, пела...
Но нет: необъятная, как божество
Звала за последний предел.

Т и ш и н а.

Кажется, будто ветер приобрел большую силу и заунывность, налетая порывами, похожими на вздохи великанов.

Е л е с л ы ш н ы е г о л о с а в к р и п т е

— Станем вокруг спускающегося
Братством суровых клятв!
— Обережем тоскующего
Собором наших молитв!
Ты стал в эту ночь вдохновения
Для нас — духовным окном...
— Чьи жалобы, чьи вздохи
Сквозь слух твой сочатся к нам?

Н е и з в е с т н ы й,
слабо вскрикивая

Это они! Узнаю! Их державный
Облик, багровую ткань покрывал...
Вон, среди них тот колосс, что недавно
Из саркофага смертного встал!

Д а й м о н

Пленники, вечные кариатиды,
Ныне поддерживающие Цитадель;
Те, кто ковал былые победы
Царства,
теперь растущего вдаль;
Ваши прапрадеды,
ваши деды,
Старых триумфов былая скрижаль.

Н е и з в е с т н ы й

Да, — сединою нездешней седы
Бурые лики... Щемяще жаль

Мне этих узников. Но... как странно:
 Нет, они движутся! Камень и сталь
 Медленно приподымают... Туманно
 Вижу унылый и жесткий стиль
 Сумрачных зданий этой вселенной,
 Этих дорог багряную пыль...

Г о л о с а д в и ж у щ и х с я к а р и а т и д —
*смутные, невнятные, — отдельные слова, еле связанные друг с другом;
 стенания, почти лишённые смысла*

— Строй,
 раб,
 поддерживай
 Свой
 плен —
 Груз глыб живой!
 — Пусть
 труд
 бездомника:
 Жар
 магм
 припомни-ка!..
 — Смерть
 если б
 смилостивилась...
 — Ночь
 если б
 сжалостивилась!
 — Хоть
 в персть
 развеивание...
 — Хоть
 в прах
 расслаивание...
 — Хоть
 в пыль
 размалывание!..
 Нет
 нам
 помилования.

Б е з м о л в и е. Никакого ответа. И опять стоны, похожие на мольбу.

— Дух!
 Храм
 вверх

строящийся!
 — Друг,
 брат,
 брат
 кающийся!
 — Ты,
 гнет
 барм
 сбросивший!
 — Ты,
 смысл
 карм
 взвесивший!
 — Ты
 знал
 крест
 царствования;
 — Ты
 блюл
 долг
 бодрствования...

Г о л о с И м п е р а т о р а - И с к у п и т е л я
с огромной высоты, далеко над катакомбами

Схожу,
 но порог ваш засыпан
 и взгорблен,
 Правящий игва мудр, как Ликург,
 И гекатомбы неслыханной скорби
 Спуск преградили
 в ваш
 Друккарг.

Теперь уже не ветер, не стоны кариатид, но медленные удары глухого, с огромными интервалами, всю землю сотрясающего пульса различаются в звуках, которые недавно казались порывами ветра.

Д а й м о н
 Ты мечтал о траурных лунах —
 Смотри, поэт!
 Других
 в преисподних лонах
 Нет.

Три светила тусклого цвета, похожего на темно-лиловый, проступают в рыжем пространстве среди несущихся паров. Одно из них кажется почти черным. Представление верха и низа сдвигается: область лун кажется то небом, то глубиной пропасти.

Д а й м о н

Так видят игвы
миры страданья,
Тлеющие
в средоточье земном,
Преддверья обратного мирозданья,
Первые
из его наружных хором.
Смотри, коли смеешь, на это солнце,
Яснеющее
сквозь ключья паров:
Его ль инфракрасные протуберанцы
В твой сон возносились
со дна миров?

Н е и з в е с т н ы й

Его.

Д а й м о н

Любуйся ж на дымные космы, —
Лик ада, рассматриваемый в ребро:
Это — не солнце: лишь — Антикосмос,
Творчества дьявольского ядро.

Теперь крипта катакомб кажется затерянной в недоступной высоте и едва мерцает, как звезда.

Н е и з в е с т н ы й

Вижу неимоверную крепость,
Подобно хребту —
острием
вниз:
Да, конус из черных базальтов
в пропасть

Венцом повис.
Черными молниями
ширяют,
Снуют вокруг —
Не знаю, кто — помавают, реют,
Блюдут порог.

Г о л о с а и г в

— Упитаны ли по стойлам бойцы?
— Вскармливаются;
— Ох, вскармливаются.
— Просачивается ли шемойя в сердца?

— Всачивается...
— Ох, всачивается!
— Готовы ль раругги соседних шрастр?
— Вскидываются...
— Ух, вскидываются...
— Наш луч пепеляющий достаточно ль остр?
— Взлизывается!
— Ух, взлизывается!

Д а й м о н

Сквозь них... напрямик... твердо,
Не оборачиваясь — спеши:
Всем ярусам этого города
Открой слух души!

Точно порыв раскаленного воздуха опалает окрестность. Слышится клочкотание, стремительное снование, сплетание и расплетание чьих-то обширных «я», объединенных тревожным и поспешным трудом.

Г о л о с а р а р у г г о в

— Всплеснулся ль к мирам демиурга наш круг?
— Всплескивается...
— Ух, всплескивается!
— В Небесном Кремле нерушим ли порог?
— Взламывается!
— Да: взламывается!

Резкий голос Великого Игвы

С подземного Юга грядут войска —

Р а р у г г и

— Вздываются!
— Вздываются!

В е л и к и й И г в а

Уж рвутся из Северного тайника —

Р а р у г г и

— Вспучиваются!
— Вспучиваются!

И г в а

С подземного Запада летят, как смерч —

Р а р у г г и

— Взвеиваются!
— Взвеиваются!

И г в а

Из скважин Востока змеятся вверх —

Р а р у г г и

— Взвихриваются!

— Взвихриваются!

Н е и з в е с т н ы й

Так вот чье господство чествовали

Наши народы в гимнах...

Вот кого мы предчувствовали

В корне зол повседневных...

Даймон, не в этом пространстве ли

Небесная наша царица?

Д а й м о н

Вот.

Внезапно приоткрывается необозримое по своей длине, но невысокое сооружение, может быть, небольшая часть кольцеобразной крепости, окаймляющей Друккарг. Ее стены местами излучают слабое голубое сияние: других источников синего или зеленого цвета в этом слое нет. Незвестный опускается на колени.

М о л ч а н и е.

Г о л о с Н а в н ы

Подошел? Приблизился? — милый

Мой мальчик, искатель мой смелый!

Поведаешь людям, что видел,

Что горестный дом мой проведаль...

Теперь ни в гробу, ни в темнице,

Ни в самом глубоком колодце

Мой отблеск тебе не затмится,

Лазурная нить не порвется.

Н е и з в е с т н ы й молча целует багряную землю Друккарга.

Д а й м о н

Но разве не видишь местами

От крепости отсвет другой?

Н е и з в е с т н ы й, *поднимаясь*

Да, странное, зыбкое пламя

Оранжево-рыжей дугой.

Здесь я не думал встретить другую, —

О, ее тоже, как встарь, узнаю, —

Боже, но те ли

слова ее рдели

Пурпуром страстным

в юность мою?!

С т е н а ю щ и й г о л о с

Жгут меня душевные глыбы...

Жмут меня крепкие скобы...

Жажда палит мои губы...

Вздернуто тело на дыбы!

Г о л о с а в Ц и т а д е л и

— Безрассуден твой гнев,

мать темная:

— Иль не видишь — растет

расть шумная,

— Крепнет наших фаланг

стать дымная,

Неумная!

А ф р о д и т а В с е н а р о д н а я

Что мне до огненной мощи?

Рвут меня крючья и клещи, —

Все беспощадней, все резче

Ветер из бездны горящей!

Плоть моя плачет все горше

Каждым бездомным ребенком!

По лагерям и застенкам!

По безымянным поминкам!

По очагам разоренным!

По колумбариям! Урнам!

По искалеченным кармам!

Камерам! каторгам! тюрьмам! —

Г о л о с у и ц р а о р а

Если б мудрость

твою колеблющуюся

умчало

То видение,

что владычествует

во мне, —

Как померкло бы

для тебя

этих дней начало

В этом городе,

в этой сумеречной стране!

А ф р о д и т а В с е н а р о д н а я

Что мне до лютой гордыни

Зодчих вот этой твердыни?

Ропщет вся кровь от страданий,
 В красных стигматах ладони!
 Ты обещал мне, как чудо,
 Новые дивные чада,
 Но от твоей благодати —
 Только чугунные дети!
 Строите этот чертог вы
 Мудростью старшего игвы,
 Проклято черное семя!
 Рухнет в ничто ваше имя.

У и ц р а о р
 Это — призраки
 твоей ревности
 и безумья!
 Что мне игва
 с его рассудочным чертежом?
 Лишь — орудье мое покорное,
 только — зубья,
 Лишь — до времени,
 перед огненным
 рубежом.
 Вижу солнцем себя ликующим,
 и монады,
 Что вращаются,
 торжествуя
 и звеня, —
 Мне покорствующие
 мириады
 и мириады,
 С гимном ангелов
 погружающиеся
 в меня.
 Сломан стержень
 перенапрягшихся
 коромысел!
 Иль ты все еще,
 ослепляясь,
 не поняла,
 Что подобного
 всдержителя
 не возвысил
 Никогда еще
 drobный хаос
 добра и зла?

Неизвестный —
 шепотом

Вижу его непроглядную ауру,
 Бурю в мерцающем взоре...

Отдаленный голос Карны
 Горе последнему из уицраоров,
 Горе!

Голос Великого Игвы
 в тайнике великого капища, среди посвященных

Гордыня бешеная и слепая
 Окрепнет пусть:
 Полезна власть его над толпою,
 И гнев, и злость;
 Чтобы мятежника-демиурга
 Швырнуть в Уппум;
 Чтоб мир, бушующий вне Друккарга,
 Нам стал рабом.

Великий Игва впадает в транс.

— Смотрю в геенну. Мой дух в ознобе,
 Лишь ей слуга.
 Инфралоновая в черном небе
 Горит дуга.
 Пылает, блещет от края к краю,
 Мостом вверху...
 Какому гимну доверю тайну,
 Хвалам, стиху?..
 Гагтунгр! Я внемлю! Я зрю воочью
 Сквозь весь Энроф¹
 Метагалактики средоточье —
 Итог миров:
 Обитель господ Люцифера
 В живом огне...
 Замкни уста мне. Пусть эта сфера —
 Тебе и мне.

Великий Игва погружается в бессмятство.

Неизвестный
 А, сатанинская мистика!
 Верность глубинной скверне!..
 Это — хитрей, чем свастика

————— 1. Энроф — космическое трехмерное пространство, астрономическая вселенная.

И пентаграмма черни...
 Так вот какого владычества,
 Царства какого ради
 Длит балаган свой жречество
 В нашем, в наземном граде...

*Слабо различаемый голос Ректора
 в катакомбах*

...За эту химеру немислимую
 Мы платим в круговороте
 Золотом жизней бесчисленных,
 Ценою народной плоти...

Д а й м о н — грозно
 Народного духа!

М о л ч а н и е.

— Дальше, ниже:
 Где души — как клочья дыма...
 Он плачет о плоти?

Взгляните же
 На то, что н е п о п р а в и м о.

Теперь делается ясно, что источник ударов, казавшихся ударами пульса, стал ближе. Крипта, мерцавшая слабой звездой вверху, исчезает окончательно. Чувствуется колоссальная глубина. Обоих спускающихся охватывает мгlistый, едва освещенный туннель со слабым уклоном вниз. Над медленно текущим по дну потоком возникают как бы завитки промозглого тумана, бессильные оторваться от бесцветных вод. Однако они еще одарены способностью жалобных, почти бессловесных звучаний.

Н е и з в е с т н ы й
 Кто это?.. чьи это голоса,
 Дух надрывающие?

Д а й м о н
 То — не имеющие наименования
 владельцы карм
 всё
 длят
 свой
 плен:
 Кишат, и носятся, и опускаются
 уже без форм,
 в хлябь,
 вниз,
 в глубь
 пен:

Скорлупы дряблые,
 недоразвеянные
 там, на земле —
 сор
 дней,
 шлак
 душ,
 Когда-то прядавшие
 по стокам города
 в поддонной мгле
 жерл,
 ям,
 рвов,
 луж...

Н е и з в е с т н ы й
 Вижу — вижу в них
 отсветы
 Прожитых наверху
 дней, —
 Стойл, квартирок,
 углов выцветших,
 Суету
 праздных теней...

В сплески слабых голосков
 — По хлябям вспучиваемся...
 — Во мгле раскачиваемся...
 — Чуть-чуть вскарабкиваемся...
 — От волн отталкиваемся...
 — Ах, если б в теплышко!
 В родное дуплышко!
 — Ах, в норку б черненькую...
 — Ох, в тельце б жирненькое...

Д а й м о н
 Это — те, кто растлен
 капищем,
 Кто без ядер, кто стал
 скопищем.

Н е и з в е с т н ы й
 Но они ж невиновны, даймон!
 Тяжесть страшных вин —
 на других...

Объясни мне, ответ дай мне:
 Что взыскать Ему с малых сих?
 Д а й м о н
 Не знает взысканий, струит благодать
 Великое Сердце Вселенной
 Творя, как Отец, и тоскуя, как Мать,
 Как Сын, выводя из геенны.
 В боренье с богоотступными «я»
 Законы и карма возникли:
 Они — не всеобща для форм бытия,
 Но царственны в нынешнем цикле.
 Они — равнодействующая, итог;
 Мы волим их снять, уничтожить;
 Страданье впивающий Противобог
 Их грузность стремится умножить.
 Н е и з в е с т н ы й —
 упорно
 Что же тем, кто растлил «малых»?
 Кто несет всю вину
 воль?

Д а й м о н
 Скоро, в ужасе небывалом,
 Ты простишь им всю кровь и боль.
 Н е и з в е с т н ы й
 Им?!
 Самому Иисусу не вывести
 чьих зол след?!
 Пощады от человеческой совести
 Им — нет!
 Нет им за этих несчастных, извергнутых
 Вспять,
 в муть волн,
 Мукою чьей сердце Бога истерзано,
 Сам рай полн!

Источник ударов, казавшихся биением пульса, теперь становится очевидным. Только слои, несравненно более глубокие, чем Друккарг, способны были бы привести в движение этот океан, подкатывающийся на берега всей тяжестью своих чугунных спондеев.

Д а й м о н
 Вспомни же миф о бесстрастности мойр,
 Режущих грешные судьбы:

Пояс бушующих магм,
 У к а р в а й р,
 Смог ли ты перешагнуть бы?
 Н е и з в е с т н ы й —
 резко
 Я знаю. Я должен. Ступивший на край
 Ждет спусков до дна, а не свадьбы!

С п у с к п р о д о л ж а е т с я.
 Чувствуется минование новых и новых слоев, может быть, целых миров нисходящего ряда, пока внизу не начинают вздыматься, изгибаясь кривою необозримой длины, гороподобные волны, мутно светящиеся красновато-рыжим сиянием.

Д а й м о н
 Напрасны яростные,
 задыхающиеся
 хулы,
 Напрасны самые испепеляющие
 из покаяний,
 Когда расплющивают
 ометалличивающиеся
 валы
 Неповторимейшее
 и драгоценнейшее
 из достояний.

Н е и з в е с т н ы й,
 содрогаясь
 Как же войдем мы в горящую эту среду?
 Д а й м о н
 Разве ты чувствуешь жар?
 Ты призраком, не подлежащим суду,
 Проходишь
 сквозь Шаданакар.

Н е и з в е с т н ы й
 А ты?
 Д а й м о н
 Мое телесное тело — здесь,
 Твое — в катакомбах спит,
 Мистическим разумом видь
 и взвесь,
 Что на тебе
 нет пут.

Неизвестный,
погружаясь в стихию Укарвайра
Как странно — ни в чем не встречать преград,
Сквозь лавы тенью скользя.
Они прозрачными сделались... Брат,
Кто скажет теперь «нельзя»?

Свирепеющие порывы стихии, никогда не видевшей солнца и неба, бушуют со всех сторон.

Д а й м о н
Вникни в шумное ликование
Этих демонов, этих бурь,
В их безумное тоскование,
В злую алчность, в их гнев и дурь;
До Голгофы, до Гефсимании
Воздвигал им народ алтарь,
И неистовые их гармонии
Уж не те, что гремели встарь...

Г о л о с а т е х,
кто бушует в магмах, начинают и вправду свидетельствовать
о каком-то странном, тоскующем восторге

— Торжествуй,
сонм
кличущий,
— Снаряжай,
сонм
плещущий,
— Направляй,
сонм
свищущий,
Наш корабль
в путь,
в даль.
— За чертой
душ
брошенных,
— На весах
дел
взвешенных,
— Навсегда
с нив
скошенных,
С золотых
нив
воль.

— Унесем
их
плавными,
Как размах
крыл
волнами,
Где царит
Мать
Полночи,
Глубже магм —
к ней,
к ней.
— Измельчим
в пыль
дымную,
— Завихрим
в зыбь
темную,
— Запоем
песнь
шумную
На помин
их
дней.

Из глубин Укарвайра стремительно поднимается, проносясь мимо, нечто прямоугольное, громадное и черное, похожее на гроб.

Неизвестный, вздрагивая
Так он был отсюда?
И снова наверх?
И снова в злосчастный город?..
Где же все те, кого он низверг?
В каких еще адских горнах?..

Д а й м о н
Они вокруг нас.
Неизвестный
— Но я их не слышу..
Д а й м о н
Они вокруг нас.
Неизвестный
— Но я их не вижу!

Д а й м о н
 Взгляни на дрожанье багровых шаров,
 Качаемых в огненной влаге.
 Н е и з в е с т н ы й
 Но... это ж не люди!
 Д а й м о н
 Забудь про Энроф,
 Про тех, кто дремал в саркофаге:
 То были гиганты. Пигмеи — вот тут.
 Здесь каждый
 лица лишен:
 Ты видел когда-то пышный парад
 Бездумных людей-машин;
 Не там, но здесь — решающий плод
 Того, что любой свершил.
 Есть ярусы глубже: тираны, цари,
 Псы века там платят долг,
 Мучители наций, сердца-упыри,
 Предтечи и слуги Велг.
 Н е и з в е с т н ы й,
 молясь в нестерпимой тоске
 Плачь, Великое Сердце!
 Кому из народных святилищ
 Благовонным туманом
 текли славословия, — плачь!
 Плачь о хлопьях чистилищ,
 о бедных уродах страдалищ,
 Где вослед за страдальцем
 на муку восходит палач!
 Плачь, Великое Сердце,
 о бездомных скорлупах,
 Чей удел невозвратный
 мог быть строг и велик;
 О мятущихся ключьях
 на последних уступах,
 Обо всех, утеравших
 человеческий лик!
 Плачь о гибнущих ныне —
 о живых мираидах,
 Ежечасно сходящих
 по горящей стезе:

О потоптанных всходах!
 обескрещенных градах!
 О садах и народах,
 обреченных грозе!..
 Д а й м о н
 Готов ли теперь
 к последнему спуску:
 Глубже страдалищ, в тихий Суфэтх?
 Н е и з в е с т н ы й
 Я спуска просил. И не отступаю.
 Сердце сгорело... Ветер подул
 В душу нездешний...
 Уж затихает
 Гул Укарвайра — все голоса...
 Д а й м о н
 Ты коснешься миров окончательной пыли,
 Но и кладбище то — лишь полоса.
 Выше и выше удаляются, замирая, звуки огненного океана; снова минуются за слоями слои; и молчание пустот, отделенных от человечества невообразимыми толщами, поглощает все. Чуть слышное шуршание, похожее на пересыпание песчаных массивов, одно говорит о жизни, еще шевелящейся там.
 Н е и з в е с т н ы й,
 тихо-тихо
 Пустыня... Но сумрак все непроглядней...
 Только вверху — лиловатый нимб...
 Д а й м о н
 Все тот же Нергал, — солнце исподнее;
 Это — скорлупы, еще шуршащие
 Внизу, под ним.
 Н е и з в е с т н ы й
 Нет, не осмыслить
 смыслом разумным...
 Будет ли этим несчастным возврат?
 Д а й м о н
 Не замедляя, прошли мы бесшумно
 Мимо щелей
 в ад.
 Тот, кто сорвался
 к Гагтунгру
 и глубже,

Глубже, на планетарное Дно,
Еще не погиб. Но в этой вот стуже
Бессмертье прекращено.

Неизвестный *невнятно*
Давит тоской нечеловеческой
Мудрость о семенах и плодах.

Д а й м о н
Душу утратив, отсюда в космический
Мрак
выпадает
развенчанный дух.
Спуск невозможен: «я» гаснет.
И след его
Здесь обрывается под золой...

Неизвестный
Значит, и глубже, глубже вот этого
Есть еще слой?!

Д а й м о н
Дыры в пространства галактик.
Д н о М и р а.

Неизвестный
...Вечность?..

О т в е т а н е т.

Неизвестный,
трепеща
Я понял:
н е д в и ж н ы й м и г
п р е д е л ь н о й м у к и.

Д а й м о н
Там нет времен. Но смысл огромных циклов —
Чтоб время там возникло, как у нас.

А над шуршанием пересыпающихся скорлуп снова колеблется — уже яснее —
заораживающий и печальный

Ж е н с к и й г о л о с
Магмы глубин,
Волны миров —
Мой неумолчно звучащий покров:

Дивно грущу...
Мир ваш пряду...
Темных героев на Дно мое жду.
Сдайся! приди!
Дух остуди,
Космос угаснет вдали, позади —
С блеском небес,
С плеском морей,
С вольными криками птиц и зверей.
Мир отмелькал...
Пир отсверкал...
Миру на смену встает мой Нергал...
Снидь же в края
Небытия,
Вне вашей утлой вселенной — как я!

Неизвестный
Так вот мне откуда звучал этот голос,
Маня в неисхоженные пустыри...

Д а й м о н
Великой Блудницей когда-то приснилась
Она мудрецам христианской зари.

Ж е н с т в е н н ы й г о л о с,
замирая с беспредельной тоской
Вечно грущу...
Мир мой пряду...
Темных героев на Дно мое жду...

Д а й м о н
Вечно томит она, вечно неверная,
Похотью духа язвит наши сны...
Хочешь ли странное имя? —
Ф о к е р м а,
Женственная ипостась сатаны.

Т и ш и н а.

Неизвестный
Испепелилось во мне до конца
Все от выдумщика и самозванца.
.....
Если когда-нибудь,
сквозь колдовство
Этих пучин возвращусь я под солнце...

Д а й м о н

Ты возвращаешься.

Ты возвратился!

Веки трепещущие подними:

Новым рождением дух твой родился

Между людьми.

Г о л о с а в к р и п т е

Ты с нами, родной наш скиталец —

Наш странник, искатель, пришлец!

Прислушайся к рокоту улиц,

К гудкам поездов у околиц...

Стены освещенной крипты проступают из мрака там, где не представлялось ничего,
кроме пустынь Суфэтха.

Д а й м о н

Друг! настал раздвигающий

Миг судьбы твоей: слышишь —

Бремена возлагающий

Приближается свыше;

Будешь миром водить водить

Над уклонами к безднам,

Будешь людям свидетельствовать

О Благом и о Грозном.

Г о л о с В е л и к о г о П о с в я щ а ю щ е г о

Все ли, что явлено — понято?

Все ли, что понято — принято?

Д а й м о н

Все.

П о с в я щ а ю щ и й

Все ли, что просится — выстрадано?

Все ли стороннее вытравлено?

Д а й м о н

Все.

Стройно вязал я для младшего брата

В космос — виденья пучин и святынь.

Жаждой пророчества сердце объято...

Н е и з в е с т н ы й

Аминь.

Д а й м о н

В бурную душу младшего брата

Я низводил поток благостынь

С фирнов Олимпа, Кремля, Монсальвата...

Н е и з в е с т н ы й

Аминь.

Д а й м о н

Мышцам духовным младшего брата

Мы сообщаем крепость твердынь

Горнего Града. — В путь — без возврата!

Н е и з в е с т н ы й

Аминь.

Г о л о с В е л и к о г о П о с в я щ а ю щ е г о

Знания верховного чистый чертог —

Встань из развалин сознанья!

Т и ш и н а.

Божьего пламени жгучий росток,

Вспыхни из ран состраданья!

Т и ш и н а.

Воли верховной творящий поток,

Хлынь для чудес созиданья!

Т и ш и н а.

Сердца Вселенной гонец и пророк,

Встань для борьбы и скитанья!

Т и ш и н а.

Г о л о с а в Н е б е с н о й Р о с с и и

Духом пронизанный,

К вести помазанный,

Чист пред судом,

Стал нашим братом,

Венчан Синклитом,

К власти ведом.

П о с в я щ а ю щ и й —

к П о с в я щ а е м о м у

Но знай: радушьем этот век

Нас не встречает у порога:

К кострам сирот, бродяг, калек

Сперва скользнет твоя дорога.

Казнен изгнаньем, как Адам,
 Клеймен судом, как лютый Каин,
 Пойдешь по мертвым городам
 Скорбеть у выжженных окраин.
 Сольются искры душ кругом
 В безбрежном зареве страданий;
 Им будет чужд и дик псалом
 Твоих безумных упований.
 Ты, как юродивый, молясь,
 Бросаться станешь в пыль дороги,
 Чтоб хоть земля отозвалась
 На миф о демонах и Боге!

Неизвестный, *теперь* — Э к к л е з и а с т¹

Ведь наград не ищуща
 По излучинам ночи:
 Знаю, действую, чаю —
 И не властен иначе.

П о с в я щ а ю щ и й

Отрада будет: взор детей.
 Он мглистой ночью городской
 Из нор, трущоб, из пропастей
 Ответит блеском и тоскою;
 Обступят трепетным кольцом
 Любви, мечты, надежд, единства,
 Раскрыв пред истинным гонцом
 Горячих душ гостеприимство.
 В дыму окраин, в чаду квартир
 Они твой жгучий зов припомнят,
 В широкий, Бога ждущий мир
 Они уйдут из затхлых комнат,
 Они враждующий прибой
 Утишут мудростью, венчая —
 Верховным куполом — устой
 Всечеловеческого рая.

Э к к л е з и а с т

Только этого, Отче,
 Я ищуща и взыскую:
 Быть в содружестве зодчих,
 Строить в высь голубую.

Г о л о с П о с в я щ а ю щ е г о,
 удаляясь

Тогда наступит твой зенит.
 Тогда тебя Синклитом встретим
 И Яросвет благословит
 Тебя венцом:

вторым

и третьим.

Д а й м о н

Во всякий час: среди ли темных вьюг,
 В разгаре ль битв, на царственном закате ль —
 Всегда с тобой мы, наш любимый друг,
 Вершин и бездн России созерцатель.

¹ Э к к л е з и а с т (*греч.*) — буквально — проповедник. Здесь — человек, удостоенный дара вестничества, т.е. провозглашения и утверждения эпохальных или сверхэпохальных духовных истин.

Акт девятый НИЗВЕРЖЕНИЕ

За истекшее время панорама Среднего слоя значительно изменилась. Применением атомной энергии в мирных целях пограничная горная цепь уничтожена на значительном протяжении. Лежавшие за ней территории присоединены, граница отодвинута до следующей горной цепи. Вновь приобретенные территории распланированы по закону: в центре каждой — город с цитаделью (разумеется, все в уменьшенных размерах), а вокруг — разграфленная на шахматные клетки колючей проволокой равнина. Нечто грандиозное, хотя и смутно видимое, сооружается лишь на территории отдаленного Востока.

Радио на всех перекрестках передает выступление государственной делегации, совершающей турне по одной из соседних стран.

Г о л о с о д н о г о и з д е п у т а т о в

Друзья! Мы пролетаем
Над вашим славным краем —
Взглянуть, как строит дом
Ваш сво-бо-до-любивый
Народ трудолюбивый,
Талантливый притом.

Д р у г о й д е п у т а т

Привет и пожелания
приносим мы, как братья,
от вашего собрата —
от нашего народа
Народному собранию
народных депутатов
народной демократии
великого народа.

О п я т ь п е р в ы й

Народ ваш очень древен
И в то же время молод;
Наш — тоже: юн, но мудр.
И скоро в серп и молот
Поверят с нами вровень
Сто миллионов шудр¹.

_____ 1. Ш у д р ы — низшая из четырех основных каст Индии.

В Ц и т а д е л и по-прежнему бубнит
г о л о с А в т о м а т а

Я учил и учу: скверно
Вскачь по кочкам нестись бурно.
Покорять надо мир — мирно,
Пядь за пядью, тишком, мерно.

Вдали показывается колоссальная бабочка ярко-розового цвета. Это — на самолете новейшей отечественной конструкции государственная делегация возвращается из заграничного турне. Бабочка, странно порхая, приземляется на аэродроме.

О б а д е п у т а т а п е р е д м и к р о ф о н о м:

П е р в ы й

Феноменальнейшее турне!
От слез восторга — туман в пенсне.
Мы убедились, спеша бегом,
Как обожают нас все кругом.

Д р у г о й

Мы были приняты, как отцы.
Там даже принцы — смирней овцы...
Что принцы! даже товарищ шах
Нас обнял, звякнув серьгой в ушах!

П е р в ы й

Но важен, впрочем, не шах, не принцы,
А то, что в нас величали *принцип*.
Пляс... шутки... горы конфет, триумф:
За сутки — города по три... Уф!

Депутаты скрываются в Цитадели, чтобы сделать отчетный доклад ареопагу. Отдыхая от железной дисциплины при покойнике, олигархи сидят, непринужденно развалившись в креслах.

Д о к л а д ч и к

Друзья! От почестей —
вальс в мозгу.

Но... враг ярится. Я не солгу,
Признав, что изредка наш комфорт
Смущали выкрики пьяных морд.
Как плетка, свищущая клевета,
Шнурами фактов перевита,
Хлестала с бешенством наш престиж.
Ну как тут выдержишь? как простишь?
Из-за прикрытия глянув к нам,
Мерзавцы видят и шлак и хлам;
А жертв какой-нибудь миллион
Любой писака-хамелеон

Возводит нагло в квадрат и куб,
Чтоб верил всякий, кто прост и глуп.

С о д о к л а д ч и к

Теперь нам ясно как день, друзья,
Что гуманистами слыть нельзя,
Пока шпионы с рубежных гор
Следят за жертвами наших нор.

П р е д с е д а т е л ь

Значит, так: за ряды гор
Вдоль границ спрятать весь сор,
А по склонам — картин ряд:
Пусть докажут, что враг врет.
Накладная: краплак,

к р о н,

Кобальт, охра... 500 тонн;
А чтоб вышла прочней смесь,
Выбор тем

о б с у д и т ь

здесь.

Ч л е н ы а р е о п а г а:

О д и н

Я предлагаю: на снежном пике —
Картина: в центре — все наши лики,
А вокруг — строители гидростанций,
Закончив труд свой, несутся в танце.

Д р у г о й

Чтобы язык прикусил нахал,
Я предлагаю: под грузом хал
Стол подогнувшийся, а вокруг —
Ряды мозолистых, честных рук.

Т р е т ь и й

Ну, это бледно. Острее — так:
Столетний старец пошел в гопак;
За ним старушка, восторг... галдеж...
Рукоплескающая молодежь.

Ч е т в е р т ы й

Еще: вернулся к родной бригаде
Тот, кто безвинно страдал при гаде:
В тюрьме он гладок стал, сыт, ядрен,
Зазноба аннушек и матрен.

Е щ е о д и н

Да, да, покажем, как мы нерях
Перевоспитываем в лагерях:
Кто был вчера социальным гнидом,
Всех поражает культурным видом.

Ч л е н ы д е п у т а ц и и:

П е р в ы й

Отбросив ветошь — чадру, калым, —
Народ гордится своим былым.
Покажет, сколь глубока культура,
Вид: экскурсанты и гроб Тимура.

Д р у г о й

Еще эффектней такой сюжет:
Гигантский колокол древних лет;
Вкруг — жизнерадостный вальс республик,
Причем у каждой — цветок и бублик.

Ч л е н ы а р е о п а г а

— Потом картина еще такая:
Веранда, столик, бутылъ токая,
Грузин и чукча (вдали — ландшафт)
Пьют, улыбаясь, на брудершафт.

— Шпион пронюхал про казнь за веру.
Панно, чтоб в корне пресечь химеру:
Епископ молится в алтаре,
А дьякон вторит мажорным ре.

— Нет, русских мало. Пусть и другие
Свершают якобы литургии;
Фигура ксендза... шелка... батист...
Мулла в тюрбане... Вдали — баптист.

— А в заключение — пейзажик рая,
И ребятишки, в цветах играя,
Наветам взрослых в противовес
Кричат: спасибо, ка пэ эс эс!

Директивы проводятся в жизнь. Тысячи художников расписывают внешнюю сторону рубежных гор фресками на указанные темы.

У ч е н и к и в ш к о л а х,
р е п е т и р у я

— Да здравствует мирное завывание...

Педагог,
поправляя
За-во-е-вание.
Ученики,
скандируя
Выдь, не трусъ! и пхай! пхай!
Педагог,
ударя линейкой по кафедре
— Хинди — руси, бхай, бхай!!

По кольцевой трассе столицы установлено круглосуточное движение войсковых частей.
Нарастает гул их очередного приближения.

Голоса атомных батарей

В ночь циклотронную —
С душою урановою —
С кровью плутоновою —
Двигаемся! да, двигаемся!

Голоса летательных машин

Пространство осваивая, берем
мир
в плен.
Время оседлывая, кривим
бег
лун.
Смертью беременная, вершим
твой
план:
Ускориваем! да, ускориваем!

Голоса сухопутных машин новейшей конструкции

— Тому, кто нас вынянчил,
В геенне нас выклянчил —
Скорщ!
Скорщ!
Кому наши гусеницы —
Внучата и крестницы,
Скорщ!
Скорщ!
— Кто вдунул в нас заново
Монаду бензиновую —
Скрурщ!
Скрурщ!

Чьим именем грезили,
Пыхтя, наши дизели —
Скрурщ!
Скрурщ!

Церковный политик,
с тротуарной тумбы
Неодолимые! Необходимые
В атомном веке!
Неумягчаемые! несгибаемые
Стальные боги!

Скрежет металлических существ сменяется мерным шагом пехоты.

Гимн

Мы защити-им
последней каплей крови
Наш мир, наш холм
из булок, туш и сдоб...
Топ-топ.

Мы говори-им,
сурово хмурия бро-ви:
Прочь руки, враг! Мы — буря, мы — потоп.
Топ-топ.

Запевало

Ох уж, ох уж... ох уж, ох,
Этаких не видано:
Каждый — сокол, каждый — жох,
Всем атомки выданы.

Пехота — хором

Нам
сам
черт не брат:
Им — могила, нам — парад.

Запевало

Проутюжу, растопчу
Фукалку да фыкалку:
Арарат нам по плечу,
Океан по щиколку.

Пехота

Перепрем, как на парад,
Эверест да Арарат!

Световой зигзаг прожектора выхватывает из огнистого марева на горизонте шпили высотных зданий в городах присоединенных стран, глыбы крепости на отдаленном Востоке и, метнувшись вдаль, уже не прожектор, но луч других миров — ширяет в нижние слои мистерии. Там — не в Друккарге, но в иных шрастрах античеловечества, на миг озаряются друг за другом разъяренные морды чужеземных уицраоров.

У и ц р а о р С т э б и н г, *увенчанный золотым кубом*

Гагтунгр! Ты требуешь
моей содружественности
с врагами,

Но Жругр подтачивает мне,
обескровливает
естество,

Лай-Чжой беснуется
под бронированными
берегами,

Он воет в бешенстве
от мироводительства
моего!
Ненавижу его, Гагтунгр,
Ненавижу.
Унавожу им грядущее!
Унавожу.

У и ц р а о р У с т р,
в короне из темно-фиолетового камня

Его распластываемыми
щупальцами
уже подорваны

Стальные проволоки,
соединявшие
материки,

Он хочет сделать
своими всасывающими
органами

Мои, отторгнутые им от туловища
порожняки.

Я сам отторгну у него порожняк,
о, отторгну!

Я ниспровергну его, Гагтунгр.
Ниспровергну.

У и ц р а о р У к у р м и я,
еще не коронованный, со львиным лицом

Он сделал призраком
воссоединение
моего народа,

Он, колпаком своим перекрывающий
треть страны;

Он здесь, в Мудгабре моем,
уже осмеливается
для парада

Являться в мантиях
героической
старины.
Ты груб и тверд со мной, Гагтунгр,
очень грозен уж,
Но я не раб тебе, Гагтунгр,
рву союз наш.

Световой зигзаг гаснет.

*Тревожный голос жреца
в черном кристалле Цитадели*

Прикрой металл свой цветами рая,
Дюраль ли, медь ли;
Основу, светлую, как солнце мая,
Надень! не медли!

Шепот в ареопаге

— Уже закончено. Иглу отбросили.
— Уже завинчено. Фату привесили.

Низкие басовые гудки заводов. Кажется, будто органист пытается изобразить мелодию вальса на самой низкой из октав. Высотная часть Цитадели раздвигается, опять являя Автомата. Лицо его укрыто маской цвета беж. Рот растянут в неподвижной улыбке. На голове — венки из красных цветов чудовищной величины, похожих на пятиконечные звезды. На площадях — возгласы удивления и даже некоторой тревоги.

А в т о м а т,
сладким голосом

На сегодня закон в том
(Тили-лим! Тили-лим! Тим!),
Чтоб слегка помогать тем,
Кто пустил нас к себе в дом.
Этим мы обличим ложь,
Будто строй наш хорош лишь
Нам самим...

Внезапно все кругом вздрагивает от толчка, не сравнимого ни с чем предыдущим. Видно, как оседают горы пограничных рубежей. Несколько зданий в городе дают трещины. Часть механизмов останавливается. Через проемы, образовавшиеся в горах, начинает вливаться блистающий поток, подобный лаве.

А в т о м а т,
шатнувшись вместе со всей Цитаделью

Как! Ворвались?! уж прут вброд...
Но ведь это же сон, бред!

Быть не может! Тевтон... бритт...
Как? Француз?! Здесь и ты, Брут?!

Вместе со всем городом вздрогнула и крипта. В эту минуту, кроме Э к к л е з и а с т а,
там находятся Ректор, Девушка и Молодой интеллигент.

— Что это, взрыв?
— Стенобитный таран?..
— С Землю столкнулся Марс?

Ректор

Очевидно, надумал проклятый тиран
Какой-то нелепый фарс.

Э к к л е з и а с т

Нет. Рулевые западных стран
Переменили курс.

Г о л о с Д а й м о н а

Взгляни на Жругра. Он в мета-уран
Забронировал свой торс.

Действительно: в центре того слоя, что служит ареной уицраориальных битв, высится Жругр. От его тела и пульсирующей головы мчатся красноватые, мелко вибрирующие волны. Извне вторгаются чужеземные уицраоры — четыре, пять, шесть. Их волны, мутно-оранжевые, рыжие и коричневые, напирают на сферу, охваченную волнами Жругра, заставляя ее окружность прогнуться внутрь. Пульсация Жругра усиливается, цвет его волн становится винно-красным.

Г о л о с Ж р у г р а

К оружию, игва и раругг!
Враг
прет!

Перехитрил, опередил...
Вскачь,
в бой!..

Экстракт гагтунгровых лучей
Прячь
в грот..

На помощь, Демоны! Вставай,
Лай-Чжой!

Срок великого сражения настал. В слой Друккарга врываются войска игв из других шрастров. Они рвутся к кольцевой крепости, окружающей столицу. Навстречу устремляются существа, схожие с кентаврами, но крылатые, буро-черные. Это — раругги, разумная конница Друккарга. Следом, на механизмах, напоминающих вертолеты, несутся мышино-серые игвы. Мелькают измышления техники, развивавшейся в других условиях, чем наши, но по схожим путям. Начинается световая какофония. Огнеметы скрещиваются с огнеметами. То вертятся друг вокруг друга, то переплетаясь в борьбе, раругги и летательные машины превращают пространство в арену неистовствующих множеств, как бы взметенных усилиями двух бурь.

На улицах среднего слоя — замешательство.

— Черт... А мы-то рассчитывали...
— Якобы дом заплатывали...
— Все об отсрочке сетовали...
— Разум врагу запутывали!

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й
Вальс отменить. Предельно сжать
темп
сроков.

На пост, к оружию — любой
чин,
ранг.

Пять мигов дам: по проводам
пуск
токов;

По городам — в рог! в рупора!
в медь!
в гонг!

Со всех сторон вздымаются завывающие голоса сирен и, поднимаясь хроматическим ходом почти до визга, спускаются до бушующего рева.

Н а м е с т н и к, выскакивая на балкон Цитадели

Предводитель орд
Нагло разорвал
Напрочь договор
С ним.

Этим еще раз
Вытравлен и стерт
С хищных его черт

Грим.
Братцы! Пепеля
Кровли и дворы,
Рвется истребить

Он
Мирные поля,
Ясли детворы,
Утварь истряпню
Жен...

Т а й н ы е г о л о с а ч е л о в е ч е с к и х м ы с л е й:

О п т и м и с т ы

Тем лучше: напали первыми,
Да мы-то покрепче нервами:
Там — кóзлица, здесь — óвны,
Обижены, невиновны.

С к е п т и к и

Никого винить нельзя;
Сами перли, всем грозя,
И спугнули всех кругом...
Загорелся кошкин дом.

Шум отдаленного сражения по всему полукругу горизонта. В гомоне на улицах с трудом различаются отдельные вопли, крики гнева, злобы, иногда — странной радости.

Н а м е с т н и к, *собранный с духом*

Пусть дробит народ
Скулы вражьих рож
В студень... или в беф,
В плов!..
Ухо насторожь,
Глаз прикуй сюда:
Ждите огнемёт
Слов.

Ф а н ф а р ы.

Э н т у з и а с т ы

— Посрамит упирающихся!
— Пригвоздит усмехающихся!
— Вдохновит задыхающихся!

На этот раз А в т о м а т показывается в остроконечном шлеме, с мечом в одной руке, с автоматической винтовкой — в другой.

А в т о м а т

Нынче, братцы, задач пять.
Стать столбом; ни на метр вспять;
Пункт второй: расчищать путь;
Третий пункт: нагнетать прыть.
Пункт четвертый: шагать вдоль
Всех руин, по пятам, вдаль;
Пункт последний: дождем пуль
Шваркнуть тушу врага — в пыль.

Глухие аплодисменты.

Б л а г о н а м е р е н н ы е

— Будто покойник воскрес.
— Мудростью мир потряс...
— Это, скажу вам, сюрприз!

Л ю д и - ц и ф е р б л а т ы, л ю д и - а в и а б о м б ы,
л ю д и - г р о м к о г о в о р и т е л и
Программа — ясней ясного!
Заряд для ума косного,

Восторг для бойца честного...
Капут для врага гнусного!

.....
.....

Г о л о с а ч у ж е з е м н ы х у и ц р а о р о в

— Равно сильные,
равно упорны армии...
— В лаво-морях —
бой кораблей
шрастр...

— Ты жгучей всех,
ты — впереди, Укурмия!
— Но без тебя
я бы погиб,
Устр!

Г о л о с Ж р у г р а

Я вашу мощь
мерю на вес.
Знай:
Вниз миллиард
сброшен до вас
мною.

Всех захвачу,
как в старину
змей...

Сам заточу
вас в равелин
мой!

Г о л о с а и г в

— Кто-то гигантский веет над ними.
— Сзади — второй, как левиафан...
— Вон еще третий... Блещет, как знамя,
Как светожар! световой тайфун!

Г о л о с а д е м и у р г о в

— Братья! Он верен Гагтунгровой школе —
Всех побежденных
метать на Дно...
— Все его туловище — в ореоле
Волн,
пурпуровых,
как вино.

Г о л о с Я р о с в е т а
 Разбрасываю.
 Опрокидываю.
 Наконец-то
 Я достиг до тебя, любимая,
 я вхожу!

Большая часть крепости распадается. Ликующее, голубое, звучащее сияние взмывает и развивается над Друккаргом.

Г о л о с Н а в н ы
 Здесь я, здесь я...
 Сестрой ли, невестой ли
 Я звеню, я струюсь... я кружу...
 С вами, дети Небесной России,
 В вашей радости, в вашей душе!..
 Но телесные жгучие силы
 Еще замкнуты в темном ковше.
 Помогите им...

Я р о с в е т
 Страж безоружен,
 Опрокидываю и разбрасываю
 устой...

Г о л о с А ф р о д и т ы В с е н а р о д н о й, г л у х о и с м у т н о
 Мне погибельно
 совершающееся снаружи...
 Мои раны кровоточащие успокой!
 Все терзания истребляемого
 народа
 Мчатся искрами обжигающими
 в крови...
 Дай дожить мне до обещанного
 восхода!
 Слой приюта, меня ожидающего,
 назови.

На месте крепости слабо помахивают красноватые покрывала кароссы.

Э к к л е з и а с т
 Сонмы даймонов, схожих с нами,
 Но крылатых — таких, как ты, —
 Поднимают,
 как мутное пламя,
 Ее льющиеся черты,

Ее волноподобную форму,
 Всю истерзанную, как пар...

Г о л о с Д а й м о н а
 В эти сонмы эфирных армий
 Долг зовет меня... весь пожар
 Видеть сверху донизу — дар мой —
 Оставляю тебе. Злой дар!

Голос удаляется. Стены крипты дрожат мельчайшей дрожью. Гул сражения на поверхности земли явно приближается. Гром взрывов становится раскатистее.

К у р ь е р н а п е р е к р е с т к е
 Товарищи! Войск Юго-Востока
 Больше в живых
 нет.
 Но — не беда: до последнего звука
 Ими наш гимн
 спет.

Г о с у д а р с т в е н н ы й о д о п и с е ц
 Великий гимн великим спет народом.
 Великий вождь вершит великий план.
 В великий день великая свобода
 Зальет, как солнце, наш победный стан.

Г о с у д а р с т в е н н ы й л и р и к
 Здесь до смертной черты — полшага,
 Но сквозь бури невзгод и скорбей
 Мне доносят родные снега
 Стон жены: отомсти — и убей!

С т и х о т в о р е ц - з а т е й н и к
 Как я стиснул ему горлышко-кукушечку,
 Накромсал из жира вражьего подушечку,
 Распорол ему брюшастую кадушечку,
 Размотал ему кишастую катушечку...

В т о р о й к у р ь е р
 В плен
 гарнизон
 в Северном устье
 Недруг сумел
 взять.
 Трусов — казним! Уж изъяты для мести
 Бабушка, тесть,
 зять.

Государственный о дописец,
не унывая
 Великий гнев растет в груди народа.
 Сердца великой радости полны.
 Мы знаем твердо, что взойдет свобода
 Над миром всем, — великий плод войны!

Стихотворец-затейник —
все еще бодро
 Эй, ребятки-малолеточки! Смеси:
 Трупы недругов водой обледени,
 В бойки санки-самокатки обрати
 И кати!..

Третий курьер,
задыхаясь
 Подлый вожак у Западной дамбы
 Вдруг
 перешел к врагу.
 Но ничего: от нашей же бомбы
 Завтра он — ни гугу!

Главнo командующий
 Мало греть энтузиазм,
дух,
пыл;
 Мало — рушить на врагов
гром
булл;
 Надо вздыбить по домам
весь
пол!
 По вокзалам расшатать
сеть
шпал!
 Чтобы мраком залило
весь
румб,
 Чтоб собрать во тьме тишком
полк
помп —
 В небоскребах загасить
свет
ламп,

Бра, софитов, фонарей,
 люстр,
 рамп!
 Свет в городе гаснет. О б ы в а т е л и мечутся, натываясь друг на друга.

— Что прешь, как кабан, парень?
 — Ой: встал на мозоль, дурень!
 — А хочешь — по лбу шкворень?
 — Где спички? в них весь корень.

Обыватели в квартирах
 — Тьма кромешная, хоть глаз выколи...
 — Дали драпа, а на нас — тюкали?
 — Вон, намедни, со всех трасс — цокали,
 Про победу со всех крыш брякали!

Тайные голоса человеческих мыслей:
 Благонамеренные
 Пусть — у врагов успех; но
 Им будущего не дано.

Флегматики
 Уж как-нибудь... Лишь — бомбы
 Не выбрали этот дом бы.

Скептики
 Оказывается, мощь — дутая?
 Стронников — одна сотая...

Внутренняя эмиграция
 Свобода грядет — на место
 Тиранствования. Наконец-то!

Лауреаты
 Бумажник...
 «Зис» цел...
 На дачку:
 Пересидим «драчку».

Девушка в крипте
 Я не могу здесь долее!
 Я задыхаюсь, поверьте!
 Во дни всенародной боли
 Бездействие — горше смерти.
 Сестрой... в лазарете... в госпитале...
 Хоть каплю смягчить страданья!

Ректор

А нам легко ли, о Господи,
Сорок лет ожиданья?
Смягчайте своим присутствием
Боль тех, кто томится подле!

Молодой интеллигент
Всем ясно, что в годы бедствия
Прятаться в недра — подлю,
Но ведь давно замурована
Наглухо эта крипта...

Эклезиаст

Вносили и вносим
в заем суровый
И мы свою горькую лепту.
Жругр доживает последние миги.
Вижу Друккарг
в штурме я;
Владыку терзают другие владыки:
Стэбинг,
Устр,
Укурмия.

Но уже не три — пять, шесть уцраоров вгрызаются в плоть недавнего властелина российского античеловечества. Пузырь на его туловище разрывается в борьбе.

Эклезиаст

Гнусно! От тела чудовища
Отпочковалась сумка:
Треплется в струях гноища,
Выпрастывает потомка;
Второе детище... третье...
Хлещут об грунт, как плетью...
Крепнут туманной плотью...
Входят в базальт, как в платье!

Множество недоносков, почти эмбрионов, величиной, однако, с бронтозавров,
расползаются по Друккаргу.

Голос Укурмии

Видите, сколько тиран
их нес?
Он их готовил для стран
всех нас...

Голос Стэбинга

Их уничтожим потом,
чтоб вниз
Ухнул сперва сам отец,
сам бес.

Жругр,
борясь

Мнишь себя правосудием?
Лжешь, будто я — тиран?
Тля! Одолей орудие,
Раньше, чем хитить трон!
Что вами движет,
хищники?!
Жажда красной росы!
Только за ней и рыщете,
Демиурговы псы!

Сражение охватывает все пространство Друккарга от рухнувшей крепости почти до великого капища.

Пятна подземных лун закрываются бешено пронесшимися ключьями.
Среди воинства Синклита сражаются: тот, кто был Прозреваемым, Император-искупитель, Родомыслы прошлого, Рыцарь-Монах...

.....

Голос Яросвета

Красный чертог Великого Игвы
Я оставляю огню —
до тла.

Голоса праведников прошедшего

— К нижнему капищу путь прорубаем,
Светом слепим очи химер.

— Воющим сворам, лающим стаям
Путь отрезаем в темень пещер.

— Скоро крестом прикоснемся к устоям,
К сумрачным стенам новых гоморр.

Голоса родомыслов прошедшего

— Сходим к борцам, омраченным прежде:
Души их вспыхивают у рубежа.

— Медленно приподнимаются вежды,
С крепнувших воль пропадает ржа.

— Волю крепим их дважды и трижды,
Первые проблески сил сторожа.

В небе вспыхивают сотни осветительных ракет. Гул смятения.

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й,
стараясь забиться в тень

Все укрыть от вражьих глаз:

склад,
штаб,

Штольни, капища, цеха,

клуб...

Чтоб

Каждый чувствовал в руках

лишь

штык

И врагов им пригвоздил

сто

штук!

По артериям их войск

гнать

тромб!

В устьях трасс нагромоздить

кряж

тумб!

Сверху слать на каждый метр

град

бомб...

Приналяг, ядрена мать!

Множь

темп!!

К р и к и:

на Центральном фронте

— Гибель, товарищи! Небо — в пламени...

— Прячьтесь, коль буря сметает крылом...

На Северном фронте

— Нет больше, брат,

правды за нами!

Шпагу разламываю пополам!

На Южном фронте

— Правда иль кривда — даже без знамени —

При, удалая башка, напролом!

Северный фронт прорван. Обороняющиеся под командованием маршала Икс скапливаются в Речном форту.

М а р ш а л

Хо! Устоим. Нам — не впервой.

Пусть сыроват

склеп,

Будет зато

все под рукой;

Порох, бензин, хлеб.

Форт блокируется наступающими. Захваченные потоком отступления бросаются по магистралям к центру города. В тылу — паника.

Г о р о ж а н е

— Где наш баул?..

— Брось барахло!

— В горы! в аул!

— К тетке в село!

— В складе загреб

Три банки сгу...

Уж хоть потоп,

А сберегу!

— Хоть бы для вдов

Дали авто...

— Нет поездов...

— Всюду не то...

— Бедная Русь!..

— С этим мешком

Сто верст пешком?!

Я надорвусь!..

В о з н я в в ы с о т н ы х з д а н и я х

— Но как же... куда же... где же...

— В провинции? Там невежи...

— В колхозы? не больно дюжи...

— В Сибирь? холода...

О Боже!

З л о р а д н ы е к р и к и о т с т у п а ю щ и х

— Ага! обожгло! прячетесь!

— Эге! под обвал тычетесь...

— Гы-гы! на скаку мочитесь!

— Ошпаренным клопом мечетесь!

Но именно в эту минуту, неизвестно каким образом и откуда, здание на глазах у всех облекается в броню. Ни щелки, ни скважины. Вместо стен со множеством уступов, окон, террас перед народом оказывается глухой трехсотметровый конус с закругленной крышей. Камни, пули, даже снаряды задевают его лишь по касательной и уносятся в пространство.

Обескураженные голоса

— Колдуны! — Это он, — ирод!

— Околпачил нас...

весь

город!..

— Охмурил, а когда ж сдохнет?

— Он в убежище, знать, дрыхнет.

Другие голоса

— Рано запели, пташки:

Как бы не съели кошки...

— Эй, оглянись: с вышки

Прямо на нас — пушки!

Мощный залп батарей Речного форта. В толпе образуются зияющие пустоты. Народ шарахается в сторону, оставляя сотни убитых на мостовой.

Голос маршала —

в Речном форту

Спасемся еще. Окрепнем!

Вышибем клином клин.

А сгинем — так дверью хлопнем:

Семь бед, но ответ один.

Разговор в крипте

— Странно, все тягостней ночь лихая,

Давит на грудь неимоверный груз...

— Слышите: гусеницами громыхая,

Мчатся машины ущельями трасс...

— Это — другая, не наша стихия,

Будто наречья неведомых рас...

Ректор

Просто — удушье, биенье крови,

Шум неумолчный в ушах...

Вон уж и смерть в этом каменном чреве:

Алые нимбы цветут на свечах.

Экклезиаст

Мы и не ждали праздника:

Вторая Стража иссякла,

Но кровью, огнем и казнями

Багритя начало цикла.

Голоса Синклита

— Мы расширяем ход в катакомбы,
Стража безумствует, боронясь.

— В чадных застенках жертв гекатомбы
Взору открылись, с мраком слились.

Экклезиаст

Годы, залитые черным горем,

Грозная перечеркнула заря,

Слышите — лязгают двери тюрем,

Гудом гудят лагеря,

В каждом бараке, в каждом БУРе

Освобожденные плачут навзрыд;

Дух потрясен...

Голоса Синклита

— ...Оглушающей бурей

Встретит вас опустошаемый град.

— Но не опасны ни ветры, ни море,

Ни пламена, ни уран, ни иприт.

— Тот же, чья жизнь сократится — в просторе

Вышней России

свой храм довершит.

— Наши неугасимые зори

Встретят его у порога в Синклит.

Скрежет взламываемых дверей.

Голос командира

одного из подразделений международной армии

Лестница в затхлое это пространство

От крови еще влажна...

Ректор

Гость! твое боевое убранство

Огненным орденом освободителей

Расцветь должно!

Другие

Не мстителями, не завоевателями —

Друзьями нам быть дано!

Командир

Рад вам помочь; но Цитадель

Не доконать ничем:

Конус ее, облеченный в сталь,
Стал совершенно нем.

Тигром зато

 грозит и рычит
 Маршал в Речном форту:
Мы полагаем, он замолчит
 Только с землей во рту.
Каждый поэтому из катакомб
 Может в наш легион.

Молодой интеллигент
Я отрицаю этику бомб!

 Командир
Ах, вы — пацифист... Pardon.

 Ректор
Позвольте представиться: доктор Z,
 Член академии. В полк
Мне не к лицу. Руководство газетами,
 Школами — вот мой долг.

Молодой интеллигент
Воздух горячими струями прыщет,
Пол из-под ног ускользает... Иду...
Вот она, воля! Боже, как блещут
Светочи смерти в этом аду...

 Экклезиаст
Теперь разойдутся врозь
Дороги наши надолго.

 Девушка
О нет! Вы — прочная ось
Общего дела и долга.
Сестрою, на фронт, в народ
Рвалась я совсем недавно;
Теперь же слышу: зовет
Освобожденная Навна —
Нести ее весть, как вы, —
Калекам, сиротам, детям...

 Экклезиаст
Пусть так. Ущелья и рвы
Начальным лучом осветим.
Нам быть суждено мостом
В Небесную Русь.

Молодой интеллигент
Я с вами.

 Ректор
Прощайте, друзья. Потом
Сойдемся в будущем храме.

 Экклезиаст, озираясь
Хаос... Бушующий Шаданакар!
Схватка и вопли двух зол, двух кар...

 Голос Жругра
Рвусь на куски... сворачиваюсь...
Застит глаза кровь жертв...
Я ль не вочеловечиваюсь
В богатырей всех битв?
Я ли не оборачиваюсь...
Я не могу быть мертв!

 Укурмия
Станешь!

 Жругр
...Пусть; но в Уппуме я
Окрепну для битв опять,
Потомков твоих, Укурмия,
Разгрызть... пожрать...
 смять...

Демург Северо-Запада,
парализуя последние силы Жругра
В Уппум, исчадь!

 Мощь твою поправ,
Тебя швырнем в твой собственный прорыв!

 Жругр
Я жив... я тверд!
Раругги, в бой...
 Я жив...

О, поддержите!..
 Падаю стремглав...

Крик переходит в вой нечеловеческой тоски, ярости, в вопль сознания, внезапно постигшего нечто более пугающее, чем любая смерть. Укурмия иссекает сердце Жругра. На мгновение вопль заглушает все, потом начинает стремительно гаснуть, судорожно вскидываясь на секунду: aaa! a! — и гаснет окончательно.

Г о л о с К а р н ы
 Русские, слышите?
 Кручами мрака,
 Все уменьшаясь, кружится он
 В жерла, откуда ни крика, ни знака
 Не долетит до скончанья времен.
 Мертвое море миров непробудных
 Давит свинцом усыпальницу ту,
 Милость и жалость богов добросудных
 Снизить не властна за эту черту...

С т э б и н г и У с т р
 — Мне это сердце! мне!
 — Нет, мне!
 — По очереди... — Нам — всем трем.

У к у р м и я
 Ни мне, ни вам — никому.

С т э б и н г
 В огне
 Заслуга — моя!.. Мой гром
 Ударил в тот первый час,
 Когда...

Д е м и у р г С е в е р о - З а п а д а

Но правá и долг
 Постиг лишь один из вас —
 Укурмия: лев — не волк!

Демидург рассекает сердце Жругра на мелкие куски. Струи крови прожигают пласты насквозь. Вверху, в наземном городе, кажется, будто в почве образуется внезапно множество дыр, похожих на воронки от бомб, но лишенных дна. В то же мгновение тысячи человеческих и человекоподобных существ выволакиваются невидимой силой из подвалов и убежищ, выхватываются из уличной толпы, точно прикрепленные нитями к исчезающему гиганту, они против воли волокутся к воронкам.

В о п л и у н о с и м ы х
 — Почему же — я?..
 — Почему же — мы?..
 — Дай задержаться..
 — Хоть притулиться..
 — Ой, ухватиться!..
 — Ай, зацепиться!..

У к у р м и я
 Потому что вас нет — и не было:
 Вы — только присоски того, кто жил.

У н о с и м ы е
 — Выскальзывают углы..
 — Выерзывают столбы..
 — Отшатываются стволы!
 — Откатываются дома!!

Х о л о д н ы е г о л о с а д е м о н о в в о з м е з д и я

— Градоправительствовавших.
 — Мироводительствовавших.
 — Вину принявших.
 — Брато-тиранствовавших.
 — Брато-предательствовавших.
 — Брато-растливших.

Один из окружающих город холмов внезапно раскрывается, и из него, сам собою, выезжает А в т о м а т. Очевидно, он был переведен тайно из Цитадели в загородное убежище по засекреченным туннелям под землей.

Т о л п а,
оправившись от изумления
 — Э-э-э... Вот-т он где-е-е!
 — А-а-а... Вот-т он куда-а-а..
 — О-о-о!.. Вот-т он кто-о-о!

Спротивляясь движению, А в т о м а т пытается ухватиться за деревья, но его чудовищные руки вырывают деревья с корнем. Он цепляется за углы домов — углы сдвигаются с места, стены рушатся. Невидимая сила то и дело заставляет сворачивать к воронкам, чернеющим по сторонам шоссе; все они оказываются недостаточно вместительными.

Т о л п а,
сбегаясь со всех сторон
 — Вот он, вурдалак! вот он!
 — Кровью наших душ питан!
 — Дьяволом самим сватан!
 — Ладаном, как бог, кутан!!

А в т о м а т
 Детки, зачем — в раж?
 Я вас спасал, вы ж..
 Детки, я весь — ваш!
 Я еще бодр... свеж..

Автомат натывается на крутой подъем дороги и с оглушительным лязгом обрушивается на магистраль.

Т о л п а
 — Бей, братва!
 крой,
 жмурь его!

— В потроха!
 в фарш,
 в варево!
 — Выжимай
 кровь —
 сукровицу:
 — Вдруг вильнет,
 вдруг
 выкрутится!

А в т о м а т

Дзынь, всезакон в том,
 Чтоб... изувер! хам!!
 Втиснуть в один том,
 Бряк, тарарам, бум...

Способствуя невидимой силе, толпа с ревом волочит Автомата вдоль улицы.

— Бей! ату!
 — В печь
 доменную!

— Об плиту
 хватя
 каменную!

— Вон об тот
 брус
 тресни-ка!

— Об углы
 трасс
 хрясни-ка!

— Пусть хлебнет
 жизнь
 сладкую...

— В говносток!
 в мразь
 жидкую!!

А в т о м а т

Дзынь... всезакон в том...
 Скот! Ренегат... гад!!
 Дрыг... тарарам... ром...
 З-звяк!!!

Механизм разламывается на части. Оттуда выюркивают несколько дымных образований, похожих на огромных насекомых. Ухватив подобиями рук тусклые, слабо светящиеся комки, схожие с пульсирующими сердцами, они пытаются забиться в щели руин.

Т о л п а

— Бес! Вот кто жужжал!
 — Вот чей в нем дух
 жил...
 — Рви им узлы жил!
 — Гни острия жал!

Отчаянно жестикулируя, образования подтягиваются к краю воронок и исчезают там. Толпа швыряет им вслед обломки футляра.

О т д е л ь н ы е г о л о с а

— Не то это, брат, не то...
 — А крепости — хоть бы что!
 — Целехонька, как гора!
 — Броня — как из серебра!
 — А дьявольский Речной форт
 Стоит, подбочась, как ферт...
 — Оттуда за залпом залп...
 — Там маршал застрял, как столб!

Г о л о с м а р ш а л а

Приветствую! молодцы,
 Что бросили в прах уродину:
 Теперь вы и я — борцы
 За родину!
 Ко мщению кличет она,
 Одна — надо всеми зонами;
 Пусть щерится вся страна
 На недругов — партизанами!

Г о в о р ы в п о л г о л о с а п о у г л а м

— Народные достижения
 Захватчик поправ.
 — Убьем!
 — Во имя освобождения
 Хоть вилами! Хоть дубьем!
 — Где наши сады? где лозы?
 Торчит лишь голая жердь...
 — Товарищи, новый лозунг:
 Освободителям —
 смерть!

Из города в Речной форт прокрадываются по задним дворам отдельные фигуры и целые отряды.

Молодой интеллигент,
с Эклезиастом и Девушкой пробираясь из столицы

Ждал я для Руси
горшие мытарства,
Но другой черед и добра и зла.
Рухнула в ничто глыба Государства,
Армия же — здесь.
Партия — цела.

Экклезиаст
Это потому, что Верховный Игва
Держится еще
в капище своем.
Если бы ты знал, друг мой, что за битва
Сотрясает весь
нижний окоем!
— Вот его обиталище! вот оно!
— Покровами гор окутано,
Спиралями игв обмотано.
— Парит, над бездной парит оно!

Сквозь дымные вихри различается опрокинутый острием вниз конус великого капища. Лиловый диск подземного солнца представляется мистической целью, к которой направлено это острие. Три луны в бурно несущихся тучах кажутся мчащимися с непостижимою быстротой.

Голос Великого Игвы
Гагтунгр! я гибну! безмерной массой
Могуч напор их!.. Истощено
Все, что мне дал ты... Враждебной расой
Наполнен город... Еще одно
Мне лишь осталось: священной ракой
Вот здесь хранящееся вино!

Голос Яросвета
Рати! вторгайтесь
лучами
без страха
К первосвященнику дьявольских месс!

Голоса Синклита
— Архистратиг наш к обителям мрака
Мчитя с оружием наперевес.

— Токами света сдвинуто капище,
Сорваны пугала песьих личин.

— Хлопают по ветру пестрые
рубища,
Строй потаенных машин
обнажен.

— Сияются светом слепимые скопища
Скрыть в глубине тайновесы причин.

— Поздно! Жрецы волокутся по требищу,
Пастырь лжемифа
разоблачен!

Голос Великого Игвы
Разоблачен я?.. Что рядом с вашим,
Мой вышний ум,
Прозревший все — от райских башен
И вниз, в Уппум?!

Игва впадает в иступление

Миг настает: моя т р а н с ф о р м а.
Уж плоть — как дым;
К тебе, Гагтунгр, к тебе, Фокерма,
Взойду живым.
Погиб Друккар, но будет новый
Подобный град,
Одет неслыханною славой
Тысячекрат.
Преображаясь, лью прощально
Вино — польнь
В Энроф — по стогнам ближним, дальним...
Аминь! Аминь!

Великий Игва появляется на острие конуса с двурогим сосудом в руках.

Сжав, берегла тебя колба;
рванись
Пламя Гагтунгра!

Игва выплескивает сосуд в пространство. На вершине городской Цитадели, превратившейся в закругленный конус, является Жрец черного кристалла с факелом в руках:

— Стань же, Энроф,
обезжизнен и ржав,
Гол, точно тундра!

Жрец повергает факел вниз, сигнализируя этим Речному форту.

Э х о в войсках Речного форта
 Эй вы, столицы держав!
 Берегись!
 Полундра! полундра!

С форта раздается рокочущий гул орудий — жерлами на все четыре стороны горизонта. Становится светло, как днем: по ту сторону разбитых гор со всех сторон встают фантастические зарева. Великие города чужеземных стран дематериализуются. И г в а воздевает руки к подземному солнцу — А н т и к о с м о с у. Материальный состав его тела вступает в великую трансформу. Как бы тая на глазах, он начинает свое вознесение заживо на диск подземного солнца.

Акт десятый
 ПЕПЕЛИЩЕ

У и ц р а о р У с т р
 Проклятый! выродок миров!
 Так пусть
 Друккарг сгорит
 и станет слой ваш пуст.

Устр распарывает свое туловище, вырывает сердце и, залив его кровью капище, поникает без жизни, подобно опустошенной оболочке воздушного шара. Инфрабазальт капища вспыхивает, как солома. Огонь во мгновение ока охватывает Друккарг со всем его населением. Вой игв заглушается гудением огня и гулом разрушения.

В ту же секунду в городе на поверхности земли удар термоядерного оружия обрушивается на Речной форт. Форт и вся сосредоточенная там армия превращаются в зарево — иссиня-белое, малиновое и наконец фиолетовое. Земля расседается. Цитадель пошатывается, но удерживается, как монолит. Город прорезается из конца в конец трещиной.

Из трещины поднимается нечто, отдаленно напоминающее исполинский туманный гриб; оно как бы раскачивается на своем стебле. С каждой секундой становится отчетливее подобие головы, увитой лилово-черным развевающимся покрывалом. Голова делает мотающиеся, маятникообразные движения, амплитуда их возрастает. Голова ширяет то в один, то в другой квартал, то припадая к земле, то взмывая выше небоскребов.

Г о л о с В е л г и
 Наконец-то хлестнет
 в храм
 кровь
 бешеная!
 Выхожу госпожой
 к вам
 в мир
 прошенная.

Войска международной армии звереют.

Громим предместья, рельсы гнем —
 рвем
 в скрежете
 Цеха на части — топчем сад —
 мнем
 пажити, —

— Бей! A la guerre comme à la guerre...¹
 рушь
 в крошево,
 — Напалмом жги — Brûlez la terre!²
 — Жарь
 зঁживо!

Г о л о с У к у р м и и

Не поглумимся
 над погибающими
 во брани!
 Рабам развенчанного безумия не отомстим:
 Тот, кто мечтал об ослепительнейшей короне,
 Уже повергнут,
 и тьма распластывается
 над ним.

Г о л о с а к о м а н д и р о в

— Но он — тиран, он превзошел
 всех
 зверствами!
 — Он сам заставил все сердца
 стать
 черствыми!
 — Нерасторжимо здесь с добром
 зло
 спутано,
 В один рыдающий комок
 сплошь
 смотано...

Уцелевшие горожане стараются забиться в самые глубокие убежища.

К р и к и с р е д и б а н д,
добивающих сторонников великого государства
 — Конец их игре скоморошьей!
 — Весь мир довели до удушья...
 — Всех гнали в утробу молошью.
 — Пищите ж
 раздавленной мышью!

В о з г л а с ы в о т р я д е и з г н а н н и к о в о т е ч е с т в а,
влившихся в международную армию
 — А где ж знаменитый каналище?
 — Боже, везде — зола...

— Пылают книгохранилища...
 — Соборы, дворцы — дотла...
 — Разваливаются заводы...
 — С плавилен хлынула медь...
 — Прости нас, Ангел Народа!
 — Пойми, Пресвятая Мать!

Г о л о с К а р н ы

Больно, владыки судилища! больно!
 Уж ни палат, ни садов, ни жилья...
 Русь моя! край мой многострадальный!
 Распятая надежда моя!
 Я ли предчувствий не посевала
 В мудрости лучших,
 в тоске матерей,
 Я ль не пророчила, не предвещала
 Лютого мстителя из-за морей?

Г о л о с а С и н к л и т а

— Кровь дохлестнула до стен Собора,
 До пьедесталов священных лир.

— Горе! впервые — в бликах пожара
 Храм Солнца Мира, алтарь, потир.

— Горе! до сердца Шаданакара
 Вздогнуло все бытие,
 весь мир.

Г о л о с С т э б и н г а

Но Цитадель — прочна, как твердь!
 Враг —
 жив,
 Пред ним робеет даже смерть,
 град
 сжав!
 Кто вгрызся там в глубинный пласт,
 как крот?
 Кто там таится во весь рост?
 кто скрыт?

Г о л о с У к у р м и и

Оставь ее! Пусть броневой
 тот холм,
 Размыв, поглотят времена
 в глубь волн...

1. На войне как на войне... (фр.) — Ред.

2. Жги землю! (фр.) — Ред.

Любил борщок с ветчинкою,
Да сам стал мертвечинкою,
Вкусней
 холодца.

 Хохот, трехпалый свист.

Т р о е и з к а т а к о м б,
 быстро проходя

— Чудовищно. — Да, но мелко.
— А я осуждать не берусь:
Они ли виновны, коль Велга
Взвихрила дурную Русь?

Приглушенные Г о л о с а мальчишек

— Братва! по сигналу — бунтом?
— Мост выгорел... Вброд, Серьга!
— Не видишь — вон капитан там?
— Уж я-то устерегу...
— И — треснем по оккупантам!
— За родину! мечь врагу!

О т р я д з а в о е в а т е л е й,
 маршируя среди времянок

Великою кровью отстранены
От мира горшие беды:
Грозившие сделаться явью

 сны

Лжеправды и лжесвободы.
Недаром преодолевали мы шквал
Атлантикой и Средиземьем,
И жертву принес, кто в битве не пал,
Душою,

 раной,
 безумьем.

Ж е н щ и н а - м а т ь

Что мне до ваших посул и расплат?
Что до бездушных держав?
Первенец, сын мой, отрада, мой плод,
Мог бы и нынче быть жив!

Д р у г а я

Глянь-ка в обугленный этот сарай:
Видишь? молчишь?

Понял, Иуда, что всякий ваш рай —
В крови до крыш?

Т р е т ь я

Все по частям собрала, стерегу,
Складываю на песочке:
Правую ножку найти не могу,
В синем носочке.

Е щ е ж е н щ и н а

Был бы не лживой легендой Христос,
Мой бы супруг не погиб:
Он бы впивал аромат моих кос,
Дрожь моих губ...

М о л о д о й а р х и т е к т о р

Рыдают о людях. Но люди бессмертны.
А вот гениальное зодчество?..
А фрески Рублева? Боже, безмерны
Отчаянье и одиночество.
Молиться — кому?..

 О, проклясть бы грозы,

 Лобзать бы неутолимо
Ту пыль, что вчера была каменной розой
Кремля... Акрополя... Рима...

П о ж и л о й и н т е л л и г е н т

Над остывшим пеплом России
Лишь беснуются черти вскачь...
Упади на камни святые,
Если ты человек, и плачь.
Вспоминай легкокрылые зданья,
Холст шедевров и звон поэм,
Ты, кому в погибших созданьях
Брезжил Китеж, Олимп, Эдем.

С т а р ы й у ч е н ы й

Удар был вычислен четко:
Да: прямо в душу страны.
С какой сатанинской чуткостью
Нашли ее с вышины!
В бесценные книгохранилища —
Мне свят даже этот звук —
В излюбленные обиталища
Культуры — искусств — наук.

Человек трезвых взглядов

О чем распустили нюни-то?
 Не вашей наукой разве
 Сто тысяч чертей переплюнуто?
 Все человечество — в язве?

Ученый

Позвольте: виной — не народы ли?
 Наука-то здесь при чем?

— При том, что вы ее продали,
 Струсив пред палачом.

Ученого окружает группа Беспризорных

— Дяденька, дай сухарик.
 — К сожаленью, мой милый, нету...
 — Врешь ты! Видать по харе,
 Что утром сосал конфету!
 — Ребятки, я голоден сам...
 — А ну, пацаны, наляг-ка!
 — Полосни его по глазам!
 — Отрежь ему зад. Вот мягко!

Ученого убивают. Некоторые части его организма идут в пищу.

Церковники,
подглядывая из-за угла

— Господи, воля Твоя... Докатились!
 Довоспитались
 по лагерям!
 — Вот уж и вправду — духовный сифилис
 Этой безбожной морали... Срам.
 — Но ведь и мы согрешили... В безверье,
 В блуде ослепли... Вошли в соблазн...
 — Недоглядели, как в блеске и буре
 Зверь Велиара вышел из бездн!

Сектанты

Естественно. Ложное христианство.
 Все вы — антихристовы рабы!
 Смотрите на нас: не курим, не пьянствуем,
 Не крестим лбы.

Другие

Именно в этом и грех! Необъятна
 Пред человечеством наша вина.

Лишь покаяньем смоются пятна
 С нашего праздничного полотна...

Возгласы в толпе

— Мало, оказывается, страдали.
 — Мало томились в рабьей юдоли.
 — Господу будто бы не порадели!
 — Ироду будто бы не покадили!

Миссионеры

С этими нужен новый язык:
 Одичали, бедные нехристи.
 Ложь сатанинскую их владык
 Как из сознаний выскрести?

Один из бывших посетителей крипты

А как все молились, Господи,
 Там, в глухих катакомбах,
 Когда на великом деспоте
 Свет разливался в нимбах!
 Неужто теперь нам кланяться
 Демонам царств железных,
 Чтобы хоть серая конница
 Велгу втоптала в бездну!

Внутренний голос

А ты не предвидел? не знал?
 Не ждал и войну, и смуту?
 Из двух величайших зол
 Не выбрал ли все-таки это?

Взвизги. Истошный вой. Поножовщина.
 Девушка и Молодой интеллигент из крипты — теперь
 Сотрудник Экклезиаста — пробираются между бараками.

Девушка

Он говорит, что сейчас — герой,
 Кто нянчит детей и подростков.
 Но ведь и у взрослых остался порой
 От личности — только остов.
 Кто мог бы в ребят наследье веков
 И правду внедрять, изведав
 Кругом — визг женщин, мат стариков,
 Стекланный взор людоедов?
 Нет, в самую гущу!

к подонкам!

в шпану!

Я только об этом стражду:
Внушать им отвращенье ко дну,
Будить духовную жажду!

Девушка убыстряет шаг.

С о т р у д н и к Э к к л е з и а с т а

Каждый по-своему чувствует долг.
Я — соберу ребят.

Но страшно за вас: щупальца Велг
Замучат вас, затеребят.

Д е в у ш к а

Пускай. Моя путеводная нить
Не оборвется при спуске.
Волка бояться — в лес не ходить,
Любят говаривать русские.

Сотрудник Экклезиаста сворачивает к кострам, у которых греются бездомные дети. Девушка — к бараку; сквозь его закрытую дверь слышится треньканье балалайки. Когда Девушка распаивает ее, входя, вырывается пронзительный речитатив частушки:

...Мой миленок хоть не лает,
А устроен, как урод:
По-людски он не желает,
А желает только...

Дверь захлопывается.

На улице появляется процессия кающихся.

И д у щ и й в п е р е д и,
прикрыв лицо руками

...Наш преступный зов витийственный
К новым войнам, новым винам,
Клич борьбы братоубийственной —

Х о р

— Господи, прости нам!

И д у щ и й в п е р е д и

День победы, тьму и блеск его,
Посвист вьюги по руинам,
Жар напалма в очи детские —

Х о р

— Господи! Прости нам!

В промежутках пения — из барака, где скрылась Девушка, доносится ее голос, но слов разоб-
рать невозможно.

И д у щ и й в п е р е д и

Сил — поднять наш искупительный
Крест забот о стане вражьем,
Свет и жар любви целительной —

Х о р

— Господи, подаждь нам... —

И д у щ и й в п е р е д и

Сил — нести отраду множествам,
Одичавшим, буйным, бражным,
По ночным тропам порожистым —

Х о р

— Господи! Подаждь нам! —

Процессия сворачивает к кострам.

Из барака доносится взрыв наглого, грубого хохота и — опять голос Девушки.

Р е к т о р, в р е г а л и я х Г л а в н о г о С у д ь и,
показываясь на балконе почти совсем разрушенного дворца

Пусть — ни трибуны, ни аудитории,
Сгинул наш дом,

сад, —

Люди! Сама Немезида истории

Шлет нас творить

суд.

Но укрепленные твердою верою

В милость и в доброту,

Мы справедливость привносим скорую

В скорбную роль

ту.

Враг еще множит в подвалах заговоры,

Прячется в глубь

толщ,

Но мягкосерд и гуманен наш приговор:

Лишь

восемьсот

тыщ.

В с к р и к и

— Мало! Он робок, он трус!

— Мало!

— Зев — красная, а мозг —

мула...

— Смело карай, депутат!
 Смело!
 — Чтобы воронье выше туч
 взызло!

В о з г л а с ы и з в р е м я н о к
 — Бросьте... довольно!.. Долой кровь!
 — Взялся судить, так добром правь...

— Видно, опять норовит вкривь —
 Тюрьмы заполнить битком вновь?
 Е щ е г о л о с а

— Срам, кто рычит на Судью
 псом:
 Он при Тиране страдал
 сам.
 — В тюрьмах свой суп отдавал
 всем...
 — Вникните в суть! не в размер
 сумм!

Г л а в н ы й с у д ь я,
обращаясь к сопровождающим
 Горек удел хитрить и лавировать
 Между Харибд и Сцилл.
 Радость — в одном: неусыпно веровать,
 Что идеал —
 цел.
 Главный судья покидает балкон.
 В бараке странная тишина.

Д в о е п р о х о ж и х
 — А видели у костров — юродивого?
 — Видел. Чудно!
 Осмеивают в народе его
 И поделом.
 — Но
 Везде отыщутся женщины,
 Чуткие до чудес...
 — Им все равно, что — жемчуг,
 Что — глина,
 что Бог,
 что бес.

— Но он заставляет слушать
 Всех нас другие слои...
 — Э, бросьте. Заржала лошадь,
 А вы уж, друзья мои,
 Готовы поверить в демона,
 Ревущего где-то в аду.
 — Понятно: от этого гомона
 И сам я точно в бреду.

Из барака крадучись выскальзывают несколько фигур. Д е в у ш к и н е в и д н о .
 Порыв ветра из радиоактивных пустынь медленно проносится над крышами.

М о л о д о й а р х и т е к т о р ,
присев на груды битого кирпича
 Где-то вот так же
 заносят пепел и вьюга
 Щебень Парижа, руины Святого Петра,
 И не жаль никому их,
 и нет душевного друга,
 С кем подумать о «завтра»,
 понять и осмыслить «вчера»...

Д в о е и з н а р о д н о й м и л и ц и и ,
 входя в барак
 Запляшет любой хулиган,
 Раз двум миллионам — помилование...
 Долгая пауза.

Т е ж е д в о е ,
 выходя на крыльцо
 Двенадцать ножевых ран
 И, кажется, изнасилование.

Г о л о с У к у р м и и
 Уицраоры Запада, Юга,
 Кто помог сокрушению ига!
 Властью новой, данною свыше,
 Назначаю вам сроки и ноши.

Г о л о с а ч у ж е з е м н ы х у и ц р а о р о в :
 О д и н
 Невольным данником миротворствующего
 Сам обуздал я свою судьбу.

Д р у г о й
 Язвимый жалом страстей упорствующих,
 Свой зев кусаю — убить алчбу.

Т р е т и й

Влачусь, послушный приказу царствующего,
Не смея плетью вжечь знак рабу.

У к у р м и я

Вы — гонители Велг, вы — их стражи.
Едините ж усилия строже!
Каждый глыбу отломит от кряжа,
Обоймет ее крепче и туже.

У и ц р а о р ы

— Откальваю скалу незыблемую
Ох, тяжела.
Ох, высока!
— Поднимаю громаду вздыбленную —
Два шага,
Три шага.
— Опускаю ношу зазубренную
В щель врага,
В дом врага.

В трещину, пересекающую город, вдвигаются одна за другой циклопические плиты. На месте трещины — площадь и проспект, совершенно гладкие.

К р и к и в н а р о д е

— Песку бы! цемента! гравия!..
— Заклепана пасть Везувия..
— Но Боже... какую кровию!
— Ценой какого бесславия!

Г л а в н ы й с у д ь я, *теперь* —
П р е с е д а т е л ь у ч р е д и т е л ь н о й к о м и с с и и,
открывая заседание в развалинах дворца

Достопочтенные господа
Члены!

С разных концов страны
Съехались мы в эти древние стены
Доблестной старины.
Чтобы народ
в дни глада и мора
Глубже не смог
пасть,
С помощью освободителей мира
Нам вручена
власть.

Мы — представители разных партий,
Мнений, платформ,
каст,
И небывалый узор на карте
Общий наш труд
даст.

Ф ы р к а н ь е в б а р а к а х
— Брехун без роду, без племени.
— Фантом переходного времени.
— Марионетка без знамени
В период всемирной темени!

С о т р у д н и к Э к к л е з и а с т а, *теперь* — В о с п и т а т е л ь,
в крошечном училище, среди группы ребят

Наш мир — это код. Все факты
Нельзя перечислить в речи ведь,
Но если делать в о т т а к - т о —
Материя станет просвечивать.

О д и н и з р е б я т
Просвечивать? Точно стекла?

В о с п и т а т е л ь
Отчасти. Сначала блекло,
А дальше, с течением дней —
Торжественней и ясней.
Когда с души нашей сорвано
Безверье, слепое как мания, —
Раскроются новые органы
Духовного воспринимания.
Уже и теперь для некоторых
Мерцают в узкие щели
Иные просторы и недра
И духи в светлейшем теле.
Среди природы — успешнее
Можно решить задачу,
И в первое ж утро вешнее
Мы переедем на дачу.

Р е б я т а
— А тот учитель, которого
Вы сами зовете главным?

[Воспитатель]

— Наведаться очень скоро
Он обещал.

Один из мальчиков
с несколько странным лицом

Вот славно...

А то раз меж разговора
Произнес он имя: Навна.
Мне оно знакомо, дядя.
Надо в руки, точно в нишу,
Спрятать все лицо, не глядя;
Пять минут пройдет — и слышу
Ах, такой нездешний голос,
Вижу синеву такую,
Что потом без них мне — голой
Наша жизнь... и вот тоскую.

Ребята

— Он нам рассказывал часто
Про то, что будто бы видит...
— Вы — шляпы! Тут дело нечисто:
Он просто вас за нос водит.
— Какой там «за нос»: вся грудка
Теперь у него пунцовая¹.
— А мне его слушать жутко,
Но не запоминаю ни слова я.
— Коль память у вас плохая,
Возьмите по карандашу.
— А кто его будет хаять,
Тому я нос откушу.

Одна из девочек

Знаешь, дядя, иногда я
Вижу с ним одно и то же.

Станный мальчик

Да, бывает. Подтверждаю.
Вот сначала вроде дрожи
Над глазами или в мозге,
Точноходишь в зал театра...

Воспитатель,
мысленно

В старину б за это — розги,
А вчера бы — психиатра.
Истребляли драгоценный
Дар — росток Святого Духа...

Мальчик,
закрывая руками лицо

Вот опять... Зазвенела блаженная
Синева, но печально, глухо.
Будто горькие струи багряные
Собирает в чашу Она...
Ах, какая угрюмая, странная,
Вся коричневая страна!

Пауза.

Сам не знаю... С наклонными штольнями
Схоже то, что вижу теперь;
Только сделалось трудно, больно мне, —
Не обманываю, дядя, верь!
Голос светится вроде инея;
В злых пещерах — ряды колонн,
И сияние,

синее-синее,

Тихо льющееся под уклон —
По уступам, где плачут, кружатся,
Где томятся... А там, внизу,
Что-то ухаает, что-то рушится
И дрожит, как небо в грозу.

Мальчик замолкает.

Становится видно, как едва колыхающийся среди голубого сияния женский
образ сходит с кроваво-рдеющей чашей в руках вниз и вниз.

Мальчик

Вьются жадные, темные, мутные,
Отступают... не смеют, ползут...
А по-моему, чудовища путают,
Если горя от Навны ждут. —
Ох ребятки!.. Мне открывается
Что-то огненное и без дна...
Знаю! Понял, как называется:
Укравайр — говорит Она.

¹ Покраснение груди — физиологическое следствие, признак самадхи — одного из видов религиозного экстаза.

С о б о р н а я Д у ш а Н а р о д а вступает на поверхность бушующих магм. Очевидно, хозяева этого страдалища пытаются преградить Ей путь с упорством отчаяния. Но рдеющая в Ее руках чаша создает непереступаемое для них кольцо сил вокруг источника голубого сияния. Средний слой Мистерии отступает далеко вверх. Чувствуется, как Н а в н а проходит один за другим пояса раскаленных сред — все глубже. Наконец вокруг оплотневает П р о п у л к — магма сверхтяжелая, страдалище тех, кто были мучителями народных множеств, а еще глубже багровеют инфракрасные пещеры — посмертные обиталища растлителей духа. Н а в н а высоко поднимает чашу и выливает ее всю.

Но то, что было в ней заключено, распространяется вширь и вверх, превращаясь в светящийся туман — сперва розовый, потом золотой. Он заполняет все нижние слои метакультуры российской, от инфракрасных пещер до серых туннелей Ш и м - б и г а. Не слышится ничего, только чувствуется громовой хор Синклита, Ангелов, всех иерархий Света.

Становится ясно, что золотой туман — это мириады живых искр, отделившихся от материальности страдалищ и начинающих медленный подъем вверх.

Г о л о с а д а й м о н о в

Светлою манною
Новых рождений
Блещет туманная
Даль восхождений.
Славьте, разъемля
Древние узни,
Выход на землю —
В новые жизни!

Сердце Н а в н ы становится звездой. Не видно больше ничего, кроме необозримого множества золотых искр, роящихся в голубом свете, и сияющей звезды в его средоточии. Звезда тихо плывет выше и выше.

Г о л о с а С и н к л и т а

Радость! Сквозь пламя
Вин и прощений
Вьется гирляндой
Цепь воплощений.

Узрите снова
Мягкие травы,
Милые кровы,
Мирные нивы...

К славе — от казни,
К жизни — от смерти,
К дружбе — от розни —
Верьте, о, верьте!

Г о л о с а в о с х о д я щ и х

Верим и видим:
Близится детство,
Игры и школа,
Зрелость и жатва, —

Верим и видим:
В Душу Соборную
Каждый влетается
Нерукотворною

Солнечной лентой
К белой милоти,
Белой гирляндой
Жизней во плоти.

Подъем достигает слоя, где длились битвы уицаоров. Я р о с в е т простерт у его порога. Н е к т о , о К о м н е л ь з я с к а з а т ь н и ч е г о , к р о м е т o г o , ч т o О н — о д и н в е л и к и х В л а д ы к С в е т а , в л а г а е т в г р у д ь д е м и у р г а п ы л а ю щ у ю з в e з д у . Я р о с в e t и Н а в н а в o с х o д я т и з г л у б и н ы . Золотые туманы плывут следом, растекаясь и скрывая окрестность.

Г о л о с а л ю д е й,
умерших недавно и еще пребывающих в слоях, близких к нашему

— Искры прохладные капель кочующих
Кружатся, реются,
В души рождаемых,
в лоно рождающих
Зыбко спускаются.

Г о л о с а П р о з р е в а ю щ и х
на Земле

А над туманами — видите? слышите?
Всходят по сумраку
Белые звезды, — шелка их колышутся, —
Двое...
рука об руку...

В и д е н и е с к р ы в а е т с я .

В Среднем слое все кажется по-прежнему: те же бараки, та же ночь. Даже баян слышится где-то в отдалении. Только мелодия как будто изменилась: нет в ней ни заунывной тоски, ни сладострастия, ни удачи: простая и человечная, она полна светлой печали и предчувствия чего-то большего, чем счастье.

М о л о д о й а р х и т е к т о р ,
в глубоком раздумии

Сходил я в сумрак убежищ,
Дрожал у жалких костров;
Я слушал кривду судилищ,
Правду детей и вдов.
Им форум — даже в подвалах;
Плуг бед

провел борозду,
И нив, еще небывалых,
Я к новому утру жду.

Бесстрастный голос с вышины

Надежда усталым:

Четвертая Стража Ночи
Переходит черту.

Две взволнованные женщины,
быстро проходя

— За всю мою жизнь... от самых пеленок...

Такого оратора никогда!

Я потрясена была, как ребенок,

Я плакала, веришь ли? да, да, да!

— Красив он? — Не знаю. — Но, все-таки, молод?

— Ах, милая, молодость тут ни при чем.

Но речь его бьет по душе, как молот,

Вторгается в совесть ярким лучом.

Двое прохожих

— Я слышал про сказочную работоспособность,

Про фантастическую быстроту...

— Могу, если хочешь, одну подробность:

Но ты осудишь нелепость ту.

— Какую? — Он не признает ботинок.

— Что же, сандалии?

— Если б так...

Он ходит везде босиком, как инок.

— Даже зимой? Юродство. Чудак.

— Нет, почему же? это — лишь способ

Чувствовать, что в песке и в пыли

Брежит, лучится, мерцает, как россыпь,

Слой

живоносных духов земли.

— Ха! ну, а в городе?

— Что ж, на Востоке

Ведь не боятся подобных идей;

Да: мостовая пронизана токами

Тысяч и миллионов людей.

И, как ни странно, вдоль каждой трассы

Этот флюид, расширяя круги,

В нас

от человеческой массы

Входит

через подошву ноги.

Молодой архитектор встретил знакомого. Оба присаживаются на лавочке.

Знакомый

...Утром он — здесь, ночью — в Детройте,
Завтра — в Бомбее, потом — в Шанхае, —
Попробуйте-ка: удвойте, утройте
Нормальные темпы!

Не отдыхая!

— И много последователей нашел он?

— Уж сотни готовы идти на риск.

Он прост, как Ганди, остер, как Шоу,

И всепрощающ, как сам Франциск.

На площади шум. Приближается группа людей, окружив Воспитателя.

Приятель Архитектора

Видел и этого. Один из сотен

Последователей,

но о нем говорят.

Архитектор

Я знал его раньше. Из подворотен

Он извлекал чумазных ребят.

Насмешники в толпе

— Кто это шествует? —

Ба!

Тот, чья головка слаба.

— Он про богов

голытьбе

Плел у костров,

как бебе.

Воспитатель,

взойдя на возвышение

Наследие самое грозное,

Оставленное нам, нищим, —

Не эта полночь морозная,

Не ветер над пепелищем,

Не вскормленная разрухой

За жизнь и за хлеб тревога,

Но пепелище духа

И тень Человека-бога.

Пренебрежительные возгласы

— А-а-а-а-а он в гнилую мистику!

— Мыслители старой масти...

— Словесная эквилибристика...
— Божок детворы в предместье...

В о с п и т а т е л ь

Отстроится город заново;
Отстроится все отечество;
Зажжет свое мирное зарево
Трудящееся человечество;
Но чем согреем мирок мы
Сердец, охлажденных с детства
Стужей безбожной догмы,
Гордыни

и святотатства?

Г о в о р

— Тьма сгинет в бою коротком
С раскрепощенным рассудком.
— Работа нескольким суткам...

В о с п и т а т е л ь

Ответственность давит на плечи нам.
Каким заниматься трудом нам,
Глядя в глаза искалеченным?
Невежественным? бездомным?
Взгляните на изуродованных
И школой, и страшным детством,
Никем и ничем не порадованных...
Вот подвиг для вас!

Вот — крест вам!

Р а з г о в о р ы

— Вот куда гнет он... Глянь-ка:
Собрал ребятню, как нянька.
— Мордашки у всех, как дыньки...
— А деньги? Откуда деньги?
— Разве дожدهшься рублика
От наших родных раззяв...
— А за морем есть республика:
Не там ли искать хозяев?

Г о л о с а ж е н щ и н

— Ваши издевки — не метод.
— И ваши ухмылки — пошлы.
— Когда б не такие, как этот —
Вовек ничего б не вышло!

Д р у г и е

— Правда. Разве негоже
Пятна позора вывести?
— Правда. Разве не то же
Исподволь шепчет совесть?

*Тот, кто был Ректором и Главным судьей,
теперь — Министр юстиции, спускаясь к Воспитателю
из зала кое-как отремонтированного дворца*

Здравствуйте. Очень рад вас увидеть.

И, конечно, вы правы. Но мы
Скоро забудем про все; и Овидия,
И Берлиоза, и мудрость Фомы.
Помнишь ли о каких-либо ценностях,
Если все двадцать четыре часа
Кружишься, мечешься по современности
Белкой, бегущей внутри колеса?
Рок, громозящий невзгоду к невзгоде, —
Ксантиппа, ярящаяся на мудрецов!
И все же — глубоко продуманный кодекс,
Верите ли, скоро будет готов!

В о с п и т а т е л ь

Да: говорят, вы сильно захвачены
Творчеством процессуальных норм?

М и н и с т р ю с т и ц и и

Этой фундаментальной проблеме в придачу
Внимание мое привлекает и корм
Для детских садов; мы взываем, затронув
Лучшее в человечестве; но
Тридцать,

ведь т р и д ц а т ь,
т р и д ц а т ь миллионов
Брошены на социальное дно!

В о с п и т а т е л ь

Тем более. Пусть мудрейшие,
Ученейшие, достойные,
Такие, как вы, старейшины,
Кто честь не растратил в войнах,
Кто ныне блюдет отечество —
Труд отдадут и творчество
Выпестованию

младенчества

И врачеванию
отрочества.

Недовольные голоса
— Зорче за этим смутьяном:
Не даст он, братцы, житья нам!
— Что лепит он из детворы?
— То — помогать крестьянам
Бегут в поля и дворы,
На молотилке, на жнейке
Пыхтят в трухе и в поту,
То строят в лесу на лужайке
«Храм Солнца», «город-мечту»;
— То слушают, точно постники,
Симфонию, сагу, псалом...
— А вон уже носятся по снегу
С мячиками босиком.
— Как босиком?! без валенок?!
А ревматизм?! А грипп?!

Крики мальчишек
— Три года мы не обували ног,
А вот никто не охрип.
— Пари: если будет насморк —
Тогда отправляйте нас в морг.

Научные работники,
внезапно вмешиваясь
Уже формулируется в лаборатории
(Меня вы, быть может, спугнете прочь)
Фактами вскормленная теория
Об излучениях разных почв.
Для организма, для нервных клеток
Они благотворны, как кислород;
И весь — от взрослых до малолеток —
Должен разуться
наш народ.

Общий хохот
— Доехал! Договорился! Допер!..
— А может, нам жить
в воде, как бобер?
— Мало ученым дурням — ха-ха! —
Детям морозить все потроха;
Нет! В покаяние за грехи
Сами разуться хотят! хи-хи!

Воспитатель
Да: с добрыми стихиялями
Общенье идет на лад:
Природа качает качелями
И холит теплой палат,
Кто будет простым, как голубь,
И мудрым, как вещей змий,
Тому отчетливым голосом
Ответят духи стихий.
Вся педагогика будет
Поставлена кверху дном,
И дети по-новому судят
Уже не об этом одном;
Могучий космос истории
Не холоден им, не хмур,
Им внятно певучее море
Культур
и метакультур.
Они — поколение воителей
На бранных полях души,
Весельчаки и строители,
Мечтатели-крепьши.

Разговоры
— А ручьи-то уже закипели...
— По ночам барабанят капли...
— Говорят, по оврагам в поле
Уже первые птицы запели?

Но не трели птиц, а мощный гул самолетов возникает внезапно над головой. По-видимому, они надвигаются в ковровом порядке. Кажется так, будто плотный покров туч начинает сдвигаться на восток, уступая место тысячам звезд, движущихся с запада.

Возгласы изумления и тревоги тонут в рокоте, таком могучем, что в течение нескольких минут он не дал бы различить даже пушечного выстрела. Черные тени, похожие на зонты, являющиеся в вышине, медленно планируя. Один за другим о землю ударяются огромные ящики. Народ кидается вскрывать их. Небо все еще гудит; новые и новые сюрпризы падают на мостовую; очевидно, сбрасываются десятками тысяч. Люди сбегаются опретью. Восторженная, почти ликующая толпа плотнеет вокруг каждого ящика. Среди общего шума можно только разобрать:

— Шоколад! сыр! — креп-де-шин!
— В этом — сто
швейных машин!
— Пылесосы... — Ящик кальсон!!
— Братцы, это же сказка... сон...
— Кружевное белье для дам
(Чтоб не хаживали, как Адам).

— Книжки детям: «Король Артур»...
 — Целый мебельный гарнитур!..
 — Быть не может: разборный дом!!
 — Да, да, да, верится с трудом!
 — Обстановка — морёный дуб...
 — Боже, как я был раньше глуп!
 Я ж ругал их, — о, идиот...
 — Что за шерсть? — Какой шевииот?

Народная милиция пробует установить порядок. Ее прогоняют. Распотрошив ящики, люди во-
 локут к себе что попало, но груды вещей почти не уменьшаются.

Г о л о с а

— Теперь опериться можно...
 — Теперь приналяжем дружно...
 — Теперь разграфим прилежно.
 — Город выстроим авантажно!

Д р у г и е

— И как тщательно: все — в брезент...
 — Да, но чей же это презент?
 — Неужели вот этот зонт
 Подарил мне сам президент?..

Е щ е г о л о с а

— Бомбят, а теперь — подачка...
 — Не верь их сырам, дочка.
 — Ох, будет опять

стычка,
 Чуть дружбу затмит
 тучка.

Люди в непривычных костюмах появляются среди толпы. Неоновые огни
 вспыхивают на верхушках бараков и руин.

Г о р т а н н ы й г о в о р

— Хау-ду-ю-ду! — Вражда — капут!
 — О, дружба — лучше оков и пут.
 — Весьма охотно детям врага
 Мы помогаем встать на ногá...
 — Раса — с расой —

и с классом класс —

Кока-кола — и русский квас!
 — ...Уиски, пиво, шато-икэм
 Будут с нами —
 или ни с кем.

Рекламы и вывески на иностранных языках протягиваются по фасадам
 сквозь покрывающий дождик.

А х и и о х и

— Батюшки! любой цвет!
 — Матушки! Все алфавиты...
 — Вот-те и суверенитет.
 — Вот и толкуй о праве ты...

С о о б р а ж е н и я с у е в е р н ы х

— Братцы, будто посмеиваются
 Ветер и дождь над нами...
 — Братцы, будто прозмеиваются
 Чудища меж домами!

Г е д о н и с т ы

— Брось ты, вечно с оглядкой!
 Просит гулять душа ведь!
 — Вот бы пройтись с двухрядкой...
 — Или у баб пошарить...

Д в а ч а с т у ш е ч н и к а, п р и т а н ц о в ы в а я

— Русь, пляши-ка
 С выв-вертом:

Гнус паршивый
 Вым-мер там, —

Выбирай,
 Товарищи —

Сущий рай,
 Товарищи!

— Не вари,
 Варвара, щи:

Жалки
 Твои чарыщи!

Тлей был, вдруг —
 Да в козыри.

Буги-вуги
 До зари...

Нескончаемые гудки судов.

Р е п л и к и

— Товарищи! Из Европы
 Торопятся
 филантропы.

— Сто пять пароходов в порте!..
 — Но... нужно ли столько партий?
 — Да-да: приучайтесь, спорьте
 Сыздетства, на школьной парте.

— Свобода — именно в этом.
 — Не то, что было в Москве там...
 — Кто хочет в колхоз — в колхозы!
 — Кто сердцем хунхуз — в хунхузы!

— А сект-то кругом, а сект-то...
 Сто вывесок вдоль проспекта!
 — Их больше, чем всех машин-то...
 — Буддисты!

паписты!

шинто!

Х о р о ш и й з н а к о м ы й а р х и т е к т о р а,
 поймав последнего за пуговицу

А я теряюсь в догадках:
 Еще кругом беднота;
 Повсюду встречаешь

падких

Дать жизнь за обед; но та
 Живая россыпь талантов,
 Что блещет повсюду... кто б
 Предвидел, что век гигантов
 Забрезжит с кровавых троп?

А р х и т е к т о р

Пока что мы одного лишь
 Гиганта видим вблизи.
 По правде, если позволишь, —
 Мне жаль, что с этой стези
 Насмешек, бравад, сомнений,
 Ты не в состоянье понять,
 Что он — величайший гений,
 Наш светоч

и благодать.

З н а к о м ы й

Он — гений слова, не спорю.
 Но он опоздал. Людей
 Не взманят на подвиг

зори

Религиозных идей.
 Мне слишком ясна единичность
 Таких чудаков, как вы.
 Вот в этом — его ограниченность
 И — обреченность, увы!
 Церковностью мир
 сыт

вдоволь.

Нас ссылка на Бога злит.
 Калеки ль, сироты ль, вдовы ль
 Уверуют в ваш Синклит?
 Не нужно фальшивых смет нам,
 Где рядом с елеем — тол.
 Сознание стало предметным
 И плотным, как этот стол.
 Турбины, пластмасса, творог —
 Все — четко, все — дважды два.
 Кого ж увлекут

в ваш морок

Заумствующие слова?
 Мы — те, чьему нраву близки
 Туризм, парашют, слалом,
 И мы ли,

вместо библейского,

Затянем новый псалом?
 Век детских религий прожит...

А р х и т е к т о р

Прости: тебе сколько лет?

З н а к о м ы й

Мне? Сорок пять... Быть может,
 Я выгляжу старше? сед?

А р х и т е к т о р

О нет; но я помню вздохи
 Лет тридцать назад: точь-в-точь!
 Ты — человек эпохи,
 Скончавшейся

в эту ночь.

Э к к л е з и а с т выступает с кафедры в большом лектории. Это человек средних лет; он художав и необыкновенно легок в движениях:

Подобно лунам в новолуние
 Переменился знак времен:

Как шлак,
боль обид:
Орел
дружбы вылетел
И туш
горн трубит.
Враги
станут ровнею,
Кто смерть
слал вчера:
Забить
распря древнюю
Пора,
друг, пора!

Одно шествие сменяется другим:

Где стыл
прах пожарища,
Где жил
встарь тиран,
Дворец
строй, товарищи,
Дворец
Дружбы Стран!
Сверкай,
белый, сводами,
Блистай,
наш сверх-Рим,
Тремя
сверхнародами¹
Желан,
ждан, творим.

Над дворцом взлетают разноцветные ракеты.
Тот, кто был Ректором, потом — Министром юстиции, теперь — Глава нового ареопага, —
выходит на балкон в сопровождении своих коллег.
Напряженная тишина.

Глава ареопага
голосом, вздрагивающим от волнения
Нами подписано то, что мечталось
Лучшим умам
страны.

Что претворит наш бедственный хаос
В осуществленные сны.
Рок нам принес
кровавыми тропами
Свой золотой
дар:
Здравствуй, Единство! Нынче — Европа,
Завтра —
земной
шар.

Гул, ни одной реплики различить в котором невозможно, покрывает голос оратора. Народ затихает лишь потому, что Глава ареопага продолжает свою речь вопреки шуму.

Раненым львом —
европейская раса
Чуть зализала
кровь ран,
Встала,
творит,
создает колосса —
Сплав
сорока стран.
Зоркость германства
и жар романства
Слив с широтой славян,
Контуром тройственного христианства
Мы окаймим
наш стан.
Грозной ответственностью пред миром
Отягощен наш Союз:
Божьим теплом согреть
всех сырых,
Рушить узлы
всех уз.
Имя высокое не опозорим,
Не предадим святынь;
Тягу
ко всечеловеческим зорям
Вдвинем в сердца. — Аминь.

Над шпилем дворца взвивается необыкновенный флаг — эмблема Соединенных Государств Европы. Крики покрываются громом оркестров, исполняющих новый государственный гимн.

¹ Сверхнарод — группа наций, объединенных общою, совместно создаемою культурой.

Акт одиннадцатый
ВОЗМОЖНОСТИ

Ночь в исходе. В зените чуть светящегося неба стоит знак Льва. Ажурный каркас строящегося Дворца Христианских Народов усыпан огнями. Наново создается почти весь город. Отовсюду льется музыка.

Г о л о с а э н т у з и а с т о в *на строительстве Дворца*

— Построим! Построим! Построим!
Фундаменты глубже зароем,
Провалы пустот замуруем,
Подвальный этаж обогреем.

— Построим! Построим! Построим!
Узорами стены покроем,
Как солнышко купол надраим
И блеск зеркалами утроим.

Г о л о с а с д р у г и х с т р о и т е л ь с т в

— Огни запестрели над краем
По кранам, по мачтам и реям...

— Построим наш город, построим
Террасами к плещущим струям:
Цветами его зачаруем,
Чтоб мрамором он и барреем
Белел по широким устоям,
Как царский наряд — горностаем.

Е щ е г о л о с а

— Построим! Построим! Построим!
Дорогу — творцам и героям,
Чтоб дети ликующим роем
Вселенную сделали раем.

— Да станет мир раем на деле:
Без тюрем — и без Цитадели, —
Из рабской бесправной юдоли
Врата в безграничные дали.

М и н и с т р п о л и ц и и,
захватив явочным порядком одну из отстроенных секций Дворца

Пой гимны, пустая башка...

Пусть

ведомство не в почете,
Но даже простого горшка
Без нас не устережете.

Из квартир новых домов — взрывы смеха, звон посуды:

— Столица стольких наций...

Авто...

магазины...

Для Герды — комбинация,

Манто —

для Зины...

— Давайте — в Лондон к завтраку?

— А нет —

как хотите:

Тогда — семь двадцать в Африку,
Обед в Антарктиде.

В о р к о в а н и е в к о м н а т а х

— А домик-то наш финский!

Домишечко... домуля...

— Не то что прежний, свинский:

Ни — мышки, ни — моли...

— Прощайте, домработницы!

Атомка — повсюду:

О щ а х п о з а б о т и т с я,

Потом — про посуду...

Ч а с т у ш е ч н и к с б а л а л а й к о й —
на площади

Маркса грыз да Сталина,

Бац — кругом развалина.

Коль не каплет из носу,

Приучайся к бизнесу.

Е щ е д в о е

— Польки,

европеечки —

Только

три копеечки;

Не хватает

цыпочки

С речки
с Миссисипочки.

— Эта негра —
сивая,

Очень некра-
сивая:

За зудуской
пегою

Лучше
я побегаю.

М о р а л и с т ы

— Нынче в мозгах у всякого ферта
Зудит лишь одно:

в пляс!

— Ох! тепловатым салом комфорта
Страну залило

до глаз.

О п т и м и с т ы

— Это — неважно. Это — наружное.
Такие были всегда.

— А то, что религия во всеоружии
Готова явиться, вот это — да!

С к е п т и к и

Живет какая-нибудь химера
В мозгу любого осла;

Но никакая, простите, вера
Мир еще не спасла.

На строительной площадке Дворца возникают ссоры:

— Парижане-то... расфуфыры-то...
Кубометра за день не вырыто!

— А лакают два литра в сутки...
Видно, думают, стройка — шутки?

— А как это смеют испанцы
Во время погрузки — танцы?

— Прикинулся фриц придурком...
Катись за границу, к туркам!

— Лишь мы громоздим эти дамбы.
Зарплату всю — русакам бы!

Р а з г о в о р ы п о в с ю д у

— Ну что вот с такими болтать о праве?
Дрязги мелкие да смешки...

— А у нас даже запах крови
Выворачивает кишки.

— Да: с тех пор, как танк проутюжил
У меня на глазах детдом...

— О, конечно: молодчиков дюжих
Видеть хочется перед судом.

— Странно, знаешь, но мне вот тошно
Стало даже удить бычка...

— Вон — по лавкам-то сколько туш; но
Нам бы фруктиков...

молочка...

М о л я щ и е с я — по домам

— О всенародной стезе бескровной!
— Без войн, без казней, без диктатур...

— Без жертв неистовых —

к равноправной

Семье народов! Церквей! Культур!

Г л а в а а р е о п а г а
с террасы Дворца

Трудно народ поднимается на ноги
После шальных

снов!

Давят и душат нас старые навыки:
Пошлость,

вражда,

гнев.

Все еще не умеем по-новому
Чувствовать связь стран,

Все еще многим туманит голову
Наш вековой

трон;

Все еще нам представляются меньшими,
 Кто не рожден
 здесь;
 Мщением, мировыми реваншами
 Душу ярит
 спесь.
 На перекрестках торопятся риторы
 Мысль нашу сбить в ком...
 Вот оглянитесь: разве оратор
 Этот
 вам не знаком?

Действительно, на площади, незаметно для всех, появились три вышки с тремя О р а т о р а м и:

П е р в ы й
 Ошибки рухнувшего
 мировластителя
 роковые
 Вполне простительны.
 Мы беспристрастны.
 Я докажу...
 В т о р о й,
 перебивая
 Для отомщения
 за окровавленную
 Россию
 Ядро народное
 подготавливайте к мятежу.
 Т р е т ь и й
 Нет: Юго-Западную
 и Дальневосточную
 тиранию —
 Вот кого рушьте,
 вооружаясь
 по рубежу!
 В о р ч а н и е в т о л п е
 — Знаем вас, тюрем радетели...
 — Военных клик благодетели...
 — Наших отцов мутители!
 П е р в ы й о р а т о р
 Мы — обездоленные
 эксплуататорской
 цивилизацией,

О коммунизме
 припоминающие
 скорбя...
 В т о р о й
 За мною — русская,
 многострадальнейшая
 из наций,
 От иностранщины обороняющая себя...
 Т р е т ь и й
 За мной — Европа
 военных подвигов,
 а не иллюминаций:
 Стальной пружиной
 она раскрутится,
 мир дробя!
 Г л а в а а р е о п а г а — *Воспитатель*
 Друг, научил различать вас Учитель
 Вредную спорынью
 во р ж и:
 Чью ж вы нездешнюю ложь различите
 В этой земной лжи?
 Исчадия Жругра погибли в пламени...
 В о с п и т а т е л ь
 Напрасно думаете, что все:
 Сбежав на Запад, один из племени
 Припал к питающей их росе.
 Г о л о с у и ц р а о р а У к у р м и и
 Он тщетно силится мыслью тощей
 Сравняться с замыслами отца.
 П е р в ы й о р а т о р
 Лишь кратковременное отступление!
 Волной растущей
 Уже навестываем,
 уж размножаемся у дворца...
 Яркий свет охватывает вышку Первого оратора, пронизывая насквозь его
 самого. Вышка тает в пространстве. На месте оратора — пустота.
 В о з г л а с ы
 — Где ж он?! Юркнул... — Пропал!
 — Тень!.. Но куда? — Сквозь пол!

— А сладко-то как запел...

— Как будоражил пыл...

Второй оратор

Он привлекал вас

дискредитированною

доктриной,

Морочил ложью недовоздвигнутого.

А я —

Я в каждом русском

живу и крепну

мечтой старинной,

Сердца народа

в тысячелетиях

животворя!

Воспитатель

И на второго

стремит Укурмия

Оружье, ведомое лишь ему.

Борьба короткая:

Путчи в армии...

Горсть заговорщиков... Шесть — в тюрьму.

Второй оратор

Эй, соотечественники!

Тут скоморошествуют

лжепророки,

Гнездятся

в выстуженных расщелинах

еретики,

Но с богом русским

законопатим мы

все прорехи

И восстановим...

Внезапное пламя охватывает вышку Второго оратора. Вспыхнув факелом, она исчезает из глаз. Огненный язык мгновенно гаснет. На месте Второго оратора — пустота.

Крики

— Они предсказывали! Они провидели!

— Вон тот, в подъезде...

и тот, в лектории...

— Они разумнее, чем правители?

— Они постигли, в чем соль истории!

Доктор социальных наук, теперь —
Председатель Всемирной Лиги
преобразования сущности государства
выступает в одном из лекториев Лиги на окраине города

Наш первый пункт (он жизнью дан

Не только чувству, но и ratio¹):

Объединение всех стран

В С в о б о д н у ю к о н ф е д е р а ц и ю.

Но и такой союз чреват

Тиранством горшим: слив отечества,

Замкнет народы в плотный ад

Великий демон человечества.

Мы не забыли, как, поймав

В судьбине стран минуту хмурую,

Зло под личиной высших прав

Растет и крепнет диктатурою.

Пока не застит чадный дым

Везде затепленные светики,

Конфедерации дадим

Контроль наивысочайшей этики.

Но государство, это — плоть;

Как ей придать духовность, правильность?

Соблазны власти побороть

Способны те, чья сила — праведность.

Разговоры в антракте

— Учитель — во всяком случае,

Бездомен, для всех открыт;

— Ни отдыха, ни благополучия;

Мед, хлеб, молоко — и сыт.

— Виденьями высшей реальности

Пронизываются его дни...

— Торопятся юноши вдаль нести

Зажженные им огни.

— Его духовные органы

Пронзают любую тьму...

— Не странно ли: даже Морганы

Прислушиваются к нему!

Председатель Лиги

А кто боится наших норм,

Пускай поможет хоть безмолвностью:

_____ 1. Рассудку (лат.) — Ред.

Все —
 за вторую из реформ:
 Разоруженье мира
 полностью!
 Мы не хотим искать вину
 Лишь в воле тех, кто алчет прибыли;
 Но — танки — в море! Тол — ко дну!
 В железолом — чудовищ гибели!

Не запятнаем синий флаг
 Эмблемой низкой. Но, естественно,
 Распределенье внешних благ
 Должно быть четко,
 быстро,
 действенно.

Чтоб ни один из тех, кто жив,
 Не пожелал возврата прошлого,
 Времен неистовств и нажив,
 Времен господства духа пошлого.

Культурное жилище — всем!
 Всем — матерьяльный щедрый минимум!
 Пусть в этом зрит обманность схем
 Привыкший к горестным пустыням ум;
 Но согревает нам труды
 Мечта — клянусь, не одинокая,
 Когда плантации-сады
 Провижу в дебрях Ориноко я!..

В о л н е н и е в з а д н и х р я д а х
 — Старо! — Коммунистический бред!
 — Нам порошили сто лет
 Ум
 требухой подобных идей
 Красные
 всех мастей!

 П р е с е д а т е л ь Л и г и,
 стараясь покрыть шум

Совсем не то! Совсем не так!..
 Об ананасе, о лимоне я
 Скажу потом...
 Без жертв...
 Наш флаг —
 Лишь социальная гармония!

Г о л о с а
расходящихся во всех направлениях после лекции
 — Полмиллиарда голов
 Смял коммунизм за полвека в бою,
 Мы же готовы кровь человека
 Лить
 только свою.
 — Для коммунизма — внешнее благо
 Было венцом...
 всем!
 — Для нас — лишь вехой первого шага,
 Лишь формой теософем.

Во Дворце Христианских Народов — огромная аудитория, принадлежащая Лиге.
 Выступает П р е з и д е н т международной Ассоциации перевоспитания преступников:

Для некоторых слишком крут
 Подъем к добру. Их манит вольница,
 Им нестерпим вседневный труд,
 Цеха, комбайн... Душа-раскольница
 Срывается в болото, вниз,
 В разгул, в разбой... и далече ли
 Эпоха та, когда их жизнь
 По лагерям вконец калечили?

Усовершенствовать наш суд —
 Задача поколению новому.
 Исправит грешника не труд,
 Не наложенье тяжких ков ему.
 По язвам психики хлестать
 Трудом — грешней кровопролития!
 Нет: срок взысканья должен стать
 Прямою ф у н к ц и е й р а з в и т и я.

Тут не поможет ремесло;
 Лишь к р у г о з о р и л а с к а вылечат
 Тех, кто не знал, что есть тепло,
 И в чьем сознание — только пыль и чад.
 Его возвысить — не спеша —
 Гуманитарным знаньем, верою,
 Искусством, — чтоб сама душа
 Пренебрегла трясинной серою!

На трибуну выходит Воспитатель,
теперь — Министр культуры

Сдвигаем мир мы рычагом
Бескровно-мирным: только школою,
Трансмиф сводя, как свет и гром,
Как струи духа в душу полую.
Мы скрепы дружественных уз
Меж Джоном, Сингом и Василием
Куем лишь верой в наш союз,
Сотворчеством и ненасилием.

Схож с предзарей наш смутный век:
Темно, свежит стопу и лоб роса,
А дух скорбит: где Человек
Облагороженного Образа?
Где... там, в заре он! близко, тут!..
Кричат: «Доколе же, доколе ж?!» —
А он — в мальчишках, что растут
В любом гуманитарном колледже;
Чей спорт, купанье, бег, слалом,
Восторг пред высями и далями —
Все, все пронизано теплом
Общениа со стихиялями...

Добродушные голоса в публике

— А, это он про молодежь...
— Самим старикам невтерпеж,
Когда вдоль шоссе и дорожек
Снует Союз Босоножек.
— Всемирный Союз, — да, да!..
— А что ж: превосходные юноши:
Не злобные, как овода,
А добрые, как гамаюныши.

Министр культуры,
продолжая

...В чудесных девушках, чей дар —
Целенье скорби человеческой;
В чьи души весь Шаданакар
Глядит с улыбкою отеческой!
Они растут — сильней войны,
Всемирной сетью школ умножены,
Духовностью просветлены,
Искусствами облагорожены!

И создается строй души
С глубинной, внутренней безбурностью.
Его, психолог, опиши
И окрести мета-культурностью!

На блудатели —
вполголоса

— Приставка модная — мета —
Теперь повсюду принята...
— Вплоть до абсурда. Посмотрите-ка:
«Мета-народ», «Мета-политика»;
— «Мета-сраженья», «мета-рас»...
Сплошное мета-наважденье!
— Клянусь, я слышал как-то раз
Про мета-босиком-хождение...

На площади шум. Группы горожан окружают Путешественника,
возвратившегося с Дальнего Востока.

Путешественник
Граждане! За Памиром —
Не забывайте — крепнет
Мечта: опять диктатурой
Покрыть весь земной шар.

Реплики

— Они кичатся размером...
— Но это — пузырь, он лопнет...
— Кто ж верит в химеру старую
Теперь, когда нет
шор?

Другой путешественник

Граждане! К объединению
Под европейской эмблемой —
Бессмысленную преграду
Вздыбил Юго-Восток;
Там пестрокожие гады
Брезгают нашей системой;
Там — вопль о перенаселенье
Взбесить бы святых
мог!

Сочувственные голоса
 в группах на площади
 — Подсказывает эпоха
 Сама нам, за что бороться;
 — За мощный
 Союз Наций
 В пределах расы господ.
 — Старейшины только охают...
 — Ни — фюрера, ни — полководца...
 — Забыли, что значит драться!
 — Простили кровавый пот!
 Третий оратор,
 улучив подходящую минуту
 Сраженья будущего
 непредставимы
 и сверхогромны,
 Но застилают их
 песни наши
 и праздный крик;
 Дух ненасилия,
 к нам подсылающийся
 вероломно,
 Стремится выхолостить
 и обезволить
 наш материк.
 Не проповедовать
 и не кликушествовать
 должны мы
 Перед могуществом
 гипер-урана
 или свинца:
 Противоставим же
 демагогам,
 рабам наживы
 Готовность к подвигу,
 воспламеняющую
 сердца!
 Пусть христианское человечество
 к ратоборству
 Себя готовит,
 не празднословя
 и не щадя:

Виват — всемирному
 Европейскому
 Государству!

Вождя! Вождя!

Восклицания

— Ого! да этот — не в шутку!
 — Хватил по тому, что шатко...
 — Лишь бы не впасть в ошибку,
 — Лучше б — кушак да шапку...

Чеканя шаг, приближается толпа с факелами.

Марш

В ногу! Подхватывай стих,
 бритт,
 росс, и германец, и галл!
 К бою, наследники трех
 вер,
 росших у северных скал!
 Прадедов наших взманил
 вширь
 гордый морской горизонт;
 Мы бороздили земной
 шар
 с фьордов до знойных Голконд;
 Каждый из наших камней
 полн
 подвигов, песен, легенд;
 Каждый средь наших полей
 холм —
 памятник, гордый гигант!
 В творчестве — русский размах
 слит
 с опытом, зревшим века;
 Слышен в чеканных шагах
 ритм
 славного материка.

Марширующие окружают вышку с Третьим оратором. Крики «хайль!», «эльвиво!», «ура!», «виват!». Оратора подхватывают десятки рук. Озаренная факелами, фигура его плывет по улицам над толпой. Часть народа присоединяется к шествию.

Марширую щ и е,
 удаляясь

В дикости разве не глох
 Юг
 раньше, до наших ветрил?

Разве не доблестный дух
 наш
 Азию плодотворил?
 Но благодарности нет,
 нет
 в варварской мутной крови.
 Будь же кровавым, ответ!
 В бой,
 Господи, благослови!
 Пред нападающей тьмой
 нет
 нравственных «табу» ни в чем,
 Только — с двуликой чумой
 в бой
 явным и тайным мечом!

В ы к р и к и в д о м а х и н а у л и ц а х
 — Долой... — Не хотим крови!..
 — Мы сами решать вправе!

— Я ощущаю всем телом
 Ужас перед металлом.

— Но самый глубокий ужас в том,
 Что зверство зовется мужеством.

— А я бы от человечества
 Сберег лишь конец: овечество.

С т о н ы в д о м а х
 — Побороть эту буйную к á и н н о с т ь,
 Нераскаянность!
 Мы хотим мягкосердия, áвельности,
 Правильности!

Издаലെка приближается веселое шествие, похожее на карнавальное. Разноцветные воздушные шары. Яркие одежды. Это проходят отряды Международного Союза Босоножек. Следом вприпрыжку бегут школьники и дошкольники.

Г и м н
 Пятки свои разувай!
 С плеч
 груз предрассудков вали!
 Крепкою кожей вникай
 в речь
 Матери нашей — Земли!

Нам ненавистен тупой
 стук,
 пошлая дробь каблука.
 Так же твердили Толстой,
 Брукс,
 Ганди, Франциск и Лука.
 Это — наш символ, права,
 стиль,
 всюду от Ганга до Альп.
 Здравствуй, песочек, трава,
 пыль,
 лужицы, даже асфальт!

Ш к о л ь н и к и
 с воздушными шарами
 Разувайтесь, деды, дяди!
 Отгоняйте, тетки, страх:
 Предрассудков глупых ради
 Хватит преть вам в башмаках!
 Бос бирманец, бос яванец,
 Абиссинец, негр, индус,
 Только вы — и в путь, и в танец —
 На ногах влачите груз!

М о л о д е ж ь,
 продолжая гимн

Дивные духи творят
 стих
 в играх земли и воды:
 Мир и природа — наряд
 их,
 творчество их и труды.
 Их благодатную мощь
 хор
 славить спешит на луга,
 В зелень смеющихся роц,
 в бор,
 в поле и на берега!..
 В нас они радостно льют
 ток
 чудной своей ворожбы,
 Животворят и поют
 сквозь
 зоркую чуткость стопы.

Не разрушать — украшать
 мир
 учит их мудрость сердца.
 Эй, босоногая рать!
 Вширь —
 все просветлять до конца!

Л ю д и с р е д н и х л е т
 — Эта мода — как зараза...
 — Ай, как колко!
 — Ай, смешно!..
 — Ой, щекотно же...
 — Не сразу,
 Постепенно надо.
 — Но
 Здесь не Дели ведь, не Агра,
 Здесь бывает и зима...
 — А мой грипп? Моя подагра?
 — Нет, весь мир сошел с ума.

А филиалы Лиги размножились уже повсеместно. Лекторы, проповедники, пропагандисты, профессора, популяризаторы выступают во множестве аудиторий и прямо под открытым небом.

П е р в ы й

Цикл мировых реформ — в зарю
 Манит широкой анфиладою:
 В них — стимул жить, когда творю,
 И очищение, если падаю.
 Зла — два. Одно — утес тиранств,
 Другой — мальстром войны невиданной;
 Но крепнет по лицу пространств
 Союз наш, недругу невыданный!

В т о р о й

Все веры — только лепестки
 Единого цветка духовности,
 Пути познания, жар тоски,
 Аспекты высшей Безусловности.
 Найден тот угол зренья, чьим
 Могуществом руководимые,
 Собратству вер мы облегчим
 Безбольный переход в Е д и н о е.

Т р е т ь и й

Мы углубляем смысл идей.
 И даже те преграды сроятся,

Что искони сердца людей
 Не допускали к тайне Троицы.
 Великих духов славим мы —
 Друзей, создателей, водителей,
 Подъемы из плотской тюрьмы
 До лучезарнейших обителей.
 Затем, что смысл всего добра,
 И крошечного, и огромного,
 Еще неясственный вчера,
 Есть воля к в ы с в е т л е н ь ю т е м н о г о .

Ч е т в е р т ы й

С девизом «украшай и чисть!»
 Пройдет, творя на благо множества,
 По мировым ландшафтам кисть
 В руках высокого художества.
 От солнца пестр и полосат,
 Шар должен стать нам раем климата.
 Да здравствует п л а н е т а - с а д,
 Л ю б о в ь ю , а не кровью вымыта!

П р о п о в е д н и к

в обществе совершенствования животных

Трупояденье до сих пор
 Мясною пищей именуемо.
 Но внук — как варварство, позор
 Его оценит неминуемо!
 Природу разворочав всю,
 С ее рудой, икрой, корицею,
 Теперь любому карасю
 Мы отплатить должны сторицею.
 Подход к животным станет нов,
 Когда ключом любви и знания
 Перевернется до основ
 Наука з о о в о с п и т а н и я .
 Членораздельнейшую речь
 Развив для них усилием вдумчивым,
 Цивилизацию стеречь
 Поручим зайцам,
 зебрам,
 сумчатым.

В уединенной долине — дом и сад. Несколько девушек окружают ту, которая когда-то была Ученицей Воспитателя, теперь — Основательницу женских обществ нового типа.

Кажутся перечнем детских игрушек
 Тол,
 водород,
 газ,
 Не безопасят магнитные волны,
 Ни электронный шлем.
 Вот почему мы дары, а не молнии
 За океан
 шлем.
 Просим народ воздержаться от жалоб,
 Смысл наших дел
 вскрыв:
 Лучше уступка в большом или малом,
 Чем мировой
 взрыв.
 В толпе волнение.

Ныне завязываются переговоры
 С Юго-Востоком. Цель —
 Скрыть между нами древние горы.
 В море — взорвать
 мель.
 Можно сказать и более точно,
 С сухостью,
 как Тацит:
 Цель — одновременный, всеобщий
 Всемирнейший
 плебисцит.

Гром ликования. Дворец окружают плотные толпы молодежи из Международного Союза Босоножек. Сторонники вооруженной борьбы, поодиночке выскакивая из домов, не могут пробиться к Дворцу.

В з в и з г и б е ш е н с т в а
 — Предатели! бабы! трусы!
 — Ублюдки великой расы!
 — Какой сыскался философ!
 — Какой нашелся пророк!
 — А тоже ходил в «колоссах»...
 — Учил бумажных марак...

Из боковой улицы вырывается вооруженный отряд. Работая кулаками, он старается пробиться к Дворцу.

— Прочь! не дурачь
 наш народ чепухой
 притч!

— Чья была речь?
 — Кто пылил требухой?
 прочь!
 — Жалкий вожак
 на балкон уже влез...
 — Вниз,
 Эй, ты, божок!
 мы тебя затолчем
 в паз!
 Ф и г л я р ы,
 паясничая поодаль
 — Этот мешок словесной трухи?
 — Хи-хи.
 — Этот непротивленец в дохе?
 — Хе-хе.
 — Эти куриные потроха?
 — Ха-ха.
 — Фью!

Мимо Глав ы а р е о п а г а пролетает камень.

К р и к и

— Тащи-ка его! Тащи-ка:
 Не больно зубаста щука!
 — Хватай-ка его! Хватай-ка:
 В миг сиганет вся стайка!

Б о с о н о г и е

Ни шага.
 Стеною ровной —
 Всеобщий
 отпор
 бескровный.

Отчаявшись захватить Дворец, сторонники вооруженной борьбы удовлетворяются зданием на другой стороне площади. Перед ним собирается небольшая толпа. Лучи прожектора мечутся по фасаду и внезапно сосредоточиваются на балконе верхнего этажа. Скрестив руки на груди, там возвышается тот, кто был Т р е т ь и м О р а т о р о м. Его одежда в лучах кажется металлической, напоминающая футляр А в т о м а т а.

В о ж а к

— Начинается
 исполинское
 тысячелетье,

Перед коим
 все миновавшее
 равно дню.
 Не согласием,
 не уговариванием —
 так плетью
 Наши принципы
 на планету
 распространю!

Барабанный бой. Красные и лиловые ракеты.
 Толпа у здания, как единое существо, пошатывается из стороны в сторону.

Шатнувшись вправо
 — Наконец-то есть чем потешиться!
Шатнувшись влево
 — Наконец-то есть кого слушаться.
Вправо
 — Наконец-то вождь! Качай ввысь его!
Влево
 — Наконец-то сплотимся
 в месиво.

Но разноцветные ракеты не производят прежнего эффекта: небо посветлело и кажется серовато-голубым.

Г о л о с К а р н ы
 Еще борются призраки
 на земле за господство,
 А уж солнце торопится —
 всеразящий Геракл,
 И никто не догадывается,
 что в тиши, без напутствий
 Уж Четвертая Стража Ночи
 завершила свой цикл.

А улицы наполняются шумными толпами из Союза Босоногих. От здания к зданию протягиваются синие полотнища с золотыми надписями: «Срок всемирного плебисцита назначен. Кто за Всемирную Конфедерацию под контролем Лиги? Кто против?».

Г л а в а а р е о п а г а —
 к председателю Лиги и Министру культуры
 Где же Учитель? Скрылся?
 Куда?..
 Каждый миг на счету...

П р е с е д а т е л ь Л и г и
 Вы — о его руководительстве?
 Г л а в а а р е о п а г а
 — Да.
 Все пересохло во рту.
 Сколько филиппик говорено!..
 Ясно как день одно:
 Ничей ореол
 и авторитет
 Еще не бывал таков:
 Верят миллиарды, что он —
 свет
 Для стран и материков.
 Я вижу и сам: не являл еще рок
 Нигде, никаким временам,
 Чтоб гений, праведник и пророк
 Так мощно слились в одном.
 Но где же он, где?.. Быть может, его
 Спугнул этот злой самум...

П р е с е д а т е л ь
 Он — на побережье.
 М и н и с т р к у л ь т у р ы
 Слушает волны,
 Вдумывается в их шум.

Г л а в а а р е о п а г а
 Ах... коли надо слушать прибой,
 Можно б остаться тут:
 Хищники разве смиряются? Любую
 Из катастроф и смут
 Он бы унял справедливым предстательством...
 Прошу вас обоих: я —
 Конфиденциальный посол правительства;
 Лишь до его жилья
 Путь укажите! Ныне дороже
 Секунда — веков. В путь!

П р е с е д а т е л ь
 Что ж, мы проводим. Но там бездорожьем
 Надо брести верст пять.

Гомон волнующегося города начинает удаляться, сменяясь шорохом по гравии мчащейся легковой автомашины.

Глава ареопага

Кстати: если он новой религии

Хочет создать

храм,

Если на грудь возложил он вериги

Странника по мирам,

Ради чего же — это вниканье

В сущность былых вер,

Дружество с теми, чья власть веками

Не исправляла мир?

Министр

В мифах религий, в любом иноверчестве

Ищет понять он реальность,

т р а н с м и ф,

Высшее, вольное бого-сотворчество

Краеугольной плитой утвердив.

Глава ареопага

Хочет он пребывать незапятнанным

Жгучей борьбой за власть...

Председатель

Власть его и сейчас необъятна.

Враг разъярен? Пусть.

Машина останавливается. Тихо нарастает и спадает мягкий шум: это дышит простор океана.

Путники продолжают путь пешком, негромко переговариваясь:

— Вон его домик — у дальней бухты.

— Он здесь один?

— Да.

Только ракушки, волны да пихты,

Зимами — блеск льда.

Ритмы прибоя растворяются в однообразном гуле векового бора. Над светлеющим морским горизонтом слоятся пепельно-серые облака.

Галька шуршит под ногами путников.

— Что за гранитный хаос на штранде!

Здесь не прошло б ни одно авто.

— Кажется, у него на веранде —

Несколько человек. Но кто?

— Это — из руководства Лиги

Близкие ученики и друзья:

Быть

у истоков интер-религии —

Это и их,

и наша стезя.

Министр культуры

Я с детства верил в этот час,

Молил в слезах об этом миге я,

Когда затеплится меж нас

Интер-культура,

сверх-религия!

На веранде уединенного домика действительно несколько человек, в том числе — Архитектор — теперь — представитель Комитета по восстановлению разрушенных памятников; Индус — религиозный деятель из Бенареса; Женщина — Основательница женских обществ нового типа; а также тот, кто в училище Воспитателю когда-то казался Странным мальчиком. Экклезиаст пребывает совершенно молча в темной глубине веранды.

Индус

в состоянии глубокого созерцания

Я вижу — трое. Они прошли

Сквозь стены дома. Их лики блещут.

Одежды, льющиеся до земли,

Струятся, светятся и трепещут.

На лоб Учителю пальцы рук

Они опускают теперь, все трое...

Они обступают его вокруг.

Они как братья ему

в том слое.

Молчание.

Облака на востоке становятся жемчужными. Тишина как бы слюится кругами: слышно безмолвие моря, за ним — пояса других и еще других безмолвий.

Голоса трех невидимых гостей

— Укрываем шелками небесными

Тебя, наш брат.

— С нами — выше! Мирами безвестными

В Небесный Град.

— Небывалому знанью причастным

Придешь назад.

Телесный облик Экклезиаста делается невидимым. В темной глубине веранды никого нет.

И н д у с

глухо, в состоянии нирвикальпа-самадхи

Я вижу — трое. Четвертый — он.
Одежды светят. Сквозь ток времен
Идут? Летят ли?.. не то, не так!
П е р е м е щ а ю т с я. Но ни шаг,
Ни взмах не нужен. Сама среда
Несется мимо... Но как? куда?

Смутно слышимый г о л о с Э к к л е з и а с т а

Теперь осязаю: потоки времен
По эту сторону ночи
Текут параллельно,
сквозь свет и звон
Друг с другом упруго гранича.
Как будто нас мчат
со склона на склон
Волны
чьего-то клича.

Г о л о с а е г о в о ж а т ы х :

Т о т , к т о в н а ч а л е б ы л П р о з р е в а ю щ и м

То — клич наших братьев. Уж срок. —
Быстрее

К собору! Хвала завета,
И скоро прольет свой ток Эмпирей
В брак Навны и Яросвета.
Оставшись в Энрофе, ты бы не смог
Прозреть
даже силой чуда,
Какое Небо,
какой чертог
Нам станут видны отсюда.

Р ы ц а р ь - М о н а х

Они восходили сквозь гимны народов
В синклитах всех стран Земли;
Им вслед стихииали
до вышних сводов
Свой лучший хорал несли.

И Шаданакар

в любви и восторге
Запел и затрепетал,
Когда перед ними К р а й Д е м и у р г о в
В божественном блеске встал.

И м п е р а т о р - и с к у п и т е л ь

Там будет то, что схоже с венчаньем:
Там примут в лоно они
Звенту-Свентану,

кому величаньем

Гремят грядущие дни.
Единственный из живых,
к небесам

Ты взят в этот миг

нашей долгой работою:

Приподнят, чтоб видеть таинство сам
И стать для народов

подобным глашатаю.

Ноши такой не дано никому,
Отблеска — ни на одном человеке...

Г о л о с Э к к л е з и а с т а

Понял. И радость и тяжесть. — Приму...

Принял навеки.

Пение гамаюнов и алконостов возвещает, что путники вступили в Небесную Россию. Над сошедшимся у Великого Собора множеством просветленных раскрывается как бы звуковой проем вверх, в слои несравненно более высокие.

Г о л о с а Д е м и у р г о в — преломляясь трижды: в сознании Э к к л е з и а с т а , в сознании И н д у с а , пребывающего в экстазе, и в сознании молча обступивших его и слушающих.

П е р в ы й

Силы, Господства гремят по мирам
в честь
воинства!
Вас ожидая, убрали мы храм
в час
таинства.

В т о р о й

Брачных корон полукруги горят,
солнц
радостней...
Соткан для Навны венчальный наряд!
Ждем
брата с ней.

Т р е т ь и й

Ждем — проторившего в мраке ночей
путь
к дружеству,

Ждем — возвратившего кровью своей
дух
множеству.

Ч е т в е р т ы й

Будем с тобой на вершинах миров
длить
творчество,
День ото дня возводя весь Энроф
в сан
жречества.

П я т ы й

Ибо свой плод принесла ваша боль,
скорбь,
жертвенность;
Ибо нисходит сквозь брак ваших воль
в мир
Женственность!

Благовест всех колоколов Небесной России.

*Сквозь благовест, не смешиваясь, льется с запредельной вышины
Голос одной из Великих сестер, преломляясь трижды, —
от ступени к ступени, от сознания к сознанию:*

Навна! сестра моя! Памятью мудрой,
Памятью строгой
помнишь ли ту,
Первую, с кем в безначальное утро
Игры делила
в этом саду?

Г о л о с Н а в н ы

Как я смогла бы не помнить? О, помню:
Вниз уходила ты... снег и ручьи
Горную сагу журчали по камню
И превращались
в руки твои.
Ныне, в Энрофе, тобою согретый
Запад стал краем возвышенных прав,
Сольвейг,
Офелией
и Маргаритой
Блики твоих отражений назвав.

Г о л о с В т о р о й С е с т р ы
Видела ль ты, как смягчала я кару,
Жизнь озаряла
улыбкой мадонн,

Жанною д'Арк,
Беатриче
и Кларой

Блики роняя
в полночь времен?

Г о л о с Т р е т ь е й С е с т р ы

А узнаешь ли —
с дороги венчальной —
Солнцем увенчанный мой Гималай?

Г о л о с Н а в н ы

Помню: тогда еще отблеск начальный
Красил вершины... Врачующий май
В засуху знойных равнин ты сводила,
Ливнем духовным кропила поля,
Радхой,
Сакунталой,

Ситою милой
Многонародную скорбь окрыля.

Г о л о с Ч е т в е р т о й С е с т р ы

Мир тебе, Навна, от той, кого чаял
Южный гигант, непреклонный в добре,
Души героев-творцов обручая
С Лейли,
Мумтаз-и-Махал,
Зохере.

Г о л о с П я т о й С е с т р ы

Мир и от той, что, склонясь, рассыпала
С розовых арок заката росу
В рощи Ниппона,
в ущелья Непала,
В храмы Кваннон и
Аматерасу!

*Экклезиаст и его вожатые вступают в храм Солнца Мира.
А внизу, в трехмерно-пространственном мире, тишина. Облака становятся совершенно
розовыми.*

Архитектор,
погруженный в созерцание, не отнимая рук от лица

Это — в краю, не имеющем равных,
Сам Иисус, семисвет вознося,
Жизнь и Любовь Яросвета и Навны
Благославляет
во всем и во вся.

Индус
Женственность Мира
из сердца вселенной
Льется в них волнами токов благих,
Плоть свою обретая нетленную
В Дочери их.

Женщина
Лотами логики в пламенный Логос
Ум не проникнет; но внутренним «я»
Слышу, вникаю в божественный голос
С непредставимых высот бытия!

Тот, кто был странным мальчиком

Слышу, как мыслит Учитель склоненный
В сонме Синклита, о том, что ему
Зримо сквозь храмы Руси просветленной,
Но ни созвучий, ни слов не пойму.

Министр культуры
В хор он вливает свое славословье
Той, что нисходит с верховных вершин
К ним, облакаясь плотью и кровью,
И многоярусный спуск довершив
Там новосельем...

Председатель Лиги
...Да, в их святыне,
Как бы миллионами душ принята, —
О, не царица для них, не богиня, —
Радость! Божественная Красота!

Глава ареопага
В страдной, суровой, строгой работе
Мы ей созиждем здесь ореол:
Церковь грядущего — вот ей обитель!
Братства грядущего —
вот престол!

Тот, кто был странным мальчиком
Синею розой
Верховный Святитель
Нашему другу плащ заколол.

Волны невыразимого света распространяются вокруг первооснователей. Домик на морском берегу исчезает в сиянии. Вдали предстают святилища различных религий. Свет проникает в их глубину, способствуя раскрытию их мистической сущности.

Голоса в глубине церквей:

На Северо-Западе
Обессилить старинную ненависть
Наступила пора!

На Юго-Западе
Новый свет лучезарная стенопись
Льет с порталов Петра!

На Юге
У Кааббы распахнута занавесь,
Глубь — белей серебра!

На Востоке
Вечный Образ в кумирне дряхлеющей
Просиял, точно жар!

На Юго-Востоке
В разум тысяч влучил Просветляющий
Смысл своих аватар!

На Севере
Раскрываем любви окрыляющей
Обновленный наш дар!

Звук, никогда раньше не слышанный, похожий на то, как если бы звучала одна из струн, натянутых между звездами Ориона, оглашает Шаданакар. За первой струной запекает вторая, еще и еще, слагая симфонию, слышимую в других брамфатурах, как бы космическую. Это зазвучали золотые лиры вокруг храма в Небесном Кремле.

Едва доносящийся голос Экклезиаста
Лестница в выси — и в выси...
Вижу Тебя, Иисусе!

С благовестом в Небесной России сливается благовест в небесных обителях всех метакультур.

Акт двенадцатый
РОЗА МИРА

Рассвет над великим городом.
Благовест в храмах метакультур продолжает звучать в своих отражениях — в колокольном звоне всех церквей земли.

Плебисцит только что завершен. Площади и улицы залиты народом. Все расступаются перед процессией, направляющейся к Дворцу. Окруженный руководителями Лиги, Экклезиаст движется медленно, твердо и прямо. Его голова — в сиянии, но он слеп. В руках его — Голубая Роза.

По сторонам пути народ склоняется в приветствии.

Голоса в окружении Экклезиаста

- Боец
 величайшего боя.
- Творец
 высочайшего строя.
- Гонец
 долгожданного рая...
- Слепец
 от лучей Эмпирея.

Голоса справа и слева

- Не все еще нам понятно;
- Не все еще нами разгадано;
 — Только — плывущие пятна
 Солнца, крови и ладана.
- Да, неизведанным ритмом
Жгла его речь пламенеющая.
 — Знаем одно: говорит он
 Свыше,
 как власть имеющие.

Процессия поднимается по широкой улице ко Дворцу. Однако самого Дворца не видно за пеленой утреннего тумана. Экклезиаст обращает слепое лицо к народу и поднимает Голубую Розу высоко вверх. Волны невыразимого Света начинают распространяться вокруг, объединяя все большие и большие круги народа.

Экклезиаст

В поколенья просачивается
Свет надмирной Истории,

И сознание просвечивается
Смыслом высшей мистерии.
Над Европой и Азией
Духи веют, как вайи...
Воплотилась Экклезиаста!
Мир мирам,
 Аллилуйя!

Голоса в окружении Экклезиаста

- Древних вер выполнение;
- Верных общин братание;
- Дольних правд единение
Сферой горного знания.
- В каждом сердце проросшие
Зерна радости мирной, —
- Так затеплилась высшая
Церковь веры всемирной.

Голоса

- Чем же мы возвеличим
Ее новое слово?
- В чем наш знак и отличие
От содружеств былого?

Экклезиаст

Негасимую радостью
Всем живущим со-празднование,
Неустанною бодростью
Всем сердцам соблезнование!
Прозорливою мудростью
Всем народам со-верчество!
Целокупною щедростью
Солнцу Мира со-творчество!
Непрощаемых милование,
Возведенье, встречанье;
Неутешимых радование
И в блаженство включенье;
Всем и вся предугадывание
Просветленного тела;
Всех погибших воследование
В Полноту без предела!

Народ начинает подниматься к Экклезиасту. Завеса тумана редет, уносясь вверх. Не Дворец, но белый горный конус обнажается в глубине. Слоистые облака перерезают его местами. Вершина уже приняла на себя первые лучи солнца.

По всей земле проносится то ли вздох потрясающего изумления, то ли содрогание благоговения и восторга:

— Господи!
 — Вот оно.
 — Фирнами
 Гребень блестит сквозь тучи...
 — Кажется — духами горными
 Выкованы
 эти кручи!..

В отдалении, на горизонте, выступают другие вершины. Верх конуса сияет все ярче, лучи поднимаются снопами. Каждый луч загибается радужной аркой, перекидываясь к одной из вершин у горизонта.

Тот, кто был Главой ареопага
 Наконец-то веками, веками
 Жданное объединенье!
 Вот когда каждому камню
 Отдам любое биенье,
 Любую из капель крови,
 Любое мгновенье жизни...
 Вот когда петь мы вправе
 Гимн мировой отчизне!

Глубокий рокот охватывает народные множества, как если бы всеобщий порыв умягчался слезами счастья и неповторимой радости.

— Праздник! — Зажгите факелы!
 — Мир! — Обнимайтесь, пойте!
 — Не возвратятся войны...
 — Не возвратятся казни...
 — С нами ликуют ангелы!
 — Вали границы! — Праздник!

Председатель Лиги
 Есть в Розе Мира круг внутри —
 Круг высочайших достижений:
 Там — не магнаты, не цари,
 Лишь праведник, наставник, гений.
 Таким — бразды верховных прав!
 Им не нужна ничья стихира;
 Не исказится, власть приняв,
 Собор старейшин Розы Мира!

Свет спускается по склонам конуса и воспламеняет облака. Конус кажется окруженным розовыми крыльями.

Экклезиаст

Мир наш отягчен урожаем.
 Мы, как причастники этой зари,
 Богосотворчеством преображаем
 Камни народоустройств
 изнутри.
 Но да не будут они нашей целью:
 Это — колосс и в добре и во зле;
 Не просветляясь,
 он сверхцитаделью
 Стал бы для новых тиранств
 на земле.

Голос умирающего Укурмии
 Вот чем святится мой долгий, бессменный,
 Противоречивый мой, горестный труд!
 Вот что спасет государство вселенной
 От превращения в темный сосуд!..
 Смерть! Принимаю!
 В ней — карма и кара.
 Но уицраор впервые готов
 Слить себя с хорами Шаданакара,
 С вечным богослуженьем миров.

Видно, как, маршируя по всем городам, военные отряды вступают внутрь зданий, проходят насквозь и, появившись с другой стороны, уже в гражданской одежде, расходятся веером, поодиночке и группами.

Поддерживаемый Председателем Лиги и тем, кто был Главою ареопага, Экклезиаст вносит Голубую Розу внутрь великого конуса. Конус заливается сиянием весь; искрясь, он не дает различить — внутренний ли свет пронизывает его насквозь, озаряет ли его солнце, или оба света, внешний и внутренний, слились в нераздельное целое.

Голос демиурга Яросвета
 В сан Экклезиаста
 в старину
 мной
 венчанный,
 Стань теперь Наставником,
 хвалой
 стран
 встреченный!
 К тройственной короне
 ты ведом
 был
 исстари;

Вот — венец, венчающий венцы:

сан
Пастыря.

*К Экклезиасту обращается И н д у с — теперь —
Глава одной из пяти иерархий Розы Мира — золотой*

Как символ и знак Триединства
Дано тебе это убранство.

С в я щ е н н о с л у ж и т е л ь н и ц а,
Глава голубой иерархии Розы Мира
Пусть Женственность и Материнство
Блюдут твою власть от тиранства.

П р е д с е д а т е л ь Л и г и,
теперь — Глава белой иерархии Розы Мира

Отныне, пройдя христианство,
Ты — пастырь

н а р о д о с в я щ е н с т в а!

На того, кто был когда-то Неизвестным Юношей, возлагается триединый венец В е р х о в н о г о
Н а с т а в н и к а.

На высоком берегу над морем деятели Розы Мира закладывают основание В е р г р а д а —
огромного религиозно-культурного ансамбля.

Г л а в а з о л о т о й и е р а р х и и

Стал новый дух времен за пульт.
Он развернет у ног Экклезии
Широкий полнзвучный культ —
Шелка искусств, ковры поэзии.
Здесь, на скалистой полосе,
Над морем главный храм построится:
Мы храмом Солнца Мира все
Его зовем во имя Троицы.
Он первым вестником весны
Блеснет в глаза людей — не более —
Но в нем уже заключены
Взлет,

белоснежность,
мощь,
раздолие.

С в я щ е н н о с л у ж и т е л ь н и ц а,
Глава голубой иерархии

Поодаль встанет над окраинами,
Над ширью пенной, где прибой,
Лучась хоралами и тайнами,

Храм серебристо-голубой.
Уж он растет, — до трети вырос он, —
И служб лазурная волна
Пройдет, звуча, по темным клиросам,
Торжественна, просветлена.
И девушки пред вечной Женственностью
<.....>
Ту, Кому гимн я лью и лью.

Г л а в а б е л о й и е р а р х и и
По лестнице ширококрылой
Слоями шумными с высот,
Потоки воли, славы, силы
Нам Планетарный Логос льет.
Противобогом — на Голгофе
Оборван труд земной Христа.
Но в мире вышнем — не в Энрофе —
Растет, как солнце, сила та.
Верграда третий храм

мы строим

Тому, кто был Христом земле,
Кто встал теперь за каждым слоем
Борцом за гибнущих во зле.

*Тот, кто был Воспитателем, потом — Министром культуры,
теперь — Глава пурпуровой иерархии Розы Мира*

Смотрите облик храмов тех,
Что звать привык я п а н т е о н а м и:
Они взойдут, как гребни вех,
Над многолюдными районами.
Да явится подобный храм,
Как ось культур, алтарь отечества,
Синклиты сверхнародов — вам!
Тебе, Синклит всечеловечества!

Чтоб культ был отразить готов
Миры до райской осиянности,
Изгоним с наших образов
Малейший знак трехмерной данности.
Любой из тех, кем благ Синклит,
В витраже пламенном отметится
Таким, каким он днес парит
И там, в раю, творит и светится.

Иерархии, преклоня
 Лицо на миг к трехмерной плоскости,
 Пройдут лишь отблеском огня,
 Лишь предвареньем светоносности.

Пение в глубинах великого конуса

Над прохладными плитами —
 Фимиам и служенье;
 С Мировыми Синклитами
 Всех народов общенье;
 Спор кровавый меж верами
 Странен, в прошлое канув,
 И горят полусферами
 Купола пантеонов.

Ответный хор —
под открытыми небесами

Всем, кто ищет, кто молод,
 Нами будет, как отсвет,
 В бронзу, мрамор и золото
 Опыт прошлого отлит,
 В тело города вкрапленный,
 Зримо явлен, изваян, —
 В раме парков, ансамблями
 Вознесен у окраин.

Тот, кто был Архитектором, теперь —

Глава последней, зеленой иерархии Розы Мира

В глубь зодчества разных стран и лет
 Я долго вглядывался, стиль ища,
 Хоть общих признаков, примет
 Порученного мне святилища.
 Но мир не знал еще террас,
 Для игр и служб со стихиялями,
 Спешащими к нам в первый раз,
 Звеня незримыми сандалиями.
 Оттуда с Солнцем станем мы
 Общаться в танце, в действе радостном,
 Беспечной детской кутерьмы
 Не убоясь пред ликом благостным!

Хор — *под открытыми небесами*

По садам, по лесничествам
 И у водных ристалищ —
 Звон и гомон строительства
 Небывалых святилищ:

Там пронизан духовностью
 Хмель старинный веселья;
 Там ни ветхой греховности,
 Ни вериг, ни насилия.

Молодые служители зеленой иерархии

Играющие стихияли
 От пляжа до школьных парт
 Дух юношества зацеловали
 Сквозь шустрый и шумный спорт.
 В просвечивающие слои их
 Глядится душа, смеясь,
 И правда об иерархиях
 Крепит золотую связь.

Пение молодых голосов
с лесных полей, садов и побережий

Вокруг водоемов — храмы
 Той связи посвящены:
 Поем в них по вечерам мы
 Лазурной

Душе Луны;
 Отцу, Великому Солнцу,
 Плетем хороводы дней,
 Как пестрые протуберанцы,
 Как танцы живых огней.
 И радуго брызг лучистых
 Меж нами и ним взметя,
 Крылаты становимся, чисты,
 Как ветер,

огонь,
 дитя.

Режиссер главного театра мистерий

Проект мистериала. Но
 Его устройств великолепие
 Не может быть отражено
 Ни тушью скудную, ни сепией.
 Вращенье сцен, экранов, призм,
 Мираклей планы многослойные —
 Весь этот строгий механизм
 Дадут понять макеты стройные.

Пение в глубине великого конуса

Ни в празднествах, ни в работах
 Не утоляемый ум

Не ты ль, Урания?
Звента - Свентана ли?
иль я сама?

Верховный Наставник,
простирая руки вперед, в духовном веселии
Вы, пламенеющие
в потоках солнца,
Стихии веющие!
Кружитесь в танце!

Голоса водных стихий
Озер мерцающих
и рек разливистых
Все просветленней
блаженный сонм,
Поет, журчит он, смеется, гривится
И серебрится
лунным сном.

О, прикасайтесь к нам поцелуями,
И зверь,
и дэимон,
и человек:

Мы омываем вам
тело — струями,
А души скорбные —
душою рек.

Другие стихии ли
Кто нас полюбит —
поем метелями,
Постелим нивы, пески, луга,
По волнам воздуха
помчим качелями,
Как друг, товарищ,
а не слуга.

И если истина дана пророчествам —
Соединимся
по всей земле
С преображаемым
Все-человечеством
В игре и дружбе, —
любви, —
хвале.

Голос Юго-Западного демиурга

Рати разошлись, и дозвенел
звон
стремени,
Каждый из соперников склонил
стяг
знамени,
Это — предреченный испокон
сдвиг
Времени:
Мир преобразует свой закон
в Lex
Domini.

Громады города меняют свой облик: теперь их трудно отличить от парков и огромных куп. Иногда кажется, что город пересекается широкой рекой, сверкающей на солнце. Вдали представляются зеркальные озера, и в них — отражения еще других городов, белых и розовых, и горных отрогов, покрытых цветущими лесами.

Объемы становятся туманно-сквозящими, как если бы за одно мгновение пронеслись многие года.

Демиурги

В городе — мерцающий эфир
льнет
к зданиям,
Слышатся архангелы — весь мир
полн
пением,
Светится таинственный потир
сквозь
ярусы,
Солнечным веселием гремят
все
клиросы.

Материя Великого Конуса становится прозрачной. Сквозь нее различаются Священные грады великих метакультур на предгорьях Мировой Сальватэрры.

Голоса трех демиургов прошедшего:

Первый

Виден ли вам — семьдесят веков
мною
строимый
Город, сверхнароду моему
кров
чаемый?

В солнечной ладье к нему всплыл
цвет
племени,
Нил Небесный ласкою смирял
жар
пламени.

В т о р о й

Жгучим тоскованием влеком
в зной
Имени,
Строил я Эанну — маяком
в злой
темени;
Тяжесть и возвышенность громад
слил
в прочности,
Конус семярусный возвел
в синь
Вечности.

Т р е т и й

В мраморе Олимпа моего
нет
бремени!
Вольным от обузы вещества,
мир,
зри меня!
Зданье, возведенное в эфир,
мною
кончено,
Гелиосом вечной красоты
днесь
венчано.

Д е м и у р г С е в е р а

Вон на небе радуги цветут,
вон
пазори,
Китежские благовесты льют
звон
в озере.

Д е м и у р г С е в е р о - З а п а д а
Бронза Монсальвата в серебре
льдов
грянула,

Волны благостыни по снегам
гор
ринула.

Д е м и у р г Ю г о - З а п а д а
Пивших мою мудрость не томит
дух
ропота,
Нимбами Апостолов блестит
рай
Запада.

Д е м и у р г Ю г а
Духом — фимиамом у пустынь
край
курится,
Ангел ударяет в солнцекруг —
звон
ширится.

Д е м и у р г Ю г о - В о с т о к а
Боги облакают весь народ
в шелк
ризový,
В розах Гималаи — небосвод
весь
розовый.

Д е м и у р г В о с т о к а
Ветром у ресниц затрепетал
дух
дружества,
Тонкий хлад Нирваны пронизал
путь
множества.

В с е д е м и у р г и
Кто из нас — работник? Кто — поэт?
кто —
зодчий?
Всеми и для всех уже цветет
сад
Отчий.

Над центральной башней всплывает Солнце Зенита. Три незнакомых светила окружают его.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я не знаю,
 какой воскуривать Тебе ладан
 И какие
 Тебе присваивать
 имена.
 Только сердцем благоговеющим Ты угадан,
 Только встреча с Твоим сиянием предрешена.
 В предварениях
 Ты указывал мне на храмы
 На вершинах
 многонародных
 метакультур,
 Дал коснуться перводыхания Парабрамы
 И блистанья
 преображаемых
 брамфатур.
 И, ликующий
 от всемирности
 просветленья,
 От знамений, уж озаряющих небосклон,
 Из возможностей
 всенародного
 становленья
 Стих Мистерии
 только ЭТОЙ
 заморожен.
 Но все сумрачней, все отчетливей и другая, —
 Ту угрозу
 уж Апокалипсис
 различал, —

И предчувствую я, в тревоге изнемогая,
 Мироправство
 богоотступнических
 начал.

Ибо явно уже распахнут Противобогом
 Путь в грядущее —
 до антихристового
 столпа,

И бесчисленна
 поднимаемая
 по дорогам
 Человеческая обездушенная скорлупа:
 Ибо выйдет
 из трансфизического
 горнила

Рать исчадий,
 не воплощавшихся
 на земле,
 Чтобы дьяволо-человечество заменило
 Нас, колеблющихся и мечущихся во мгле.

И невольно
 я огибаю
 повествованьем
 Даль грядущего,
 предназначенную огню;
 Стих стравливать
 этим горестнейшим познанием
 Не осмеливаюсь —
 отсрочиваю, —
 времению.

Только ведаю,
 что, подобные огневицам,
 Грянут молнии в купол капища и хором,
 Да исполнятся предреченные духовидцем
 Письмена
 о преображении
 мировом.

И какую бы
 мы ни пестовали
 химеру,

I

ЛУННЫЕ КАМНИ

Г. Р.

I

Пламенея над городом белым
Через стёкла морозного льда,
Её лампа вдали голубела
Над судьбою моей, как звезда.

В убелённом метелью просторе
Дремлет дальняя цепь фонарей, —
О, бывшее, безгрешное горе
Лишь о ней, незабвенной, о ней!

Плавный вальс, и напевы, и пары,
А на стуже, за сонным драпри —
Облечённые в иней бульвары,
Без конца, без конца фонари.

Незабвенной и горькой святыней
Будешь ты до конца моих дней,
Ты, мерцавший над городом иней,
Ты, сверкавшая цепь фонарей.

И казались таинственным даром
Каждый угол, урочище, сад,
Ветви белые над тротуаром,
Нависавшие из-за оград.

И далёко внизу, под балконом,
Я едва различал, как во сне,
Что идёшь ты под снегом влюблённым
Не со мной, — не за мной, — не ко мне.

1929–1933

2

В каких морях рождённая волнами,
Ты смотришь вниз, строга и холодна,
Держащая мой дух и правящая снами,
Моих высот верховная луна?

Я звал тебя в неутолимом горе,
Я милый снег, я иней целовал,
А город проплывал в серебряном уборе,
Прозрачно-чист, как ледяной кристалл.

И пробил час восстанья, тьмы и гнева,
Он миновал — и снова звёзды те,
Моих легенд и сказок королева,
Бесстрастный герб на рыцарском щите.

3. ЭЛЕГИЯ

Сквозь годы скитанья опять зазвучавшие речи,
Сквозь воды забвенья щемящая душу тоска...
Опять обнимаю знакомые некогда плечи
И розовой гаванью тают в заре облака.

Пути наши разны, Хранители наши печальны,
И Вяжущий судьбы снопом золотым в вышине
Никогда не сомкнет наши жизни кольцом обручальным,
Никогда не скрестит наших грустных дорог на земле.

Но верь: необъятны небес распростёртые крылья,
С моею надеждой своё упованье скрести.
Ведь наши свиданья рассыпаны млечною пылью
У будущих солнц, на ещё не пройденном пути.

И бродим мы в небе, где звёзды как лилии дремлют,
Залитые в славе прохладой нездешней волны,
И ищем друг друга, сходя на горячую землю,
И кличем друг друга в пучинах мирской глубины.

1923–1929

4

Ещё не брезжило. В лесу шуршала осень,
Когда, всё зачеркнув, я вышел на крыльцо
И капли тёмные с качающихся сосен
Мне ночь бездомная плеснула на лицо.

Ты выбежала вслед. Я обернулся. Пламя
Всех наших страстных дней язвило дух и жгло,
Я взял твою ладонь, я осызал губами
Её знакомый вкус и сонное тепло.

Я уходил — зачем? В ночь, по размытой глине,
По лужам, в буреломе хотел спешить — куда?
Ведь солнца ясного, садов и мирных лилий
В бушующей судьбе не будет никогда.

Я вырвался. Я шёл. О плечи бились сучья.
Я лоб прижал к стволу; ствол — в ледяной росе...
Кем для меня закрыт покой благополучья?
Зачем я осужден любить не так, как все?

1936

5

Берег скалистый высок.
Холоден мертвый песок.

За разрушенными амбразурами,
В вечеряющей мгле — никого.
Брожу я, заброшенный бурями,
Потомок себя самого.

Постылая грусть терпка мне,
И, влажные лозы клоня,
Читаю надгробные камни
На долгом исходе дня.

И буквы людских наречий
На плитах разных времён
Твердят о Любимой вечно,
Одной в зеркалах имён.

И, в ледящем горе,
 Не в силах утишить печаль,
 Сажусь у гранитного взморья,
 Долго гляжу — вдаль.

Купол небесный высок.
 Холоден мёртвый песок.
 1931

6

Над зыбью стольких лет незыблемо одна,
 Чьё имя я шептал на городских окраинах,
 Ты, юности моей священная луна,
 Вся в инее, в поверьях, в тайнах.

Я дерзок был и горд: я рвался, уходил,
 Я пел и странствовал, томимый непокоем,
 Я возвращался от обманчивых светил
 В твои душистые покои.

Опять твоих волос прохладная волна
 Шептала про ладью, летящую над пеной,
 Что мимо островов несётся, пленена
 Неотвратимую изменой.

Ты обучала вновь меня моей судьбе —
 Круговращению ночей и дней счастливых,
 И жизни плавный ритм я постигал в тебе —
 Приливы моря и отливы.

Союзу нашему, привольному, как степь,
 Нет имени ещё на языке народном.
 Мы не твердили клятв. Нам незнакома цепь,
 Нам, одиноким и свободным.

Кто наши судьбы сплёл? когда? в каком краю?
 Туман предбытия непроницаем взору,
 Но верность странную хранил я и храню
 Несказанному договору.

Неясны до конца для нас ни одному
 Ни устье, ни исток божественного чувства,
 И лишь нечаянно блик озаряет тьму
 Сквозь узкое окно искусства.

Да изредка в ночи пустынная тоска
 Роясь, заискрится в твоём прекрасном взоре, —
 Печаль старинных царств, под золотом песка
 Уснувших в непробудном море.

Тогда смущенье нас и трепет обоймёт,
 Мы разнимаем взор, молчим, страшась ответа,
 Как будто невзначай мы приоткрыли вход
 В алтарь, где спит ковчег завета.

Одна и та же мысль пронзит обоих нас,
 И жизнь замедлит шаг — нежнее, чутче, строже,
 И мы становимся друг другу в этот час
 Ещё дороже.
 <1923–1933>

ДРЕВНЯЯ ПАМЯТЬ

* * *

Когда былых миров оранжевые зори
Заронят узкий луч на небеса стиха,
Я вижу — где? когда? — на ровном плоскогорьи
Моря лилового, как плащ старинный, мха.

Два солнца пристальных сменялось надо мною
И ни одно из них затмиться не могло:
Как ласка матери, сияло голубое,
Ярко-оранжевое — ранило и жгло.

Когда лазурный шар, грустя прощальной славой,
Сходил на мягкий шёлк лилового плаща —
Пронзительный восход, кровавый, рыжий, ржавый,
Я ждал в смятении, молясь и трепеща.

Тот мир угас давно — бесплодный, странный, голый...
Кругом — Земля в цвету, но и в земной глуши
Не гаснут до сих пор два древних ореола
Непримиримых солнц на небесах души.

1935

ДИКИЙ БЕРЕГ

Триптих

I

Помню: широкие губы,
раскаленный песок
 дней,
Подошвы, как рог,
 грубые
От касанья гневных камней;

Ропот никнущего камыша
Под бурями первоначальными;
Мать и дед мой — у шалаша,
Под шумными — над головой — пальмами;
С тигром, с вепрем — лихой игры
Первобытное молодечество...
Это — предков моих костры,
Дикое мое младенчество.

2

Я возвращался с долгой ловитвы
С тушею кабана на спине;
Воля преследованья и битвы
Все еще клочкотала во мне.

Веяли мощные воды Меконга
Свежестью
 у песчаных излук,
И солнце гудело вечерним гонгом,
Падая за голубоватый бамбук.

На повороте крутого плеса
Ты мне открылась: смугла, гибка,
Влажные от омовения косы,
Желтая лилия у виска...

Выронили руки тушу и стрелы.
Я видел грудь и белый оскал...
И я, как охотник, настиг твоё тело
На каменистом песке, у скал.

И скоро в ночь унесла река
Желтый огонь твоего цветка.

3

Привычные, как старый амулет,
Влачились будни монотонных лет.

Все реже страсть, когда вечерний дым
Над очагами таял, синь и хмур,
Бросала нас желаньем молодым
На ложе жесткое кабаньих шкур.
И друг от друга тайну не тая,
Мы оба старились — и ты, и я.

Луну и солнца золотой дракон,
Грозу и тучи — всё двоил Меконг
И мчал к закату, пенясь и крутясь,
Упавших пальм растерзанную вязь.
В водоворот его — все реже, реже
Забрасывал я тягостные мрежи.

Мы старились. И только ввечеру
Садились снова к общему костру —
Молчать... смотреть, как пляшут наши внуки
И девушки, закинув руки.

За самой юной, самой стройной, круг
Горящих глаз следил — и мы следили...
Когда же, к ночи, всё забыв, наш внук
Ее венчал венком из желтых лилий —
Мы новый сумрак, мудрый мрак печали
В глазах друг друга в этот миг встречали.
1935

* * *

Тоскуя по древне-забытому краю,
Где петли блужданий моих пролегли,
Я долго по Атласу Мира гадаю,
По стертým чертам терпеливой земли.

В названиях рек, городов, плоскогорий
Невнятные отзвуки тайны ловлю —
Ту древнюю тайну блаженства и горя,
Что знал, но не знаю, — забыл, но люблю.

Но дремлют блаженные архипелаги,
И заросли кроют истоки времен,
Руины империй в бушующей влаге
Вкушают никем не тревожимый сон.

И только порой нарастает — не слово,
Но странный, знакомый, возлюбленный звук:
Как будто из смутных туманов бывшего
Ко мне простираются тысячи рук —

Счастливых, как молодость, гордых, как лавры,
Трепещущих, как рождаемый стих...
Я вспомнил, я знаю. Так били в литавры
На каждой заре у ворот городских.

.....

1937

ИЗ ДНЕВНИКА

Но Запад прав: мы — дикари, мы — дети.
Страсть к жизни, жар, безудерж молодой
Чуженародной мудростью столетий
Чуть скованы... Сверкающей уздой

Науки, чисел, вер, идей заёмных
Как покорить неизжитую страсть,
Что нас влечёт, всё забывая, пасть
К земле и плыть в её объятых тёмных?

И европеец в чинном пиджаке,
До самых глаз затянутый приличьем,
На палубе под вольным гамом птичьим
Плывущий по тропической реке

Вдоль деревень, где злой и полнокровный
Зной гонит пот по бронзовым телам, —
Он нам противен, как скопец духовный,
Как биржевик, вступающий во храм.

Мы молоды. И, выходя в дорогу
К кострам у неисхоженной тропы,
Берём с собой лишь сухарей немного,
Соль, сахар, чай да пригоршню крупы.

Ведь в реках плавных — рыба в изобилии
И ягод полны добрые леса.
Мы не храним от ветра волоса,
Подошв — от ласк росы, песков и пыли,

И солнце-друг веселым острием
Щекочет нас сквозь рваную рубаху:
Ведь ничего нет драгоценней праха
Родной земли и воздуха её!

Но яд, порой, тревожней и древнее
У нас в крови шевелит южный зной,
И знает тело, понимать не смея,
Как сладко пахнет дикий перегной;

На дне веков таимый корень рода
В тот миг оно в стихиях узнает,
Когда не знал ни Бога, ни народа
Наш праотец — один во мгле болот;

Когда, гонясь за бурошёрстным вепрем,
Упругий, быстрый, хищный и нагой,
Он гибко полз, и мягок под ногой
Был прах земли по жирно-влажным дебрям.

А вечером, когда, за клубом клуб,
Под шорох вай с трясин ползли туманы —
Сложив костёр, он вверх, как обезьяна,
Вскарабкивался на широкий дуб.

Там, с женщиной и с черноглазым сыном,
В лиановом дремал он гамаке,
Пока слоны трубили по долинам
И едкой кровью пахло на реке.

Кто колебал трепещущие кроны?
Что слышал он в те ночи на весу?..
Опустевали чьи-то — в тучах — троны,
Огромный шаг кровь леденил в лесу,

Смолкал сам тигр, в кострах чернели угли,
В ночных затонах лотос расцветал,
Когда весь мир, как храмовый портал,
Встречал, склонясь, Хранительницу Джунглей.

Не оттого ль вершин широкий шум
И в ясный день, и в полночь, и в ненастье
С такой тоской, с такою странной страстью
Мы слушаем, без речи и без дум?

Забудь, мой друг! Ни вепрь, ни тигр, ни кобра
Не зашуршат у мирного костра,
А те, чья власть листву колеблет, — добры,
Как чуткая и нежная сестра.

1936

МАДЛЕНСКИЕ ПЕЩЕРЫ

Когда обезьяноподобные люди
На сумрачном дне незапамятных рас
Вычерчивали на каменной груди
Свой первый, звериный иконостас, —
Они укрывались от зимних туманов
В подземным потоком размытый портал,
И гул первобытных глухих барабанов
Из тьмы недоступных пещер рокотал.

И капало сало, дымились светильни
Пред ликами мамонтов и медведей,
Чтоб стала охота на зверя обильней,
Чтоб сам приходил он в руки людей.
Глубь гротов в мерцании чадном тонула,
Блестели широкие скулы в поту,
И в медленном уханьи тяжкого гула
Плясали они, становясь на пяту.

Да не ужаснётся, кто позднего века
Дворцы оставляя, на страшное дно
Сойдёт, чтоб увидеть зарю человека —
Культур загудевшее веретено.
Ведь пламя в лампадах паникадильных,
Ласкающих ангельский иконостас,
Затеplено от первобытной светильни
На сумрачном дне незапамятных рас.

1934

ЯЗЫК ЛЮБВИ

Язык любви из мягких звуков соткан:
За нежным «эль» задумчивое «эм»;
Он ласково качается, как лодка,
То говорлив, то робко полунем.

Последыши могучих поколений,
Мы помним ли, что был другой язык?
Его ковал первонародный гений
Тяжёлых царств, героев и владык.

Он рокотал, как медь на поле бранном,
 Как гул квадриг, несущихся в карьер;
 В нём твёрдость «дэ» сменялась «гэ» гортанным,
 С суровым «у» чередовалось «эр».

Рождалась страсть не голубым угаром,
 Не шёпотом полураскрытых губ:
 Она сходила громовым ударом,
 Как молния в широколистный дуб.

Столкнув двоих, горячих, темнокудрых,
 Кипела вширь — разлив без берегов,
 Не требуя благословенья мудрых,
 Не спрашивая милости богов.

Молву жрецов, обычай рода, славу,
 Суд человеческий, закон, позор
 Она сметала на пути, как лава,
 Низринувшаяся по кручам гор.

Теперь язык из нежных звуков соткан:
 В нём тишина и гладкая лазурь,
 И плавно он качается, как лодка,
 Давно забыв свободу древних бурь.

1935

* * *

Люди любили не нашей любовью,
 Страстью не той:
 Мощной волной их клонил к изголовью
 Мрак золотой.

Сквозь поколения нас породила
 Древняя плоть.
 Есть её час. Её рок. Её силу
 Не побороть.

Поздних потомков тревожат призывы
 Сгинувших рас...
 Вспомни: удушливый вечер, обрывы
 Красных террас;

В прорезь ворот — лиловатые горы,
 Топи... Туман...
 В ближнем святилище — хмурые хоры
 И барабан.

С кровли я видел, как, жриц суеверней,
 В зное густом
 Ты проходила по стогнам вечерним
 В красный мой дом.

Ты приближалась, как чёрные волны,
 Тканью звеня,
 Будто сама первозданная полночь
 Шла на меня.

Шла, чтобы вновь колдовать под двурогой,
 Гневной луной,
 Мчатся всё ниже звенящей дорогой
 Только со мной...

Эти стихи — лишь намёк, только веха,
 Сумрачный знак,
 Твёрдый язык охлаждённого века
 Точен и наг;

Слепо распнёт он на числах железных
 Сказку мою —
 Повесть о незапамятных безднах
 В лунном раю.

Но уходя по излучине синей
 В солнечный край,
 Царств, усыпленных дремучей пустыней,
 Не забывай.

1933

* * *

Ослепительным ветром мая
 Пробуждённый, зашумел стан:
 Мы сходили от Гималая
 На волнующийся Индостан.

С этих дней началось новое, —
Жизнь, тебя ли познал я там?
Как ребёнка первое слово,
Ты прильнула к моим устам.

Всё цвело, — джунгли редели,
И над сизым морем холмов
Гонги вражьих племён гудели
В розоватой мгле городов.

Но я умер. Я менял лики,
Дни быванья, а не бытие,
И, как севера снег тихий,
Побледнело лицо моё.

Шли столетья. В тумане сиром
Я рождался и отцветал
На безмолвных снегах России,
На финляндском граните скал.

Только родины первоначальной
Облик в сердце не выжечь мне
Здесь, под дней перезвон печальный,
В этой сумеречной стране.

1931

В МУЗЕЕ

В сизую оттепель, в сумерках, по нескончаемым залам,
Фрески минуя и мрамор, я в забытии проходил.
Как я любил эти лики!.. Каждый из них рассказал мне
Повесть о счастье и горе храмов, дворцов и могил.

Запах — старинный, знакомый — остановил меня, данью
Вечно-забытому... В памяти вспыхнула древняя боль
И поднялась, и метнулась к каменному изваянию
На распутившемся лотосе, — без позолоты, — как смоль.

Это сиял Совершенный: с тихой полуулыбкой,
С полуопущенным взором, в тонком венце бодисатв, —
Что он провидел, Возвышенный, в мареве времени зыбком?
Пряжу ли кармы? Иль сроки мудрых посевов и жатв?

Каждого благословлял он полураскрытой ладонью,
С благоуханного лика веял внемирный покой...
Бронза его сохранила храмовые благовонья,
Втёртые в темное тело благочестивой рукой.

Никнуть бы благоговейно к этой ладони печальной,
Столько веков обращённой в многострадальную тьму...
И закачались над нами образы родины дальней,
Нами одними услышанные,
не внятные
никому.

1933

* * *

По вечерам, по чистым вечерам
Полна душа тоской неутолимой:
Тебе одной хрустальный стих отдам,
В суровой тишине гранимый.

Вступает ночь сообщницей благой,
От суеты мою печаль отъемля...
Во сне — лишь ты: под солнцем нет другой,
С тех пор, как я пришёл на землю.

Как узким отблеском — жильцы тюрьмы,
Как люди в храмах — благодатным хлебом,
Навек друг другу причастились мы
Давно, — нет, не под этим небом.

Пусть вещей сон, раздвинув камыши
И ветви наклонённые забвенья,
Рекою мирной мчит ладью души
Назад, назад, за грань рожденья.

Уже я слышу, как вдали поют
Лишь нам двоим знакомые верховья,
Где ты согрела жизнь и смерть мою
Неистощимою любовью.

Не помню имени. Не помню гор,
Лесов, морей в утраченной отчизне,
И дух хранит лишь твой лучистый взор,
Твои глаза на утре жизни.

ИЗ ДНЕВНИКА

...И вот упало вновь на милую тетрадь
От лампы голубой бесстрастное сиянье...
Ты, ночь бессонная! На что мне променять
Твоё томленье и очарованье?

Один опять. В шкафах — нагроможденье книг,
Спокойных, как мудрец, как узурпатор, гордых:
Короны древних царств роняли луч на них,
И дышит ритм морей в их сумрачных аккордах.
Но из широких чаш ещё струится вверх
Поблёкший аромат былых тысячелетий,
Как старое вино перебродивших вер,
Когда-то полных сил и радостных, как зори.
Мемфис, Микены, Ур, Альгамбра, Вавилон —
Гармония времён в их бронзе мне звучала,
Томленье терпкое мой дух влекло, вело,
По стёртым плитам их — к небесному причалу.

Сегодняшнюю ночь иной стране отдам —
Востоку дерзкому, возлюбленной отчизне,
Уйду на Ганг — по мудрым городам,
В истоках дней искать истоков жизни.

...И в смутный сон, где веют вайи,
Мечтой я властно погружён...
Над сонным сердцем, в пальцах Майи,
Жужжит веретено времён.
На месте гор — желтеют мели...
И в дней обратных череду
Я вспять от гроба к колыбели
Прозревшим странником бреду.

И вновь я застаю цветенье
Давно отцветших лепестков,
Благоухание веков —
Неизъяснимое волнение, —
Смертей, рождений лабиринт,
Моря, равнины и отроги...
И на восток, за жёлтый Инд,
Ложится пыль моей дороги.

1934

* * *

Индия! Таинственное имя,
Древнее, как путь мой по вселенной!
Радуга тоскующего сердца,
Образы, упорные, как память...

Рассказать ли? — Люди не поверят,
Намекнуть ли? — Не поймут ни слова,
Упрекнут за тёмное приращенье,
За непобедимое виденье.

Прикоснусь ли нищею рукою
К праху светлому дорог священных,
Поклонюсь ли, где меня впервые
Мать-земля из мрака породила?

1931

* * *

На орлиных высотах Непала,
Как цветок в снеговом хрустале,
Вся в заоблачных снах, увядала
Моя прежняя жизнь на земле.

Дольний мир, как отраву, отринув,
Собеседник седых ледников,
Принимал я от строгих браминов
Воду смерти — мудрость веков.

Праздно билась о горные стены
И, отхлынув, терялась вдали
Индостана народная пена,
Трубы войн, рокотанье земли.

Как гробница, короною белой
Надо мной возносился Непал,
Стыло сердце, душа леденела,
И блаженный покой наступал.

И я ждал в утихавшей печали,
Что кровавое сердце моё
Растворит непреклонная Кали
В безначальное небытие;

Что уж близок искомый веками
 Лучший цвет её лучших гирлянд —
 Этот режущий гранями камень,
 Этот чёрный, как смоль, бриллиант.

1934

* * *

Бенарес! Негаснущая радуга
 Нашим хмурым, горестным векам!
 Преклоняю с гордостью и радостью
 Чашу сердца к этим родникам.

Шумным полднем, в тихом пенье месяца,
 Мча на гребнях желтые венки,
 Омывает каменные лестницы
 Колыханье праведной реки.

Входят тысячи в ее дыхание,
 Воздевают руки на заре,
 Чтоб взглянуло Солнце мироздания
 На сердца, подъятые горе.

Материнской Гангой успокоены,
 Омывают дух свой от тревог
 Нищие, купцы, брамины, воины,
 Девушки с запястьями у ног.

Льется золото в чашу благочестия,
 И, придя со всех концов страны,
 Бьют литавры, движутся процессии,
 Праздничные шествуют слоны.

Вечной верой, подвигами прошлыми
 Этот город нерушим и тверд,
 И босыми жаркими подошвами
 Каждый камень уличный истерт.

Вечер. Благоклонное и важное,
 Солнце опускается в туман;
 Молкнут в храмах возгласы протяжные
 И игра священных обезьян.

Над речной колеблющейся бездною
 Черных крон застыли веера;
 Летит в их прорезь чаша неба звездного
 Водомерка живого серебра.

Кажется: идет Неизреченная
 Через город радужным мостом...
 Необъятный храм Её — вселенная.
 Бенарес — лампада в храме том.

1934

ОТРЫВОК

...На берег вышла. Солнце тканью
 Из света — стан ей облекло;
 Над грудью влажно расцвело
 Жасмина сонного дыханье,
 И — обернулась... В первый раз
 Забыл я снег и лед в Непале,
 И прямо в душу мне упали
 Лучи огромных, темных глаз.

Я вздрогнул: там, под влагой черной
 Индийских бархатных ночей,
 Сиял цветок нерукотворный,
 Как чаша золотых лучей.
 Мерцала в этом детском взоре
 Тысячелетняя тоска
 Старинных царств, уснувших в море
 Под золотым плащом песка;

Неуловимые для слуха,
 В нем реки звездные текли
 Неизмеримых странствий духа
 Еще до солнца и земли...
 Я видел путь наш в море мира,
 Сквозь плещущие времена,
 И звук, ликующий как лира,
 Из сердца рос: — Она! Она!

1934

МИЛАРАЙБА

Позади — горы, белый шёлк снега,
А внизу — пажить и луг зелёный.
Там, внизу, — селенье:
Там идет стадо,
Пастухи смеются,
Мычат яки,
И с одной чаши — к другой чаше
Перепархивают по цветам пчёлы.

— Голоса Времени, — друзья сердца!

Это — лишь узоры, пёстрый шёлк Майи,
Это — только тени моего сознания,
Погружённого, навсегда слитно,
В Вечно-Сущее,
В глубину света...

— Голоса Времени, — плеск ручьёв жизни!

...Зацвела юность,
Как бутон мовы.
Я ушёл рано с белых гор Дзанга,
Я скитался долго по шумному миру,
Предаваясь страстям и бурям.
В городах — пели, трудились люди,
И купец в дороге понукал мулов...

— Голоса Времени! Игра Майи!

И в обитель скорбных я ушел, плача:
Бодисатв молил я, заклинал духов,
Духов злых и добрых,
Что в лесах и в реках,
И в порывах ветра снуют шумно...
И постиг ум мой:
Нет врагов у сердца,
Чей исток в небе, в Истинно-Сущем...

— Голоса Времени, — голоса братьев!

И теперь — только
Душистый ветер
Кольхает ветви над моей пещерой,
Да летят птицы,

Идут люди,
Прибегают волки вести беседу
О путях спасенья, о смысле жизни...

— Голоса Времени! Друзья сердца!

1935

СЕННААР

Меж горьких трав в равнинах шелестел
Горячий ветер пустынного Аккада,
Крепя орало, темный пахарь пел,
Нагой пастух гнал к водопою стадо.

Волы мычали. Медленно быки
Переступали по размытой глине,
Клубился пар над отмелью реки
И уходил по травяной пустыне.

Когда же ввечеру волшебница Истар
Расплещет в сини дрожь змеящегося смеха,
Я молча прохожу, спокоен, мудр и стар,
По бурой площади утихшего Эрэха.

Вечерних литургий еще звучат везде
Напевы хмурые; клубятся благовонья,
Жрецы поют, к пастушеской звезде
Молитвенно воздев ладони,
Ведут к закланью тесной чередой
Откормленных тельцов сквозь пень и кажденье
И обещают вновь воздвигнуть пред зарей
Бесчисленные всеожженья.

Евфрат навстречу мне вздыхает, чуть звеня...
Пересекаю мост — вся ночь луной объята, —
И восхожу один по строгим ступеням
На белые, как сон, террасы зиккурата.

Равнина вся во мгле. Внизу двоит река
Созвездий и костров пастушьих трепетанье,
А здесь — от лунных струн в груди звенит тоска —
Небесной синевы старинное алканье.

1928

Так сегодня я забылся, и во сне
Вот виденье громовое было мне.

Видел я одновременно все края,
Всё, что было и что будет впереди...
Синим сводом распростёрт над миром Я,
Солнце белое горит в моей груди.

Мириады светоносных моих рук
Простираются в волнующийся круг,

Свет и жар — неистошимые дары —
Мечет сердце, как бушующий костёр,
И, рождаясь, разноцветные миры
Улетают в раздвигаемый простор...

Я проснулся, полумёртвый. Тьма везде.
Лапсердак висит, как тряпка, на гвозде.

1935

ТИТУРЭЛЬ

I

— Кто ты, мальчик? куда?.. Твои волосы
Нежней королевского золота,
Тебе пажом надо стать...
Отчего ты один? Где мать?

— Титурэль моё имя. Я вышел,
Когда рассказал мне дед
О песне: он сам её слышал,
И прекраснее в мире нет.
Ту песню ангелы пели
В Сальватэрре, земле святой...
Нет на свете другой мне цели,
Как дорога

к стране
той.

— Ты ошибся, дитя. Туда
Надо плыть по многим морям.
Попадают даже суда
То к пиратам, то к дикарям;

А когда каравелла в шторм
На подводной рухнет скале —
Яйца чаек, единственный корм,
Испечёшь ты в тёплой золе.
Но нечего будет пить,
И когда оборвется нить,
Ты обрадуешься концу.
Возвращайся ж, дитя, к отцу.

Меняются годы, несутся года и года,
Мужает упорство, духовная крепнет страда,
И встречные птицы с небесным лучом на крыле
Всё дальше и дальше манят его в путь по земле.

2

— Кто ты, юноша? и куда?
Благородна

твоя статья,
Твои тонкие руки не знают труда,
Тебе надо рыцарем стать!

— Мне не надо быть рыцарем. В рубище сером,
Как Спаситель ходил по земле,
Я достигну скорей Сальватэрры
В этом мире, лежащем во зле.

— В Сальватэрру путь долог и крут.
Далека твоя цель, — не дойти!
Византийцы в рабы продадут,
Сарацины убьют по пути.

— Но не знаю другой я цели;
Невозможен мне путь иной.
Помолись о рабе Титурэле,
О дороге его земной.

Меняются страны, несутся года и года,
Встают из-за моря империи и города,
И плачутся ветры, и волны бушуют во мгле
О пламенном хоре, которого нет на земле.

3

— Без оружия?! Путник, зачем
Ты бредёшь в эту степь один?
Азра пала, пал Вифлеем,
По пятам спешит Саладин!

— Но к неверным проникну легче я
Без оружия и щита.
Да будут щитом мне вера моя,
Смирение и нищета.

— Э, мы тоже верили прежде,
Пока от бед и утрат
Нас хранило, подобно надежде,
Имя Конрада Монферрат.
Но погиб он — и пламень веры
Победы нам не стяжал:
Оттеснены тамплиеры,
И Тевтонский орден — бежал.

Меняется время, несутся года и года,
Нигде нет покоя, нигде, никогда, —
И чайки, и бури, и кедры на каждой скале
Тоскуют о хоре, которого нет на земле.

4

— Мир тебе, странник Аллаха!
Гостем быть удстой,
Стопы от жаркого праха
Под кровом шатра омой.
Ты стар, голова в сединах,
Но вижу: твой дух — в огне.
Когда до святой Медины
Дойдёшь — помолись обо мне.

— Брат! Не святыня Каабы,
Не царственный город ислама,
Не мудрость учёных арабов,
Не светоч Христова храма —
Иная жжёт меня рана,
И жажда неутолима
Ни пенной струей Иордана,
Ни солнцем Иерусалима.

Уж силы мои догорели,
Но слава нищей судьбе...
Молись о рабе Титурэле,
Как я молюсь о тебе.

В песках Сальватэрры влачатся года и года, —
Барханы песчаные за чередой череда, —
И лишь умирая, во всепоглощающей мгле,
Услышит он голос, которого ждал на земле.

Прострут ему ангелы дивную Кровь в хрустале —
Причастье и радость для мира, лежащего в зле,
Чтоб в горных высотах, молчаньем и тайной объят,
Хранил её вечно незаблемый град Монсальват.

И будут сходить от обители по ледникам
Народоводители к новым и новым векам,
Пока на земле хоть один ещё есть пилигрим,
Духовною жаждой, как пламенем смертным, палим.

1934

* * *

Мне радостно обнять чеканкой строк,
Как влагу жизни — кубком пира,
Единство цели, множество дорог
В живом многообразье мира.

И я люблю — в передрассветный миг
Чистейшую, простую негу:
Поднять глаза от этих мудрых книг
К горящему звездами небу.

Как радостно вот эту весть вдохнуть —
Что по мерцающему своду
Неповторимый уготован путь
Звезде, — цветку, — душе, — народу.

1935

ПРЕДГОРИЯ

1

Когда ещё помедлил раз
На выжженном, сухом откосе я,
Внизу прохладно-тёплый час
Уже встречала Феодосия.

И ток воздушный и густой
Огни туманил над крайнами —
Неисчислимых дней настой
С их приключеньями и тайнами.

Секунда — где-то взвыл джаз-банд,
И хлынули в воображение
Преданья бурь и контрабанд,
Фелук полночное скольжение.

Понятен стал мне слитный гул
Далёких скрипок, смеха, говора;
Сощуришь, на меня взглянул
Сам дикий дух ночного города;

Он вниз и вниз сводил меня,
Таясь за тёмными оградами,
Прикидываясь и маня
Гитарным звоном под аркадами.

В кафе, на улицах, в порту
Я вслушивался в ночь лукавую,
В наречий жёстких остроту,
В жизнь многострастную и правую.

Минуты мчались прочь и прочь,
Свистя, как взмахи ястребиные,

Чтоб ядом терпким эта ночь
Во мне жила, неистребимая;

Чтоб рвать размеренный удел,
Спеша за встречами неожиданными...
И вот восток залиловел
За рвано-пыльными платанами.

И свежим бризом говоря
О вольных днях, мне уготованных,
Поющей девушкой заря
Взошла меж парков очарованных.

2

Часы, часы ласкать глазами
Один и тот же скудный холм,
Ловить наитья и сказанья
В приливе дней, в прибое волн

И говорить с людьми о том лишь,
Что в море — шторм, что в море — штиль,
О тех закатах, что запомнишь,
Как несравненнейшую быль...

Ведь всё равно в час тени смертной
Ты пожалеешь только их —
Вот эти камни, эти ветры,
И волн нерукотворный стих,

Да медленный залив, что дремлет,
Качаясь в золотом ковше, —
Всю бедную, родную землю,
Чужбину, милую душе.

3

Запах мимозы: песчаные почвы,
Скудость смиренномудрой земли,
За белой оградой — терпкие почки,
Море — и дорога в пыли.

Запах цветка нежнее, чем лира,
Глубже небес, — и в нём —
Вечное детство нашего мира,
Вечного утра тихий псалом.

Быть может, ни краски, ни благовонья,
Ни стих, ни музыка, ни облака
Не говорят о потустороннем
Правдивей, чем вздох цветка.

4

Утро за утром — всё лучезарней,
Прозрачнее
дней полёт:
Южное солнце в красный кустарник
Брагу осени льёт.

Под ярко-ржавыми листьями дуба
Горной тропой взойди.
Станут от ветра солёными губы,
Светлый покой в груди.

Крылья лёгкой жары вдоль нагорий
Беглый бриз разметал;
Стынет внизу безграничное море,
Как голубой металл...

Станешь ли здесь шептать уккоризны
За скорбь догоревших лет?
Благословенное счастье жизни!
Воздух!
Тепло!
Свет!

5

Чтоб лететь к невозможной отчизне,
Чтобы ветер Мечты не стих,
У руля многопарусной жизни
Я поставил тебя, мой стих.

Чтобы сердце стало свободным,
В час молитв — подобным свече,
Знаменосцем — в бранные годы,
Трубадуром — в лунном луче.

Правь же, стих мой! Ветер солёный,
Не стихай у мирных лагун,
Мчи корабль над ревушим лоном
Сквозь грозу, и шторм, и бурун.

А когда в невольном тумане
Бросишь горестный якорь ты —
Лишь о новом молись урагане,
Вечно юном гонце Мечты.

1933–1940

ЯНТАРИ

М. Г.

1

Усни, — ты устала... Гроза отгремела,
Отпраздновал ливень ночную весну...
Счастливому сердцу, счастливому телу
Пора отойти к беспечальному сну.

Светает... Свежеет... И рокот трамвайный
Уже долетел с городских площадей.
Усни, — я мечтаю над нашею тайной —
Прекрасною тайной цветов и детей.

И кажется: никнет бесшумная хвоя, —
Листва ли коснулась ресниц на весу?
Быть может, блаженные Дафнис и Хлоя
Дремали вот так в первозданном лесу.

Как будто сомкнулись прохладные воды,
Баюкая нас в колыбелях земли,
Скользят тени с прозрачного свода
Поют, что над нами плывут корабли.

Плывут, уплывают... А сумрак всё ниже, —
Прощальную сказку шепчу кораблю...
Не думай: я здесь, я с тобою... Усни же,
Как я над рукой твоей милой дремлю.

2

В жгучий год, когда собирает родина
Плод кровавый с поля битв, когда
Шагом бранным входят дети Одина
В наши дрогнувшие города;

В дни, когда над каждым кровом временным
Вой сирен бушует круговой
И сам воздух жизни обесцененной
Едко сух, как дым пороховой —

В этот год само дыханье гибели
Породило память дней былых,
Давних дней, что в камне сердца выбили
Золотой, ещё не петый стих.

Как чудесно, странно и негаданно
Этот стих рождался — о тебе,
Без раздумий, без молитв, без ладана, —
Просто — кубок в золотой резьбе.

И прошла опять, как в сонном празднике,
Череда необратимых дней, —
Наше солнце, наши виноградники,
Пена бухт и влажный мох камней.

Может быть, таким лучом отмечены
Судьбы наши были только раз
И непоправимо искалечены
Будем мы железной битвой рас.

Пусть же здесь хранится в звонком золоте
Этот мёд, янтарный и густой, —
Наша радость, наша кровь и молодость —
Дней былых сияющий настой.

3

Воздушным, играющим гением
То лето сошло на столицу.
Загаром упала на лица
Горячая тень от крыла, —
Весь день своенравным скольжением
Бездумно она осеняла
Настурции, скверы, вокзалы,
Строительства и купола.

И на тротуар ослепительный
Из комнаты мягко-дремотной,
Уверенный и беззаботный,
В полдневную синь выходя,
В крови уносил я медлительный,
Спадающий отзвук желанья,
Да тайное воспоминанье
О плеске ночного дождя.

А полдень — плакатами, скрипами,
Звонками справлял новоселье,
Роняя лучистое зелье
На крыши и в каждый квартал;
Под пыльно-тенистыми липами
Он улицею стоголосой
Со щедрым радушьем колосса
На пиршество шумное звал.

И в зелени старых Хамовников,
И в нежности Замоскворечья
Журчащие, легкие речи
Со мной он, смеясь, заводил;
Он знал, что цветам и любовникам
Понятны вот эти мгновенья —
Дневное головокруженье,
Игра нарастающих сил.

Каким становилась сокровищем
Случайная лужица в парке,
Гранитные спуски, на барке —
Трепещущих рыб серебро,
И над экскаватором роющим
Волна облаков кучевая,
И никель горячий трамвая,
И столик в кафе, и ситро.

Былую тоску и расколотость
Так странно припомнить рассудку,
Когда в мимолетную шутку
Вникаешь, как в мудрость царя,
И если предчувствует молодость
Во всём необъятные дали,
И если бокал Цинандали
Янтарно-звонящ, как заря.

Ведь завтра опять уготовано
Без ревности и без расплаты
Июньскою ночью крылатой
Желанное длить забытьё,
Пока в тишине околдованной
Качается занавес пёстрый,
Прохладой рассветной и острой
Целуемый в окнах её.

4

Сном, мимолетным, как слово,
Краткая ночь завершилась.
Многоголос и кипуч,

День занимался, и снова
Серое небо расшилось
Красным узорочьем туч.

Лишь обняла. Не сказала:
Вольное сердце — в плену ли?
Кинут приветливый дом:

Мощные своды вокзала...
Залы в рокошущем гуле...
Сутолока над багажом.

Нет — подожди! Ещё рано!
В тёплое утро сырое
Ты мне как жизнь дорога.

Разве не горько и странно
Будет тебе, что не двое
Видят моря и луга?

Тамбур. Спешащие ключья
Толп, облаков, разговора,
Дыма и пара клоки...

И посмотрел я, как ночью,
В серые эти озера,
В эти дневные зрачки.

Что ты?.. Я вздрогнул. Навстречу
Сумрак роился бездонный,
Тихий, глухой, как вода,

Тот, что задолго до встречи
Стыл над вселенною сонной
И не пройдет никогда.

Может быть, то, что приснилось
Мне как бездумное счастье,
Было грозой и огнём?

Может быть, сердце склонилось,
Полное муки и страсти,
В чёрный как смоль водоём?

Лязгнули сцепы вагонов,
Дрогнул рычаг в семафоре,
И, отпустив тормоза,

Прочь для степных перегонов
Поезд помчал твоё горе,
Облик твой, речь и глаза.

5

И не избавил город знойный
От тёмных дум,
Клубя вокруг свой беспокойный,
Нестройный шум.
Как остря протяжных терний,
Любой вокзал
Свои гудки из мглы вечерней
В мой дух вонзал.

Белесой гарью скрыт, как ватой,
Небесный румб;
Росток засох голубоватый
У пыльных клумб.
Скучая, вновь сойдутся люди
У тусклых ламп;
Ещё плотней сомкнутся груди
Громад и дамб...

Что без тебя мне этот город,
И явь, и сны,
Вся ширь морей, поля и горы
Моей страны?
Не верю письмам, снам не верю,
Ни ворожбе,
И жизнь одним порывом мерю:
К тебе! К тебе!

6

Свисток. Степную станцию готов оставить поезд.
В замусоренном садике качнулись тополя,
Опять в окно врывается ликующая повесть
Полей, под солнцем брошенных, и ровная земля.

Привольный воздух мечется и треплет занавески,
Свистит ветрами шустрыми над плавнями Днепра,
Чтоб окоём лазоревый топить в лучистом блеске,
Купая в страстном мареве луга и хутора.

И если под колесами застонут рельсы громче
И зарябят за окнами скрещенья ферм нагих —
Реки широкоблещущей мелькнет лазурный кончик,
Смеющийся, как девушка, и плавный, точно стих.

Ах, если б опиралась ты о спущенную раму,
Играя занавесками вот этого окна, —
Ты, солнечная, юная, врачующая раны,
Моя измена первая и первая весна!

Уж розовеют мазанки закатом Украины,
И звёзды здесь огромные и синие, как лён,
А я хочу припомниться тебе на миг единый,
Присниться сердцу дальнему, как самый легкий сон.

7

Я помню вечер в южном городе,
В сухом саду ночлег случайный
И над приморскою окрайной
Одну огромную звезду:

Твердыней генуэзской гордости
Под нею крепость вырезалась
И коронованной казалась
Сквозь тамариск в моём саду.

Я знал: вдали, за морем плещущим,
За этой роскошью сапфирной
В ином краю дремоте мирной
Ты в эту полночь предана,
Но будет час — и утром блещущим
Ты с корабля сойдешь по сходням
Сюда, где кровь моя сегодня
Тебя зовет и ждет без сна.

Без сна... как долго сон медлительный
Ко мне в ту ночь не наклонялся!
С амфитеатра ритмы вальса
Лились кружащимся ручьём
И, учащая пульс томительный,
Твердили о чужом веселье,
О чьём-то юном новоселье,
Об отдаленном счастье... Чьём?

Они утихли только за полночь,
Но слабый шум не молк... откуда?
Иль город ровным, крепким гудом
Дышал в горячем забытии?
Иль, страстную внушая заповедь
Моей душе, неуловимо
Во мне стучало сердце Крыма
И направляло сны мои?

И я постиг во сне, как в празднике,
Лицо его утесов чёрных,
Полынь его лугов нагорных
И троп, кривых, как ятаган,
Его златые виноградники,
Его оград булыжный камень
И плиты, стёртые веками
В святилищах магометан.

А там, у бухт, на побережьи,
Гордясь свободным, тёмным телом,
Шли, улыбаясь, люди в белом —

Таких счастливых нет нигде, —
И в этот край, живая, свежая,
От корабля путём желанным
Сошла ты солнцем долгожданным
По еле плещущей воде.

8

Кто там: медуза? маленький краб ли
Прячется вглубь, под камни?..
Светлые брызги! Звонкие капли!
Как ваша мудрость легка мне.

Ночью бродил я по сонным граням,
Вскакивал, грезил, бредил —
Как же не знал я, что утром ранним
Встал пароход на рейде?

И почему, увидав над дорогой
Пятнышко голубое,
Бросился к ней — гоним тревогой,
Мимо громад прибоя,

Мимо скамьи в уютной пещере,
Мимо оград, колодца...
Остановилась, — ждала, не веря:
Что за чудак несётся.

Дремлют в её серебристом взоре
Царств утонувших камни...
Белые дни! Янтарные зори!
Как ваша песнь легка мне!

9

Убирая завтрак утренний,
Ты звенишь и напеваешь,
И сметаешь крошки хлеба
Прямо в светлую ладонь;
В доме нежен сумрак внутренний,
А в окошке — синева лишь, —
То ли море, то ли небо —
Утра крымского огонь.

Там, мягчайшим бризом глажимый,
 Парус млеет в знойном свете,
 Нежа киль струёй прохладной
 И не помня ничего...
 Там, над бухтами и пляжами,
 Воздух светится, и дети,
 Словно правнуки Эллады,
 Пьют, блаженные, его.

Хочешь — мы сквозь виноградники
 По кремнистым перелогам
 Путь наметим полудённый
 На зубчатый Тарахташ:
 Там — серебряный, как градинки,
 Мы попробуем дорогой
 У татар миндаль солёный
 И вино из плоских чаш.

Меж пугливыми отарами
 Перевал преодолеем,
 И пустыня нам предстанет
 Вдоль по жёлтому хребту,
 Будто выжженная карами,
 Ураганом, суховеем,
 Где лишь каперсы, как стая
 Белых бабочек, в цвету.

Там айлантами и кедрами
 Нам природа не предстанет,
 Матерью зеленокудрой
 Не приветствует гостей,
 Только солнце вечно-щедрое
 Любоваться не устанет
 На своих счастливых, мудрых
 На невинных двух детей.

И ни возглас человеческий,
 Ни обвалов грозный голос
 Не нарушат вековую
 Тишь, открытую лучу,
 Чтобы горы стали к вечеру
 Облекать свой камень голый
 В золотую, в голубую
 Литургийную парчу.

И, синяя дымкой дальнею,
 Розовея, лиловея,
 Череду всех красок мира
 Сменяет в стройном бытии,
 Как во храме в ночь пасхальную
 Чередуют иереи
 Многоцветные подиры —
 Ризы пышные свои.

День открыт нам всеми гранями:
 Ритмом волн, блаженным жаром,
 Родниками, лёгкой ленью,
 Стайкой облаков, как пух, —
 Чтоб, влекомые желаньями,
 Шли мы вдаль, в его селенья,
 За бесценным Божьим даром —
 Страстью двух — и счастьем двух.

10

Оранжевой отмелью, отмелью белой
 Вхожу в тебя, море, утешитель мой.
 Волной, обнимающей душу и тело,
 От горечи, пыли и праха омой.

Лишь дальних холмов мягко выгнутый выем
 Да мирных побережий златые ковши
 Увидят причастье безгрешным стихиям
 Открытой им плоти и жгучей души.

Лучистые брызги так ярко, так близко
 Сверкают, по телу скользят моему;
 Я к доброму Солнцу, как жертвы, как искры,
 Звенящую радугу их подниму!

Смотри, как прекрасен Твой мир вдохновенный
 И в резвости волн, и в трудах мудреца,
 Как светятся души в бездонной вселенной,
 Пронзённые светом Твоим до конца!

II

Какое благовоние
От этих скал нагретых,
От древних парашетов
И крепостной стены!
Ты хочешь пить? — в колонии
У сонного платана
Журчит вода фонтана —
Святая кровь страны.

Испей её! И сразу же
Туман многовековой
Из влаги родниковой
В глубь сердца перейдёт
Поверьями, миражами,
Легендами пустыни
И грезами, что ныне
Едва хранит народ.

Он тек тысячелетями
Бесшумно и незримо
По тёмным жилам Крыма,
У старых гор в груди...
Испей его. Ответь ему
Молчаньем и доверьем,
Его седым преддверьем
В дух этих стран войди!

Сольются в мощном образе
Ладьи, дворцы, литавры,
Прохлада хижин, лавры
В полдневных городах,
В Отузах, Ялте, Форосе
Сады, как кущи рая,
И с крыш Бахчисарая
Протяжный стих: «Аллах!»

И жизни ритм властительный,
Державный и широкий
Почуешь ты в потоке
Мимолетающих дней,
Вот в этом утомительном
Подъёме в город знойный

И в горечи спокойной
Кладбищенских камней;

В дрожащей сини воздуха
Над будничным базаром,
Где некогда хазарам
Послушен город был,
И в шумном доме отдыха,
Где мчится мяч летучий,
Где жизни пульс кипучий
Не стынет, и не стыл.

12

Мы возвращались с диких нагорий,
И путь лежал вдоль самой воды;
Безгрозым бризом дышало море,
Лаская и сглаживая наши следы.

А бриз был праздничным, вечно юным,
Как будто с лугов олимпийских нёс
Он радость богов для всей подлунной,
Для сердоликов, людей, мимоз.

Уже вечерело, и дом был близок —
Наш старый дом на милом холме:
Мы знали: он будет, как добрый призрак,
Белеть навстречу в горячей тьме.

Мы знали: там, на веранде зыбкой,
Увидим мы бедные руки той,
Кто всё это лето нам светит улыбкой,
Старческой мягкостью и добротой.

И будет пленительно сочетание
У доброй феи любовных дней
Шутливой речи, глаз грустной лани
И строгого лба старинных камней.

А после, в саду, сквозь ветки ореха
Тропических звёзд заблестит река,
И ночь обнимет нас смутным эхом
Прибоя у дальних скал Алчака...

Мы шли — и никто во всём мирозданье
 Не властен был радость мою превозмочь,
 Спокойную радость, простое знание,
 Что ты — со мной, и что будет ночь.

13

Свеча догорает. Я знаю.
 Над нами — бездонное море...
 Какая дремучая тишь!..

Усни: к несравненному раю
 Свела ты старинное горе
 Души моей терпкой... Ты спишь?

А в горном собратстве на страже
 Луной Тарахташ серебрится;
 И, в лунную кроясь фату,

Над сонмом склонившихся кряжей
 Созвездья стоят, как божница, —
 Торжественный зов в высоту.

О нет, высота не сурова, —
 Там молятся о человеке...
 Ты дремлешь? ты слышишь меня?

— Не вздох, не ответ: полуслово...
 Рука недвижима; лишь веки
 Раскрылись, дремоту гоня.

Всё глубже, — как в омуты; словно
 В колодцы и шахты вселенной...
 Как сладок и жгуч этот страх!

Да канет же сердце безмолвно
 В ущерб глубины довременной,
 В ещё не рожденных мирах.

Природа с такими очами
 Зачатье у райского древа
 От духа высот приняла...

Дитя моё! девочка в храме
 С глазами праматери Евы,
 Ещё не постигшими зла!

Свеча догорела. Над Крымом
 Юпитер плывёт лучезарно,
 Наполненный белым огнём...

Да будет же Девой хранимым
 Твой сон на рассвете янтарном
 Для радости будущим днём.

14

Я любил эти детские губы,
 Яркость речи и мягкость лица:
 С непонятною нежностью любят
 Так березу в саду у отца.

Её легкая мудрость учила
 Мою тёмную, тяжкую кровь,
 Ибо если вся жизнь есть точило,
 То вино — это только любовь.

Лишь порой этот ласковый говор
 Отходил, замерев как волна,
 Обнажая для солнца другого
 Скорбный камень пустынного дна.

Сквозь беседы веранд многолюдных
 Вспоминал я заброшенный путь
 К ледникам, незабвенным и скудным,
 Где от снежных ветров — не вздохнуть,

Где встречал я на узкой дороге
 Белый призрак себя самого,
 Небывало бесстрастный и строгий,
 Прокаливший до тла естество...

И над срывами чистого фирна,
 В негасимых лучах, в вышине,
 Белый конус святыни всемирной
 Проплывал в ослепительном сне.

Его холод ознобом и жаром
 Сотрясал, как ударом, мой дух,
 Говоря, что к духовным Стожарам
 Узкий путь не назначен для двух.

И тогда, в молчаливом терпенье,
 Ничего не узнав, не поняв,
 Подходила она — утвержденье
 Вековых человеческих прав.

И так сумрачно было, так странно
 Слушать голос, родной как сестра,
 Звавший вновь осушать невозбранно
 Кубок радостной тьмы до утра.

15

О, не всё ль равно, что дума строгая
 В тишине, подобно скрипачу,
 Тайным зовом струны духа трогала
 В эти дни, отверстые лучу;
 Заглушала еле внятной жалобой
 Южных волн звенящую парчу...
 Этой песнью, что как стон звучала бы,
 Золотых стихов не омрачу.

Но грустней, грустней за листопадами
 Солнце меркло в поздней синеве...
 Гном-ноябрь меж грузными громадами
 Обратном шмыгал по Москве.
 Оседала изморозь бездомная
 В побуревших скверах на траве,
 И в крови заныла горечь тёмная,
 Как вино в похмельной голове.

.....

В страшный год, когда собирает родина
 Плод кровавый с поля битв, когда
 Шагом бранным входят дети Одина
 В наши сёла, в наши города, —
 Чище память, сердце молчаливее,
 Старых распрь не отыскать следа,
 И бывшее предстаёт счастливее,
 Целокупней, строже, чем тогда.

Сохраню ль до смертных лет, до старости,
 До моей предсмертной тишины
 Грустный пламень нежной благодарности,
 Неизбежной боли и вины?
 Ведь не в доме, не в уютном тереме,
 Не в садах изнеженной весны —
 В непроглядных вьюгах ты затеряна,
 В шквалах гроз и бурь моей страны.

Лишь не гаснут, лёгкие, как вестницы,
 Сны о дальнем имени твоём,
 Будто вижу с плит высокой лестницы
 Тихий-тихий, светлый водоём.
 Будто снова — в вечера хрустальные
 Мы проходим медленно вдвоём
 И опять, как в дни первоначальные,
 Золотую радость жизни пьём.

16

Есть правда жестокая в подвиге ратном,
 Но солнце любило наш мирный удел...
 О солнце, о юности, о невозвратном
 Окончена песня, и день догорел.

Вставай, моё терпкое, вещее горе,
 Судьбу с миллионами судеб свяжи,
 Веди с озарённых, прекрасных нагорий
 Во мрак, на убийственные рубежи.

Уже не сомкнется бесшумная хвоя,
 Листва не коснётся ресниц на весу, —
 Бездумно, как юные Дафнис и Хлоя,
 Уже не уснём мы в блаженном лесу.

И если когда-нибудь наши дороги
 Скрестятся в полночи — мы будем не те,
 Что некогда шли на златые отроги,
 Молясь облакам и своей красоте.

О, лишь не утратить бесценного дара —
 Любви к этим солнечным, юным мирам,
 Насквозь золотым от блистанья и жара,
 Всегда совершенным, как эллинский храм.

Январь 1942

ЗЕЛЕНОЮ ПОЙМОЙ

РУССКИЕ ОКТАВЫ

Мой край душистыми долинами
 Цветёт меж дедовского бора.
 Сосновых толп живые хоры
 Поют прокимн, поют хвалу,
 И множествами журавлиными
 Лесные шелестят болота —
 Заклятью верные ворота
 В непроницаемую мглу.

Сквозь эту сказку вечно детскую
 Прочтёт внимательная совесть
 Усобиц, бурь, разбоев повесть
 В преданьях хмурых деревень,
 Где помнят ярость половецкую
 Во ржи уснувшие курганы,
 Где лес берёт от ятагана
 Скитов молитвенную сень.

Разгулом, подвигом, пожарами,
 Самосожженьями в пустыне
 Прозванья сел звучат доньше:
 Святое, Тёмное, Погар...
 А под зарницами, за хмарами,
 У гаснущей в цветах дороги,
 Бдят непостиженные боги
 Грядущих вер и светлых чар.

Ещё таинственней, вневременней
 Живую глубь стихий почует,
 Кто у костра один ночует
 Над дружелюбною рекой,
 Кто в этой вещи, мудрой темени

Души Земли коснется страстной,
 Даст путь раскрыться ей, безгласной,
 И говорить с его душой.

Здесь на полянах — только аисты,
 И только цаплями изучен
 Густой камыш речных излучин
 У ветхого монастыря;
 Там, на откосы поднимаясь, ты
 Не обоймёшь страну очами,
 С её бескрайними лесами,
 Чей дух господствует, творя.

Есть в грозном их однообразии
 Тишь притаившегося стана,
 Есть гул бездонный океана,
 Размах вселенской мощи есть,
 Есть дремлющий, как в недрах Азии,
 Ещё для мира нерождённый,
 Миф, человечеству суждённый, —
 Грядущего благая весть.

В ней сочетались смолы мирные —
 Дары языческого рая,
 И дымных келий синь святая —
 Тоска о горней высоте,
 А ветер голоса всемирные
 От городов несёт и моря,
 С былою замкнутостью споря
 За русские просторы те.

И если раньше грань отечества
 Сужала наш размах духовный,
 И замыкался миф верховный
 В бревенчатую тесноту, —
 Теперь простор всечеловечества
 Ждёт вестника, томится жаждой,
 И из народов примет каждый
 Здесь затаённую мечту.

Нет, не державность, не владычество —
 Иное крепнет здесь решенье:
 Всех стран — в сады преображенье,
 А государства — в братство всех.

И страстные костры язычества,
И трепет свеч в моленье клирном —
Всё — цепь огней в пути всемирном,
Ступени к Богу, звёзды вех.

К преддверью тайны уведите же
Вы, неисхоженные тропы,
Где искони с лучом Европы
Востока дальний луч скрещён,
Где о вселенском граде Китеже
Вещает глубь озёр заросших,
Где спят во вьюгах и порошах
Побеги будущих времён.

1950

БРЯНСКИЕ ЛЕСА

Заросли багульника и вереска.
Мудрый дуб. Спокойная сосна...
Без конца, до Новгорода-Северска,
Эта непроглядная страна.

С севера, с востока, с юга, с запада
Хвойный шум, серебряные мхи,
Всхолмия, не вскопанные заступом
И не осязавшие сохи.

С кронами, мерцающими в трепете,
Мощные осины на юру...
Молча проплывающие лебеди
В потаенных заводах, в бору:

Там, где реки, мирные и вещие,
Льют бесшумный и блаженный стих,
И ничьей стопой не обещены
Отмели младенческие их.

Лишь тростник там серебрится перистый,
Да шумит в привольном небе дуб —
Без конца, до Новгорода-Северска,
Без конца, на Мглин и Стародуб.

1936

* * *

Исчезли стены разбегающиеся,
Пропали городские зданья:
Ярчеют звёзды зажигающиеся
Любимого воспоминанья.

Я слышу, как в гнездо укладываются
Над дремлющим затоном цапли,
Как сумерки с лугов подкрадываются,
Роняя голубые капли;

Я вижу очертаний скрадываемых
Клубы и пятна... мошки, росы...
Заречных сёл, едва угадываемых,
Лилово-сизые откосы;

Возов, медлительно поскрипывающих,
Развалистую поступь в поле;
Взлет чибисов, визгливо всхлипывающих
И прядящих ввысь на воле...

И в грёзе, жестко оторачиваемой
Сегодняшнею скорбной былью,
Я чувствую, как сон утрачиваемый,
Своей души былые крылья.

1950

Владимир

* * *

Тесен мой дом у обрыва,
Тёмен и тих... Вдалеке
Вон полуночная рыба
Шурхнула в чёрной реке.

В этом лесничестве старом
Робким огнём не помочь.
Даже высоким Стожарам
Не покоряется ночь.

Издали, сквозь немеречу¹,
Где бурелом и лоза, —
Жёлтые, нечеловечьи,
Нет, и не волчьи глаза.

Там, на глухих Дивичорах²,
Где пропадают следы, —
Вкрадчивый шелест и шорох
Злого костра у воды.

И, в непонятном веселье,
Древнюю власть затая,
Варит дремучее зелье
Темная ворожея.

Плечи высокие. Пряди
У неподвижного лба.
В бурых руках и во взгляде —
Страсть моя, гибель, судьба.

Тайну её не открою.
Имя — не произнесу.
Пусть его шепчет лишь хвоя
В этом древлянском лесу.

Только не снись мне, не мучай,
Едкою хмарой отхлынь,
Вылей напиток дремучий
На лебеду и полынь.

1939

ДИВИЧОРСКАЯ БОГИНЯ

Вновь с песчаного Востока дует
Старый ветер над полями льна...
А когда за соснами колдует
Поздняя ущербная луна —

То ль играют лунные седины
По замороженному овсу,
То ли плачет голос лебединый
С Дивичорских заводей, в лесу.

1. Немереча — непроходимая лесная чаща.

2. Дивичоры (Дивячоры) — урочище и пересыхающее озеро в брянских лесах.

И зовёт к утратам и потерям,
И осины стонут на юру,
Чтоб в луну я научился верить —
В первородную твою Сестру.

Верю! знаю! В дни лесных становий
Был твой жертвенник убог и нищ:
Белый камень, весь в подтёках крови,
Холодел у диких городищ.

В дни смятенья, в час тревоги бранной
Все склоняли перед ним копье,
Бормотали голосом гортанным
Имя непреклонное твоё.

Брови ястребиные нахмуря,
Над могучим камнем колдуны
Прорицали, угрожая бурей
И опустошением страны;

Матери — их подвиг не прославлен —
Трепетали гласа твоего:
Чей младенец будет обезглавлен?
Перст твой указывает — на кого?..

А когда весной по чернолесью
Вспыхивали дымные костры
И сиял в привольном поднебесье
Бледно-синий взор твоей Сестры,

И когда в листве любого дуба
Птичий плеск не умолкал, и гам,
А призыв тоскующего зубра
Колыхал камыш по берегам —

По корням, по стеблю, в каждый колос,
В каждый ствол ореха и сосны
Поднимался твой протяжный голос
Из внушавшей ужас глубины.

Но теперь он ласков был, как пенье
Серебристой вкрадчивой струи,
И ничьи сердца твоё веленье
Не пугало в эту ночь: ничьи.

Барбарис, багульник, травы, злаки
Отряхали тяжкую росу
И, воспламенённые во мраке,
Рдели странным заревом в лесу.

А в крови — всё явственней, всё выше,
Точно рокот набухавших рек,
Точно грохот ледохода слышал
Каждый зверь — и каждый человек.

Били в бубен. Закипала брага;
Запевал и вился хоровод
Вдоль костров в излучинах оврага
До святого камня у ворот.

Пламя выло. Вскидывались руки,
Рокотали хриплые рога:
В их призывном, в их свободном звуке
Всё сливалось: сосны, берега,

Топот танца, шкуры, брызги света,
Лик Луны, склонённый к ворожбе...
А потом, до самого рассвета,
Жертвовали ночь свою — тебе.

...Верю отоснившимся поверьям,
Снятся незапамятные сны,
И к твоим нехоженным преддверьям
Мои ночи приворожены.

Вдоль озер брожу насторожённый,
На полянах девственных ищущу,
В каждом звуке бора — отражённый
Слышу голос твой, и трепещу.

А кругом — ни ропота, ни бури:
Травы, разомлевшие в тепле,
Аисты, парящие в лазури
С отблесками солнца на крыле...

И лишь там, на хмурых Дивичорах,
Как в необратимые века,
Тот же вещий, серебристый шорох
Твоего седого тростника.

1939

САМОЕ ПЕРВОЕ ОБ ЭТОМ

Дедов бор, полотно, и неспешно влачащийся поезд,
Стены чащи угрюмой... И вдруг —
Горизонт без конца, и холмов фиолетовых пояс,
И раскидистый луг.

Ярко-белых церквей над обрывами стройные свечи,
Старый дуб, ветряки —
О, знакома, как детство, и необозрима, как вечность,
Эта пойма реки.

Вновь спускаться ложбинами к добрым лесным великанам,
К золотому костру,
Чтобы утром встречать бога-Солнце над белым туманом
И стрекоз синекрылых игру;

Возвращаясь на кручи, меж серой горючей полыни
Подниматься в вечерний покой,
Оглянуться на лес, как прощальное марево, синий
За хрустальной рекой,

Где я шёл, где блуждал по зеленым певучим дорогам,
Только дикие стебли клоня;
Сердце мирное Солнцу открыть — неизменному богу
Мимолетного дня.

1932

* * *

О, не так величава — широкою поймой цветущею
То к холмам, то к дубравам ласкающаяся река,
Но темны её омуты под лозняковыми кущами
И душа глубока.

Ей приносят дары — из святилищ — Нерусса цветочная,
Шаловливая Навля, ключами звенящая Знобрь;
С ней сплелись воедино затоны озёр непорочные
И лукавая топь.

Сказок Брянского леса, певучей и вольной тоски его
Эти струи исполнены, плавным несясь серебром
К лону чёрных морей мимо первопрестольного Киева
Вместе с братом Днепром.

И люблю я смотреть, как прибрежьями, зноем сожжёнными,
Загорелые бабы спускаются к праздной воде,
И она, переливами, мягко-плескучими, сонными,
Льнёт к весёлой бадье.

Это было всегда. Это будет в грядущем, как в древности,
Для неправых и правых — в бесчисленные времена,
Ибо кровь мироздания не знает ни страсти, ни ревности,
Всем живущим — одна.

1950

ВЕСНОЙ С ХОЛМА

С тысячелетних круч, где даль желтела нивами
Да тёмною парчой душмяной конопли,
Проходят облака над скифскими разливами —
Задумчивая рать моей седой земли.

Их белые хребты с округлыми отрогами
Чуть зыблются, дрожа в студёных зеркалах,
Сквозят — скользят — плывут подводными дорогами,
И подо мной — лазурь, вся в белых куполах.

И видно, как, сходя в светящемся мерцании
На медленную ширь, текущую по мху,
Всемирной тишины благое волхование,
Понятное душе, свершается вверху.

Широко распластав воздушные воскрылия,
Над духами стихий блистая как заря,
Сам демиург страны в таинственном усилии
Труждается везде, прах нив плодотворя.

Кто мыслью обоймёт безбрежный замысл Гения?
Грядущее прочтёт по диким пустырям?..
А в памяти звенит, как стих из песнопения:
Разливы рек её, подобные морям...

Всё пусто. И лишь там, сквозь клёны монастырские,
Безмолвно освещён весь белый исполин..
О, избранной страны просторы богатырские!
О, высота высот! О, глубина глубин!

1950

* * *

Лес не про шумит уже ни жалоб, ни хвалы:
Штабелями сложены безрукие стволы.

Усланный бесшумными и мягкими как пух
Белыми опилками, песок горяч и сух.

Долго я люблюсь, как из мёртвого ствола
Медленно, чуть видимо является смола,

Мёда благовоннее и ярче янтаря,
Жёлтая, как тёплая июльская заря;

Каплю останавливает ринувшийся зной,
Всю её подергивая легкой белизной.

Если бы такой же непорочной, как смола,
Кровь моя густая, беспокойная была:

Как мне было б радостно лелеять этот сок!
Как мне было б горестно пролить его в песок!

1936

ПЛОТОГОН

Долго речь водил топор
С соснами дремучими:
Вырублен мачтóвый бор
Над лесными кручами.
Круглые пускать стволы
Вниз к воде по вереску,
Гнать смолистые плоты
К Новгороду-Северску.

Эх,
май,
вольный май,
Свистом-ветром обнимай.

Кружит голову весна,
 Рукава засучены, —
 Ты, река моя, Десна,
 Жёлтые излучины!
 Скрылись маковки-кресты
 Саввы да Евтихия,
 Только небо да плоты,
 Побережья тихие...

Ширь,
 тишь,
 благодать, —
 Петь, плыть да гадать!

Вон в лугах ветрун зацвёл,
 Стонут гулом оводы,
 Сходят девушки из сёл
 С коромыслом по воду:
 Загородятся рукой,
 Помянут улыбкою,
 Да какой ещё, какой!
 Ласковой... зыбкою...

Эх,
 лес,
 дуб-сосна!
 Развесёлая весна!

Скоро вечер подойдет —
 Вон шесты уж отняли,
 Пришвартуем каждый плот
 У песчаной отмели.
 Рдеет мой костер во тьму,
 Светится, кудрявится,
 Выходи гулять к нему
 До зари, красавица.

А
 там —
 и прости:
 Только чуть погрузи.

Завтра песню запою
 Про лозинку зыбкую,
 Про сады в родном краю —
 В Брянске, в Новозыбкове...
 Жизнь вольготна, жизнь красна,
 Рукава засучены, —
 Ты, река моя, Десна,
 Жёлтые излучины.

1936

* * *

Над Неруссой ходят грозы,
 В Чухраях грохочет гром, —
 Бор, стога, ракиты, лозы —
 Всё украсив серебром.

Весь в широких, вольных взмахах,
 По траве, сырой от рос,
 Бродит в вышитых рубахах
 Буйной поймой сенокос.

Только ты, мой холм безлесный,
 Как раздел грозовых туч,
 В синеве блестяшь небесной
 Меловым изгибом круч.

Плещут весла перевоза
 У побережья: там, внизу,
 Ярко-красные стрекозы
 Плавно никнут на лозу.

А поднимешься на гребень —
 Сушь, бурьяны, знойный день,
 Белых срывов жгучий щебень,
 Пятна дальних деревень...

Льнут к нему леса и пашни,
 Как дружина к королю...
 Я люблю его как башню:
 Высь дозорную люблю.

1934

ПАМЯТИ ДРУГА

Был часом нашей встречи истинной
Тот миг на перевозе дальнем,
Когда пожаром беспечальным
Зажглась закатная Десна,
А он ответил мне, что мистикой
Мы правду внутреннюю чуем,
Молитвой Солнцу дух врачуем
И пробуждаемся от сна.

Он был так тих — безвестный, седенький,
В бесцветной куртке рыболова,
Так мудро прост, что это слово
Пребудет в сердце навсегда.
Он рядом жил. Сады соседили.
И стала бедная калитка
Дороже золотого слитка
Мне в эти скудные года.

На спаде зноя, если душная
Истома нежила природу,
Беззвучно я по огороду
Меж рыхлых грядок проходил,
Чтоб под развесистыми грушами
Мечтать в причудливых беседах
О Лермонтове, сагах, ведах,
О языке ночных светил.

В удушливой степной пыли моя
Душа в те дни изнемогала.
Но снова правда жизни стала
Прозрачней, чище и святей,
И над судьбой неумолимою
Повеял странною отрадой
Уют его простого сада
И голоса его детей.

Порой во взоре их задумчивом,
Лучистом, смелом и открытом
Я видел грусть: над бедным бытом
Она, как птица, вдаль рвалась.
Но мне — ритмичностью заученной
Стал мил их труд, их быт, их город:

Я слышал в нём — с полями, с бором,
С рекой незыблемую связь.

Я всё любил: и скрипки нежные,
Что мастерил он в час досуга,
И ветви гибкие, упруго
Нас трогавшие на ходу,
И чай, и улы белоснежные,
И в книге беглую отметку
О Васнецове, и беседку
Под старой яблоней в саду.

Я полюбил в вечерних сумерках
Диванчик крошечной гостиной,
Когда мелодией старинной
Звенел таинственный рояль,
И милый сонм живых и умерших
Вставал из памяти замглённой,
Даря покой за путь пройдённый
И просветленную печаль.

Но всех бесед невыразимее
Текли душевные встречанья
В полу-стихах, полу-молчанье
У нелюдимого костра —
О нашей вере, нашем Имени,
О неизвестной людям музе,
О нашем солнечном союзе
Неумирающего Ра.

Да: тёмные, простые русичи,
Мы знали, что златою нитью
Мерцают, тянутся наитья
Сюда из глубей вековых,
И наша светлая Неруссочка,
Дитя лесов и мирной воли,
Быть может, не любила боле
Так никого, как нас двоих.

Журчи же, ясная, далекая,
Прозрачная, как реки рая,
В туманах летних вспоминая
О друге ласковом твоём,
О том, чью душу светлоую

В её надеждах и печали,
В её заветных думах знали,
Быть может, ты и я — вдвоём.

* * *

Чуть колышется в зное,
Еле внятно шурша,
Тихошумная хвоя,
Стран дремучих душа.

На ленивой опушке,
В землянике, у пней,
Вещий голос кукушки
Знает счёт моих дней;

Там, у отмелей дальних, —
Белых лилий ковши,
Там, у рек беспечальных,
Жизнь и смерть хороши.

Скоро дни свои брошу
В эту мягкую глубь...
Облегчи мою ношу.
Приласкай, приголубь.

1939

* * *

Весёлым, как вечный мальчишка — Адам —
Отдаться реке полноводной;
По сёлам, по ярмаркам, по городам
Коснуться плоти народной;

Вдыхать,
осязать,
слушать,
следить
Стоцветного мира мельканье,
Вплетаясь,
как мириадная нить,
В его священные ткани.

Учения
высокоумных книг
Отдать бездомным ночлегам,
С луной, опускающейся в тростник,
С болотами,
с волчьим бегом;

Отдать их лугам, широким лугам,
Где в воздух, пьяный, как брага,
Летит сенокосов звенящий гам
С оврага
и до оврага.

Когда же развеешь в полях наугад
Всех песен легкие звуки —
Отдать свой незримый, бесценнейший клад
В покорные
нежные
руки.

1936

ИЗ ДНЕВНИКА

На день восьмой открылся путь чугунный,
Лазурных рельсов блещущий накал:
Они стремились на восток, как струны,
И синий воздух млел и утекал.

Зной свирепел, как бык пред стягом алым:
Базарный день всех поднял ото сна,
И площадь добела раскалена
Была перед оранжевым вокзалом.

То морс, то чай в трактире под окном
Я пил, а там, по светло-серой пыли,
Сновал народ и женщины спешили
За ягодами и за молоком.

Мужчины, женщины — все были смуглы,
И, точно абиссинское шоссе,
Следами пальцев, маленьких и круглых,
В глаза пестрили мостовые все.

По рынку ли, у чайных, у застав ли
Я проходил — народ кишел везде,
Был выходной, и множество из Навли
Брело на пляж: к воде! к воде! к воде!

Плоть жаловалась жаждою и потом.
Когда же звёзды блёклые взошли,
Я услышал глухую дрожь земли,
Свисток и гул за ближним поворотом.

Восторг мальчишеской свободы есть
В гремящей тьме ночного перегона:
Не заходя в дремотный чад вагона,
На мчащейся его подножке сесть,

Сощурившись от острых искр и пыли,
Сжав поручень, пить быстроту, как хмель,
Чтоб ветром злым в лицо хлестали крылья
Ночных пространств — небес, озер, земель.

Как весело, когда поют колеса,
Здесь, под рукой, грохочут буфера!
Едва заметишь — мост, огни, откосы,
Блеск лунных рек, как плиты серебра,

А из лесов — протяжный, дикий, вкусный
Росистый дух с лужаек в глубине...
...Ход замедляется: навстречу мне
Душмяным мраком дышит пост «Нерусный».

Кто знает, чем волнует нашу кровь
Такой полет в двоящемся пространстве,
И что за демон безрассудных странствий
Из края в край нас гонит вновь и вновь.

Но хорошо таёжное скитанье
Холодным лязгом стали пересечь,
Всех токов жизни дрожь и трепетанье
Пить залпом, залпом, и в стихе сбересть.

1936

БАЗАР

Хрупки ещё лиловатые тени
И не окреп полуденный жар,
Но, точно озеро
в белой пене,
В белых одеждах
летний базар.

Мимо клубники, ягод, посуды,
Через лабазы, лавки, столбы,
Медленно движутся с плавным гудом,
С говором ровным
реки толпы:
От овощей — к раскрашенным блюдам,
И от холстины —
к мешкам
крупы.

Пахнут кошёлки из ивовых прутьев
Духом
нагретой солнцем лозы...
Площадь полна уже, но с перепутьев
Снова и снова
ползут
возы.

Лица обветренны, прѳсты и тѳмны,
Взгляд — успокаивающей голубизны,
Голос — неторопливый и ровный,
Знающий власть полевой тишины;
Речи их сдержанны, немногословны,
Как немногословна
душа
страны.

Если ты жизнь полюбил — взгляни-ка,
Как наливной помидор румян,
Как сберегла ещё земляника
Запах горячих хвойных полян!
Справа — мука, белоснежней мела,
Слева же — сливы, как янтари;
Яйца прозрачны, круглы и белы,
Чудно светящиеся изнутри,

Будто сам день
заронил в их тело
Розовый, тёплый
луч
зари.

Кто объяснит, отчего так сладко
Между телег бродить вот так
И отдавать ни за что украдкой
Рубль, двугривенный,
четвертак.

Может быть, требуют
жизнь и лира,
Чтобы, благоговеен и нем,
К плоти народа, как в тихие виры¹,
Ты, наклонясь, уронил совсем
Душу
в певучую
реку
мира,
Сам ещё не понимая, зачем.

1937

* * *

Не мнишь ли ты, что эгоизм и страх
Пустынников в трущобу уводили?
Кто б ни был прав, но в ангельских мирах
Дивятся лучшие их неприметной силе.

Нет, не забыл я страшные века,
Гнегуший пласт нужды, законов, быта,
Куда людская жгучая тоска
Была судьбой, как семя в прах, зарыта.

Когда от битв дымился каждый дол,
Когда бедой грозились злые дали,
Одни лишь схимники свой наивысший долг
Своею жизнью молча утверждали.

Хмель естества дотла испепелив,
Приняв в народе имя страстотерпцев,
Страданье твари — птиц, людей и нив
Они впитали целокупным сердцем.

Ушкуйник, смерд, боярин и купец
Их, как владык таинственных, просили
Внести за них сокровище в ларец —
В Незримый Кремль, в небесный Град России.

За грех царей, за буйства пьяных сел,
За кривду войн, за распри, за разруху,
Они за нас — за всех, за вся, за всё —
Несли страду и горький подвиг духа. —

В наш поздний век — кто смеет на Руси
Измерить мощь молитвы их смиренной,
Кто изъяснит, чья помощь в небеси
Её хранит над самую геенной?

Нет боле чуда? — Ложь! — Есть чудеса,
Я каждый миг их отголоскам внемлю,
Есть внутренний затвор, скиты, леса,
Есть тайные предстатели за землю.

Пусть многогранней стала вера их
И больше струй вмещает гибкий догмат,
Но древний дух всё так же твёрд и тих,
Необорим и грузом бед не согнут.

1950

* * *

Ткали в Китеже-граде,
Умудрясь в мастерстве,
Золочёные пряди
По суровой канве.

Вышивали цветами
Ослепительный плат
Для престола во храме
И для думных палат.

_____ 1. В и р — омут.

Но татарские кони
Ржут вот здесь, у ворот;
Защитить от погони
Молит Деву народ,

И на дно голубое,
В недоступную глушь,
Сходят чудной тропою
Сонмы праведных душ.

Там служенья другие,
У иных алтарей;
Там вершит литургию
Сам Исус Назорей...

Недовышит и брошен
Дивный плат на земле,
Под дождём и порошей,
В снежных бурях и мгле.

Кто заветные нити
Сохранил от врага —
Наклонитесь! падите!
Поцелуйте снега,

В лоне отчего бора
Помолитесь Христу,
Завершайте узоры
По святому холсту.

1950

* * *

Нам внятно все...

А. Блок

Мы прикоснулись, как Антей,
К извечной Матери своей,

Чтоб
лира,

Звуча прозрачно, как свирель,
Запела про восторг и цель

Троп
мира, —

Зеленых, влажных троп, где нам
Открыла свой бездонный храм

Тишь

хвои,

Где сходятся на Отчий брег

Природа-мать и человек —

Лишь

двое.

О, мы не те, кто покидал
Гражданских битв бурлящий вал,

Вир

пенный,

Узрев во всем, что любим мы,

Соблазн греха, личину тьмы,

Мир

тленный;

Кто бледным схимником в скиту,
Благословляя нищету

Врат

узких,

Ценил лишь ангельский итог,

Творя Небесный Кремль — чертог,

Град

русских.

Да: цель как прежде — Вечный Град,
И не вернет никто назад

К ней

званных;

Но путь не тот; из нас любой

Овеян ширью грозовой

Дней

бранных.

Нам внятны зарева идей,

Восстаний гул, тоска людей,

Боль

сырых;

Наш дух расширили века;

Нам сладкой горечью горька

Соль

мира.

Мы — над обрывом, у каймы
 Народовластвующей тьмы
 В час
 судный.
 Всечеловеческий простор
 За ним, и слышен дальний хор,
 Глас
 чудный.

Тысячеслоен космос. Есть
 Миры, откуда шлет нам весть
 Тень
 Девы;
 Но нам — молчать о слое том:
 Пусть раньше отгрохочет гром —
 День
 Гнева.

О, этой книги странный стих —
 Лишь знак о тайнах золотых, —
 Пусть
 первый, —
 Рассказ, как сердце обрело
 К богам стихий, сквозь их тепло
 Путь
 верный.

Круг стихиалей — цикл миров.
 Их свет скользит в наш тесный кров,
 Тих,
 вечен.
 Их дружба добрая чиста,
 И нет вражды к словам Христа
 В их
 речи.

Да, Третий Рим лежит в золе,
 Дорог в отшельнической мгле
 Нет
 дале.
 Из тонких иноческих рук
 Наперсники свободных вьюг
 Свет
 взяли.

1950

УСТЬЕ ЖИЗНИ

Я часто думаю о старости моей,
 О мудрости и о покое.

Н. Гумилёв

Как будто иду зацветающим лугом,
 Но ни травы, ни цветов уж не мну.

А. Жемчужников

I

Поздний день мой будет тих и сух:
 Синева безветренна, чиста;
 На полянах сердца — тонкий дух,
 Запах милый прелого листа.

Даль сквозь даль яснее, и притин
 Успокоился от перемен,
 И шелками белых паутин
 Мирный прах полей благословен.

Это Вечной Матери покров
 Перламутром осенил поля:
 Перед бурями иных миров
 Отдохни, прекрасная земля!

1933–1950

2

Спокойна трезвенность моей прощальной схимы,
 И страстный жар погас в умолкшем естестве...
 Горит хрустальный день: багряный, жёлтый, синий,
 Червонный крест горит в бездонной синеве.

И мягки рукава широкой белой рясы.
 Я вышел на крыльцо. Над кельей — тишина...
 Ласкаю пальцами лучистый венчик астры,
 Расцветшей на гряде у моего окна.

1933–1950

3

Разве это — монашество?
 О великой схиме
 Как дерзаю поминать
 Хоть единым словом?..
 Ах, совсем другое! Другое вижу:
 Вот на летней лужайке, у зелёного дома,
 На дворец похожего или на школу,
 Утренний воздух звенит от криков
 Ребят загорелых.

Вот и келья моя: какая же это келья?
 Красота и солнце в мягком её убранстве,
 В книжных полках,
 В ярких полотнах,
 От которых вовек не отрекись я,
 В переливающихся аккордах рояля
 И в портретах той, с кем я связан любовью
 В жизни и смерти.
 Да и вера моя — разве та вера,
 Что в старинных догмах, окаменев, дремлет
 Под суровым сводом мшистых соборов,
 Мир отвергая?

1950

4

Будущий день не уловишь сетью,
 И всё ж говорю, что б ни докучало:
 Семидесятые годы столетья —
 Вот моя старость, её начало.
 Жизнь неприметна моя, как Нерусса:
 Не Обь, не Конго, не Брамапутра, —
 Но я и в стране моей светло-русой
 Дождусь тебя, голубое утро!
 О, не смотрите уныло и строго.
 Сам знаю: пророчествовать смешно и стыдно,
 Но дайте хоть помечтать немного,
 И безответственно, и безобидно.
 Или, боясь поражения в споре,
 Писать о том лишь, что несомненно?
 Что Волга впадает в Каспийское море?
 Что лошади кушают овес и сено?

1950

5

В нелюдимом углу долины,
 Где все папоротники — в росе,
 Мальчуганом собор из глины
 Строил я на речной косе.

Душно-приторная медуница
 По болотам вокруг цвела,
 И стрекозы — синие птицы —
 Опускались на купола.

Речка, вьющаяся по затонам,
 Океаном казалась мне
 Рядом с гордым его фронтоном,
 Отражаемым в быстрине.

Обратясь к небесам просторным,
 Я молился горячим днём
 С детской дерзостью и восторгом
 И с недетским уже огнём.

И в грядущем покое устья,
 На вечерней своей заре,
 Как от Бога, не отрекись я,
 От того, что познал в игре.

1950

6

Когда не ради наслаждения,
 Не для корысти, не для славы,
 Гранить тяжёлые октавы
 Я буду вновь в последний раз,
 Какие образы, видения,
 Пожары, вихри, катастрофы
 Блеснут в глаза, ворвутся в строфы
 И озарят мой смертный час?

Нет, не бушующие зарева
 Измен, падений и восстаний,
 Не демона кровавых браней
 Сведу к прощальному стиху:

Я уберу простой алтарь его
 Дарами солнечного мира,
 Чем блещет дикая порфира
 В лесах, на пажитях, во мху.

От детства, зрелости и старости
 Плоды бесценные приемля,
 Я поцелую землю, землю,
 И, верный солнцу и огню,
 Теплом великой благодарности
 Вселюбящему Назорею,
 Я слово каждое согрею
 И каждый стих воспламеню.

Не петыми никем прокимнами,
 Не слышимой никем хвалою,
 К божественному аналою
 Они взойдут, как фимиам,
 И, может быть, такими гимнами
 Ещё наполнит век грядущий
 В е р г р а д о в каменные кущи
 И С о л н ц а М и р а первый храм.

Увижу ль новый день отечества,
 Зарю иной всемирной эры,
 Когда в твореньях новой веры
 Осуществятся наши сны,
 Когда Завет Всечеловечества
 Прольётся над пустыней нашей,
 Избрав своею первой чашей
 Верховный град моей страны?

А если пряжа вечнобдящая
 Обрежет нить мою до срока
 И я уйду, шагов пророка
 Сквозь гул людской не угадав, —
 Утишь, Господь, тоску палящую
 Последних дней — последним знаньем,
 Что, жизнь наполнив упованьем,
 Я был твоею правдой прав.

1950

7

Утро обрамляет расчерченный план.
 Занятия расчислены строго и сухо.
 А в памяти вольный шумит океан,
 Как в раковине молчаливого духа.

Она неподкупно и гордо хранит
 Все шумы и хоры широкого мира:
 Гул знойных портов, тишину пирамид,
 Дыхание Рейна и Гвадалквивира.

Насыщена кладами, золотом полна,
 Питает она многоцветные думы,
 Рождая моря, города, племена,
 Беспечные бризы, степные самумы.

Как раньше, с мечтой о Востоке дружу
 И, чуть упадет на дневное завеса,
 Опять, как в минувшие дни, прохожу
 По плитам Батавии и Бенареса.

И лёгкие отблески стран и миров,
 Воочию виденных в солнечной жизни,
 Порою затеплятся в зеркале строф,
 В беседе, в рассказе, как жемчуг нанизаны.

1950

8

Из года в год, в густом саду
 Растить жасмин и резеду,
 Творить сказанья,
 Весёлых школьников уча,
 Пить из журчащего ключа
 Любви и знанья.

В часы уроков иль игры
 Им раскрывая, как дары,
 Свет, воду, воздух,
 Учить их — через плоть стихий
 Дать впуск лучам иерархий
 В наш труд, в наш отдых.

Чтоб крепкой кожей рук и ног
Алмазы рос, пески дорог
Они любили.
Союз с землёю восприняв
В прикосновенье мхов и трав,
Снегов и пыли.

На отмелях и у костра,
Когда зеркальны вечера
И благи воды,
Их посвящать в живой язык
Рек и созвездий — шелест книг
И рун¹ природы.

Культур могучих полнотой
Объять их разум — золотой
Звучащей сферой,
Сквозь ритм поэм и звон сонат
Вводя их в древний, юный сад
Искусств и веры.

Роднить их замыслы с мечтой
Народа русского — с крутой
Тропой к зениту,
Раскрыв их творческие сны
Великим гениям страны,
Её Синклиту.

Познанием мысль их истончив,
Вести всё дальше — в мощный миф
Грядущей эры,
Сходящих днесь в тебя, в меня —
Во всех носителей огня
Всемирной Веры.

Во всех культурах указав
Тех, кто в предчувствиях был прав,
Моих соверщцев, —
Готовить к подвигу борцов,
Храмоздателей, творцов
И страстотерпцев.

Чтоб каждый понял: суждено
Ему не пасмурное дно,
Где тлеют глухо,
Не участь сорняка в степи, —
Но огненосцем стать в цепи
Святого Духа.

1950

9

Я не один. Друзья везде:
Всё явственней в любой звезде,
В луне двурогой и в лесу
Их взор, блестящий, как роса,
В дрожащих листьях на весу
Их шалости и голоса.

Я не один. Друзья везде:
В оврагах, в струях, борозде,
Журчат, лепечут и поют,
Насквозь пронизывают сны
И охраняют мой приют
У тихоплещущей Десны.

Они — прохладный тиховой
Моих садов, моих детей,
Они играют в шалаше,
Скользят у блещущих озер,
Шуршат в полночном камыше
Моих дремучих Дивичор.

Я отвечаю их мирам
Служеньем — тихим по утрам,
Ласкаю и благодарю
С душою ясной налегке
И таинствами говорю
На их бесшумном языке.

1950

_____ 1. Р у н а — сага, сказ, песня северных народов.

Ю

Нет, — то не тень раздумий книжных,
 Не отблеск древности... О, нет.
 Один и тот же сон недвижимый
 Томит мне душу столько лет.

И вижу зданья в сне упорном,
 Не виданные никогда:
 Они подобны кряжам горным
 В одеждах плещущего льда.

Ещё родней, ещё напевней,
 Они подобны душам гор,
 Ведущим в благодати полдневной
 Свой белоснежный разговор.

И белоснежным великаном
 Меж них — всемирный Эверест:
 Над облаками, над туманом
 Его венцы и странный крест.

Он — кубок духа, гость эфира,
 Он — новой веры торжество,
 Быть может, храмом Солнца Мира
 Потомство будет звать его.

Быть может, там, на перевалах
 В страну непредставимых дней,
 Хоругви празднеств небывалых
 Заплещутся у ступеней.

Но поцелую ль эти камни,
 В слезах склонясь, как вся страна,
 Иль только вещая тоска мне
 Уделом горестным дана?

Но если дух страны подвигнут
 На этот путь — где яд тоски?
 Гимн беломраморный воздвигнут
 В заветный час ученики.

1950

П

Так лучистая Звезда Скитаний,
 Моя лазурная Вега
 Остановится над куполом дома
 И молодыми соснами,
 Дружелюбным лучом указуя
 Место упокоения.

Как подробно, до боли вижу
 Убранство флигелей и комнат,
 Лужайки для игр,
 Пляж и балконы,
 А за лукою реки — колокольни
 Далекого города и монастыря!

Быть может, об этом надо молчать,
 Даже и щели не приоткрывая
 В круг состоявшегося мечтанья
 Никому?
 Но если молчать об этом —
 Что же делать с другим,
 В самом деле недоверяемом
 Ни стиху, ни исповеди, ни другу,
 Разве только земле?

Впрочем, всё тайное
 Станет явным,
 Когда пробьёт срок.
 Только рано ещё,
 Ах, как рано...

Ты, Звезда Скитаний,
 Знающая моё сердце!
 Путеводный светоч
 Неисповедимой жизни!
 Голубая девочка,
 Смеющаяся в небе!

Ты сама знаешь, где остановиться,
 И когда.

1950

12

Я мог бы рассказывать без конца
 Об этих прощальных днях,
 О буднях и праздниках, об игре
 На берегу Дивичор;

О солнце, шныряющем сквозь листву
 К ребячьим простым чертам,
 О шустрых хохочущих голосах,
 О мягкости мудрых зим,
 Когда вливается знание в круг
 Их отроческого ума.

Но страшно мне — весомостью слов
 Загаданное спугнуть,
 Прогнать воздушные существа,
 Плетущие эту ткань,
 Тончайший фарфор предсказанных дней
 Разбить неловкой рукой.

1950

13

Когда уснёт мой шумный дом
 И тишь вольется в дортуары,
 Я дочитаю грузный том
 О чередѣ грехов и кары...
 Тогда уснёт мой шумный дом.

Пройду по красному ковру
 И пред огнём забудусь молча...
 А духи выюжные в бору
 Вдали тоскуют воем волчьим,
 Виясь по снежному ковру.

Бесшумная, подойдишь ты,
 Высокая седая леди.
 Ночь впереди — в огнях, в беседе, —
 Судьбы прощальные листы...
 Кладешь на плечи руку ты.

Чуть розовеет в полутьме
 Просторный холст — твоя работа:
 Вершины гор и позолота
 Зари по ледяной кайме...
 Сон Альп в рассветной полутьме.

В твоих чертах бесплотный свет
 Огня сквозь хрупкость алебаstra,
 Тончайший иней белой астры,
 Чьим лепесткам увяна нет...
 В твоих чертах знакомый свет.

1950

14

Уж не грустя прощальной грустью,
 Медлительна и широка,
 Всё завершив, достигла устья
 Благословенная река.

Обрывы, кручи и откосы
 Всё ниже, ниже — и разлив
 Песчаные полощѣт косы,
 Простор на вёрсты охватив.

Лишь редко-редко, над осокой,
 В пустынной дали без границ,
 Темнеет тополь одинокий —
 Пристанище заморских птиц.

Но тем волшебнее их пеньѣ,
 Их щебеты по вечерам:
 За это умиротворенье
 Все песни жизни я отдам!

Отдам их блещущему морю,
 Горящему навстрѣчу мне
 В неувядающем уборѣ,
 В необжигающем огне.

Обнявшись с братом-небосклоном
 Оно лазурно, как в раю...
 Прими ж в отеческое лоно
 Тебя нашѣдшую струю.

1950

15

Но, как минута внезапной казни,
Ринутся в душу в самом конце
Образы неповторимой жизни,
Древнюю боль пробудив в творце.

Смертной тоски в этот миг не скрою
И не утешусь далью миров:
К сердцу, заплакав, прижму бывшее —
Мой драгоценнейший из даров.

Пусть он греховен, — знаю! не спорю!
Только люблю я, — люблю навек.
Ты не осудишь слабость и горе:
Господи! ведь я человек.

Верую. Доверяюсь. Приемлю.
Всё покрываю единым ДА.
Только б ещё раз — на эту землю,
К травам, к рекам, к людям, сюда.

1950

16

Если б судьба даровала — при драгоценных и близких,
В памяти ясной, к заре в летнюю ночь отойти,
Зная: народом возводится столп небывалого храма
В Мекке грядущих эпох — в боговенчанной Москве!

17

Всё, что слышится в наших песнях,
Смутным зовом беспокоя душу, —
Только отзвуки громовых гимнов,
Ныне, присно и всегда звучащих
В Сердце Вселенной.

Всё прекрасное, что уловимо
Сквозь стоцветные окна искусства, —
Только отблески мировых шествий,

Где вселенских вождей сонмы
Цепь огня передают друг другу
Ныне и присно.

Все святилища наши и храмы,
Единящие нас в потоке духа, —
Только тени дивного зданья,
Что вместить на земле не властны
Камень и бронза.

Не томи же дух мой! Не сжигай жаждой!
Не казни душу карой бесплодья!
Дай трудиться в небе с другими вместе,
Кто собор нетленный создаёт веками
Над землею русской.

1950

ЛЕСНАЯ КРОВЬ

1

Здесь по ночам — луна с дружиной духов,
По вечерам — зарниц грозящий блеск...
Дороги: в Мглин, на отдаленный Глухов,
На Стародуб и, сквозь леса, в Трубчевск.

Порой глазам уже казалось больно
Встречать везде зелёную тюрьму:
Всё реже сосен строгую кайму
Рвала вдали, белея, колокольня.

Я бор отцов моих пересекал —
Сухой, ощерившийся и колючий,
И с каждым утром становился жгучей
Песчаных почв пылающий накал.

Ни деревень. Ни стука лесорубов...
А у лачуг угрюмых лесников —
До самых крыш — бревенчатый и грубый
Добротный тын: от банд и от волков.

2

В пугливых зарослях леса —
То за поворотом долин,
То за шелестящей завесой
Орешников и калин,
То по уединённой поляне
И через сырой овраг
Мелькают пунцовые ткани,
Мягкий, плывущий шаг.

Волосы — тёмно-русы,
В разводах белый платок,
Не звякнут жёлтые бусы
От шага бесшумных ног;
Ногам — валежник и травы
Дух леса стелет, как дань,
И влево качается, вправо,
От поступи — алая ткань.

Загар — юн и свободен,
А взор, не спеша, скользит
По ягодам диких смородин,
По узким листьям раки.
И падает луч на плечи,
И перебегаёт на бровь...
Это — первая встреча.
Это — лесная кровь.

3

Сумрак засинел
в листьях:
Близится исход
дня...
К берегу болот
мглистых
Вытянулась тень
пня.

Домик лесника —
знаю —
В лиственном шатре
скрыт;
Лайка лесника
злая
Чутко во дворе
спит.

Запахи с лугов
слаще,
Пламенной косой
луч...

Тихо заалел
в чаще
Домик у речных
круч.

Встану у сосны
старой:
Ласков вековой
ствол...
Призрачным, как сны,
паром
Дышит подо мной
дол.

Смолы золотым
клеем
Липнут на ладонь...
Жду.
Зеркало реки
млеет,
Словно в голубом
льду.

Солнышко за стог
село,
Гуще темнота
лип...
Вон — её платок
белый,
Вёдер жестяных
скрип!

Мягко, на песок
влажный,
Нежный от росы,
лёг
След, — темнотой
сглажен, —
Маленьких босых
ног.

Воздух напоён
сеном.
Очерки во мгле
скрав,

Медленно встают
стены
Слушающих ночь
трав.

4

Что блуждать от утрат к утрате?
Хорошо мне в тесном углу:
Ты проходишь по тёплой хате,
Собирая — нам — к столу.

Аккуратной плотной ладонью,
Вся уютна, радостна вся,
Круглых крынок холодные донья
Ты поддерживаешь, неся.

Целый долгий день, оседая,
Как роса на позднем лугу,
Покрывала их влага седая
В чёрном погребе, на снегу.

Полюбившими труд руками,
Нагибаясь чуть-чуть, берёшь
Грубый, чёрный чугу́н с ушкáми,
С полок — миску и хлебный нож.

И слежу я, не отрываясь,
Ко всему, что не ты — слеп,
Как ты режешь круг каравая,
Спокойный, добротный хлеб.

5

Так вот он, тайник
У диких ключей,
В глуши Барсучьего Рва!
Так вот он, лесник,
О хижине чьей
Глухая идет молва!

Он плотен, как ствол,
 Рыжеват, не стар.
 Спокоен, слегка хитёр,
 Но странно тяжёл
 И белёс, как пар,
 Его внимательный взор.

Присел к столу,
 Не спеша ведёт
 Беседу, простую, как хлеб,
 И тесно в углу
 От пчелиных сот,
 Морковок и жёлтых реп.

Не знаю примет
 Своего врага,
 Но скрытой радостью рад,
 Что завтра чуть свет
 До четверга
 Уедет он в Староград.

6

Люди входили тихонько в хату,
 Делали знак:
 Ко всякому ждущему ты выходила, как к брату,
 Во двор, во мрак.

Спрашивали: один — про дорогу,
 Второй — пилу,
 Третий и сам свой зипун положил у порога
 На чистом полу.

С жёлтым огнем, как болотный ирис,
 Свеча на столе
 Ждала, чтобы вновь твоя тихая тень зароилась
 В нагретой мгле.

А мне казалось, что трудно и долго —
 Этот быт... глушь... крепь...
 Думал про Ладогу я, про холмы Баргузина и Волгу,
 Донскую степь,

В рассказах синели заморские глади,
 Звенели ручьи...
 Ты слушала плеск их, и песни, и рокот, глядя
 В пламень свечи.

И всё теплее делался узкий
 Лучистый взор,
 Схожий с молчаньем былинных, исконно русских
 Хвойных озёр.

И необъятна, как купол собора,
 И странно близка,
 Ночь погрузила на дно непробудного бора
 Дом лесника.

7

Вспомнишь ли заоблачные горы,
 Заглядевшись в омут, как лоза,
 В эти серебристые озера,
 В русские привольные глаза?

Как песок горячих побережий
 В благодатный полдень у воды,
 Лёг загар — пушистый, знойный, свежий —
 Дар лугов, здоровья и страды.

От касанья сучьев, лужиц, хвои
 Брянских и черниговских дорог
 Загубели тёмные от зноя
 Маленькие пальцы её ног.

Соком леса — ольх, бурьяна, дуба
 Кровь её простая вспоена,
 Эти чуть приподнятые губы
 С запахом антоновки и льна;

Эти руки, пахнущие сеном,
 Разомлевшим в копнах поутру,
 А улыбка — светлая, как пена
 На Жеронском озере в бору.

Что же за сокровище таится
В непонятной этой глубине?
Отраженье ль бора шевелится?
Не душа ль его мерцает мне?

Всё так просто над её судьбою,
Так немного вёсен, лет и зим —
Отчего же взгляд её порою
Так бездонен, так неизъясним?

8

Оттого, что бабочки бьются
Вкруг свечи золотым крылом
И бездумно падают в блюда,
Опьянев душным теплом,

Оттого что мой дед, мой прадед
Семь веков брели за сохой,
Как готов я поверить правде,
Что найдён мой мир и покой!

Да, вот тут, в этом душном доме,
Меж бревенчатых толстых стен,
Тут, в быту, в трудовой истоме
И отчизна моя, и плен.

Сенокос, огород да пашня,
Труд до сумерек, ночью — страсть, —
Как отрадно душе, как страшно
К этой жизни простой припасть.

9

Дух овина, стоячий, прелый...
Тишь ночная на берегу...
Щель меж брёвнами стала белой,
Словно тонет весь двор в снегу.

И невольная мысль во мраке
К белой тянется полосе,
В слабых звуках читая знаки,
Что уснули в усадьбе все.

Мир умолк. Ни шагов, ни речи.
Лишь за гладью речной косы,
За лесами, за немеречей,
В Богучарове лают псы.

Выхожу, как во сне... И вижу,
Что колдующая луна
Стала больше и стала ниже,
Точно снегом убелена.

Луг, раkitники, крыши, лавы —
Всё блестит голубой росой,
И как водоросли — отава
Под ногою моей босой.

От стены голубого дома
Отделяется луч луны,
Тихо близится, невесомый,
Вдоль сарая, плетня, сосны,

По блестящей траве бесшумно
Огибает, скользя, крыльцо...
Незнакомо, светло, безумно
Голубое её лицо.

Нет: знакомо! я ждал! я чуял!..
В диких, светлых глазах, на дне,
Волчье солнце, ей кровь бичуя,
Древним зовом сверкает мне.

Этот, этот огонь весёлый,
В хороводах хмельных кружа,
Знала степь и ночные сёла
В час пожаров и мятежа.

Принимаю! И пусть в тумане
Нас затягивает водоверть —
Та, что губит, и та, что манит,
Как беспамятство и как смерть.

Ю

И вот летим мы
Над гибким берегом
К огням незримым,
Краям утерянным, —

По острым копьям
Травы некошеной,
Над гиблой топью,
Над нивой брошенной.

А у откосов
Смеются лунные
В нездешних росах
Друзья бесшумные,

Снуют, сплетаясь
Живыми космами,
Весёлой стаей
Во мгле меж соснами...

Чей узкий пламень
Маячит стражами
Над родниками
В сырой овражине?

Чьи хороводы
Реке поручены
В струистых водах
Её излучины?..

А в высях — правая
И совершенная
Богиня правит
Ночной вселенною,

Проливши зелья
В леса прозрачные,
Все ожерелья
Надевши брачные.

П

Как роковое наследство
Тысячелетней страны,
В кровь приняла она с детства
Тысячелетние сны.

Люди, искатели рая,
В глушь уносили тоску,
Ночь приводила сырая
Их на огонь к леснику.

Девочка слушала ночью
Путников, старцев, калек,
Видевших Спаса воочью
И ослеплённых навек.

А в темноте новолунья,
Заговор зыбкий шепча,
Ведала бабка-колдунья
Тайну замка и ключа.

Всякий бродяга и странник
Знали: меж этих полян
Прятал надежный омшаник
Страшную быль партизан.

Прадед, начётчик премудрый,
В Оптину Пустынь ушёл;
Помнила девочка кудри,
Белые, как ореол;

Помнила то, что пропало,
Кануло в омуты лет:
Как на Ивана Купалу
Вспыхивал трепетный свет

И в опьяняющем гуде
Трижды священной игры
Духи метались и люди
Сквозь золотые костры.

И становилось невнятно:
Кровь ли звенит и поёт,
Реки ль текут невозвратно
Лесом вперёд и вперёд —

В синее, синее устье
Влить свой девический страх —
Память калиновой грусти,
Память о буйных кострах.

Дикая кровь конокрадов
 В жилах, мешаясь, текла
 С кровью искателей кладов
 И ангельского крыла.
 Будто все тайны России
 Пали на сердце её,
 В эти трущобы лихие,
 В нищее это жильё.

12

Как душно в этой стороне!
 Над буреломом тянет гарью,
 И оскудел пернатой тварью
 Их мир, полупонятный мне.

Но здесь, на пасеке у деда,
 Меж гулких ульев, добрых пчёл
 Я б лучшим книгам предпочёл,
 Чтоб длилась мерная беседа.

Суров и наг его приют:
 Древесный кров, пески да воды...
 Вот пальцы, липкие от меда,
 Кисет с махоркой подают.

Как остров вечности самой
 В бушующих морях столетий,
 Вот эта хатка, пчелы эти,
 Старик с прекрасной головой.

Где тот молитвенник и схимник,
 Тот недоступный людям скит,
 Чью тайну молча он хранит
 В дождях осенних, вьюгах зимних?

Он сам покоен как монах,
 Послушник скрытого призванья,
 Лишь тонкая улыбка знанья
 Скользит на старческих губах.

А к вечеру — бесшумным шагом
 По иглам, прутикам, песку

Подходишь ты — мою тоску
 Залить, как уголь, чистой влагой —

Живой водой твоей любви
 И веры непроизносимой...
 Друг мой желанный, цвет любимый!
 Лесным крестом благослови;

Твои сказанья и поверья
 Как струи вечной жизни пью,
 За этот лес — небес преддверье —
 Всю мудрость века отдаю.

13

Твои невыразимые глаза!
 Глядеть в лесу, на что взглянула ты:
 На медленно, шурша, плывущие плоты,
 На аир, где в лучах хохочет стрекоза —
 И полюбить всё то, что любишь ты.

Уютные ладони этих рук!
 Любовно брать, чего коснулась ты:
 Стакан, топор, дрова, картошку, хлеб, цветы
 И сбрую конскую, и шерховатый сук —
 И чувствовать, что чувствовала ты.

Твой стан упругий, совершенный стан!
 Открыть себя, чему открылась ты:
 Касанью братскому полднейной теплоты,
 И свежести реки, и сырости полян,
 И понимать, что понимала ты.

А кругленькие пальцы милых ног!
 Ступать точь-в-точь, куда ступала ты:
 На свежемыйтый пол, на прелье листья,
 На ручейки дождя, на грязь и пыль дорог —
 И ощущать, что ощущала ты.

14

Когда лунною ночью бездонной
 Всё трепещет в руках синевы,
 По каморкам, трусливо и сонно,
 В темноте сочитаетесь вы.

Вы и солнца боитесь, как воры!
 Не любить вы умеете — красть,
 В пропотевшие затхлые норы
 Хороня ущербленную страсть.

А кругом — разлучая, сливая,
 Необъятною жизнью жива,
 Мерно движется ткань мировая,
 Становящийся строй естества.

Напоён ослепительный воздух
 Древней мощью зверей и цветов,
 И, сближаясь, горячие звёзды
 На всесильный торопятся зов.

Растворят мировые просторы
 Наш текучий, наш плещущий дух,
 Если в диком святилище бора
 Совершается таинство двух.

Охранят нас душистые сени,
 Озарят миллионы светил,
 Зашуршат мириады растений —
 Легион созидающих сил.

Вечный ритм нарастанья и спада,
 Вечной жизни прилив и прибой,
 Чтоб развеялась дымом преграда
 Между лоном миров и тобой.

15

Кровь не обманешь. И нет
 Лжи
 В радости жгучей её,

Если в шуршащий просвет
 Ржи
 Солнце бросает копьё;

Если, заливши зенит,
 К нам
 Блещущий взор наклонив,
 Щедро оно золотит
 Храм
 Тихо сомкнувшихся нив

И, как создатель, любя
 Страсть,
 Молодость и красоту,
 Благословляет тебя
 Пасть
 В радость бездонную ту.

В это мгновенье ты сам —
 Луч
 Овеществленный его,
 К житнетворящим мирам
 Ключ,
 Вестник, творец, божество;

В это мгновенье она —
 Цель,
 Тайна, богиня, земля,
 Вечно живого вина
 Хмель
 Пьющая, всё утоля.

Тело невольно смягчит
 В пыль
 Комья горячей земли,
 Чужа немые ключи
 Сил
 В прахе, в траве и в пыли.

О, золотые поля, —
 Рать,
 Лянущая к тёмным плечам!
 Дева, сырая Земля!
 Мать
 Людям, колосьям, ручьям!

Солнце! отец наш! Прими
 Дар,
 Как принимаешь цветы,
 Лей над своими детьми
 Жар
 Радости и полноты.

16

Ночь светает, — покров и храм нам,
 Ритмов полная, как стихи.
 За чашобами, в Старом Ямном,
 Заливаются петухи.

Вымыв струями ключевыми,
 Подставляет она ведро
 И берёт упругое вымя.
 Дымно-белое серебро

Напрягаясь, звенит, как струны,
 Как прерывно звучащий ток,
 И багрит белоснежные струи
 Разгорающийся восток.

Это льются живые соки,
 Накоплавшиеся по лугам,
 Где сейчас под небом высоким —
 Несмолкающий птичий гам;

Это льётся душа растений,
 Так таинственно и легко
 Чудом вечных круговращений
 Претворившаяся в молоко.

И струя этой белой крови
 Благотворна и свята,
 И приятна тихой корове
 Её собственная теплота.

17

На июльской заре, чуть в бóрах
 Освежит сухую, как порох,
 Землю пыльную росный пар —
 Отнесёт она яйца и творог
 За Десну, в городок, на базар.

Тарахтят по тракту повозки...
 Вот и берег; размашистый, плоский,
 Пристань, техникум, блеск креста,
 Вот занозно-колкие доски
 Подрагивающего моста.

Город мреет в горячей хмаре.
 Но так весело стать на базаре,
 Где знаком ей каждый ухаб,
 И, прислушиваясь то к сваре,
 То к задорным шуткам баб,

То к рассказам сельчан заречных —
 Простодушных, хитрых, беспечных
 Подруг её школьных дней —
 Усмехнуться улыбке встречной
 На широких губах парней.

Сам булыжник покажется розов,
 Если вслушаться в скрип обозов,
 Дребезжащих по мостовой —
 Мостовую с жухлым навозом,
 С недовытопанною травой.

И, подсчитывая украдкой,
 В тени за книжной палаткой,
 Сколько денег будет в платке, —
 Вспоминать корову, хатку
 И дубы на родной реке.

18

Воск, растопляясь, пальцы греет,
 Свеча сгибается... Вдали
 Иконостас сверкает, мреет
 Лазурью в золотой пыли:

Там что-то веет, льётся, реет,
Там только дух, и нет земли.

С простой кошёлкою базарной,
Всё босичком, с платком в руке,
Она на образ заалтарный
Глядит в смиренном далеке —
Глядит, как с улиц луч янтарный
Зажёг все перлы на венке.

Когда же хлынет люд на паперть —
Вдруг разверзается простор,
Лесов распластанная скатерть,
Меж них — студёный блеск озёр...
Ты здесь, Ты с нами, Дева-мать!
Куда ни глянь — Твой омофор.

19

И вера нас не пустит, а не злоба,
На пасмурную исповедь к попу.
Он скажет нам: — Язычники вы оба,
Молящиеся первому снопу.

О да: песок рассыпчатый и белый
И ягоды у каждого куста
Есть вечно создаваемое тело
Всемирного, предвечного Христа.

Берёзою растёт Он и кристаллом,
Он спит в земле, как руды и зерно, —
Вот почему Своею плотью звал Он
Пречистый хлеб и мудрое вино.

И в каждой искре счастья и страданья
Живых творений Своего Отца
Таится Он, распятый в мирозданье,
Единый без начала и конца.

20

Оттого с тобою рядом
Так прекрасно и блаженно
Веру радостным обрядом
Облекать в лесной тиши,

Просто, ласково и строго
Наполняя неизменной
Страстью к миру, страстью к Богу
Дней хрустальные ковши.

Где торжественно и глухо
Сторожат алтарь наш сосны,
Мы горим, как свечи духа,
В синей сказке длинных трав.
Вон затеплились другие
Той же вестью богоносной,
Те же отсветы России
В пламя чистое вобрав.

Тот огонь, духовной Русью
Возожжённый, донести мне
До сверкающего устья
Дней грядущих — помоги,
О невидимое Солнце,
Ты, о Ком в бессонном гимне
С древних лет тоскует сердце,
По мирам чертя круги.

21

Я помню кромешную ночь: по сознанию
Как чёрный утюг провела тишина,
Разгладив последние воспоминанья, —
Все швы и рубцы неподвижного сна.

Казалось, уже ни дыханья, ни пульса...
Замкнулась душа седмиричным ключом...
Откуда ж на дне этот зов шевельнулся?
Кровь в стиснутых жилах рванулась — о чём?

Не солнце, не птицы, не люди, не страны —
Одно лишь, одно я поймал на лету:
Заржавленный скрип корабельного крана,
Лязг якорной цепи в далёком порту.

Сверкнул горизонт, и запели сирены,
Раскрыв перед сердцем другие края...
И вновь — в непробудные воды без пены,
Как в воды беспомысленности, кануло «я».

22

И вот берёт она ветвь сосны,
Цветущий аир берёт
И, с листьями папоротника скрестив,
Раскладывает на берегу.

Над полукругом срезанных вай
Затепливаются семь свеч,
Семь восковых церковных огней,
Семь заклятий судьбы.

Долго гадает она над рекой
Здесь, в вековом бору;
Ночь. И отражает залив
Семь оранжевых звёзд.

— Ждёт тебя жизнь великой кручиною,
Страшный тебе готовит обвал:
Кто-то недобрый укрылся личиною,
Путь твой излучистый заколдовал.

Вижу — как будто кровавые заводи,
Темень кромешную... никого...
Только полоска светит на западе
Ради спасения твоего. —

Голос сорвался. Трепещет в воде
Всё семизвездье свеч,
Тихо дрожа в бездонных зрачках
Девочки-ворожеи.

— Но не страшись: минуется тёмное,
Верь мне, любимый: я не солгу,
Только мне странно: что-то огромное...
Светлые храмы на берегу...
Господи, что ж это?.. Необычайно
Знаки твои ложатся потом...
Милый, прости. Не могу. Здесь тайна.
Рано тебе узнавать о том. —

Тихо. Всё тихо. Свеча за свечой
Гаснут на берегу.
Крепко сжимает руку мою
Тёпленькая рука.
Тонко звенит комариный гуд,

Бархатный мрак вокруг...
И еле слышу здесь, у плеча:
— Кто ж ты, любимый? кто?

23

Ни грядущая тьма, ни былое
Не зальёт эти мирные дни
На извилинах чащ, где смолою
Золотятся янтарные пни.

Что звало, и звучало, и снилось —
Всё сбылось в этом старом бору,
Как подарок, как мудрость и милость,
Для которой я жил и умру.

24

На траву я упал
ниц,
Я зелёным дышал
запахом...
Стихли днём голоса
птиц:
Уже солнце текло
к западу.

В двух шагах, над песком
дна,
Чуть журчала река
мерная...
Отчего ж, в глубине
сна,
Сердце сжала мне боль
смертная?

Разомкнулся холмов
вал,
Расступились леса
поясом:
Это — с дальних дорог
звал
Длинный, длинный гудок
поезда.

И я видел — косою
луч
Над дремотой лесных
заводей;
Многоярусный слой
туч
На жемчужном, сыром
западе;

Вспоминал городов
гул,
Понизовий гульбу
вольную,
Словно ветер степной
дул
В мою жизнь и судьбу
дольною.

Это вновь меня звал
дух
В земли новые, в дни
страстные,
И томил, и ласкал
слух
Беспредельной тоской
странствия...

25

Горше полыни, жалейки слаще
Древний напев разлук и встреч:
Верить в луну над дубовою чащей,
Слушать неговоримую речь:

— Ты оттого мне и люб, что волен:
Здесь — сегодня, а завтра — там...
Что ж! Уходи недосжатым полем
С песней другой и к другим местам.

Знаю, всё знаю: горькою гарью
Дальних краёв твои думы полны...
Сердце твоё — как иван-да-марья:
Жёлтая и синяя, — две стороны.

Знаю, всё знаю: бурей и славой
Ждёт тебя будущее на земле,
Горем-злосчастьем, решёткою ржавой,
Медленным тленьем огня в золе.

В дни же свершенья заветной думы,
В радостном устье великих дней
Вспомнишь ли мой бурелом угрюмый,
Благовест хвой у реки моей?

Что же!.. Весною, в гомоне птичьем,
В нашем привольном Брянском краю
Многие будут у хаты лесничей
Ждать, как на граду, ночь мою.

Знаю — всё знаю: он будет суровым
И не похож на тебя ничем:
В долгую ночь не порадует словом,
Днём трудовым будет хмур и нем.

К вечеру, над пустынным откосом,
Буду одна молиться снопам,
Буду бродить по горячим росам,
По злой осоке, по медвежьим тропам...

Жизнь моя! Жизнь моя! Кто её свяжет,
Кто её выпьет, как чистый мёд?..
Только никто меня не расскажет,
Кроме тебя, никто не поймёт.

1936–1950

НЕМЕРЕЧА

Поэма

*Посвящается Филиппу Александровичу
и Елизавете Михайловне Добровым,
моим приёмным отцу и матери*

Глава первая

Я — прохладные воды, текущие ночью,
Я — пот людской, льющийся днём.

Гарвей

I

Едва умолкли гром и ливни мая,
На вечный праздник стал июнь похож:
Он пел, он цвёл, лелея, колыхая
И душистый тмин, и чаши мальв, и рожь.
Луг загудел, как неумолчный улей.
От ласточек звенела синева...
Земля иссохла. И в созвездье Льва
Вступило солнце. Жгучий жар июля
Затрепетал, колеблясь и дрожа,
И синий воздух мрел и плыл над рожью;
Двоилось всё его бесшумной дрожью:
И каждый лист, и каждая межа.
Он звал — забыть в мечтательной истоме,
В лесной свободе страннических дней
И трезвый труд, и будни в старом доме,
И мудрость книг, и разговор друзей.

2

Передо мной простёрлась даль чужая.
Бор расстилал пушистые ковры,
Лаская дух, а тело окружая
Стоячим морем пламенной жары.
Я зной люблю. Люблю — не оттого ли,
Что в духоте передгрозбых дней
Земное сердце кажется слышной
В груди холмов, недвижных рощ и поля?
Иль оттого, что в памяти не стих
Горячий ветер из дали многохрамной,
Что гнал волну Нербадды, Ганга, Джамны

Пред таборами праотцев моих?
Благословил могучий дух скитанья
Их кочевые, рваные шатры,
И дорог мне, как луч воспоминанья,
И южный ветер, и древний хмель жары.

3

Я вышел в путь — как дрозд поёт: без цели,
Лишь от избытка радости и сил,
И реки вброд, и золотые мели,
И заросли болот переходил.
И, как сестра, мой путь сопровождала
Река Неруса — юркое дитя:
Сквозь заросли играя и светя,
Она то искрилась, то пропадала.
Деревни кончились. Но ввечеру
Мне мох бывал гостеприимным ложем.
Ни дровосек, ни рыболов захожий
Не подходил к безвестному костру,
И только звёзды, пестуя покой мой,
По вечерам ещё следить могли,
Как вспыхивает он над дикой поймой —
Всё дальше, дальше — в глубь лесной земли.

4

Посвистывая, легким шагом спорым,
Босой, я шёл по узкой стёжке... Вдруг
Замедлил шаг: вдали, за тихим бором
Мелькнуло странное: ни луч, ни звук
Его движений не сопровождали.
Казалось, туча, белая как мел,
Ползёт сюда сквозь заросли... Не смел
Бор шелохнуться. Тихо, по спирали
Вздучался к небу белоснежный клуб
Султаном мощным. Голубая хмара
Сковала всё, и горький вкус пожара
Я ощутил у пересохших губ.
Идти обратно? Безопасным, долгим
Окружным шляхом? тратить лишний день?
Нет! целиной! по сучьям, иглам колким:
Так интересней: в глушь, без деревень.

5

Я к Чухраям, быть может, выйду к ночи.
 Из Чухраёв — рукой подать на Рум...
 Сквозь лес — трудней, но трудный путь короче.
 Однако зной!.. Нерасчленимый шум
 Стоит в ушах. Ни ручейка, ни лужи:
 Всё высохло. Не сякнет только пот.
 Со всех сторон — к ресницам, к шее, в рот
 Льнёт мошкара. Настойчивее, туже
 Смыкает чаща цепкое кольцо.
 То — не леса: то — океан, стихия...
 Тайга ли? джунгли?.. Имена какие
 Определят их грозное лицо?
 Не в книгах, нет — в живой народной речи
 Есть слово: звук — бесформен, шелестящ,
 Но он правдив. То слово — н е м е р е ч а,
 Прозвание непроходимых чащ.

6

Здесь нет земли. Пласты лесного праха
 На целый метр. Коряжник, бурелом;
 Исчерчен воздух, точно злая пряжа
 Суровой нитью вкось, насквозь, кругом
 Его прошила — цепкой сетью прутьев,
 Сучков, ветвей, скрепив их, как бичом;
 Черномалинниками и плющом.
 Как пробиваться? То плечом, то грудью
 Кустарник рвать; то прыгать со ствола
 На мёртвый ствол сквозь стебли копор-чая;
 Ползти ползком, чудных жуков встречая,
 Под сводами, где липкая смола;
 Срываться вниз, в колдобы, в ямы с гнилью,
 В сыпучую древесную труху,
 И наконец, всё уступив бессилью,
 Упасть на пенёк в зеленоватом мху.

7

В блужданиях сквозь заросли оврагов,
 В борьбе за путь из дебрей хищных прочь,
 Есть дикий яд: он нас пьянит, как брага,
 И горячит, как чувственная ночь.
 Когда нас жгут шипов враждебных стрелы

И хлещет чаща в грудь, в лицо, в глаза,
 Навстречу ей, как тёмная гроза,
 Стремится страсть и злая жадность тела.
 Оно в стихиях мощных узнаёт
 Прародины забытое касанье:
 Мы — только нить в широкошумной ткани
 Стволов и листьев, топей и болот.
 Мы все одной бездонной жизнью живы,
 Лес — наша плоть, наш род, наш кров, наш корм,
 Он — страсть и смерть, как многорукий Шива,
 Творец-палач тысячецветных форм.

8

День протекал. Уже почти в притине
 Пылал источник блеска и жары,
 Чуть поиграв порой на паутине,
 На стебельках, на ссадинах коры.
 Он был угрюм, как солнце преисподней,
 Светило смерти, яростный Нергал,
 Кому народ когда-то воздвигал
 Дым гекатомб, смиряя гнев Господний.
 Куда-нибудь, где есть вода! К реке,
 К Нерусе милой, не спеша текущей
 По тайникам, в таких веселых кущах,
 В прекрасных лилиях и тростнике!
 Воды! воды!.. — Беспомощный и сырый,
 В тот грозный день я понял, что она
 Воистину живую кровью мира
 С начала дней Творцом наречена;

9

Что в ней — вся жизнь, целенье ран и счастье,
 В ней — Бог мирам, томящимся в огне,
 И совершать, быть может, нам причастье
 Водю — чище и святей вдвойне.
 ...Вдруг — луговина, тем же лесом пышным
 Бесстрастно окаймлённая. Но вон
 Там, на опушке, как мираж, как сон,
 Желанный сон — конёк далекой крыши.
 Скользя по кочкам, падая в траву,
 Я, не оглядываясь, брёл к порогу.
 Там есть вода, там быть должна дорога!

Я не хотел понять, что наяву
 Насмешкой тусклой мне судьба грозила.
 Я подошёл вплотную. — Тишина...
 Разрушен дом. Урочье — как могила,
 Колодца нет. Дороги нет. Сосна

Ю

На отшибе от страшной немеречи
 Да старый дуб над кровлей. Я вошёл.
 Осколки, сор... кирпич от русской печи,
 Разъехавшийся, шерховатый пол.
 И давний запах тишины и смерти,
 Дух горечи я уловил вокруг.
 Ко мне, сюда, как змеи, через луг
 Он полз, он полз, вивсь по бурой шерсти.
 И в этот миг, из окон конуры
 Оборотясь, Бог весть зачем, на запад,
 Я понял вдруг: и тишина, и запах —
 От движущейся над землей горы.
 То дым стоял, уже скрывая небо,
 Уже крадясь по следу моему,
 И сам весь белый, как вершины снега,
 Бросал на бор коричневую тьму.

II

Огонь пьянит среди ночного мрака,
 Но страшен он под небом голубым,
 Когда к листве, блестящей как от лака,
 Покачиваясь, подползает дым.
 И языки, лукаво и спокойно,
 Чуть видимые в ярком свете дня,
 По мху и травам быстро семена,
 Вползают вверх, как плющ, по соснам стройным.
 Уйти, бежать, бороться можем мы —
 Мы, дети битв и дерзкого кочевья,
 Но как покорно ждут огня деревья,
 Чтоб углем стать в пластах подземной тьмы!
 Как робко сохнет каждый лист на древе,
 Не жалуясь, не плача, не моля...
 ...День истекал в огне и львином гневе,
 Как Страшный Суд весь мир испепеля.

Глава вторая

Жизненная мощь растений, окружавших меня,
 была единственной силой, господствовавшей
 над моим медленно угасающим сознанием.

Вольдемар Бонзельс

I

Пресыщенный убийством и разбоем,
 Боль мириад существ живых вобрал,
 День удалялся с полчищами зноя,
 Как властелин: надменен, горд и прав.
 Уже Арктур, ночной тоски предтеча,
 Сквозь листья глянул в дикую тюрьму;
 Уж прикасалась к духу моему
 Глухая ночь в дрожащей немерече.
 Она росла, неясные шатры
 Густых кустов туманом окружала;
 Порой вонзались в тишину, как жало,
 Неуловимым звоном комары.
 Я различил лужайку: вся в оправе
 Орешника, она была тесна,
 Узка, душна, но выжженные травы
 Могли служить для отдыха и сна.

2

И чуть роса в желанном изобилье
 Смягчила персть и колкую траву,
 Я опустился на неё в бессилье,
 Не зная сам: во сне иль наяву.
 Квартира... вечер... лампа — не моя ли?
 Мой дом! мой кров! мой щит от бурь и бед!..
 Родные голоса, в столовой — свет,
 Узоры нот и чёрный лак рояля.
 — Река ли то поёт — иль водоем —
 Прохладно, и покойно, и безбурно,
 Прозрачными арпеджио ноктюрна
 В томительном забвении моём?
 И будто изгибаются долины,
 Играющих излучин бирюза...
 ...Над клавишами вижу я седины,
 Сощуренные добрые глаза.

3

Играет он — играет он — и звуки
 Струющиеся, лёгкие, как свет,
 Рождают его старческие руки,
 Знакомые мне с отроческих лет.
 Впитав неизъяснимое наследство,
 Среди его мечтательной семьи
 Играло моё радостное детство,
 Дни юности прекрасные мои.
 Когда в изнеможенье и печали
 Склонился я к нехоженой траве,
 Быть может, заиграл он на рояле
 В далёкой и сияющей Москве.
 Надеждою таинственной полны
 Аккорды озарённые его:
 Они, как орошающие волны,
 Касаются до сердца моего.

4

И грезится блаженная Неруса:
 Прохладная, текучая вода,
 Качающихся водорослей бусы,
 Как сад из зеленеющего льда...
 Зачем же моё огненное тело
 Придавлено, как панцирем, к земле?..
 — Ночь. Я вскочил. В угрюмо-мутной мгле
 Стена стволов и бузины чернела.
 Какая тишь!.. Там, в глубине лесной,
 Дрожа, угас крик отдаленной выпи...
 Безвольны мышцы, будто силу выпил,
 Рождая пот за потом, жар дневной.
 Иль это — голод, — третий день без пищи?
 Иль это — жажда, пламень, как в аду?
 Что, если здесь, на выжженном кладбище
 Глотка воды я завтра не найду?

5

Но нет, не то... Здесь кто-то есть! Я чую,
 Вот здесь, вверху, невидимо, вблизи —
 Он караулит. По лесам кочуя,
 Он гнал меня: в песке, во мху, в грязи.
 И не один! Бесплотной, хищной стаей

Они обступят мой последний час,
 Слепую душу в топь и глушь влача,
 И станет мрак болотный — как плита ей. —
 Утробный страх меня оледенил.
 В нем был и ужас сумрачных поверий.
 Когда на миг мы открываем двери
 В двуликий край потусторонних сил,
 И низкий страх, который знают совы,
 Олень, тигр, заяц, человек, — когда
 Мы всё отдать за жизнь свою готовы
 Без размышления и без стыда.

6

И в эту полночь, сам себя калеча,
 Как бесноватый, слеп, оборван, глух,
 Про всё забыв, я вторгся в немеречу.
 Гортань в огне, рот нестерпимо сух —
 Воды! воды!.. Всё тело от ударов
 Ветвей болит, зуд кожи остр и жгуч...
 Струит в листву багрово-жёлтый луч
 Луна, оранжевая от пожаров.
 Я впитывал губами, как питье,
 С шершавых листьев капли влаги чахлой —
 Роса, как яд, прогорклой гарью пахла
 И кожу неба жгла, как острие.
 А там, в высотах, пурпуром играя,
 Уже заря гремела, как труба,
 И день меня ударил, настигая,
 Как злой хозяин — беглого раба.

7

Вдруг, через страх затравленного зверя,
 Мелькнул мне к жизни узенький мосток.
 А я стоял. Я сам себе не верил.
 Я видел с т о г. Да: настоящий стог!
 Округлый, жёлтый, конусоподобный,
 Как в Африке тукули дикарей...
 Здесь кто-то был! Быть может, косарей
 Заросший след найду я!.. Полдень злобный
 Хлестнул бичом усталые глаза,
 Когда я вышел на поляну. Слева —
 Всё тот же лес, направо — суходрева
 Остаток мёртвый, впереди — лоза.

Во все углы, шатаясь, как в тумане,
Бросался я: в бор, в суходрев, в лозу...
Нет острова в зеленом океане!
Молчанье в небе — мёртвый сон внизу.

8

Часы текли. Безвольно ветки висли,
Как руки обессилевших в бою.
Лицом к земле, не двигаясь, не мысля,
Лежал я на поляне. Кровь мою
Жара, казалось, гонит в землю, в землю,
В сухую глину, в жаждущий песок...
Сквозь целый мир, сквозь всю природу, ток
Единый шёл, меня в свой круг приемля.
Мне чудилось: к корням подземным вспять
Уже текут моя душа и сила,
Чтобы затем, под яростным светилом,
Смолой и соком юным заблистать.
А я лежал... От моего дыханья
Чуть колебались стебли жухлых трав,
В своем бесцельном, праздном колыханье
Уже частицу сил моих вобрав.

9

Иль, может быть, не стебли, не растенья?
Мне мир другой мерцал сквозь маски их:
Без чётких форм, теней иль средостенья
Меж ним и нами — слоём всех живых.
Там кто-то ждал мой образ, как добычу,
Как сотни жертв болот и немереча:
Смеясь чуть-чуть, он был готов стеречь
И ждать конца, пока я Бога кличу.
И в душу — узенькая, как клинок,
Проникла жалость к собственному телу:
Взгляд перешёл от рук, привыкших к делу,
На грубо-серые подошвы ног.
Как жёстко их земля зацеловала.
Прах сотен вёрст их жёг и холодил...
Что ж: этот прах мне станет покрывалом,
Безвестнейшей из всех земных могил.

10

Когда же взор, слепимый страшным светом,
Я поднимал на миг в высоты дня —
Искр миллионы в воздухе нагретом
Роились там, танцуя и звеня.
А в глубине, за пляской их бессменной,
И мукой, и восторгом искажён,
Чуть трепетал, двоясь, как полусон,
Как дни и ночи, — страстный лик вселенной.
Мучительная двойственность была
Влита, как в чашу, в это созерцанье.
Порой галактик дальнее мерцанье
Внушает нам покорность ту... Но жгла
На дне её щемящая обида
За жизнь, мне данную Бог весть зачем:
Мир громоздится тяжкой пирамидой,
А Зодчий был бесстрастен, глух и нем.

11

В последний раз я встал, когда к закату
Склонялся день. Мне виделось: вон там,
Вдали в углу, трава чуть-чуть примята.
Быть может — след?.. По скрюченным кустам
Прошёл я вглубь. Безрадостным величьем
Глазам открылось море камыша.
Без волн, без зыби, молча, не шурша,
Оно стояло... Тусклое безличье
Отождествляло стебель со стеблём.
Что там: болото? заводи Нерусы?..
Томительно я вглядывался в грустный,
Однообразно-блеклый окоём.
По тростникам из-под древесной сени
На солнцепёк спустился... Шаг один —
И стало чудом властное спасенье
Из тихо карауливших трясин.

12

Судьба, судьба, чья власть тобою правит
И почему хранимого тобой
Нож не убьёт, отравы не отравит
И пощадит неравноправный бой?
Как много раз Охране покориться

Я не хотел, но ты права везде:
 Дитя не тонет в ледяной воде
 И ночью рвётся шнур самоубийцы.
 Куда ж ведёшь? к какому божеству?
 И где готовишь смертное томленье?
 Быть может, здесь, в Лесу Упокоенья,
 Опустить тело в тихую траву?..
 Сил не было. В глазах круги... Как рогом
 Гудела кровь, рвалась и билась вон...
 В бреду, зигзагом я дополз до стога,
 И всё укрыл свинцовый, мертвый сон.

Глава третья

Ich fühle des Todes
 Verjüngende Flut,
 Zu Balsam und Apher
 Verwandelt mein Blut.
 Nowalis¹

I

Я поднял взгляд. Что это: крылья? знамя?..
 Чуть осыпая цвет свой на лету,
 Сиял и плыл высоко над глазами
 Сад облаков — весь в розовом цвету.
 Нездешняя, светящаяся влага
 Баюкала и омывала их,
 И брезжили селения святых
 У розового их архипелага.
 Я видел невозможную страну:
 Её и нет, и не было на свете,
 В её врата проходят только дети,
 В прекрасный вечер отходя ко сну.
 В моря неизреченного сиянья
 Душа вливалась тихой рекой...
 Прости моё греховное метанье,
 В бездонном океане упокой.

1. Омытый смертью,
 Молод я вновь,
 Эфир в моих жилах —
 Целебная кровь.

Новалис (Пер. В. Микшевича). — Ред.

2

И стало всё прекрасно и священо:
 Созвездья, люди, мудрый сон камней...
 Я вспоминал спокойно и смиренно
 Борьбу и страх моих последних дней.
 Как было странно... Господи, впервые
 Со стороны я созерцал себя:
 Срываясь с пней, кустарник теребя,
 Я лез и полз сквозь дебри вековые.
 Куда? зачем?.. Не я ли сам мечтал
 На склоне лет уйти к лесам угрюмым,
 Чтоб древний бор с его органным шумом
 Моим скитом и школой веры стал?
 И в смертный день, ни с другом, ни с женою
 Минуту строгую не разделив,
 Склониться в прах на сумрачную хвою
 Иль под шатер смиренномудрых ив.

3

Я жизнь любил — в приволье и в печалях,
 И голос женщин, и глаза друзей,
 Но широта в заупокойных далях
 Ещё безбрежней, выше и полней.
 Один лишь труд, любимый, светлый, строгий
 Завет стиха, порученного мне,
 Приковывал к горячей целине,
 Как пахаря у огненной дороги.
 Но если труд был чист — откуда ж страх?
 Зачем боязнь пространств иного мира?
 Ещё звучней оправданная лира
 Вольёт свой голос в хор на небесах.
 А если нет, а если мрак и стужу
 Я заслужил — Отец наш милосерд:
 Смерть не страшна, я с детства с нею дружен
 И понял смысл её бесплотных черт.

4

Да, с детских лет: с младенческого горя
 У берегов балтийских бледных вод
 Я понял смерть, как дальний зов за море,
 Как белый-белый, дальний пароход.
 Там, за морями — солнце, херувимы,

И я, отчалив, встречу мать в раю,
И бабушку любимую мою,
И Добрую Волшебницу над ними.
Я возмужал. Но часто, как весна
Грядущая, томила мысль о смерти;
За гулом дней, за пеной водоверти
Страна любви была порой видна,
Где за чертой утрат и бездорожья
В долины рая проходила Ты —
Царица ангелов, Премудрость Божья,
Волшебница младенческой мечты.

5

Жизнь милая! за все твои скитанья,
За все блуждания благодарю!
За грозы, ливни, за песков касанье
На отмелях, подобных янтарю;
За игры детства; за святое горе
Души, влюблённой в королеву льдов;
За терпкий яд полных городов,
За эту юность, тёмную как море.
Благодарю за гордые часы —
Полёт стиха среди ночи вдохновенной
В рассветный час мерцающей вселенной
По небесам, горящим от росы;
За яд всех мук; за правду всех усилий;
За горечь первых, благодатных ран;
За книги дивные, чьи строки лили
Благоухание времён и стран;

6

Благодарю за мрак ночей влюблённых,
За треск цикад и соловьиный гром,
За взор луны, так много раз склонённый,
С такой любовью, над моим костром;
За то, что ласковей, чем в сумрак бора
Живое солнце — луч духовных сил
Отец Небесный в сердце низводил
Сквозь волны ладана во мгле собора.
Благодарю за родину мою,
За нищий путь по шумным весям века,
За строгий долг, за гордость человека,

За смерть вот здесь, в нехоженом краю...
Ещё — за спутников, за братьев милых,
С кем общим духом верили в зарю,
За всех друзей — за тех, что спят в могилах
И что живут ещё — благодарю.

7

Я отхожу в безвестный путь мой дальний,
Но даль светла, — ясна вся жизнь моя...
В последний раз для радости прощальной
Являются далёкие друзья.
Любимейших, легендой голубою
Пятнадцать лет сопутствовавших мне —
Я вижу их: в домашней тишине,
В уютной комнате — предвечно-двое.
Иные спят. Иные, взор скрестя
С моей судьбою, бодрствуют в тревоге,
Серёжа М. проходит по дороге
К себе домой, о Моцарте грустя;
Два — под дождём алтайской непогоды,
И девушке в глаза глядит другой...
Расчёсывает косы цвета меда
Та, что была мне самой дорогой.

8

Ресницы опускаются. Туманно
Яснеет запредельная страна,
Лазурная, как воды океана,
И тихая, как полная луна.
Приветь меня, желанное светило!
Во царствии блаженных упокой...
Я вздрогнул: вопль — растерзанный, живой,
Вдруг зазвучал с неотразимой силой.
Откуда, чей?.. В душевной глубине
Зачем он встал, мой смертный час наруша?
Он проходил, как судорга, сквозь душу,
Он креп и рос — внутри, вокруг, во мне.
Вторая мать, что путь мой укрывала
От бед, забот, любовью крепче стен,
Что каждый день и час свой отдавала,
Не спрашивая н и ч е г о взамен.

9

Седые пряди — вопль всё глубже, шире,
 Черты как мел, лицо искажено, —
 Да, ей одной из всех живущих в мире
 Перенести уход мой не дано.
 Я цепенел, я плыл в оцепененье,
 Но лик не таял, крик не умолкал, —
 Ему навстречу властно возникал
 Нежданный образ, чёткий, как виденье.
 Моей поляны угол тёмный, куст,
 За ним — трава, стволы, песок горячий...
 Я ж днём глядел: там лес всё так же мрачен
 И от следов живых созданий пуст.
 Но всё ясны непобедимый образ,
 Отпрянул бред, как рвущаяся ткань,
 И чей-то голос, требующий, добрый,
 Вдруг молвил твёрдо: — «Что ты медлишь? Встань!»

10

Удар сотряс сознание и тело.
 Я поднял взгляд: прохладный, как вода,
 Спешил рассвет — чуть лиловатый, белый, —
 Для милосердия, а не для суда.
 Неужто выход?.. но — куда?.. И разве
 Могу я встать, искать, бороться вновь?
 Мозг — как свинец, в ушах грохочет кровь,
 Губ не разжать, весь рот подобен язве.
 Бреду, шатаюсь. Под листвой темно,
 Но вон трава чуть-чуть примята шагом:
 Косцов и баб веселая ватага
 Когда-то здесь прошла давным-давно...
 В последний раз на рубеже свободы
 Я оглянулся на мой стог, лозу,
 Я поднял взгляд на лиственные своды,
 На рассветающую бирюзу.

11

Вставало солнце в славе самодержца.
 Пора обратно, к людям, в жизнь — пора!
 Но как бывает непонятно сердце,
 Противочувствий тёмная игра.
 Зачем мне ты, навязчивое чудо?

Я принял смерть; раздор страстей умолк,
 Зачем же вновь брать этот горький долг —
 Бороться, жить, стремиться в мир отсюда?
 Зачем вот здесь, у тихого ствола,
 В лесу Предвечного Упокоенья,
 Огонь желанья и страстей горенье
 Вода бессмертия не залила?
 Я побеждал; я отходил покорно,
 Ведь смерть права, бушующая и губя:
 Она есть долг несовершенной формы,
 Не превратившей в Божий луч себя.

12

Но в небесах, в божественном эфире,
 Высокой радости не знать тому,
 Кто любящих оставил в дольном мире,
 Одних, одних, на горе, плач и тьму.
 Не заглушит надгробного рыдания,
 Скорбь материнскую не утолит
 Ни смена лет, ни пеня панихид,
 Ни слово мудрости и сострадания.
 Тогда захочешь свой небесный дом
 Отдать за то, что звал когда-то пленом:
 Опять, опять припасть к её коленам,
 Закрыв глаза, как в детстве золотом.
 Но грань миров бесчувственно и глухо
 Разделит вас, как неприступный вал,
 Чтоб на путях заупокойных духа
 Чуть слышный плач тебя сопровождал.

13

Нет! П р а в а нет на радость мирной смерти!
 Влачись назад, себялюбивый червь!
 В рай захотел? Нет: вот по этой персти
 Попресмыкайся. Дни твои, как вервь
 Виясь, насквозь пронизуют немеречу!
 Вон и тропа... И вдруг, среди тропы —
 Уверенной мальчишеской стопы
 Недавний след мне бросился навстречу.
 Отпечатлелись, весело смеясь,
 Пять пальчиков на сыроватой глине...
 И с новой силой здесь, в лесной пустыне,
 Я понял связь, — да: мировую связь, —

Связь с человечеством, с его бореньем,
С его тропой сквозь немеречу бед...
И я ступил с улыбкой, с наслаждением
На этот свежий, мягковатый след.

14

Назад! назад! В широкошумном мире
Любить, страдать — в труде, в бою, в плену,
Без страха звать и принимать всё шире
Любую боль, любую глубину!
Вторая жизнь, дарованная чудом
И добровольно принятая мной,
Есть ноша дивная, есть крест двойной,
Есть горный спуск к золотоносным рудам.
Там, за спиной, в лесу ярятся те,
Кто смерть мою так кликали, так ждали:
Трясин и чащи злые стихииали
В их вероломной, хищной слепоте.
Кем, для чего спасен из немеречи
Я в это утро — знаю только я
И не доверю ни стихам, ни речи
Прозваний ваших, чудные друзья.

15

Нерусса милая! Став на колени,
Струю, как влагу причащенья, пью:
Дай отдохнуть в благоуханной сени,
Поцеловать песок в родном краю!
Куда ж теперь, судьба моя благая?
В пожар ли мира, к битве роковой?
Иль в бранный час бездейственный покой
Дашь мне избрать, стыдом изнемогая?
Иль сквозь бураны европейских смут
Укажешь путь безумья, жажды, веры,
В Небесный Кремль, к отрогам С а л ь в а т э р р ы,
Где ангелы покров над миром ткнут?
Пора, пора понять твой вещей голос:
Всё громче он, всё явственней тропа,
Зной жжёт, и сердце тяжело, как колос,
Склонившийся у твоего серпа.

1937–1950

ВОСХОД ДУШИ

I

Бор, крыши, скалы — в морозном дыме.
Финляндской стужей хрустит зима.
На льду залива, в крутом изломе,
Белеет зябнущих яхт корма...

А в Ваамельсуу, в огромном доме,
Сукно вишнёвых портьер и тьма.
Вот кончен ужин. Сквозь дверь налево
Слуга уносит звон длинных блюд.
В широких окнах большой столовой —
Закат в полнеба, как Страшный Суд...

Под ним становится снег багровым
И красный иней леса несут.

Ступая плавно по мягким сукнам,
По доскам лестниц, сквозь тихий дом
Подносит бабушка к страшным окнам
Меня пред детски безгрешным сном.

Пылая, льётся в лицо поток нам,
Грозя в молчанье нездешним злом.

Он тихий-тихий... И в стихшем доме
Молчанью комнаты нет конца.
Молчим мы оба. И лишь над нами,
Вверху, высоко, шаги отца:

Он мерит вечер и ночь шагами,
И я не вижу его лица.

1935

2

Нет, не юность обширная,
В грозе, ветрах и боренье:
Детство! Вот — слово мирное,
Исполненное благодаренья.

Прозрачайшее младенчество
С маленьким, лёгким телом,
Когда ещё снится отечество,
Где ангелы ходят в белом;

Просветы, как окна узкие,
В белое и в золотое
Сквозь ритмы стихов и музыки
Пронзающие красотою;

Вдали — сирены туманные,
Призыв кораблей тревожных,
Вблизи — творения странные,
Которых постичь невозможно:

Медузы, смешные крабышки,
Ищущие пристанищ...
Об этом не скажешь бабушке,
Но думать не перестанешь.

А волны катятся свежие,
Огромные и голубые;
На валунах побережья —
Водоросли сырые;

А чайки: зачем они сердятся?
Кто они? и откуда?..
И властно хлынет в сердце моё
Тоска забытого чуда.

И станет такой печальною,
Непоправимой и острой,
Как будто душа причалила
К забытому всеми острову.

1936

3

Его любил я и качал,
Я утешал его в печали;
Он был весь белый и урчал,
Когда его на спинку клали.

На коврике он долгим днём
Сидел, притворно неподвижен,
Следя пушинки за окном
И крыши оснежённых хижин.

Читался в бусинках испуг
И лёгкое недоуменье,
Как если б он очнулся вдруг
В чужом, неведомом селенье.

А чуть я выйду — и уж вот
Он с чуткой хитрецою зверя
То свежесть через форточку пьёт,
То выглянет тишком из двери.

Когда же сетки с двух сторон
Нас оградят в постельке белой,
Он, прикорнув ко мне сквозь сон,
Вдруг тихо вздрогнет тёплым телом.

А я, свернувшись калачом,
Шепчу, тревожно озабочен:
— Ну что ты, Мишенька? о чём?
Усни. Пора. Спокойной ночи. —

И веру холил я свою,
Как огонёк под снежной крышей,
О том, что в будущем раю
Мы непременно будем с Мишей.

1950

Нет, младенчество было счастливым:
Сосны млели в лесу от жары;
Между скал по укромным заливам —
Мой корабль из сосновой коры;
Строить гавань волшебному флоту,
Брызгать, бегать, и у заворота
Разыскать заколдованный чёлн;
Растянуться на камне нагретом
Иль учиться сбивать рикошетом
Гребешки набегающих волн.

А вокруг, точно грани в кристалле, —
Преломлённые, дробные дали,
Острова, острова, острова,
Лютеранский уют Нодендаля,
Церковь с башенкой и синева.

В этот мир, закипев на просторе,
По проливам вторгался прибой:
Его голосу хвойное море
Глухо вторило над головой.
А когда наш залив покрывала
Тень холодная западных скал,
Я на эти лесистые скалы
Забирался и долго искал:

Я искал, чтобы вольные воды
Различались сквозь зыбкие своды,
И смотрел, как далёко внизу
Многотрубные шли пароходы,
Будоража винтом бирюзу.
Величавей, чем горы и люди,
Был их вид меж обрывов нагих,
Их могучие, белые груди
И дыханье широкое их.

Я мечтал о далёких причалах,
Где опустят они якоря,
О таинственно чудных началах
Их дорог сквозь моря и моря.

А когда из предутренней дали
Голоса их сирен проникали

И звучали, и звали во сне —
Торжествующий и беззакатный,
Разверзался простор неохватный,
Предназначенный в будущем мне.

Помню звук: нарастающий, медный,
Точно праздничный рокот трубы,
Точно шествие рати победной
После трудной и страстной борьбы.
Словно где-то, над вольною влагой,
Мощный город, подобный орлу,
Трепетал миллионами флагов
Пред эскадрой на пенном валу.

Был другой: весь смеющийся, свежий,
Он летел от баркасов, от мрежей,
Блеском утра насквозь просиян:
В нём был шум золотых побережий
И ласкающий их океан.
И я знал, что отец мой на яхте
Покидает седой Гельсингфорс,
Солнце жжёт на полуденной вахте
Белым кителем стянутый торс.

Третий голос был вкрадчивый, сонный,
Беспокоящий, неугомонный:
Полночь с южной, огромной луной;
Странной негой, струной монотонной
Он надолго вставал надо мной.

Но ещё был четвертый; не горем,
Не борьбою, не страстью томим,
Но вся жизнь мне казалась — лишь морем,
Смерть — желанной страной за ним.
Всё полней он лился, всё чудесней,
Будто мать в серебристом раю
Пела мне колыбельную песню
И баюкала душу мою.
И всё дальше, в блаженные сини,
Невозвратный корабль уплывал,
Белый-белый, как святочный иней,
Как вскипающий пенами вал.

5

Она читает в гамаке.
Она смеётся — там, в беседке.
А я — на корточках, в песке
Мой сад ращу: втыкаю ветки.

Она снисходит, чтоб в крокет
На молотке со мной конаться...
Надежды нет. Надежды нет.
Мне — только восемь. Ей — тринадцать.

Она в прогулку под луной
Свой зов ко взрослым повторила.
И я один тащусь домой,
Перескочив через перила.

Она с террасы так легко
Порхнула в сумерки, как птица...
Я ж допиваю молоко,
Чтоб ноги мыть и спать ложиться.

Куда ведет их путь? в поля?
Змеится ль меж росистых трав он?..
А мне — тарелка киселя
И возглас фройлен: «Шляфен, шляфен!»

А попоздней, когда уйдёт
Мешающая фройлен к чаю,
В подушку спрячусь, и поймёт
Лишь мать в раю, как я скучаю.

Трещит кузнечик на лугу,
В столовой — голоса и хохот...
Никто не знает, как могу
Я тосковать и как мне плохо.

Всё пламенней, острей в крови
Вскипает детская гордыня,
И первый, жгучий плач любви
Хранится в тайне, как святыня.

1936

6. СТАРЫЙ ДОМ

Памяти Филиппа Александровича Доброва

Где бесшумны и нежны
Переулки Арбата,
Дух минувшего, как чародей,
Воздвигнул палаты,
Что похожи на снежных
Лебедей.

Бузина за решёткой:
Там ни троп, ни дорог нет,
Словно в чарах старинного сна;
Только изредка вздрогнет
Тарахтящей пролёткой
Тишина.

Ещё помнили деды
В этих мирных усадьбах
Хлебосольный аксаковский кров,
Многолюдные свадьбы,
Торжества и обеды,
Шум пиров.

И о взоре орлином
Победителя-галла,
Что прошёл здесь, в погибель ведом,
Мне расскажет, бывало,
Зимним вечером длинным
Старый дом.

Два собачьих гиганта
Тихий двор сторожили,
Где цветы и трава до колен,
А по комнатам жили
Жизнью дум фолианты
Вдоль стен.

Игры в детской овеяв
Ветром ширей и далей
И тревожа загадками сон,
В спорах взрослых звучали
Имена корифеев
Всех времён.

А на двери наружной,
 Благодушной и верной,
 «ДОКТОР ДОБРОВ» — гласила доска,
 И спокойно и мерно
 Жизнь текла здесь — радушна,
 Широка.

О, отец мой — не кровью,
 Доброй волею ставший!
 Милый Дядя, — наставник и друг!
 У блаженных верховий
 Дней начальных — питавший
 Детский дух!

Слышу «Вечную память»,
 Вижу свечи над гробом,
 Скорбный блеск озаряемых лиц,
 И пред часом суровым
 Трепеща преклоняюсь
 Снова ниц.

В годы гроз исполинских,
 В страшный век бурелома
 Как щемит этот вкрадчивый бред:
 Нежность старого дома,
 Ласка рук материнских,
 Лица тех, кого нет.
 1950

7

Собрав ребят с околицы, с гумна, из душевной хаты,
 Июльским предвечерием испытывал ли ты
 Под доброю, широкою улыбкою заката
 Восторженную опрометь мальчишеской лапты?

Ударив мячик биткою, дать сразу гону, гону,
 Канавы перескакивая, вихрем, напрямиком,
 Подпрыгнуть, если целятся, — и дальше, дальше, к кону,
 В одних трусах заплатанных, без шапки, босиком.

Нет веса в теле маленьком, свободном и упругом,
 Свистящий воздух ластится к горячей голове, —
 Ах, если бы хоть раз ещё вот так промчатся лугом
 По гладкой, чуть утоптанной, росистой мураве!

Над колокольной розовой стрижи свистят, как стрелы,
 Туман плывет от озера: он знает — ты горяч,
 И так чудесно нежит он пылающее тело,
 Пока не затеряется в крапиве шустрый мяч.

1946

8

Есть кодекс прав несовершеннолетних:
 Крик, драка, бег по краю крыш, прыжки,
 Игра с дождём, плесканье в лужах летних,
 Порт из камней, из грязи — пирожки.

О покорителях морей и суши
 Читать, мечтать, и, намечтавшись влать,
 Перемахнуть через заборы, красть
 В саду зелёные, сырые груши;

И у костра смолистого, в ночном,
 Когда в росе пофыркивают кони,
 Картофель, обжигающий ладони,
 Есть перед сном — прохладным, свежим сном.

Мы — мальчишки, мы к юному народу
 Принадлежим и кровью, и судьбой.
 Бывает час, когда мы не на бой,
 Но для игры зовём к себе природу.

С малиновками беглый свист скрестя,
 Баюкаясь на сочных травах мая,
 Иль брызги блестящие поднимая
 И по песку горячему хрустя.

Текут года, нам не даруя дважды
 Беспечных лет восторг и широту,
 Но жизнь щедра, и в жизни ведал каждый
 Хоть раз один живую щедрость ту.

1936

За детство — крылатое, звонкое детство,
 За каждое утро, и ночь, и зарю,
 За ласку природы, за тихий привет Твой,
 За всю Твою щедрость благодарю.

Когда на рассвете с горячих подушек
 Соскакивал я для прохладной <земли?>,
 Ты ждал меня плюшем любимых игрушек
 И плеском <беспечным> в пруду и в пыли.

Ты лил мне навстречу и свежесть и радость,
 Азартный галдёж босоногих затей,
 Ты мне улыбался за нежной оградой
 Стихов, облаков и узорных ветвей.

Наставников умных и спутников добрых
 Ты дал мне — и каждое имя храню, —
 Да вечно лелеется мирный их образ
 Душой, нисходящей к закатному дню.

И если бывало мне горько и больно,
 Ты звёздную даль разверзал мне в тиши;
 Сходили молитвы и звон колокольный
 Покровом на первые раны души.

И радость да будет на радость ответом:
 Смеясь, воспевать Твою чудную быль,
 Рассыпать у ног Твоих перед рассветом
 Беспечных стихов золотистую пыль.

1945

МАТЕРИАЛЫ К ПОЭМЕ «ДУГГУР»

I. ВЕХИ СПУСКА

I. С ЖЕСТОКОСТЬЮ ЗРЕЛЫХ ЛЕТ

Не можем прозревать зенит мы
 Очами юности, когда
 Порыв ещё не отлит в ритмы
 Холодным мужеством труда.

Теперь, в расчисленное слово
 Заковывая давний бред,
 Касаюсь смутных форм былого
 Резцом упругим зрелых лет.

И легкой дрожью сердце бьётся,
 Заглядывая сквозь стихи
 В провал бездонного колодца —
 В соблазн, кощунство, ложь, грехи.

Но не хочу фатой молчанья
 Укрыть лукавую судьбу,
 Стяжать пустые величанья
 За верность Отчему гербу.

Да, путь был узок, скользок, страшен,
 И не моя заслуга в том,
 Что мне уйти из тёмных башен
 Она дала святым мостом.

Быть может, ты, в грядущем веке
 Над той же бездною скользя,
 Поймёшь, взглянув на эти вехи,
 Куда влечёт твоя стезя.

1950

2. ОКОНЧАНИЕ ШКОЛЫ (1923 г.). ВАЛЬС

Всё отступило: удачи и промахи...
Жизнь! Тайники отмыкай!
Веет, смеется метелью черемухи
Благоухающий май.

Старая школа, родная и душная,
Уьем запела... и вот —
Вальсов качающих трели воздушные
Зал ослепительный льёт.

С благоволящим спокойствием дедушки —
Старший из учителей...
В белом все мальчики, в белом все девушки,
Звёзды и пух тополей.

Здравствуй, грядущее! К радости, к мужеству
Слышим твой плещущий зов!
Кружится, кружится, кружится, кружится
Медленный вихрь лепестков.

Марево Блока, туманы Есенина
И, веселее вина,
Шум многоводного ливня весеннего
Из голубого окна.

Кружево, — зеленоватое кружево,
Утренний мир в серебре...
Всё отступило, лишь реет и кружится,
Кружится вальс на заре.
1950

3. ДРУГУ ЮНОСТИ,
КОТОРОГО НЕТ В ЖИВЫХ

(Первое)

Мы подружались невозвратными
Утрами школьными, когда
Над партой с радужными пятнами
Текли прозрачные года.

Замедлив взор на нашем риторе,
Подобном мудрому грачу,
Веселый мальчик в белом свитере
Ко мне подсел — плечо к плечу.

Заговорив тотчас о Репине
И щекоча мне в шутку бок,
Он был похож на плотный, крепенький,
Едва родившийся грибок.

Внезапно, не нуждаясь в поводе,
На переменках, просто так,
Вдруг сокрушал, кого ни попадая,
Крутой мальчишеский кулак.

Забыв Ампэра, флору Африки,
Истоки Нила и шадуф,
По-братски мы делили завтраки,
Тайком за партой крем слизнув.

И вот, святое имя юное,
Намёком произнесено,
Зашелестело птицей лунною,
С тех пор — одно... всегда одно.

По вечерам — друзьями ясными,
О первой тайне говоря,
Мы шли кварталами ненастными
От фонаря — до фонаря;

Устав стремиться в невозможное
И чувством выпреним гореть,
Делили поровну пирожные,
Собрав по всем карманам медь.

О Канте, Шиллере, Копернике
Речь за звеном плела звено...
Мы забывали, что соперники,
Что нам врагами быть дано;

О том, что сон нерасказуемый
Таим, друг с другом не деля...
Про узел тот неразвязуемый,
Что нас задушит, как петля.

1950

4. В ОТБЛЕСКАХ ГОЛУБОГО СИЯНИЯ

По книгам, преданьям и кельям
Я слышал: в трудах мудрецов
Звенят серебристым весельем
Шаги Её легких гонцов.

Какою мечтой волновались
Томленье моё и тоска,
Едва мне прошепчет Новалис
Про знак голубого цветка!

Орлиную радость полёта
Вливал в меня мощный размер
Октав светлоносного Гёте
Про Женственность ангельских сфер.

Сверкал, как сапфирное слово,
Как искра в тяжёлой руде,
Таинственный стих Соловьёва
О Неугасимой Звезде.

У сумеречного истока
Стремлений к лазурным мирам
Журчали мелодии Блока
О самой Прекрасной из дам;

И веяли синью вселенской
Те ночи, когда в тишине
Безвестный ещё Коваленский
Слагал свой хорал Купине.

Заря моя! этим сияньем
Оправданы скорбь и нужда,
И всем безутешным скитаньям
Твержу благодарное ДА.

1950

5. ПЕРЕД «ПОВЕРЖЕННЫМ ДЕМОНОМ» ВРУБЕЛЯ

В сизый пасмурный день
я любил серовато-мышинный
Мягко усталанный зал —
и в тиши подойти к полотну,

Где лиловая тень
по трёхгранным алмазным вершинам
Угрожающий шквал
поднимала, клубясь, в вышину.

Молча ширилась там
ночь творенья, как мир величава,
Приближаясь к чертам
побеждённого Сына Огня,
И был горек, как оцет,
своей фиолетовой славой
Над вершинами отсвет —
закат первозданного дня.

Не простым мастерством,
но пророческим сном духовидца,
Раздвигавшим мой ум,
лиловело в глаза полотно, —
Эта повесть о том,
кто во веки веков не смирится,
Сквозь духовный самум
низвергаемый в битве на Дно.

В лик Отца мирозданья
вонзив непреклонные очи
Всею мощью познания,
доверенной только ему,
Расплескал он покров
на границе космической ночи —
Рати млечных миров,
увлекаемых в вечную тьму.

То — не крылья! То — смерч!..
Вопли рушимых, дивных гармоний,
Потрясённая твердь,
где он раньше сиял и творил, —
Демииург совершенный,
владыка в другом пантеоне,
Над другою вселенной,
над циклом не наших светил.

Я угадывал стон
потухающих древних созвездий,
Иссякавших времен,
догорающих солнц и монад

И немолкнувший бунт
 перед медленным шагом возмездья,
 Перед счетом секунд
 до последних, до смертных утрат...

И казалось: на дне,
 под слоями старинного пепла,
 Тихо тлеет во мне
 тусклым углем — ответный огонь...
 Бунта? злобы?.. любви?..
 и решимость — казалось мне — крепла:
*Все оковы сорви,
 лишь на узнике ЭТОМ не тронь.*
 1950

6. ЮНОШЕСКОЕ

Мы — лучи Люцифера, восставшего в звёздном чертоге,
 Сострадая мирам, ненавидя, любя и кляня;
 Мы — повстанцы вселенной, мы — боги
 Легендарного дня.

Смутно помнятся конусы древнего, странного мира —
 Угрожающий блеск многогранных лиловых корон,
 И, как лава, — озёра эфира,
 Наше царство и трон.

Смутно помнится битва: нависшая тягость молчанья,
 Шорох млечных шелков — галактический шелест знамён,
 Титанический рокот восстанья,
 Низвержение — в Закон.

О, впервые тогда первозданная ночь ликовала!
 Она взмыла, росла — начинался невиданный век:
 Нас тяжелая плоть оковала,
 И пришёл Человек.

Вспомни собственный дух в его царственном, дивном уборе!
 Цепь раба растопи в беспощадном, холодном огне! —
 Так впервые шептал Богоборец
 Ранней юностью мне.
 1923 (1950)

7. ПОДМЕНА

В те дни мне чудилось, что Ты
 Следишь бесстрастно с высоты
 За жизнью сирой,
 За жертвой и за палачом,
 Как Дева грозная с мечом —
Кримгильда Мира.

В те ночи мнилось мне, что Ты
 В мирах бесправных жнёшь цветы,
 Как жница Бога,
 И — Дочь сурового Отца —
 Считаешь мёртвые сердца
 Светло и строго.

Страсть напоённых горем дней
 Прокралась в круг мечты моей,
 В мой дух бездомный,
 И становилось мне — не жаль
 Склониться под святую сталь
 На nive темной.

И становилось мне светло,
 Когда последнее тепло
 Жизнь покидало,
 Суля измену, суд, позор,
 И непреклонно-светлый взор,
 Как блеск металла.
 1950

8. ХОЛОД ПРОСТРАНСТВ

Есть в гулких ветрах ледохода,
 Чей рог я в ночах сторожу,
 Угроза, разгул и свобода,
 И властный призыв к мятежу.

С кромешных окраин вселенной
 Вторгаются в город они,
 Взметая прибой снегопенный,
 К земле пригибая огни.

Насыщены удалью буйной,
Охвачены гордой тоской
Все призраки над полноструйной,
Над дикой, над страстной рекой.

Сверкают зенитные звёзды
Как яхонты небытия —
К сердцам сквозь бушующий воздух
Направленные острия.

И грезится древнему сердцу
Галактик безбрежная даль,
Бескрайний чертог Миродержца,
Безумного бунта печаль.

Что разум, и воля, и вера,
Когда нас подхватят в ночи
От сломанных крыл Люцифера
Спирали, потоки, смерчи?

1927–1950

9. ПЕРВАЯ ВЕСТНИЦА

Когда, в борьбе изнемогая,
Взметает дух всю мощь на плоть,
Миг раздвоенья ждёт д р у г а я —
Вползти, ужалить, побороть.

Она следит за каждым шагом;
Она скользит сквозь каждый сон;
То вспыхивает буйным флагом,
То облечёт себя в виссон;

То девушкою у колодца
Прикинется на беглый миг,
То сказкой лунной обернётся,
Одна — во всём, всему — двойник.

В раденьях, незнакомых прежде,
Испепеляющих дотла,
Она в монашеской одежде
Хлыстовской бледностью светла.

В ночь игр, упорства и азарта
Едва удержишь лёгкий крик,
Когда внезапно ляжет карта
Спокойно-бледной дамой пик.

Фонарь у мокрых скамей сквера
Её усмешки знает власть,
И то, что смысл, надежда, вера —
В одном коротком слове: пасть.

И будешь, медленно сгорая,
Молить, чтоб уличная мгла —
Слепая, мутная, сырая —
Угль истязанья залила.

1950

10. УЛИЧНЫЕ ВОЛШЕБНИКИ

Сияла ровным светом газовая
Цепь фонарей в ночной тиши,
Неотвратимый путь указывая,
Поцеловав глаза души.

Ресницы вкрадчиво поглаживая,
Лаская лоб, как вещий друг,
Она сияла, завораживая,
В щемящий мир, в звенящий круг.

Опровергая будни — призраками,
Она воочию вела
В тот край, который только изредка мы
Днём вспоминаем сквозь дела.

И, странной сказкой раскаляемая,
Росла и пенилась в крови
Тоска, ничем не утоляемая,
О смерти, страсти, — о любви.

1950

II. РАЗРЫВ

Власть Твою, всемогущий Судья,
Об одном я молил: о любви.
Я молил: отринь, умертви —
Ночь одну лишь благослови!

Я молил, чтобы только раз
Единственная моя
Тихим светом бесценных глаз
Озарила мой лучший час.

Я молил, чтоб идти вдвоём
Сквозь полуночный окоём
В убелённые вьюгой края
В совершенном царстве моём.

Не услышал мольбу никто.
Плотным мраком всё залито...
Так карай же судьбу за то,
Что утрачена ось бытия.

1926–1950

12. ДРУГУ ЮНОСТИ,
КОТОРОГО НЕТ В ЖИВЫХ

(Второе)

Истоки сумрачной расколотости
На злой заре моих годин
Ты, тёмный друг ненастной молодости,
Быть может, ведал лишь один.

Светлели облачными óтмелями
Провалы мартовских чернот —
Их гулкие ночные оттепели,
Ледок хрустящий у ворот.

Мы шли Грузинами, Хамовниками,
Плечо к плечу в беседе шли,
Друзьями, братьями — любовниками
Нежнейшей из принцесс земли.

Но горизонт манил засасывающий,
И дух застав был хмур и тал;
И каждый раз — ступенью сбрасывающей
Диаметр ночи возрастал.

И каждый раз, маршруты скашивая,
Дождём окутанные сплошь,
Предместья ждали нас, расспрашивая
Про святотатство, бунт и ложь.

К Сокольникам, в Сущёво, в Симоново
Блестела сырость мостовых,
И скользкое пространство рíманово
Сверкало в чёрной глади их.

Как два пустынных, чёрных зеркала, мы,
Лицом к лицу обращены,
Замолкли, ложью исковерканные,
Но всё поняв до глубины.

И пусть заслоны, плотно спущенные,
Хранят теперь от мглы ночной, —
Всё давят душу дни упущенные,
Когда ты был ещё со мной.

1950

13

Предоставь себя ночи метельной,
Волнам мрака обнять разреши:
Есть услада в тоске беспредельной,
В истребленье бессмертной души.

Как блаженны и боль, и тревога!
В пустоту, мой удел! в пустоту!
Рокот хриплого, ржавого рога
В вое ветра ловить на лету!

Хлябь рванулась в расщелины веры, —
Вихрь, да снежная плещет гроза,
Фиолетовый плащ Эфемеры
Ослепительно хлещет в глаза.

Этой горькой и страшной отраде
 Нету равных в подлунном краю!
 Ради сумрака, омрака ради
 Хмель ликующей гибели пью.

Все святыни отдам за мгновенье —
 Бросить вызов законам Отца,
 Бестелесный клинок преступленья
 В ткани духа вонзив до конца.

1926–1950

14. САМОРАЗРУШЕНИЕ

Когда я холодно расторг
 Завет, хранимый испокон,
 О нет: то не был низкий торг
 За право на самозакон.

Я твёрдо знал: возврата нет.
 Есть горечь сладкого стыда,
 Хмель наслаждений, волны бед,
 Размах восстанья, ночь Суда.

Я знал, что глубже всех страстей
 Есть Дно, откуда нет вестей,
 Где так блаженно жмут тиски
 Неискупляющей тоски.

Давно иссяк бы самый ад,
 Когда бы не таило зло
 В себе сладчайшей из наград
 От спуска вниз, во мрак, на тло.

«Есть упоение в бою
 И бездны мрачной на краю...»
 Не на краю, а в глубине
 Восторг последний мнился мне.

1926–1950

II. МОСКОВСКИЕ ПРЕДВЕЧЕРИЯ

I

Как не любить мне колыбели
 Всех песен, скорби, торжества,
 Огни твои, мосты, панели,
 Тысячешумная Москва!

От игр в песке, в реке, в газонах,
 Войдя мне в душу, в кровь и плоть,
 Всегда со мной ты в снах бессонных,
 И уз твоих — не побороть.

Всех вечеров твоих — пьянящий,
 Упруго-брызжущий настой,
 Народа шорох шелестящий
 По неостывшей мостовой,

И над домами, в мгле воздушной —
 Малинно-тусклый полукруг, —
 Как не любить твой облик душный
 Всем существом, от глаз до рук?

В часы любви к тебе — не помню,
 Какому знамени служу,
 С душой, опять блаженно-темной,
 По стогнам знойным прохожу.

Когда с вокзалов мутно-синих
 Поют протяжные гудки,
 Я слугам сумрачной богини
 Внимаю чутко, — и легки

Клубящиеся предвечерья,
 Их лиловатый, сизый дым,
 И весь мой город — лишь преддверье
 Миров, маячащих за ним.

Бросаю жизнь в толпу, как в россыпь,
В поток вливаюсь, как ручей,
И с каждым шагом — легче поступь,
А кровь густая — горячей.

И на заре, когда задерну
Гардину светлого окна,
Ещё раз в голос твой упорный
Вникаю на границе сна,

Как в ропот мощный океана, —
И мысль прощальная остра,
Что хмель беспутства и обмана
Назавтра будет, как вчера.

1929–1946

2. НА БАЛКОНЕ

Острроверхим очерком вдали —
Кремль
синий,

А внизу — клокочущая хлябь,
Поток:
Пятна перемешивая, смыв
рябь
линий,

Улица, как Волга, бурлит
У ног.

Ветром овеваемы, теплом.
дня
полны,

Высотой качаемы, смеясь,
Поём,
Чтоб с закатов розовых неслись
к нам

Нежа нас над городом — одних,
Вдвоём.
волны,

Зрелища и гульбища уже
чуть
алы,

Пенясь, точно свадебным вином
Ковши...
Ах, дитя беспечное! Когда б
ты
знала

Яд возревновавшей об одном
Души!

Имя повелительницы всех
снов
духа

Я не прошепчу тебе ни здесь,
Вверху,
Ни — в полночных комнатах, где плач
твой

Канул бы, как ветер среди хвой,
Во мху.
глухо

Только предвечерием ты кинь
взгляд
чуткий

На лицо любимое, когда
С террас
Вижу, как над городом бурлит
яд
в кубке:

Дымка над громадами труда,
Зыбь трасс;

Иль, когда среди ночи, меж глухих
штор
спальной,

Фонари бесчисленные — там,
На дне,
Чертят, как узоры на шелках
мглы

Имя, приоткрытое судьбой
Лишь
мне.
дальной,

1950

3. ГЛАЗА РУК

По стали, мрамору и дереву
 Рукой внимательной скользя,
 Я проходил — и плоть не верила,
 Что их глубин постичь нельзя.

Я слышал ясно излучения —
 То спрятанней, то горячей —
 От страстной, как создание гения,
 Нагой поверхности вещей.

Она являлась расколдованной,
 Жила беспечно и пестро
 В камнях, в фанере полированной,
 В блестящем никеле метро.

Я знал: то было эхо смутное
 Живых, кипящих мириад,
 Чьих рук касание минутное
 Предметы бережно хранят.

Но вник я мудрым осязанием
 Ещё безмерно глубже: в тло,
 В пучины, чуждые названиям
 И рубрикам «добро» и «зло».

Тот слой связует человечество
 С первичным лоном бытия;
 Быть может, в древних храмах жречество
 О нём шептало, смысл тая.

Но имя то газообразное
 Как втисну в твердый хруст речей?
 Слова — затем, чтоб значить разное.
 Их нет для общей тьмы вещей.

1950

4. ТАНГО

Подёргиваются пеплом оранжевые поленья,
 Сужается у камина и блёкнет горячий свет...
 О, эта терпкая мудрость просвечивающих мгновений,
 Когда ты уснёшь бездумно, и ласк твоих больше нет.

Сквозь будущее различаю излучистый путь измены,
 С неизъяснимой грустью вникаю в твои черты:
 Вчера они были солнцем, сегодня они — драгоценны,
 А завтра — забудет сердце путь к дому, где плачешь ты.

И слышу в туманах чувства неявственную октаву,
 Звучащую дальним хором над крепнущей судьбой.
 Напевы других свиданий, и бури, и ширь, и славу, —
 И с лёгкой полуулыбкой склоняюсь я над тобой.

И плечи нам душит бархат лилового изголовья, —
 Прими же прощальной данью и молча благослови
 Опустошаемый кубок — весь бред этой терпкой крови,
 Последнюю ночь всевластья закатывающейся любви.

1934

5. ГОСПОЖЕ ГОРОДА

(Первое)

В пыльный вечер и днями жаркими,
 Обещая прохладный кров,
 Многолюдными манят парками
 Гребни загородных холмов.

Там, зеркальными вея водами,
 К югу медленна и широка,
 Отдалёнными пароходами
 На закатах поёт река.

И в сиреновом предвечерии
 Всё истомою дышит здесь:
 Брагой сумрачного поверия
 Душно пенится город весь.

И опять — мостами и рынками
 Ты заманиваешь меня
 Над Басманными и Стромынками
 В раскалённый конец дня.

В пестрых играх судьбы и случая,
 В нишах лоджий, дворцов, казарм
 Осязаю изгибы жгучие
 Твоих царственных риз и барм;

В каждом беглом прикосновении
Твой напиток дремучий пью, —
Пью в чаду головокружения
Близость чувственную твою.

И божественная, и суровая,
Страстью тусклою веешь ты,
И клубятся шелка лиловые
За кумиром моей мечты.

И, чуть за́стимые их волнами,
Как сквозь движущийся витраж,
Различаю зигзаги молнии
В смежном мире, ином, чем наш.

Нет, никем ещё не распороты
Эти скользкие пелены...
Тайна! тайна! Богиня города!
Свет и морок моей страны!

1929–1950

6. ОДЕРЖАНИЕ

Я не знал, кто рубин Мельпомены
В мою тусклую участь вонзил,
Кто бичом святотатств и измены
Все черты мои преобразил.

Только знаю, что горькие чары
Мне даны бичеваньем его;
Что оваяны нимбом пожара
Весь удел мой и всё существо.

И всё явственней, всё непостижней
Самому мне тот жар роковой,
Опаляющий венчики жизнью,
Провожаемый смутной молвой.

Прохожу через тёмные лавры,
Через угли стыда прохожу, —
Дни и ночи гудят, как литавры, —
То ли к празднику, то ль к мятежу.

Глубока моя тёмная Мекка,
Её странный и гордый завет:
Перейти через грань человека,
Стать любовником той, кого нет.

1927–1950

7. СКВОЗЬ ПЕРЕЗВОН РИФМ

...И слились вечера
в морок
Огневицы,
очей,
губ...
Только тот, кто не прав —
дорог,
Кружевнице
Ночей
люб.

Ей несу я — живой
жертвой
Звонкий дар
из моих
дней,
И тоскует тоской
смертной
Стон гитар,
точно стих
к ней.

Оттого что простым
хмелем
В эту ночь
не залить
жар;
Оттого что к земным
щелям
Тянет прочная
нить
кар;

Оттого что Господь
 косит
 Дни, как травы,
 к мольбам
 глух;
 Оттого что не плоть
 просит
 Злой отравы,
 но сам
 дух.
 VII. 1950

8. МАРЕВО

Если город — дарохранильница,
 Чей же дар в нём таится, чей?
 Почему не могу отстранить лица
 Я от тёмных его лучей?

И зачем вихревая гарь его
 За кварталами тмит квартал, —
 Только — омуты! только — марево
 Вечно движущихся зеркал!

Только слышу я мощь безмерную
 И всемирное колдовство;
 Только чувствую топь неверную
 У святилища твоего.

Что ж за двойственное откровение —
 Созерцать у твоей меты
 Белый отсвет благословения
 Сил, возвышеннейших, чем ты?
 VI. 1950

9. ЛУННАЯ МЕЛОДИЯ

В сердце ночь. В судьбе темно,
 Ждать награды не с кого...
 ...Поезда поют в окно —
 С Брянского, со Ржевского,

От вместилищ тьмы и тайн
 Города гигантского,
 От предместий и окраин —
 С Курского, с Казанского...

Там с балконов и квартир —
 Радио вечернее;
 Там колдует зыбкий мир,
 Мага суевернее;

Там сады звенят струной,
 Скрыв влюблённых купами;
 Там фронтоны под луной —
 Синими уступами...

И протяжны, и легки,
 По уступам каменным
 Поднимаются гудки
 К облакам беспланенным:

Чтоб короной звуковой
 Ночь была увенчана;
 Чтоб луна плыла живой,
 Нежною, как женщина...

Мироуправящих высот
 Дочь первородная!
 Сайн! Селена! Астарот!
 Вечная! свободная!
 VI. 1950

10. ГОСПОЖЕ ГОРОДА

(Второе)

Станут к вечеру алы
 Купола и уступы
 Городских Гималаев
 В средоточье твоём;
 Еле дышат каналы,
 Чуть колышутся купы,
 И от веянья вай
 Свеж любой водоём.

Вот, блаженного плена
 Страсть и боль обещающая,
 Луна — Квилла — Селена —
 Сайн — Геката — Танит, —
 Поднимаясь на пики
 Тёмно-синего рая,
 Этот город столичный
 Твоим зовом томит.

Здесь белеют в тумане
 Торсы мраморных статуй,
 Здесь, как ландыши, манят
 В глубь аллей фонари,
 Здесь по шепчущим паркам
 Твой незримый глашатай
 В крови терпкой и жаркой
 Будет петь до зари.

И в сиреневых далях
 Цепь двойных канделябров
 По ночным магистралям
 Устремится к тебе, —
 Страсть горячих и юных,
 Доблесть гордых и храбрых
 Чарам жертвуя лунным
 И твоей ворожке.

На опал небосклона
 Чёрный контур вокзалы
 Из гранитного лона
 Вознесут с трех сторон;
 Фиолетовых аур
 У окраин опахала
 Оторочат, как траур,
 Твой невидимый трон.

И в колдующий вечер
 Древним вкрадчивым ядом
 Все объятья и встречи
 Пронизав до конца,
 Будешь ты до погони
 Править царственным градом,
 Как богиня — в короне,
 Как туман — без лица.
 VII. 1950

II. КАРОССЕ ДИНГРЕ

Прозреньем безжалостным я разъял
 Кромешную суть твою,
 И всё же мой горький, горький фиал
 К ногам твоим лью и лью.

Не совместимо в людском естестве
 То, что слилось в тебе,
 В твоём завораживающем колдовстве,
 В неутолимой алчбе.

Мать бесчисленных мириад,
 Плоть начальных племён,
 Творивших царство века назад, —
 Тебе цитадель и трон;

И — отдающая свой порыв
 Любому — без слов, без дум,
 Каждому исполину открыв
 Свой пламень, разгул, самум.

Ты — поприще, на котором, гремя,
 Гиганты вступили в бой, —
 Ты, раздираемая двумя,
 Из коих могуч — любой.

Ты — первое из покрывал на пути
 К противозначным мирам,
 Куда мой дух взманила брести
 Мать Мрака по вечерам.

Преграда отброшена — и в глубине
 Чуть слышится, как перезвон,
 Хрустальный голос, поющий мне
 Из цитадели времён:
 XII. 1950

12. ГОЛОС ИЗ ЦИТАДЕЛИ

...Ты ждал меня в ночи паденья,
 Сквозь беглые блики свиданья,
 Моля моего нисхожденья
 В предел твоего мирозданья.

Но юные руки не смели
Взять ключ от моей цитадели,
И очи понять не могли бы
Дорог моих тьму и изгибы.

Не ведают ваши сказанья,
Как я у подземных низовий
Тоскую о вашем лобзанье,
О плоти горячей и крови.
Люблю твою грешную душу,
Свободы её не нарушу
И в трижды-блаженную стужу
Запретами путь твой не сужу.

Сулить тебе вечность не стану,
От мрака тебя не укрою,
Но лаской залью твою рану,
Как воину, мужу, герою.
Люблю тебя в зле и в паденье,
В изменах, кощунствах, раденье, —
Всё ближе к тебе я, всё ближе, —
Взгляни же, любимый, — приди же!

1933–1950

13. ВТОРАЯ ВЕСТНИЦА

Все запреты, все законы —
Позади.
На вечерние балконы
Выходи:

Её город — из сверканий
Сплёл венки;
Там хребты могучих зданий
Спят у ног,

Чешуёй Левиафана
Чуть блестя,
Пряди мутного тумана
В плащ плетя...

Вот, в окраинах шевельнулась,
Встала мгла,

Подлетает, прикоснулась,
Обняла,

Душным ветром уврачует
Муки ран,
Дальней дымкой зачарует
Сонных стран, —

Станет радостно, и жутко,
И светло...
На крыло своё подхватит —
На крыло!

...Стяги машут городские
Там, внизу,
Светы пляшут ведовские,
Мчат в грозу, —

Весь расцвечен зодиаком,
Шелестящ,
Бьёт в лицо лиловым мраком
Знойный плащ, —

Омрак душен, омрак сладок —
Прах ли? высь?..
Только шёпот — шорох складок:
— Не страшись,

— Ты отдался в муке жгучей,
В мятеже,
— Уношу тебя к могучей
Госпоже, —

— Там не спросишь, не поволишь
Ни о чём,
— Станешь духу добровольным
Палачом, —

— Усыпальницу построит
Изо льда,
— В сердце мрака успокоит
Навсегда... —

VII. 1950

14. НАД ГОРОДОМ

Чудо?.. Сон?.. Трансформа плоти?..
Хлад зелёный небосклона
Звонко ширится навстречу,
 А внизу — черным-черно...
К куполам твоим — в полёте
Над вращающимся лоном
Городов и башен — сердце
 Взметено.

Ветер звонкий, хлад вечерний
Бьёт и хлещет на лету,
Месяц катится ущербный
Вниз, за дольную черту,

А внизу, в пустынных скверах,
В притаившихся кварталах —
Тайный шабаш страстной ночи,
 Всплески рук...
Взвыли хищные химеры
У тоскующих вокзалов,
Горизонтом оторочив
 Гулкий круг.

Узнаю урочья мира,
Града стольного урочья,
Контур гордой цитадели
 Узнаю...
Сердце — песня! сердце — лира!
Сердце мчится к средоточью,
Сердце сжато смертной целью
 В ночь свою.

Мы на взлете? мы на спуске?..
Слепы грузные дворцы;
Закатился месяц узкий
Вниз, за черные зубцы.

Только хищные химеры
Воют гимн у горизонта,
Только перстень темной веры
 Здесь, со мной...
О владычица народов!
О гасительница солнца!
В глубочайшем мраке сводов
 Упокой.
VII. 1950

III. ПОХМЕЛЬЕ

I

Не летописью о любви,
 Не исповедью назови
 Ты эту повесть:
 Знаменовалась жизнь моя
 Добром и злом, но им судья —
 Лишь Бог да совесть.

Мой сказ — про жизнь души второй.
 Бросая брызги лишь порой
 На брег событий,
 С младенчества шумел поток
 Мечтаний, горя, снов, тревог,
 Идей, наитий.

Кто над стихом моим стоит,
 Как друг суровый говорит:
 — Будь смел и зорок, —
 Пером жестоким запиши
 Весь апокалипсис души,
 Весь бунт, весь морок;

Безумных лет кромешный жар
 И путеводный свет Стожар
 В любой секунде
 Тех непроглядных, вьюжных дней,
 Да вспыхнет гимном перед Ней
 Твой De profundis.

Пусть странен, режущ и угрюм
 Деяний, вымыслов и дум
 Звучащий слиток:
 Кто понял высший твой расчёт,
 Тот с бережливостью прочтёт
 Сказ мук и пыток.

И пусть глумится суд людской
 Над непонятною тоской
 И тёмной славой:
 Твой сказ дойдет до тех, кто был
 Слепим не отблеском светил,
 Но адской лавой.

1950

2. РОМАНТИЧЕСКИЙ ЗАПЕВ

Без герба, без знамени, без свиты,
 Без зачатых знаков на броне
 Через топь Народной Афродиты
 Я летел на ржущем скакуне.
 Я летел — и только факел смольный,
 Как ножом, выкраивал из тьмы
 Ключья, пряди, — хлопья жизни дольной,
 Но ещё разумные, как мы.

Ты ль меня с подземной цитадели
 Кружевницей Ночи позвала,
 Завихряла тонкие метели,
 В дни дождей двоила зеркала?
 Разве голос твой тысячешумный
 Мог бы звать виолой снеговой,
 Как напев погибели безумной.
 Разве — твой?

Что ты знаешь о подземных перлах,
 Чьей игре смеется госпожа, —
 Ты, соблазн у первого из первых
 Рубежа?
 О богах мятежного надира,
 О заветах чёрной чистоты
 Что, каросса, мутный сколок мира,
 Знаешь ты?!

Дальше, ниже!.. Где, за Ахероном,
 Охраняя девственный приют,
 Кружат луны в траурных коронах
 И поют, волшебные, поют!

Где морей свинцовых и чугунных
 Глухо бьёт размеренный спондэй —
 Глубже! в хаос! ниже всех подлунных,
 К ней! Лишь — к ней!

1926–1950

3. ИЗМЕНА

Как горестно взмывает на простор
 чуть лунный
 Гудков за горизонтом перебор
 трехструнный!
 Сонь улиц обезлюдевших опять
 туманна...
 Как сладко нелюбимую обнять,
 как странно.

Как сладостно шептать ей в снеговой
 вселенной
 Признаний очарованных весь строй
 священный,
 Когда-то для возлюбленной моей,
 когда-то,
 Так искренно сплетённый из лучей,
 так свято...

Глаза эти, и косы, и черты,
 и губы
 Не святы, не заветны для мечты,
 не любви,
 Но — любо, что умолкла над судьбой
 осанна...
 Кошунствовать любовью и тобой
 так странно.

А завтра будет празднество с другой,
 и в каждой —
 Незримая, влекущая тоской
 и жаждой...
 Как горько заблудился в снеговом
 дворце я,
 В преддверье заколдованном твоём,
 Цирцея.

1927–1951

4. ДРУГУ ЮНОСТИ, КОТОРОГО НЕТ В ЖИВЫХ (Третье)

Я любил тебя горчайшею из дружб
 за то,
 Что никто ещё не понял наших душ —
 никто.
 Эти мутные ночные небеса,
 ветра,
 Диски желтых циферблатов в три часа
 утра,
 Нелюдимые капли, гуд перил,
 мосты, —
 Эту музыку апреля так любил
 лишь ты.

Я признал тебя за то, что ты, родной,
 как брат,
 Понял чувственной любовью — роковой
 наш град,
 И за то, что его страстный и живой
 гранит
 наших рук прикосновение под пургой
 хранит.

Я любил тебя за поздние огни
 в домах,
 За отметивший ночные наши дни
 размах,
 За наш иней по аллеям, где мы шли,
 друзья,
 И за то, что был лелеем ты Москвой,
 как я, —
 За угрюмые урочища в глухой
 глуши,
 И за молодость порочную хмельной
 души...

1951

5

Мчатся гимны, звенят
 метрами,
 Порошит вихревой
 снег...

Лишь иногда, пронзив ознобом,
Казня позором жизнь мою,
Мелькнёт мне встреча — там, за гробом,
В непредугаданном краю:

Когда, бескрылы и безглавы,
Мы вступим вместе, ты и я,
Пройдя последний столб заставы,
На мост у рек небытия.

1941–1950

8. «ТЁМНЫЕ ГРЁЗЫ ОКОВЫВАТЬ МЕТРОМ»

(Гумилёв)

...Ты с башни лиловой сходила
В плаще векового преданья,
А в улицах, в ночи свиданья,
Как оттепель, стлалась у ног,
Сулила, звала и грозила
И стужей, и вечной изменой,
С бездонных окраин вселенной
Сверкая, как звёздный клинок.

И имя твое возглашали
Напевом то нежным, то грубым
Вокзалов пустынные трубы —
Сигналы окружных дорог,
И плакали в чёрные дали,
И ластились под небесами,
И выли бездомными псами —
В погибель скликающий рог.

И сладостно было — утратам
Шептать оправданье, как счастьем,
И праздновать горем и страстью
С тобою одной торжество,
И имя твое до заката
Оковывать сумрачным метром,
И душу развеивать ветром
У башни дворца твоего.

Но стыли его амбразуры,
Как крылья распластавший кондор,
И ярусом мраморный контур,
Откинувшись, рос к облакам...
И я пробуждался; и хмурый
Рассвет проползал в мои двери,
Сгоняя туманы поверий
Назад, к догорающим снам.

.....

1932

9

Дух мой выкорчеван. Всё мало.
Мысль отравлена. Кровь — в огне.
Будто Ад огневое жало
В ткань душевную
вонзил
мне.

Только смертная крепнет злоба.
Только мысль о тебе, дрожа,
Хлещет разум бичом озноба,
Сладострастием мятежа.

Долг осмеян. Завет — поруган.
Стихли плачущие голоса,
И последний, кто был мне другом,
Отошел, опустив глаза.

Лже-апостолом
и лже-магом,
Окружён пугливой молвой,
Прохожу размеренным шагом
С гордо поднятой головой.

Брезжит день на глухом изгибе.
Время — третьему петуху.
Вейся ж, вейся, тропа, в погибель,
К непрощающемуся греху.

1926–1950

Ю

Я в двадцать лет бродил, как умерший.
Я созерцал, как вороньё
Тревожный грай подъемлет в сумерках
Во имя гневное твоё.

Огни пивных за Красной Преснею,
Дворы и каждое жильё
Нестройной громыхали песнею
Во имя смутное твоё.

В глуши Рогожской и Лефортова
Сверкало финок острие
По гнездам города, простертого
Во имя грозное твоё.

По пустырям Дорогомилова
Горланило хулиганьё
Со взвизгом посвиста бескрылого
Во имя страшное твоё.

Кожевниками и Басманными
Качало пьяных забытьё
Ночами злыми и туманными
Во имя тусклое твоё.

И всюду: стойлами рабочими,
В дыму труппоб, в чаду квартир,
Клубился, вился, рвался ключьями
Тебе покорствующий мир.

1927–1950

II. ЭРИНИИ

I

В тот вечер багровость заката
Я встретил, как пурпур конца.
С эстрады, беснуясь, стаккато
Бряцало, как звон бубенца;
В оранжевой призме токая
Ломался танцующий зал,

Но скорбь моя крепла — такая,
Что горшей тоски я не знал.

То рвались последние звенья
Любви, осквернённой дотла,
И удаль, и мука схожденья
Предательской лестницей зла;
И та, что над каждым губимым
Склоняется — смерти помочь...
И замысел, тлевший рубином
На эту проклятую ночь.

И, будто бой сердца услышав,
Осёкся неистовый альт,
Когда я без спутников вышел
На снежный и тихий асфальт.
Двойных фонарей отпечаток
Качался у белых излук,
И чёрная замша перчаток
Была только маской для рук.

Одиннадцать!.. Сладкий огонь я
Почувствовал десятикрат
От знания, что стиснут ладонью
Мой верный, отточенный брат;
От знания, что ложь лицедействия
Подводит меня к рубежу,
И в том, что ступенью злодейства
Я к царству её нисхожу.

II

Поздно. Катов, по-ребячьи, оркестрами
Дует в смешную дуду.

Резвые «нурмисы»

гранями острыми
С шорохом мчатся по льду.

Мир, не запятнанный

звонкими призраками,

В белых аллеях возник,
И мимоходом у парковой изгороди
Приостанавливаюсь

на миг.

Эта минута —
 про юность влюблённую
 В снежном её хрустале,
 Про чёрную шапочку с верхом зелёным,
 Про голос, любимейший на земле...

— Прочь! —

Вдаль... В снег... В ночь...
 Мутное небо над головой...
 Сощуренные глаза —
 Нацеливаемый удар — — —

III

...Напрасно он ждал подарка!
 У ненависти — свой долг!
 ...Все пусто в аллеях парка,
 И крик, прозвучав, смолк.

Дух ночи пьян ворожбою,
 Пьянящ и лукав, чуть тал...
 Над дальним катком гобой
 Заньли, как встарь, «Байкал».

Ладони в огне. — Я ранен?
 Нет трепета, страха нет.
 Но тишь враждебной странен
 Свидетель злодейства — снег.

IV

А у катка — над огнями, плакатами
 Льются валторны, и там
 Вальсов медлительных ритмы крылатые
 Вспархивают
 по пятам.

Нет, не в судилищном пурпуре, — в инее,
 Лёгком, как пух тополей,
 Гонят и гонят напевы — эринии
 В глубь ледяных аллей.

— Помнишь ли?.. вспомни! вечер сиреневый
 В давние времена,

Шум многоводного ливня весеннего,
 Льющийся в зал из окна;

Это — к грядущему, к радости, к мужеству
 Слушал ты плещущий зов...
 Кружится, кружится, кружится, кружится
 Медленный вихрь лепестков — —

— Помню! Молчите! —

 Но снежной пустынею,
 Радостный, мирный, простой,
 Гонит напев, роковой как эринии,
 Юной своей чистотой.

Боже. — Те годы, как в золоте, выбили
 В сердце Твой знак навсегда...
 Помню — и всё предаю ради гибели, —
 Горя, — убийства, — стыда.

1926–1950

12. НЕ ДУГГУР ЛИ?

Духовной похотью томим,
 Червём клубящимся терзаем,
 Брёл по урочищам нагим
 Я в поисках за нижним краем.

Никто не знал, что груз греха
 Нести привык я, успокоясь;
 Что смертной тишиной тиха
 Полураздавленная совесть.

Я брёл сквозь низость и позор,
 Не слыша мук ничьих, ни стонов,
 И различал мой тусклый взор
 Лишь тусклые глаза притонов.

Дар человека — звуки слов —
 Утратив ради страстной дрожи,
 Из-под ворот, из-за углов
 Клубились, ухмыляясь, рожи.

Они вползали в окна, в дверь,
И каждый извивался прядью,
И каждый полз, нагой как зверь,
Навстречу братскому исчадью.

И жажда тошная росла:
Вот так же биться в струях пыли,
Забыть, что были два крыла,
Как эти скопища забыли.

Нет, глубже! ниже! В тот испод,
Куда не смеют даже клочья,
Где гаснет время, гаснет счет,
Где н и к а к о г о средоточья.

1950

13

Не из хроник столетий, не из дымки преданья
Это жгучее знанье разрушающих сил.
Сам я черпал из духа

этот опыт восстанья,

Терпкий оцет паденья

добровольно вкусил.

И, проплыв Ахероном к мировому низовью,
В лабиринте открыл я

предпоследнюю дверь:

Оттого — этот тяжкий

стих, сочащийся кровью,

Стих, влачащийся к дому,

как израненный зверь.

Плачь, Великое Сердце необъятной вселенной,
Плачь, родник состраданья беспредельного, — плачь.
Плачь о жалобных сонмищах,

о темницах геенны,

Где несчастнее пленников сам тюремщик — палач.

Плачь, Великое Сердце, о бездомных скорлупах,
Чей удел невозвратный

мог быть строг и велик;

О мятущихся хлопьях на последних уступах,
Обо всех, утерявших
человеческий лик!

Глубочайшая тайна — попущенье Господне
Мировому страданью и могуществу зла:
Не зажгутся созвездья в глубине преисподней
И секира возмездья
не разрубит узла.

Плачет клир серафимов, стонут в безднах химеры,
Воют звери-стихии в круговой ворожке,
И ни совесть, ни разум — только жгучая вера
Чует дальнюю правду
в непроглядной судьбе.

1950

14. ПРОБУЖДЕНИЕ

Я не помню, кто отпер засовы:
Нет, не ангел, не ты, не я сам,
Только ветер пустынный и новый
Пробежал по моим волосам.

Выхожу на безлюдные стогны.
Облик города мёртв, как погост.
В этажах затененные окна
Слепо смотрят на крыши и мост.

И всё тише в предместиях дальних,
Всё печальней поют поезда:
Есть укор в их сигналах прощальных,
Удаляющихся навсегда.

Уж метель не засыплет венками,
Не заискрятся пеной ковши:
Будто режущий гранями камень
Кем-то вынут из сонной души.

Ни надежды. Ни страсти. Ни злобы.
Мир вам, годы без гроз, без огня!
Здравствуй, едкая горечь озноба,
Ранний вестник свинцового дня.

1950

15. ДРУГУ ЮНОСТИ,
КОТОРОГО НЕТ В ЖИВЫХ

(Последнее)

Ты ждёшь меня в пустыню каменную,
Где правит падший серафим,
И путь твой, сквозь миры беспламенные,
Для нас, живых, непредставим.

Есть преступления недосказанные,
Из серого, как пепел, льда.
Есть нити судеб, не развязанные
Нигде, — никем, — и никогда.

Пойдём ли мы тропею суженою
Вдоль нижних бездн плечом к плечу —
Какою откуплюсь жемчужиною?
Каким талантом заплачу?

Но эту встречу устрашающую
Там, в глубине других миров,
Я, как расплату искупающую,
Как воскресенье, ждать готов.

Люблю тебя любовью раненою,
Как не умел любить тогда,
В ту нашу юность затуманенную,
В непоправимые года.

1950

16. СО СВЕЧОЙ

Летопись сердца у жёлтой свечи
Долго читаю в тиши,
В грани стиха собираю лучи
Перегоревшей души.

Но наползает, как тень, на кристалл
Мрак недосказанных лет:
Выюга — клинок — непроглядный квартал,
Поздний, свинцовый рассвет...

Да: Весовщик нелюдим и суров,
Плата за кровь — дорога:
Нож мой, отточен с обоих концов,
Ранит меня, как врага.

Будь навсегда моим Городом скрыт,
Перечень зол роковых!
Только наполнит непонятый стыд
Этот тоскующий стих.

В летопись сердца страницу ещё
Чётким пером запиши:
Пеплом позора оплаченный счёт
Опустошённой души.

1933

17

Вина — во мне. Я предал сам
Твоим подземным чудесам
Дар первородства,
Сам зачеркнул — когда-то мне
Назначенные в вышине
Века господства.

Беспечный мальчик, я ступил
За Рубикон кромешных сил,
Где смерть — услада,
Где величайшее из благ —
Развеять свой духовный прах
В трясилах ада.

Я полюбил твоих снегов
Лукавый смерч, скользящий зов
И лёгкость пуха,
Я сам отрёкся от венца
Во имя страстного конца
Души и духа.

Из камня улиц я исторг
Псалом Блуднице, и восторг
Был в этом гимне.

Дерзну ль теперь взывать Христу:
«Дай искупить измену ту,
Жить помощи мне?»
VI. 1950

18. ДВЕНАДЦАТЬ ЕВАНГЕЛИЙ

Свежий вечер. Старый переулок,
Дряхлая церковушка, огни...

Там тепло, там медленен и гулок
Голос службы, как в былые дни.
Не войти ли?.. О, я знаю, знаю:
Литургией не развеять грусть,
Не вернуться к преданному раю
Тропарём, знакомым наизусть.
В самом детском, жалком, горьком всхлипе
Бесприютность вот такая есть...

Загляну-ка. —
Что это?.. Протяжный
Глагол священника, — а там, вдали,
Из сумрака веков безликих
Щемяще замирает весть:

— То ли ко время с вами есмь,
И не познал Меня, Филиппе. —

...Шумит Кедрон холодной водовертью.
Спит Гефсимания, и резок ветер ночной...

— Прискорбна есть душа Моя до смерти;
Побудьте здесь
и бодрствуйте со Мной. —

Но плотный сон гнетёт и давит вежды,
Сочится в мозг, отяжеляет плоть;
Усилением немислимой надежды
Соблазна не перебороть, —
Не встать, не крикнуть...
Из дремоты тяжкой
Не различить Его кровавых слез...
Боренье смертное, мольба о чаше

Едва доносится... Христос!
Века идут, а дрёма та же, та же,
Как в той евангельской глуши...
Освободи хоть Ты от стражи!
Печать на духе разреши!

Но поздно: Он сам уже скован,
Поруган
и приведён.
Вторгается крик — Виновен! —
В преторию и синедрион.

На дворе — полночь серая
Кутает груды дров;
Тускло панцири легионеров
Вспыхивают у костров.
Истерзанного, полуголого
Выгаливают на крыльцо,
Бьют палками,
ударяют в голову,
Плюют в глаза и лицо;
И к правителю Иудеи
Влекут по камням двора...

Отвернувшийся Пётр греется,
Зябко вздрагивая, у костра.
Пляшут, рдеют, вьются искры,
Ворожит бесовский круг...

Где-то рядом, за стеной, близко,
Петух прокричал вдруг.

И покрылся лоб
потом,
Замер на устах
стон...
Ты услышал? Ты вспомнил? понял?

И, заплакавши горько,
пошёл вон.

И в измене он сберёг совесть,
Срам предательства не тая.
Он дерзал ещё прекословить
Ложной гордости. — Так. А я?

Но уже и справа, и слева,
 Торопящая суд к концу
 Чернь, пьянимая лютым гневом,
 Течёт к правительственному дворцу.
 И уже и слева, и справа,
 В зное утреннем и в тени,
 Древний клич мировой державы,
 Крови требующей искони:

— Варавву! Варавву!
 — Отпусти к празднику!
 — Освободи узника!
 — Иисуса — распни!
 — Игэмон, распни!.. —

— Не повинен есмь
 в крови праведника.
 Вы — узрите!.. —

Уже всенародно, пред всевидящим солнцем,
 Руки умыл Пилат.
 Уже Иуда швыряет червонцы
 Об пол священнических палат;
 Уже саддукеи, старейшины, судьи
 С весёлыми лицами сели за стол,
 И вопль народа «Да проклят будет!»
 Сменяется шагом гудящих толп —
 Все в гору, в гору, где, лиловея,
 Закат безумного дня зачах,
 И тёмный Симон из Кириanei
 Громоздкий крест несёт на плечах.

— И будто чёрное дуновенье
 По содрогнувшейся прошло толпе.
 Огни потухли. В отдаленье,
 На правом клиросе, хор запел.
 Он пел про воинов, у подножья
 Бросавших кости, о ризах Христа,
 Что раньше выткала Матерь Божья,
 Здесь же плачущая у креста.
 Уж над Голгофою тени ночи
 Заметались в горьком бреду...

Он вручил Себя воле Отчей
 И, воззвав,
 испустил дух. —

Свежесть улиц брызнула в лицо мне.
 Век Двадцатый, битвы класс на класс...

Прохожу, не видя и не помня,
 Вдоль пустынных, серых автотрасс.

Прохожу со свечкою зажжённой,
 Но не так, как мальчик, — не в руке —
 С нежной искрой веры, сбережённой
 В самом тихом, тайном тайнике.

Умеряя смертную кручину,
 Не для кар, не к власти, не к суду,
 Вот теперь нисходит Он в пучину —
 К мириадам, стонущим в аду.

А в саду таинственном, у Гроба,
 Стража спит, глуха и тяжела,
 Только дрожь предутреннего зноба
 Холодит огромные тела.

1931–1951

19. ИЗ ПОГИБШЕЙ РУКОПИСИ

Без небесных хоров, без видений
 Дни и ночи тесны, как в гробу...
 Боже! Не от смерти — от падений
 Защити бесправную судьбу.

Чтоб, расслаблен повседневной смутой,
 Без стыда, без подвига, без сил,
 Я стеной позорного уюта
 В день грозы себя не оградил;

Чтоб, дымясь по выжженным оврагам
 И переступая чрез тела,
 Мгла войны непоправимым мраком
 Мечущийся ум не залила;

Научи — напевы те, что ночью
Создавать повелеваешь Ты, —
В щель, непредугаданную зодчим,
Для столетней прятать немоты.

Помоги — как чудного венчанья
Ждать бесцельной гибели своей,
Сохранив лишь медный крест молчанья,
Честь и долг поэта наших дней.

Если же пойму я, что довольно,
Что не будет Твоего гонца,
Отврати меня от добровольной
Пули из тяжелого свинца.

1937

20

С бдящими бодрствует Ангел. — Не спи:
Полночь раздвинет и слух твой, и зренье.
Вот зазвучал от вершин в отдаленье
Колокол на золоченой цепи.

Узник, ты волен! Исполнился час:
Это проходят в Саду Совершенных
Братья-водители тёмных и пленных,
Чтобы молиться о каждом из нас.

Каждый из них по земле проходил,
Ведал, как мы, истязанья и жажду, —
Это — святые, рожденные дважды
И вознесённые к Господу Сил.

Медленно в голубоватую тьму
Тают клубы озарённого дыма...
Белый собор в ледниках. Серафимы
С пенем восходят и сходят к нему.

Кровь ли алеет в живом хрустале?
Рдеют дары ли на белом престоле?..
— Братья едины в светящейся воле —
Волю Пославшего длить на земле.

Каждый идёт — и бросает цветы
В дремлющий дол с голубого отрога,
И опускаются лилии Бога
В бдение наше, и в сон, и в мечты.

1936

21. ЗВЕЗДА МОРЕЙ

Нет, не Тому, Кто в блещущем уборе
Слепит наш разум мощью неземной, —
Тебе одной молось в последнем горе,
Тебе Одной.

Взор замутнён, душа полна обманом,
Паденьем страстным отяжелена...
Светла, как встарь, над шумным океаном
Лишь Ты одна.

Ты видишь мой кромешный путь в пустыне,
Ты слышишь век, грядущий, всё дробя...
И всё ж молить Тебя дерзаю ныне,
Одну Тебя.

На скорбный дух надеждой мирной брызги,
Дай искупить срыв в бездну роковой,
Пролить до капли кубок тёмной жизни
Перед Тобой.

Мой дар окреп под тяжестью расплаты,
Здесь, в тайниках, не хоженных людьми...
О творчестве, о мудрости заката
Мольбу прими.

Как в старину, в неукротимом море
Ты, осенив, хранила рыбаблей,
Услышь мольбу в моём последнем горе,
Звезда Морей.

1950

КРЕСТ ПОЭТА

Тёмен жребий русского поэта:
 Неисповедимый рок ведет
 Пушкина под дуло пистолета,
 Достоевского — на эшафот.

М. Волошин

РЫЛЕЕВУ

Вечера мгла седая
 По сумрачной шла Неве,
 К травам острова Голодая,
 К мертвой моей голове.

Несмыкающимися очами
 Я смотрел — через смертный сон —
 Как взвивает трехцветное знамя
 Петропавловский бастион.

Долгим саваном ночи белой
 Петербург укрыла заря,
 И раскачивал хладное тело
 Ветер Северного Царя.

МАРТ 1929

ГРИБОЕДОВ

Бряцающий напев железных строф Корана
 Он слышал над собой сквозь топот тысяч ног...
 Толпа влачила труп по рынкам Тегерана,
 И щебень мостовых лицо язвил и жёг.

Трещало полотно, сукно рвалось и мокло,
 Влачилось хлопьями, тащилось бахромой...
 Давно уж по глазам очков разбитых стекла
 Скользнули, полоснув сознание вечной тьмой.

— Алла! О, энталь-хакк! — раскатами гремели
 Хвалы, глумленья, вой — Алла! Алла! Алла!..
 ...Он, брошенный, лежал во рву у цитадели,
 Он слушал тихий свист вороньего крыла.

О, если б этот звук, воззвав к последним силам,
 Равнину снежную напомнил бы ему,
 Усадьбу, старый дом, беседу с другом милым
 И парка белого мохнатую кайму.

Но если шелест крыл, щемящей каплей яда
 Сознание отравив, напомнил о другом:
 Крик воронья на льду, гранит Петрова града,
 В морозном воздухе — салютов праздный гром, —

Быть может, в этот час он понял — слишком поздно, —
 Что семя гибели он сам в себе растил,
 Что сам он принял рок империи морозной:
 Настиг его он здесь, но там — поработил;

Его, избранника надежды и свободы,
 Чей пламень рос и креп над всероссийским сном,
 Его, зажжённого самой Душой Народа,
 Как горькая свеча на клиросе земном.

Смерть утолила всё. За раной гаснет рана,
 Чуть грезятся ещё снега родных равнин...
 Закат воспламенил мечети Тегерана
 И в вышине запел о Боге муэдзин.

1936

[ГУМИЛЁВ]

«...Ах, зачем эти старые сны:
 Бури, плаванья, пальмы, надежды,
 Львиный голос далекой страны,
 Люди чёрные в белых одеждах...
 Там со мною, как с другом, в шатре
 Говорил про убитого сына,
 Полулёжа на старом ковре,
 Император с лицом бедуина...

Позабыть. Отогнать. У ручья
 Всё равно никогда не склониться,
 Не почувствовать, как горяча
 Плоть песка, и воды не напиться...
 Слышу подвига тяжкую власть
 И душа тяжелеет, как колос:

За Тебя — моя ревность и страсть.
За Тебя — моя кровь и мой голос.

Разве душу не Ты опалил
Жгучим ветром страны полудённой,
Моё сердце не Ты ль закалил
На дороге, никем не пройдённой?

Смертной болью томлюсь и грущу,
Вижу свет на бесплотном Фаворе,
Но не смею простить, не прошу
Моей Родины грешное горе.
Да, одно лишь сокровище есть
У поэта и у человека:
Белой шпагой скрестить свою честь
С чёрным дулом бесчестного века.

Лишь последняя ночь тяжела:
Слишком грузно течение крови,
Слишком помнится дальняя мгла
Над кострами свободных становий...
Будь спокоен, мой вождь, господин,
Ангел, друг моих дум, будь спокоен:
Я сумею скончаться один,
Как поэт, как мужчина и воин».

1935

ХЛЕБНИКОВ

Как будто музыкант крылатый —
Невидимый владыка бури —
Мчит олимпийские раскаты
По сломанной клавиатуре.
Аккорды... лязг... И звёздный гений,
Вширь распластав крыла видений,
Вторгается, как смерть сама,
В надтреснутый сосуд ума.

Быт скуден: койка, стол со стулом.
Но всё равно: он витязь, воин;
Ведь через сердце мчатся с гулом
Орудия грядущих боен.
Галлюцинант... глаза — как дети...

Он не жилец на этом свете,
Но он открыл возврат времён,
Он вычислил рычаг племён.

Тавриз, Баку, Москва, Царицын
Выплывают оборванца
В бездомье, в путь, в вагон, к станицам,
Где ветер дикарский кружит в танце,
Где расы крепили на просторе:
Там, от азийских плоскогорий,
Снегов колебля бахрому,
Несутся демоны к нему.

Сквозь гик шаманов, бубны, кольца,
Всё перепутав, ловит око
Тропу бредущих богомольцев
К святыням вечного Востока.
Как феникс русского пожара,
ПРАВИТЕЛЕМ ЗЕМНОГО ШАРА
Он призван стать — по воле «ка»!
И в этом — Вышнего рука.

А мир-то пуст... А жизнь морозна...
А голод точит, нудит, ноет...
О голод, смерть, защитник грозный
От рож и плясок паранойи!
Исправить замысел безумный
Лишь ты могла б рукой бесшумной.
Избавь от будущих скорбей:
Сосуд надтреснутый разбей.

1940

МОГИЛА М. ВОЛОШИНА

Прибрежный холм — его надгробный храм:
Простой, несокрушимый, строгий.
Он спит, как жил: открытый всем ветрам
И видимый с любой дороги.

Ограды нет. И нет ненужных плит.
Земли наперсник неподкупный,
Как жил он здесь, так ныне чутко спит,
Всем голосам её доступный.

Свисти же, ветер. Пой, свободный вал,
В просторах синих песнью строгой:
Он в ваших хорах мощных узнавал
Открытые реченья Бога.

Своею жизнью он учил — не чтить
Преград, нагроможденных веком,
В дни мятежей не гражданином быть,
Не воином, но человеком.

С душою страстной, как степной костёр,
И с сердцем, плачущим от боли,
Он песню слил с полынным духом гор,
С запевом вьюги в Диком поле.

И судьбы правы, что одна полынь
Сны гробовые осенила,
Что лишь ветрам, гудящим из пустынь,
Внимает вольная могила.

1934

СЕМЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

СТАНСЫ

А. А.

Порой мне брезжила отрада
В простом, — совсем, совсем простом:
Подкрасться полночью из сада
И заглянуть в мой сонный дом.

Окно распахнуто. Гардины
Чуть зыблются... Весна легка,
И отсвет, тонкий, как седины,
Скользит на сумрак потолка.

Над абажуром старой лампы
Так тих светящийся венец,
Так мирны тёмные эстампы,
Ковров тяжёлый багрянец...

Так странно нов, манящ и светел
Знакомых книг над рядом ряд:
Ночь окунула в мягкий пепел
Их слишком праздничный наряд.

Как вы пленительны, как святы,
Друзья, взлелеянные мной —
Пенаты, добрые пенаты
Родимой комнаты ночной!

Чуть внятный шелест... Шаг... И светом
Вдруг сердце сладко залило:
Как будто в сонной синеве там
Взметнулось белое крыло.

Хрупка, светла, нежна, как иней,
Прошла по комнате она
И стихла в старом кресле синем
С шуршащей книгой у окна.

Вся жизнь полна блаженным ядом,
И изменяет стих певцу,
Чуть подойду с певучим ладом
К твоим глазам, — душе, — лицу.

А счастье — в чём? Под этим кровом
Из-под руки твой взгляд следить
И зовом беглым, лёгким словом
Твой отклик сразу пробудить.

1950

ТАК БЫЛО

А. А.

...Всё безвыходней, всё многотрудней
Длились годы железные те,
Отягчая оковами будней
Каждый шаг в роковой нищете.

Но прошла ты по тёмному горю,
Лёгкой поступью прах золотя,
Лишь с бушующим демоном споря,
Ангел Божий, невеста, дитя.

Расцвела в подвенечном уборе
Белой вишнею передо мной,
И казалось, что южное море
Заиграло сверкавшей волной.

С недоверием робким скитальца,
Как святынь, я касался тайком
Этих радостных девичьих пальцев,
Озарённых моим очагом.

Гром ударил. В какой же ты ныне
Беспросветной томишься глуши, —
Луч мой, радость, подруга, — богиня
Очага моей тёмной души?

Оглянись: уже полночь разлуки
За плечами, и мрак поредел, —
Слышу издали милые руки
И наш общий грядущий удел.

И по-прежнему вишней цветущей
Шелестишь ты во сне для меня
О весенней, всемирной, грядущей
Полноте подошедшего дня.

1950

* * *

Бурей и свободой шумно маня
В пенное море,
С юности порочной бороли меня
Страсти и горе.

Ношу прегрешений, свершенных в пути,
Снять помогая,
Волю закали мою, ум просвети,
Мать всеблагая.

Приготовить научи естество
К радости цельной,
Ныне отпускаю слугу своего
В путь запредельный.

1950

* * *

Предваряю золотые смолы,
Чащу сада в мой последний год.
Утром — липы, радостные пчёлы,
Пасека, мёд.

Обойду ряды гудящих ульев,
Опущусь на тёплую скамью
Вспомнить город, блеск забытых улиц,
Юность мою.

Как далёко!.. Вот скамья нагрета
Хлопотливым утренним лучом,
И двоится зыбь теней и света
Звонким ручьем.

Кто-то добрый ходит в краснолесье,
Ходит утром близ меня в бору...
Жду тебя, неотвратимый вестник!
Я — не умру.

1933

* * *

Спасибо за игры вам, резвые рыбы,
У тихих днепровских круч!
Тебе,
отец наш Солнце,
спасибо
За каждый горячий луч;

Тебе, моя землюшка, тёплая мать,
Целовавшая пальцы ног,
Протягивавшая золотистую скатерть
Мягких своих дорог;

Вам, неустанно тёкшие воды,
За каждый всплеск и причал...
Тебе, Всеблагой, Кто руками природы
Творил меня,
нежил,
качал.

1955

* * *

А. А.

Как чутко ни сосредотачиваю
На смертном часе взор души —
Опять всё то же: вот, покачивая
Султаном, веют камыши,

И снова белый флигель — келейка
Сентябрьским солнцем залита,
Крыльцо, от смол пахучих клейкое,
И ты: такая ж — и не та.

Такими хрупко-невесомыми
Цветы становятся к зиме;
Так лес предсмертною истомою
Горит в червонной бахrome.

Пока не хлынет море вечности,
Пока над нами — бирюза,
Смотреть, смотреть до бесконечности
В ещё лазурные глаза.

Ещё раз нежностью чуть слышную
Склонись, согрей, благослови,
Неувядающе вишнюю
Расцветшая в стране любви.

1950

ПОСЛЕДНЕМУ ДРУГУ

Не омрачай же крепом
Солнечной радости дня,
Плитою, давящим склепом
Не отягчай меня.

В бору, где по листьям прелым
Журчит и плещет ручей,
Пусть чует сквозь землю тело
Игру листвы и лучей.

С привольной пернатой тварью
Спой песню и погрусти,
Ромашку, иван-да-марью
Над прахом моим расти.

И в зелени благоуханной
Родимых таёжных мест
Поставь простой, деревянный,
Осьмиконечный крест.

1936–1950

II

ПЕСНЬ О МОНСАЛЬВАТЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Т и т у р е л ь, пилигрим.
А м ф о р т а с, его сын.
П а р с и ф а л ь, первосвященник Грааля, король Монсальвата.
Л о э н г р и н, сын Парсифаля.
А м м а р э т, один из святых рыцарей Монсальвата.
Г у р н е м а н ц, перевозчик.
К о р о л ь Д ж е р о н и м Б у р г у н д с к и й.
К о р о л е в а А г н е с с а Б у р г у н д с к а я, его жена.

Рыцари:
Р а й м о н д А л ь г в а д у р с к и й
Р о ж е К а р к а с с о н с к и й
А л ь ф р е д д е Т р у а

К л и н г з о р, владелец бурга в Альпах.
Б а р - С а м а х, первый из двенадцати зодчих Клингзора.
А л ь - М у т а р р а ф, военачальник Клингзора.
К у н д р и.
Р а м а н у д ж а, брамин.
М и л а р а й б а, буддийский монах.

ПРОЛОГ

Свершилось!

Гремит по горам Елеонским
Хвалебный «Te Deum» из тысячи уст:
Бегут сарацины.

Под топотом конским —
Вопли раздавленных, скрежет, хруст, —
Бегут сарацины, как листья гонимы.
По узким извилам Иерусалима, —
И ржанье, и храп... и рыданья людей,
И озеро крови до узд лошадей.

Победою франков гремит Сальватэрра!
В далекой Европе молебны поют
О доблестных рыцарях истинной веры
И панихиды — о павших в бою.

У Гроба Господня, где ветер весною
Шелка аравийских одежд развевал, —
Железо кольчуг накалилось от зноя
И блещут глаза из тевтонских забрал.
И — стражники торжествующей веры —
У Гроба становятся тамплиеры,
И не колышутся в зное густом
Их чёрные мантии
с белым крестом.

А в жёлтой дали,
в недоступных барханах песчаных
От дней перевозанных
еще продолжается сон, —
О дева-пустыня!
Благая праматерь молчанья!

Не ты ли — ворота
 из шумной темницы времен?
 У вод Иордановых,
 зном библейским палимы,
 Расскажут пещеры
 и камни в речном камыше,
 Как в блеске и громе
 сходили с небес серафимы
 К боримой соблазнами
 испелённой душе!
 Ни ливнем, ни росами, —
 только духовною влагой
 Создавший вселенную
 эти пески оросил...
 Пески розовеют...
 закат...
 опорожнена фляга...

Дряхлый паломник лишается сил.
 Так вот где его наступила кончина!
 Уж смертная покрывает роса
 И желтые щеки в мелких морщинах,
 И жидкие старческие волоса.
 Вперенные в пламенный край небосклона,
 Тускнеют глаза под холстом капюшона,
 И узкие от векового поста
 Мольбу Иисусу шепчут уста.

От смутного детства храня предсказанье
 Об ангельском хоре в пустынном краю,
 Он вышел в дорогу — и отдал скитанью
 И юность, и зрелость, и старость свою.

У многих расспрашивал он про дорогу:
 Арабов и манихейских жрецов,
 И бенедиктинцев — искателей Бога,
 И знающих жизнь осторожных купцов.
 Смеялись купцы, назидали монахи,
 Жрецы не открыли ему ничего,
 И женщины, как от безумного, в страхе
 Домой отсылали детей от него.

И семьдесят лет перед алчущим взором
 Сменялись империи, гавани, горы,
 И тошен, и страшен был суетный свет,
 И небо молчало — семьдесят лет!
 Свершилось. Исполнилось.
 Подвигом веры
 Достигнута невозможная цель, —
 Свершилось! В безводных степях Сальватэрры
 Упал на колени старик Титурель.
 Не тщетно к Христу непреклонной любовью
 Ведом он сквозь мусульманскую тьму:
 Хрустальную Чашу с пылающей кровью
 Небесные сонмы вручают ему.

— О, возрадуйся, жаждою пламенной
 Приведённый в обитель Христа!
 Восприми же Грааль, что мы приняли
 От снимавших Его с креста!
 Эта кровь — тайна тайн, основание
 И свершение каждой души;
 Вознести ее в блеск и сверкание
 Непорочных снегов поспеши! —
 Он в ужасе пал, — без дыханья, без крика —
 Напрасно! Не скрыться от жгучего лика!
 Пронзают, как током, духовные стрелы
 Все кости, все мускулы дряхлого тела, —
 Светясь, поднимается из разрушенья
 Безгрешная плоть, неподвластная тленью,
 И сердце, на миг в обителище старом
 Притихшее, — новым могучим ударом
 Вступает в поток золотой и живой,
 Что льется из сердца любви мировой.

— И дарованной властью верховного
 Основателя — благослови
 Всех, взыскующих Солнца духовного
 И вступающих в братство Любви!

Он слышит все громче ангельский хор,
 Он видит все ярче райский простор,
 Грядущее царство над ширью земель...
 И руки к святыне воздел Титурель.

— В недоступных снегах Монсальвата
Неподкупно храни благодать
Всем, кто Господа ищет, как брата,
Как отца, как младенца, как мать!

И когда в свои кущи благие
Вас, бессмертных, примет Господь, —
У Грааля вас сменят другие,
Прокалившие подвигом плоть.

Все стихло,
 только закат над песками,
Пылающий шар в изголовье равнин...
Был путником бедным упавший на камни,
А встал с них — священник, король, паладин.
И в сердце Европы, в лесную пустыню,
Чрез хмурые кряжи и синие льды
По тропам безлюдным несет он святыню —
Духовное семя мирской борозды.
Туда, где одни первозданные горы
Да шум величавый соснового бора,
Куда не доносится голос ничей —
Ни клики турниров, ни скрежет мечей.
Вершины сомкнулись спокойною стражей,
И льды засверкали под солнцем, как мел, —
Чтоб только томимый духовною жаждой
Проникнуть в обитель Господнюю смел.
По-прежнему горестны судьбы народов:
Еще за работою меч палача,
Бурлящие волны Крестовых походов
По-прежнему льются внизу, клокоча, —
Все далее — на мировые окраины,
На блеском сказаний залитый Восток...

И вьюгой альпийской хранимую тайну
 Не знает никто.

Век мчится...
 Срывается с гор Елеонских
«Аллах-Эль-Аллах!» из тысячи уст.
Бегут крестonosцы. Под топотом конским —
Вопли раздавленных, скрежет, хруст, —
Победой ислама гремит Сальватэрра!..

В смятенной Европе молебны поют
О гибнущих рыцарях истинной веры
И реквиемы — о павших в бою.

Но чаще и чаще тропую урочной
Спускаются сны от вершин непорочных.
И чудится: ночью над миром безмолвным
С высот, по мерцающим ледникам
Кругами расходятся лунные волны
По воздуху, по ночным облакам;

В долины, в дремоты
 аббатств, корпораций, феонов,
В крестьянские норы,
 под кружево замковых плит,
Где медленно бьётся
 глубокое сердце народов,
Где миф нерождённый
 под волнами времени спит.
И снится
 таинственный сон трубадурам
В Провансе,
 в Тироле,
 в Нормандской земле:
На дальней вершине,
 неведомой бурям,
Сверкающий купол —
 в синей мгле.
Там братство достойных,
 кто тёмные распри желаний
В крови поборол,
 чтобы голосу Бога внимать;
Там в чуткую полночь
 низводят из мира Сияний
Бесплотные силы
 на Чашу свою благодать.
Над кругом святых,
 преклонивших безмолвно колена,
Возносит король
 озарённую кровь в хрустале, —
Причастие Логосу —
 корню и цвету вселенной,
Сокровище неба на скорбной земле.

И видят безгрешные слуги Грааля
Небес ликование и торжество;
Неведома смерть, незнакомы печали
Подвижникам — рыцарям храма сего...

Поют на придворных пирах менестрели,
И шпильманы вышли из града во град,
Чтоб петь про заоблачный храм Титуреля
На белоснежной горе Монсальват.

Но горе тому, кто захочет однажды
Проникнуть к святыне, смертною жаждой
Страстей самовластных прибой и отлив
В сердце мятущемся не покорив!

ЗАПЕВ

О безумье, о жажде, о вере
Зазвени, моя песнь, зазвени —
Как звенела ты встарь в Сальватэрре
В дни сражений, в железные дни.
Звал тебя миннезингер на струны,
Я молил тебя вновь, — ты сошла,
Ты слетела ко мне — вечно юной, —
Два певучих белых крыла!

Как в тот огненный век, так и ныне
Не о рыцарской храбрости пой,
Но о вечной, как солнце, святыне
Там, за горною узкой тропой!
Пусть тебя от свистящей погони
Непорочная скроет мечта
Крепче франкского шлема и брони,
Неподкупней святого щита!

В час молчанья пред ликом заката
В мглистый мир разрушенья и смут
Братья с белых вершин Монсальвата
Эти вести молящимся шлют:
Что услышало сердце в молитве,
То горит над стихом — и пою —
Помоги же нам в горестной битве
В этом темном, тесном краю!

8 СЕНТЯБРЯ 1935

Часть первая

Песнь первая

НОЧЬ В БЕЗАНСОНСКОМ ЗАМКЕ

Ни о доблести войн с иноверцами,
 Ни о суетном блеске турниров
 Не расскажут послушному сердцу
 Те, кто эти напевы шлёт миру.
 Но о снящейся духу святыне,
 Бестелесной броней хранимой,
 О виденьях, о снах, о гордыне —
 О мечте короля Джеронима.

* * *

Турнир отсверкал.

Стихло поле.

Остыли

В ножнах утомлённые боем мечи.
 Сквозь облако оседающей пыли
 Закат простирает, как копьё, лучи.
 Уже надвигаются, сизы и хмуры,
 Туманами дышащие поля
 На контуры города, на амбразуры,
 На шпили аббатств и гербы короля.
 Довольны и веселы рыцари сами,
 Но сумрачен и задумчив король:
 Холодные пальцы играют усами
 И бороною, чёрной как смоль.
 И тихо ему говорит королева:
 — Зачем на лице твоём горькая мгла,
 Зачем затаённой печали и гнева
 Морщина меж властных бровей залегла?
 Иль рыцари в благородной борьбе
 Сегодня не угодили тебе? —

Король не взглянул. Изумрудною пряжкой
 Играла рука...

Становилось темно.

И пали слова непреклонно и тяжко,
 Как мшистые камни на вязкое дно:

— Ни подвиги рыцарей, ни пораженья
 Не тронут волнением душу мою.
 Мне горько, что тратят они — то в сраженьях,
 То в детских забавах доблесть свою.
 Мне горько, что снова ведут короли
 Для мелочных выгод усобные войны;
 Мне горько, что рыцарства дух беспокойный
 Терзает, как коршун, тело земли!
 Не то совершалось в дни мудрого Рима,
 Когда император, единый, как Бог,
 Обширной вселенною права незримо,
 Над духом и телом господствовать мог.

Замолк и медлительно взгляд свой орлиный,
 Как жезл, поднимает от мгlistой долины,
 Над шпилями замков и купами крон —
 К снегам розовеющим горных корон.

И вот возвратились с турнирной арены
 Синьоры, веселые дамы, пажи;
 Струится прохлада в могучие стены,
 В высокие замковые этажи.
 В огромных каминах упорно и ровно
 Пылают дубовые круглые брёвна,
 И красные тени в танцующем скачке
 Летят по кольчугам, по шерсти собачьей;
 И шумно садятся к огню паладины:
 Квадратные лица, широкие спины, —
 И плещет беседа — то страстью, то смехом —
 Про знамя, про женщин, про пир, про Восток,
 Как тысячекратно повторенный эхом
 По каменистому руслу поток,
 Чей рокот то плавлен, то остр и неровен —
 Мгновенная пена сверкает над ним...
 Но чёрного взгляда с пылающих брёвен
 Не сводит король Джероним.
 — А что я не вижу средь нас
 Жонглёра, что пел нам вчера?

Мне нравится этот рассказ
 Про горы белей серебра,
 И про молитвенный дым
 Над Монсальватом седым.

— Жонглёр ушел
 ещё перед восходом
 Петь ту же песню
 по другим феодам.

— Жаль... Он не спел нам последнего! Жаль,
 Мы не узнали таинственных сил,
 Властью которых простец Парсифаль
 В страже святынь Титуреля сменил...

Утих разговор. Только пламя гудело,
 Да искры трескучие над очагом
 Взрывались, крутились, вонзались, как стрелы,
 Во мрак бархатистый, дышавший кругом.
 Ковши опустели на длинном столе...
 И ночь замерцала в Бургундской земле...

Склонился король на суровое ложе.
 Душа неотступно скорбью полна...
 К опущенным векам все тише, все строже
 С осеннего неба никнет луна.
 Сердца прикасаются ближе, все ближе...
 И вновь королева ему говорит:

— Я знаю, я вижу:

Тоска, как пожар, в твоём сердце горит!
 О чем же? Судом справедливым и скорым
 Ты добрую славу в народе стяжал;
 На пышных пирах внимает жонглерам
 Цвет рыцарства в тишине твоих зал...
 Одно только горе, одна лишь кручина:
 Господь не дарует нам милого сына, —
 Но будем молиться! Господь всемогущ:
 Пошлет Он дитя нам из ангельских куц!

— Все это пустые обманы, Агнесса.
 Да: жизнь наша в золоте и в серебре;
 Да: имя моё на торжественных мессах
 Возносит епископ в святом алтаре;
 Но что мне молитвы?.. По-прежнему стоны

Несутся сюда из зловонных жилищ...
 Ты видишь: я создал благие законы,
 А нищий народ мой по-прежнему нищ!

— Так разве во власти твоей, Джероним,
 Закрывать все дороги страданию к ним?

— Молчите! Вы — женщина, вам неизвестно
 Проклятье бессилия на короле,
 И вам не понять, что мне душно, мне тесно,
 Мне тошно на этой крошечной земле!..

— О нет, мне понятно, мой милый, понятно!..
 Вот песню я слушаю ли, облака ль —
 Мне кажется — голос на путь невозвратный
 Зовет меня в даль, в серебристую даль
 Из этого мира юдоли и скорби,
 Где чахнут от жажды все стебли, все корни...

Смежаются веки.

 Луч ластится лунный
 К руке задремавшей и узкой её
 У чёрных волос Джеронима... Чугунной
 Доскою час ночи пробил. В забытьё
 Спускаются медленно... медленно оба.
 Утихло томленье, смиряется злоба, —
 Дремота мерцает, как в льдах нерушимых
 Бегущая лунная тень по горам, —
 И снится Агнессе: на лунной вершине —
 Один, как слеза Богоматери, — храм.

И молится спящее сердце о вере,
 Все слаще, все горше щемящая боль...

И вот раскрываются дальние двери,
 Выходит на паперть священник-король.
 Светящийся лик...

 Золотая корона...
 Вокруг него рыцари белых вершин
 И тихий наследник священного трона —
 Залитый высокой луной Лоэнгрин.

И слышится дальняя речь Лоэнгрина,
 Как призрачный звон отдаленной звезды:

— Сойдемте, сойдемте к живущим в долинах,
Поможем пройти им сквозь вечные льды!

И видит душа в вознесении сонном:
За тихой звездой затмевая звезду,
Народоводители — ангелов сонмы
Нисходят в долины по синему льду.
Но сон Джеронима незряч: в сновиденье
Доходит лишь отзвук церковного бденья,
Он слышит торжественный зов Парсифаля —
Пророка, священника и короля:
— О, кровь Иисуса!
О, солнце Грааля!
Тобою да правится мир и земля!

Но сумрак сгущается... Глуше пенье...
И тает мерцающее сновиденье.
Вновь глыбы тяжёлые яви печальной
Да своды угрюмые опочивальни.
И прямо во взор, увлажнённый от сна, —
Тусклая у горизонта луна.

Песнь вторая

ЧТЕНИЕ СУДЬБЫ

Вы, звёзды в ясном зените!
Вы, звёзды в лунном надире!
Лучи-острия скрестите
На королевской порфире:
Сквозь латы — тонким сияньем
Коснитесь души зовущей,
Откройте на миг ей знанье
Дороги её грядущей.

* * *

Луны уже нет. На угрюмые пашни,
На город, чернеющий в зыбком сне,
Глядит с высоты заклинательной башни
Огонь непогашенный в узком окне.

Бряцанье шагов непреклонных всё выше —
И молча переступает порог

Король, где под каменным конусом крыши
Склонился у длинных свечей астролог.

Спадает по чёрному шёлку одежды
Белая, белая борода...
Чёрные брови, строгие вежды;
Взгляд, как мерцанье серого льда.
Молчанье. Тени дрожат и трепещут,
Стеклянные сферы сверкают и блещут,
Модель каравеллы, сафьянные книги,
Холодных приборов блестящий металл,
С которым владелец судьбы, как миги,
По книге астральных сплетений читал.

— Мир королю! На земле тишина,
Уносит людей поток сновиденья,
Но ставшее людям временем сна,
Будет для мудрых временем бденья.

— Да, но воистину ль мудры мы оба?
Ты стал ещё холоднее, старик...
Видно, соседству хладного гроба
Подобно соседство этих книг!

— Зато эти книги и числа
Расскажут, что мир — только тень
Качающегося коромысла
В руке Сотворившего день!
Взлетают упругие рёбра
То белой, то чёрной бадьи.
И злой обречён, как и добрый,
Творцом на страданья свои.

В скрестившихся блесках свечей благовонных
Меж ними двоими ломается мрак
И перебегает в пергаментах сонных,
Где спит низведенный в чертёж Зодиак.

— Ты знаешь, старик, я смеюсь надо всем
И веры отцов не приемлю,
Но ум мой бессонный пытается: зачем
Я послан на шумную землю?
Куда я свой путь направлять обречён
Сквозь темень кромешную этих времён?

Смотри: недороды, знаменья, разбой,
 Усобицы герцогов... Голод!
 И только жиреет, как бык на убой,
 Монах — меж голодных и голых!
 Да праздное рыцарство тешит себя,
 В ребяческих играх доспехи дробя!
 Но ты ведь слыхал благодатную весть,
 Что храм нерушимый во времени есть?
 — Слышал...

— Слышал? Тогда отвечай мне:
 В тот день, как скончался король Титурель,
 Кто принял корону его?

— Это тайна;
 Но раз я в дороге услышал случайно —
 Далеко, за морем восточных земель —
 О сыне его Амфортасе. — А где же
 Теперь он?

— Он умер... Быть может, убит...
 Об этом поется все реже и реже;
 Об этом никто уже не говорит. —

— А что за венец на главе Парсифаля?
 Венец узурпатора? Лже-короля?
 Так вот кто взывает пред ликом Грааля:
 «Тобою да правится мир и земля!»

— О Парсифале поется певцами по-разному:
 То о правителе благообразном,
 То — о воителе, не знавшем урона,
 То — о вероломном захватчике трона...
 Спутались сказанья о рыцаре том:
 Некоторые даже говорят о святом.

Король стиснул пальцы.

— Нет, снисхожденью
 Не быть никогда к самозванцу! Обман
 Он посылает на нас, как туман
 Отравленный... Слушай, что значит виденье,
 Сквозь лунные чары представшее мне
 Не в яви, не в помыслах и не во сне?
 И что мне советуют вечные звезды:
 Замкнуться ль покорно в мирскую юдоль
 Иль к цели стремиться — высокой и грозной?

И сон свой рассказывает король.
 Но сердце двоится, и повесть двоится,
 Двоятся квадраты решетчатых рам,
 Застёжки на фолиантах, страницы
 С изгибами эллипсов и пентаграмм...

Умолк он.

Ночные глаза звездочёта,
 Мерцающая, вникают в душу ему,
 Свистящие крылья ночного полёта
 Возносят спиралью в заветную тьму
 Премудрости — вольной дорогой скитальцев,
 Откуда чуть видимо зло и добро...
 Он вздрогнул... Взглянул: вот смуглые пальцы
 Серебряный циркуль берут и перо.
 И чертит волшебник. Сомкнулись созвездья
 Мистическим кругом греха и возмездья.

Планеты скрещаются с войском астральным
 Аспектом то двойственным, то тригональным,
 Аспекты слагают то ромб, то кольцо...
 И он наконец поднимает лицо.

— Ни интердикт, ни франкское войско,
 Ни происки пап не страшны тебе:
 Беда при дверях — но верь и не бойся,
 И завтра же будь готовым к борьбе.
 Взгляни на пергамент: чёткие знаки
 Благовестят победу твою:
 Юпитер сверкает в скованном Раке,
 Сатурн вероломный гибнет в бою...

— Юпитер — это звезда не моя ли?
 Созвездие Рака... Что значит Рак?

— Рак — то с дороги к землям Грааля
 Обрато тебя отгесняющий враг.
 Рак — это путь по подземным дугам
 В хаос, в бездушное вещество,
 Вниз, на ступени, пройденные духом
 В странствии изначальном его.
 Юпитер же — невозмутимый, белый —
 Покой совершенства в горной тиши,
 Юпитер — стремящееся к пределу

Долженствованье твоей души.
 Смотри: вот спешит на помощь Венера,
 Враг — Марс — безоружен во власти Псов,
 Вот Солнце взлетает — знаменем веры —
 Склоняясь на чашу строгих Весов...
 Сквозь все пораженья, беды, тревогу
 Спешит исполненье давней мечты...
 Сбирай паладинов! Выйди в дорогу!
 К обители света двинешься ты.

Безмолвствует побледневший король.
 Гордыня, как солнце, как сладкая боль
 Восходит в душе его, всё пронизав:
 Он прав — в сокровеннейших чаяньях прав!
 Так вот где оно — что извечно влекло:
 Коронай Грааля украсить чело,
 Страданье и горе изъязв из вселенной,
 Одеть её всю красотой нетленной
 И Чашей Завета владеть одному!
 В иное не верую и не приму.

И с царской руки с драгоценным сапфиром
 Кольцо зазвенело к ногам старика
 Как плата за весть о полёте над миром,
 О царстве над радугами ледника.
 И волей, как броней, сковав ликованье,
 Спускается вниз он — алеет заря —
 Он будит Агнессу — про сон, про гаданье
 Словами скупыми, как милость царя,
 Короткими, как непреклонный приказ,
 Ведёт перед нею холодный рассказ.
 Агнесса молчит. Она видела то же
 В тот час, как луна покидала зенит...
 Глаза голубые становятся строже,
 Она опускает глаза, говорит:

— Но вспомни же, друг мой, что пели жонглёры:
 Кругом Монсальвата могучие горы,
 И горе тому, кто захочет однажды
 К святыне проникнуть, прибой и отлив
 Страстей самовластных — смертною жаждой,
 Любовью и подвигом не покорив!

— Не верю! Всё это — трусливая ложь
 хитрых святош,
 Это поют, истомясь от борьбы,
 только рабы!
 Ищущим правды не страшен бой
 с дерзкой судьбой.

Затихла беседа. А утро хрустально:
 Темна ещё даль черепитчатых крыш,
 Но песнь пастухов переключкою дальней
 Врывается в опочивальную тишь.
 Как розово-красный павлин, над рассветом
 Простерлись за узким окном облака,
 И видно, как зажигается светом
 Шпиль старого мюнстера, крест и река.
 Над гребнями кровель легко, без усилий,
 Высоко, у самой небесной межи,
 Мелькают, сверкая на солнце, стрижи.
 И розовым золотом плещет заря
 На чёрную ткань на груди звонаря.

Песнь третья

РЫЦАРИ

Угрюмо чело государево
 Под балдахинном трона.
 Иная — сквозь сонное марево —
 Как солнце, зовёт корона.
 Бежать ли от скорби? Скрыться ли?
 О, если бы ратью Грааля
 Вот эти храбрые рыцари
 Для блага народов стали.

* * *

Пирует король Джероним в Безансоне,
 Как улей огромный, гудят этажи.
 Снуют кастеляны. Внизу, на газоне,
 Над играми гончих хохочут пажи;

В дыму очагов необъятные груды
 Кровавых оленей, фазанов, коров
 Преображаются в сочные блюда

Шеренгами крепостных поваров;
Спешат виночерпии в древних подвалах —
И вин многолетних, янтарных и алых,
Целящих забвеньем унынье души,
Упругие струи звенят о ковши.

Свободно и шумно пируют вассалы:
Всё жирно, всё сдобно, привычен почёт
За храбрость и силу... Горячее сало
К широким ладоням по пальцам течёт.

Вздываются горы плодов и орехов,
Дымятся среди лебедей кабаны,
И гулкие своды раскатами смеха,
И звоном, и хохотом потрясены.
В тени балдахина горит на престоле,
Как кровь, королевства бургундского герб:
Олень золотой на пурпуровом поле
И волк — поднимают серебряный серп.
На ручку расшитого трона, налево,
Склонилась задумчивая королева:
Светла синева её детского взора,
Тонка её соболиная бровь...

Пирующих увеселяют жонглёры
Рассказами про войну и любовь.
И взором обводит — серьёзен и тих —
Король — неподкупных вассалов своих.

— За радости жизни! — Кубок тяжёлый
Вздывает кузен короля Оливер,
Любитель искусств, насмешник весёлый,
Хулитель всех суеверий и вер.
Крылом лебединым с подливкою бурой
Забыв и плоды, и вино, увлечён
Раймонд Беспощадный, синьор Альгвадурры,
Крестивший неверных огнём и мечом;
Лицо его делит, как бич, пополам
Глубокий и рыжий, как ржавчина, шрам.

С усмешкою глаз, то холодных и серых,
То грустных и строгих, молчит, как всегда,
Роже Каркассонский, герой Сальватэрры,
В пустынях Востока прошедший года.

В усах его проседь, что иней белесый...
Он прям, он надёжен, как лезвие:
Пять лет протекло, как вассалом Агнессы
Возглавил он брачную свиту её
В Провансе родном для пути в Безансон
Во дни золотые, как сон.

Но пир на исходе. Все пламенной речи;
Уж начали спор о достоинствах ран
Противники в чувствах, соперники в сече,
Изящный Альфред и бесстрашный Бертран.
По кованым кубкам пурпурная влага
Мерцает, как уголь... Пылающий хмель,
Как вихрь, разжигает задор и отвагу
В крови властелинов ленных земель.
Им тесно, им душно, их тянет на волю,
Где конскою скачкой потоптано поле,
Где луч полудённый скользит по копьё,
Где мощь своих мускулов слышишь в бою.

Один Джероним всё суровой:
Вот — дрогнули пальцы и брови,
Вот — властным, холодным движеньем
Он вдруг водворяет смущенье,
Тревогу вокруг...

Тишина

Над пиром идёт, как волна.
Слова, точно блики пожара
Средь ночи, но искрою яркой
В сердца западают они,
В сердцах зажигают огни.

— Синьоры! Скажите: среди этого ль пира,
В часы ль ратоборства щита и клинка,
Во дни ли охот или на славных турнирах
Не гложет ли дерзкую душу тоска?
Как если бы сон о вершине блаженной,
Откуда растёт в тишине снеговой
Владычество над распростёртой вселенной,
Правленье гармонией мировой?
Синьоры! Среди обольщающей славы,
Средь распрь, и усобиц, и мелких побед
В крови нашей бродит мечта, как отрава,
О том, что высоко, о том, чего нет.

Но нет ли? Синьоры, не надо печали!
 Порукой моя королевская честь:
 Тот храм, что поётся в стихах о Граале,
 Тот трон мирового владычества — есть!
 Он есть — отчего же болезни и войны,
 И муки — по-прежнему общий удел?
 Они оттого, что пришлец недостойный
 Короной Грааля, как вор, завладел!
 Вассалы! Наденьте же брони и латы,
 Готовьтесь в поход на твердыню его:
 Кто б ни был надменный король Монсальвата —
 Не сердце, но камень в груди у него!

Король замолчал. Молчанье с минуту
 Стояло незыблемым валом — и вдруг
 Он пал так внезапно, так грозно, так круто,
 Что крики, призывы, гнев поднятых рук
 Слились в несмолкаемый рокот единый:
 — Вперед, паладины!
 — К мечам, паладины!

— Вперёд! — В алтаре Титурелева храма,
 Невзгоды победой и властью целя,
 Заблещет высокая их орифламма!

Так поняли рыцари речь короля.
 Так рушат стихии плотину морскую,
 И дамбами сдерживающийся океан
 Бросается зверем на сушу, ликуя,
 Виденьем просторов открывшихся пьян.
 На это кипенье слившихся воль
 Взирает испытующим оком король.

* * *

И ночью наставшей, беззвездной и хмурой,
 Незыблемый замок в гранитном венце
 Затешил без счета огни в амбразурах,
 Как жёлтые очи на черном лице.
 Ни к связкам соломы, ни к пышному ложу
 Никто до зари головы не склонял,
 И гул, на отзвучья сражений похожий,
 Гудел в полусумраке сводчатых зал.

— Опять не поладили графы друг с другом!
 — Опять поспешает король на врагов! —
 Шептали ткачи по холодным лачугам
 И бюргеры у родовых очагов.

И день молодой, поднимаясь к зениту,
 Уже не напомнил минувшего дня:
 Монарх улыбался: надёжная свита
 Спешила к открытым вратам. На коня
 Всходила по плечам пажей королева,
 А юные рыцари справа и слева
 Гарцуя, иных не желали награды,
 Как пир и турнир на горе Монсальват.
 Влекущая вдаль боевая отвага
 Плескала над ними, как стяг в мятеже...
 Смирная порывистость конского шага,
 Один только верный гофмаршал Рожэ,
 Без страха бросавший в пустынях Востока
 В бою с мусульманами жизнь на весы,
 Теперь он молчал и ладонью широкой
 Гладил усы.

Но солнце играло в щитах и эмблемах,
 Кругом развевались султаны на шлемах,
 И вот уже гулкий отряд миновал
 И щели извилистых улиц, и вал.

И каждый назад оглянулся невольно,
 Дюбис перейдя по понтонным мостам:
 Уж город во мгле, лишь видна колокольня —
 Узорчатый мюнстер вздымается там,
 Напутственный благовест бьётся ударами,
 Как вещее сердце родимой страны, —
 О, голос задумчивый города старого!
 О ком твоя грусть?
 О чём твои сны?

Часть вторая

Песнь первая

У РЕЧНОГО ПЕРЕВОЗА

О, расселины, пропасти, кряжи,
 О, холодные, горные реки,
 Вы — стихии, вы мощные стражи,
 Оцепившие тайну навеки!
 Услыхать ли сквозь ваши твердыни
 Медный колокол — голос собора?
 Обрести ли дорогу к святыне
 Через душу свою — через горы?

* * *

По ложу осенних долин кавалькада
 Серебряной лентою вьётся в лесу.
 В лицо — золотая метель листопада,
 Подковы ступают в траву и росу;
 Все реже надменные замки на склонах:
 Их башни в зазубренных серых коронах
 Все реже вдали разрывают покров
 Пурпуровых и златотканых лесов.

Все реже ночлеги у пышных каминов;
 Все чаще на хвойных лужайках, в бору,
 У сосен мачтовых палатки раскинув,
 Пажи и синьоры садятся к костру.
 Земля отсыревшая устлана мехом...
 Сменяются шутки, рассказ, и порой
 Король одобряет то взглядом, то смехом
 Рассказы про удаль судьбы боевой.
 И речь чередуется в долгих беседах
 О славных охотах, походах, победах,
 О чести Готфрида, Гвидо, Монферрата —
 Воителей, там — у границ Калифата, —
 Чьи кости покоятся в знойной пыли
 Под огненным небом Сирийской земли.

К полудню двадцатого дня кавалькада
 Над шумной остановилась рекой.
 Безвестных хребтов снеговая ограда
 Вздымалась за ней, как рубеж вековой...

Над мощной вершиной вершина вставала
 В алмазах, в величественном серебре.
 Над льдом перелогов вились покрывала
 И таяли, как фимиам в алтаре;
 Дремали в скалах сокровенные руды,
 И веяла свежим дыханьем оттуда,
 Безмолвием незнакомым полна,
 Миров перевозданная тишина.

В сосновой, темневшей над берегом роще —
 Невзрачная хижина, огород.
 Здесь, верно, ютится рыбак-перевозчик:
 Вон — грубая лодка, вон — невод и плот.
 Вдали — несмолкающий шум водопада...
 Как сумрачно, как пустынно кругом!
 В окошке как будто мерцает лампада...
 Выходит старик, горбатый, с шестом
 В руке исхудавшей, с маленьким личиком,
 В истлевшем плаще серовато-коричневом.
 Проходит он медленно вдоль камыша
 И кланяется королю не спеша.

Холодным и наблюдательным взором
 Король Джероним отвечает ему.

— Как имя горам?

— Это горы Клингзора.

— Клингзора?.. Я что-то тебя не пойму:
 Что значит «Клингзор»?

— Клингзор — это имя

Правителя нового замка в горах, —
 — Как? Замка? Над пропастями такими
 Решился б ютиться отшельник, монах,
 Но рыцарь?.. —

И на перевозчике строго
 Король задержал пронизательный взгляд:

— Мне нужно не то. Расскажи нам дорогу
 К вершине по прозвищу — Монсальват.

Напрасный вопрос. Перед ним не мужчина, —
 Старик одряхлевший, — он жалок, туп,
 На тёмном лице бороздятся морщины
 И слышится шелест иссохших губ:

— Сорок зим я живу здесь, и лето...
 Летом — ловлей, зимой — подаяньем,
 Но тропа к обители Света
 Не открыта рабу покаянья.

— Хитришь ты! Как может не ведать дороги
 Живущий у гор снеговых на пороге!
 Других, восходящих к обители льда,
 Ведь ты перевозишь на лодке! Куда?

— Господин! Мне ответствовать трудно:
 Правда, многих вожу через реку,
 Но куда он, зачем и откуда,
 Никогда не спрошу человека!
 Лишь для каждого, помня о Боге,
 Я молю благодатной дороги.

Махнувши рукой, в сдержанном гневе
 Король обращается к королеве:

— От дряхлости выжил старик из ума:
 Безумные речи, лицо, словно мощи...
 Но солнце — к закату, и близится тьма.
 Вы сядете в лодку. Эй, перевозчик!
 Храни госпожу! Осторожнее правь!
 Причалишь налево, где отмель и лозы...
 Пусть где-нибудь брода поищут обозы,
 А мы на конях переправимся вплавь.

Ладья отошла.

Королева взирает
 На плеск и дробленье разорванных струй:
 Струя приникает к дощатому краю,
 Под днищем играет и бьётся о руль.
 И слышит Агнесса, как фыркают кони,
 Вступая в течение наперерез,
 Как здесь, под водою, струит благовонье
 Сосновый, в реке отражаемый лес.

Достигла середины русла переправа.
 Форели застыли в струе на весу...
 Шестом управляясь то влево, то вправо,
 Горбун-перевозчик стоит на носу.
 И оборачивается.

Спокойные
 Два чистых, далеких луча синевы:

— Путь, великого страха достойный,
 Госпожа моя, начали вы!

Вздрыгнула королева. Глаза,
 Как в тёмном песчанике бирюза,
 Спокойно взирали ей в душу, — всё шире,
 Всё глубже... И детство в Провансе родном,
 И песня жонглёра на рыцарском пире
 Вдруг вспомнились слитно — в мечте об одном.
 Как видят безгрешные слуги Грааля
 Небес ликование и торжество;
 Неведома смерть, незнакомы печали
 Подвижникам — рыцарям храма сего...
 О нет, ни органы, ни ладан, ни месса
 Не властны унять эту боль и тоску!..
 И прошептала чуть слышно Агнесса,
 Не в силах лица приподнять, старику:

— Да, хочет супруг мой достичь Монсальвата,
 Не веруя, не молясь, не любя,
 Но путь наш — один, ведь и я виновата,
 Люблю и отдам — свою жизнь и себя.

— Но известно ли вам, госпожа моя,
 Что дорогу на гору спасения
 Истормившимся духом желаемую,
 Каждый узрит лишь в миг воскресения,
 Только сердцем, рождаемым дважды
 В муках огненной веры и жажды?

— Всё равно. Мы избрали, как брачный венец,
 Согласно жизнь и согласный конец.
 Быть может, склонясь перед солнцем Грааля,
 Дотоле ни веры не знав, ни любви,
 Огонь покаянья и жгучей печали
 Зажжётся в его обновленной крови!

А если возмездье ему неизбежно
И смертное ложе готово на льду —
Я буду женой ему в гибели снежной,
В чистилище, в небесах и в аду.

Скользила ладья, перевозчик молчал,
И близился каменистый причал.

И скоро продолжила путь кавалькада;
Всё круче тропа, за изгибом изгиб;
В немолчном гуденье струи водопада
Терялся обозов пронзительный скрип,
Да серые клочья клубящихся туч
Спешили навстречу по выступам круч.

Песнь вторая
ГОРНЫЙ СТРАЖ

Вы, звёзды мантии чёрной!
Закона строгого знаки!
Горят среди ночи горной
Весы в многозвёздном мраке.
Но властью молитв — обитель
Смягчает дальнейшие судьбы.
И выйдет только водитель
На суд невидимых судей.

* * *

Канули в прошлое, вьюгой звеня,
Тридцать четыре блуждающих дня.
Всюду — лишь тихие толпы камней.
Храбрые рыцари — снега бледней.
Первою жертвой гибели жадной
В бездну сорвался Раймонд Беспощадный.

Голод стучит неотступной погоней,
Пали в пути истощённые кони,
Смерть, как орлица, летит по пятам —
Кончено!
Оборвались дороги!
Где Монсальват?

Нагие отроги,
Пропасти нелюдимые там...

Злое ущелье смертного края
Снег вечереющий запорошил...
Понял ли хоть один, умирая,
Что их вожатый — король — совершил?

Поздний разведчик пришел назад.
Кричали долго. Теперь молчат.
Только теснее жмутся, теснее
К тощим кострам из горного мха...
Ночь надвигается, ночь синее,
Необорима, как меч, и тиха.

Звёзды слагают всё те же напевы...
Цокнул копытом горный олень...
У потухающих глаз королевы
Мягко ложится чёрная тень.

Только — откуда?

На Севере дальнем
Небо дрожит багрянцем печальным;
Только — откуда?

По белым хребтам
Смутное зарево плещется там...

И острие невозможной надежды
Вдруг прикоснулось к душе короля.
Сверху кольчуги бархат одежды
Сдвинув плотней и ни с кем не деля
Мысли сверкнувшей, в гулкую ночь
Выше и выше торопится прочь.
Ноги скользят по крутым уступам;
Глыбы, едва пробудясь, сквозь сон
Ухают в пропасти глухо и тупо...
— Выше... Боже! Кто ж это — вон
Сходит с утеса — в плаще, как снег, —
Призрак ли?
Ангел ли?
Человек?

Сердце упало. Вперёд, вперёд!
Щебень царапает, режет лёд,
Но вестник идет — от севера к югу
Оборотась и подняв ладонь,
Запорошен утихнувшей вьюгой,
Быстр и бесшумен, как белый огонь.

— Склонился к призывам твоим и мольбе
Владычествующий на вершине:
Я послан на помощь — поведать тебе
Дорогу из льдов нерушимых. —

Светла его речь, а медлительный голос,
Протяжный и твёрдый, спокоен и тих:
Так ветер свистящий в расщелине голой
На миг притихает меж сучьев нагих.

— Но кто ж ты, в горах стерегущий ночами?
На горного духа похож ты очами!..

— Про имя не дам я ответа:
Не принц я, не герцог, не граф,
Но в городе вечного света
Зовут меня Аль-Мутарраф.

Доверься ж охране дозора,
Не трать драгоценных минут:
Пред лик государя Клингзора
Наш путь ещё долог и крут.

Как странно: откуда? — арабское имя...
В альпийскую ночь, среди льдов и камней?..
Что судеб избранника неисповедимей?

Теперь отдохнуть у нежданных друзей,
Оттуда проникнуть в край Монсальвата,
Неутолимый призыв утоля...

И, крыльями новой надежды подъята,
Затрепетала душа короля.

— Я бургундский король: по этим вершинам
Блуждая, мы кружим множество дней...
Спасибо тебе! Я велю паладинам
И Агнессе, супруге моей...
— Нет!

Властно и дерзко над хаосом горным
Рука поднялась, заграждая путь
Перчаткой серебряной с кружевом чёрным
На звёздных туманов искристую муть.

— Не мнишь ли ты, что слабым детям Бога,
Лишь для забав проникнувшим сюда,
Сердцам младенческим я покажу дорогу
Из снежных уст сторожевого льда?
Со мной пройдёшь в столицу только ты —
Избранник ослепительной мечты!

Как! Лишь он не погибнет во мраке и вьюге?..
В сердце зажглась смертная боль:
А королева? Верные слуги?
Вздрогнул от гордого гнева король:

— Нет! Лучше узы снежного плена,
Ночь... Вечная тьма!

— Ты предлагать мне смеешь измену?
Дерзкий бродяга! Меч вынимай! —

И, отступив, он выхватил меч —
Но враг недвижим был, и речь
Прозвучала еще раз:

— Узнай:

В этот час уже смерть каменит их черты,
Их гробницей стал этот край,
Можешь смерти бежать один только ты.
Выбирай!

Но король не сдвигал воспалённого взора.
Ветер выл, леденящ и свистящ,
И лицо становилось бледнее, чем горы,
Чем блестящий под вьюгою плащ.

— Защищайся!

Иль я вонжу остриё

В низкое сердце твоё! —

И тогда только меч свой, упругий и длинный,
Вынул медленно Аль-Мутарраф:
Будто лунным лучом озарились долины,
И остывшие конусы лав,
И грозные срывы природной твердыни,
Подобные замковым рвам...
И рыцари сшиблись в бесплодной пустыне,
Подобно разгневанным львам.

Араб налетел, беспощадный и вольный,
 Как горный раскованный дух,
 На узкой площадке, где места довольно
 Для боя смертельного двух;
 Со складок плаща за спиной, облетая,
 Осыпался снежный налёт,
 Плащ вьётся, крутясь, как орлиная стая,
 Спешащая в дикий полет.
 Напрасно заносит удары, удары
 Над чудным врагом Джероним:
 Ответный удар неизбежен, как кара,
 Как молния, неотразим.
 И смертная жажда свободы и власти
 В крови закипает, как стон:
 За что ему гибнуть? Чью жизнь или счастье
 Окупит погибелью он?..
 А там, впереди, после бед и усилий,
 Как солнце, влекущая цель:
 Престол под охраною ангельских крылий
 Над ширью покорных земель!
 И, будто услышав в молчанье смятенном
 Души развоенную речь,
 Кладёт Мутарраф, точно луч охлаждённый,
 В ножны остывающий меч.

— Не смею убить тебя, рыцарь! Высоко
 Ты правишь дорогу свою:
 Венчанного свыше, ведомого роком
 В ударе твоём узнаю!

— Ведомого роком... Пустые слова!..
 Глянет утро в провалы долин —
 Паладины мертвы, королева мертва,
 Я один!..

— Так зачем же ты хочешь судьбу разделить
 С судьбой недоносков земли?
 Кто провидит корону за мглой перемен, —
 Не боится тёмных измен!

О, горечь забвенья любимых, далёких,
 Всех, брошенных в жертву холодной мечте!
 Душа разрывалась в боренье...

И щеки

Закрыв рукавицей король в темноте.

— Ты прям, ты отважен, ты горд, Джероним,
 Назови ж меня братом своим!

— ...Да, ты многое понял, ты прав,
 Мудрый Аль-Мутарраф.

— Так в путь же. Спускаясь за мною,
 Где тают последние льды,
 Взгляни на того, кто земную
 Пустыню оденет в сады.

Король отступил. И слова упали,
 Жестокие, мёртвые, как свинец:

— Не о захватчике ли Парсифале
 Ты говоришь, странный гонец?

— О нет! Ты узришь небывалый простор,
 Край орлов над вершинами гор,
 Воскресающий Рим, — безудержной волной
 К нему роды и роды текут...
 Ты забыл обречённых — так следуй за мной
 В залу тронную, а не на суд.

И с тлеющим сердцем, томимый, как раной,
 Надеждой и смутною болью стыда,
 Последовал молча за вестником странным
 Король по извилинам хрупкого льда.
 И мило за милей, безмолвные двое
 Шли мимо потухших костров и костей,
 И дикие своры, то лаем, то воем
 Их путь провожали по дну пропастей.
 Всё выше, всё уже по кручам неверным
 Чуть видимая извивалась тропа,
 Где днём пробегают лишь быстрые серны
 И еле становится с дрожью стопа.
 Всё сумрачней делались горные пики, —
 Подземною судорогой выгнутый грунт:
 То ль ангельские, то ль звериные лики —
 Природы окаменевающий бунт.

И близкое зарево, как покрывало,
 Уже колыхалось над их головой,
 Когда к оголённым камням перевала
 Они поднялись в тишине гробовой.

Огромный, базальтом очерченный кратер
 За ними угадывал ищущий взор;
 Здесь город воздвигнуть один император
 Посмел бы стихиям наперекор...
 Но что это? Тысячеустое ль пенье,
 Играя, теплеющий ветер донёс?..

— Посмотри, каким блеском и славой объят
 Этот истинный Монсальват!
 Нет другого прекрасней под кровом небес,
 Его прозвище — Город чудес.

Что это?

Не доходя перевала,
 Остановился король, не дыша:
 Свет поднимается: белый, то алый
 С каменной пропасти, как из ковша;
 Ветер навстречу летит и поёт,
 Влажный, горячий, душистый, как мёд;
 Озеро света бушует внизу
 Под облаками, как солнце в грозу, —
 Да: это брызжут лучи, как снопы,
 Да: это праздничный рокот толпы.

— Где мы? Чье это пенье?

Чьи это голоса? —

— Это народное восхваленье

Воплощающему чудеса,

Это — к светочу света

зов;

Вслушайся ж в гул

слов!

Но вострубившие медные трубы
 Даль в величавое пенье влила,
 Переплелись с ним протяжные струны,
 Странно-пронзительные колокола...
 Волей стальной обуздав тревогу,
 Двинулся снова король в дорогу:
 Ноги подкашивались, немели, —
 — Может ли быть, что напрасен путь,
 Может ли быть, что у чудной цели
 Опередел меня кто-нибудь?.. —
 И, безотчётным страхом томим,
 К пенью прислушался Джероним:

— Воссиявший выше гор
 радугой,
 Радость мира, Клингзор,
 радуйся!
 Покоривший океан
 пламенный,
 Обуздавший уздой
 каменной,
 Единящий валы
 розные,
 Кто подобен тебе,
 грозному?
 Под землёй ли, с земной
 лавою,
 На земле ли, с людской
 славою;
 В небесах ли, где днесь
 клирами
 Серафимы звенят
 лирами?

Песнь третья

СВЯТОЕ ВИНО

Вы, хранящие Чашу Завета
 На блаженной вершине заката,
 Вы, служители вечного света
 В недоступных снегах Монсальвата!
 Не увидит живущий в неволе
 Мира дольного сумрачный пленник —
 Как вино на алтарном престоле
 Освящает король-священник.
 Освящённые в час литургии
 Перед Чашей с божественной кровью,
 Да падут его капли благие
 В паши мира и выльются новью!

* * *

Звезды слагают все те же напевы;
 Цокнул копытом горный олень...

У потухающих глаз королевы
Тихо ложится чёрная тень.

В смерти таинственного венчанья
С мужем своим не дождется она:
Крепнет мороз, неподвижно молчанье
Узких ущелий и снежного дна.
Холод прозрачен, как нежная льдина,
Тонок и медленен, как лезвие...
В белых палатках ко сну паладинов
Клонит предсмертное забытье.
Только над серой золою, налево,
Верный и добрый гофмаршал Рожэ,
Здесь, перед входом в шатёр королевы
Спит ли? Молчит?.. Или умер уже?
Тишь нарастает в расщелине голой.
Тело немеет. Томительный голод
Стих. Перед взором — одна синева...
Кружится, кружится голова.
Час приближается.

Боже! Боже!

Час наступает, — где Джероним?
Как я молила, чтоб смертное ложе
Ты разделить мне позволил с ним!
Если ж останется жить он, и гнева
Кубок не выпьет, — Дева, прости:
Нашей Бургундии мирное небо
Другу несчастному возврати!
Верно, по-прежнему там на закате
Кружат над старым собором стрижи,
Прялки поют... На солнечном скате
В мяч и турниры играют пажи...
Там, по уставу заветов старинных,
Кротким правленьем, смиренным трудом
Пусть он искупит смерть неповинных,
Скованных этим сверкающим льдом!
Если б мне видеть — из рая, из ада —
Путь его, вьющийся по земле,
Быть ему кормчим, защитой, отрадой,
Тихой звездой в бушующей мгле...
Меркнет... Все меркнет... Прости же сомненье,
Это метанье...
Это томленье...
Тело немеет. Ни мук, ни боли.

Стужа крепчает.

На небосклон
Шагом героя на бранном поле
Из-за вершины встал Орион.
В брани духовной встал он над миром!
Латы мерцают под синью плаща,
Ясный Ригель непорочным сапфиром
Искрится на рукояти меча...
Поздно!

Не различает знаменья
Взор потухающий; стихло томленье,
И, незнакомою жизнью жива,
Перед глазами растёт синева.
Синь, синева, синева небосвода,
Тысячи искр, — и туда, к вышине,
Смерти прозрачной хрустальные воды
Душу возносят на синей волне.

Еле доносится — там, у костра —
Лёгкая поступь — хруст тонкого снега,
И пропадает звёздное небо:
В прорези треугольной шатра
Трое. Коричневые капюшоны
Низко опущены. Рясы. Мех.
Кубок, метелью запорошённый,
В пальцах идущего впереди всех,
Голос — живой, молодой, как весна:

— Мир вам!

Испейте святого вина!

Песнь четвертая

СПУСК

О, серая ширь кругозора!
О, горький ветер равнинный!
Лети во дворец Клингзора,
Ты, горестный, ты, пустынный,
Утишь колдовскую вьюгу,
Охрану гор разорви,
Пропой изменившему другу
О верности и любви!

* * *

Ещё до рассвета их вывели трое
Из каменного лабиринта дорог:
Потока бурлящего ложе сырое
Открылось в глубокой лощине у ног,
Уже, будто сон, погрузилось в забвенье
Ушедших водителей благословенье,
И ширится только, звуча, как струна,
По мускулам радостным жар от вина.

Но радости нет в этом каменном спуске!
В одеждах изорванных все, как один,
Тропой пешеходов, кремнистой и узкой,
За паладином бредет паладин.
Голод вернулся. Хоть чёрствого хлеба!..
В холодном предрассветном луче
Идет впереди, как вождь, королева
В серебряной робе и синем плаще.
С ней рядом спешит, невзирая на рану,
Телохранитель, друг и охрана,
Опора на жизненном рубеже —
Высокий и молчаливый Рожэ.

Немало извели эти седины:
Когда-то у Тирских разрушенных врат
Он дрался без страха с самим Саладином
Под знаменем Конрада Монферрат;
Он помнит, как рухнул под шквалом неверных
Твердыня храмовников — замок Сафэд...
Он видел — в чередовании мерном
Дни смерти и громоносных побед;
Он слышал морей многошумную синь,
Он видел руины под солнцем пустынь.
И с именем Агнессы Прованской —
Далёкой, прекраснейшей из принцесс —
Летел он на шторм твердынь мусульманских
С копьем пламенеющим наперевес.

Но годы промчались — и, с узкой короной,
Сквозь волны органные и фимиам,
Взошла по ступеням Бургундского трона
Агнесса, прекраснейшая из дам.
И нежная, как голубиные крылья,

Скрестилась под брачною епитрахилью,
Ненарушимую верность суля,
Рука королевы с рукой короля.

Но рыцарю оставался неведом
Зов сердца к измене и к праздным победам;
И вновь, выходя на сраженье с другими,
Опять, как и в годы крылатые те, —
Агнессы Бургундской высокое имя
Он нёс, как мечту, на бесстрастном щите.
Спокойствием прямодушного взора, —
В нём ясность светилась и простота,
Смягчалась отрывистость разговора
И твёрдые складки сурового рта.
Сорвавшийся камень сквозь хлопья бурана
Разбил ему руку. Но жгучую рану
Забыв, он торопится, воска бледней,
За бедною госпожою своей.

Уже им становится видно, как тучи,
Скрывая сырые, лесные холмы,
По голым полям, по изгибам и кручам
Растягиваются обрывками тьмы.
И там, где их полог ветрами распорот,
Чуть брезжут в неразличимой дали
Церковные шпили, аббатство и город —
Урочища старой Бургундской земли.
А прямо внизу, между пятнами снега,
Покачивает у знакомого берега
Седая стремительная река
Ладью перевозчика-старика.

О влажный, о сумрачный ветер равнины!
Как странно, как горестно слушать тебя!
Невольно замедлили шаг паладины,
Рукой исхудавшей усы теребя.
Насыщенный запахом пашен и моря,
Широкий, как небо, сырой, как земля,
Он пел им про яд поражения и горя,
Про возвращенье — без короля.
И здесь, над равнинами голого леса,
Над горными пастбищами, Агнесса
Чуть слышно коснулась пальцев Рожэ,
Как колоса колос на узкой меже.

— Слушай, вассал! Никому в нашей свите
Слышать нельзя этих горестных слов:
Их мне поведал наш избавитель,
Путь указавши из вечных льдов...
Жаждою жизни и власти томим,
В замок Клингзора ушел Джероним.

Дрогнули тонкие губы Рожэ...
Но королева шептала уже:

— Ныне он спит во дворце у Клингзора,
Страшная участь готова ему:
Видишь, как эти волшебные горы
Стражами оцепили тюрьму?
И возбранил безымянный инок
Войско на помощь вести сквозь леса:
Чары окутают путь, чудеса!
Гибелью кончится поединок!
Только весной, под глубокою тайной,
Чтоб я могла на супруга взглянуть,
Дан будет знак мне готовиться в путь
Сонным виденьем иль встречей случайной.
В это таинственное жилище —
(Но не в доспехах и не на коне, —
Странствующим певцом или нищим)
Будешь ты снова сопутствовать мне...
Если захочешь, Рожэ. Но про то
Ведать не должен больше никто.

Рыцарь взглянул благодарно и строго, —
Солнцем светила любовь ему.

— Что же, моя госпожа, в дорогу,
Как не мой добрый меч, я возьму? —

— Нет! Бесплезно и праздно оружье!
Но охранят и выведут нас
Те, без кого под смертною стужей
Мы не увидели б этот час.

Больше ни слова не молвил Рожэ
Своей госпоже.

Долины яснили. Ночь гасла. Туманы
Лиловый рассвет над рекою будил,
Они поднимались, и топкой поляной
К причалу уже перевозчик сходил.

Часть третья

Песнь первая

ЛИЛИЯ БОГОМАТЕРИ

Ты, чьим лёгким стопам пьедесталами
Служат узкие шпили соборов,
Над зубцами дворцов, над кварталами
Осенившие каменный город!
Охрани под свистящими вьюгами,
Защити, как детей, Мадонна,
Выходящих без лат, без кольчуги
На дорогу печали бездонной!

* * *

Апрельские сумерки. Стихли капли;
Над плавным Дюбисом лиловая мгла
Туманом клубится...

Трижды пропели
Над сумрачным мюнстером колокола.
В сыреющих нишах мерцают из мрака
То свечи, то блики на каменных раках,
И вянущий запах весенних венков
У статуй пророков и учеников.

В высоких пролётах спокойно и гордо
Умолкло дыханье органных аккордов
И древней латыни размеренный стих
Последним отзвучьем мистерии стих.

Поблекли глаза от бесслезного плача,
От серых бессонниц и чёрного сна:
Глаза под ресницами строгими пряча,
С колен поднимается молча она.
Стан тонок. Потрёпан от бдений бесплодных
Сафьянный молитвенник в пальцах холодных,
Но светлые косы блестят, как лучи,
На траурной робе из чёрной парчи.

Выходит с придворными.

И под порталом
Встречает, как ласкою, взглядом усталым
Мольбы, причитанья, ладони калек:
На паперти этой — их дом и ночлег.
Здесь только тупая кромешная мука,
Здесь только страданье: ни зло, ни добро...

И вот опускается в каждую руку
Чеканное золото и серебро.
И каждому в горести неутолимой
Ответную просьбу шепчет свою:

— Молись о Господнем рабе Джерониме,
Изведавшем плен в недоступном краю!

И снова, и снова с губ тонких, с губ бледных
Слетает одно, всё одно, как свозь сон...
Вдруг стихла —

плечи в рубище бедном,
Ряса, опущенный капюшон.
Стихла... И затрепетала всем телом,
Всем сердцем, всем чувством, как птица, как лань,
Метнулась вперед, снизу хотела
Взглянуть в глаза под грубую ткань —
Нет! Не проникнуть к очам озаренным
Под запылённым в миру капюшоном, —
Только — как вздох из впалой груди:
Слово чуть слышное:

«Иди».

В тот вечер, ни часа не медля боле,
Как узник, услышавший весть о воле,
К ветру прислушивающийся настоroje,
Она призвала
вассала Рожэ.

— Рожэ! Долгожданный час настал!
Друг наш явился, как обещал! —

Невольно Рожэ стиснул эфес.

— Да охранит нас покров чудес! —

За храбрость в грядущем бескровном бою
 Она протянула руку свою:
 Рука была белая, точно пена,
 Юная, гибкая, как лоза...
 Он взял эту руку, встав на колени,
 Не смея, не смея взглянуть в глаза!

Назначен был выход из Безансона
 На полночь следующую. Никто:
 Ни духовник, ни наследник трона,
 Ни брат — не должны были знать про то.
 Но кто же останется править? Кому же
 На время вручит она власть королей?..
 Она оставит письмо! Брат мужа
 Прочтёт его пусть через десять дней.
 Рожэ удалился.

И ночь прошла,
 Свежа по-весеннему и светла.
 Едва рассвело, в конюшне тёмной
 Стремянный ему коня оседлал.
 Сзади остался и мост подъёмный,
 И зеленеющий старый вал.
 По росам апрельским он выехал в поле,
 В широкие пашни, навстречу дню:
 Лучи его, пламенные до боли,
 Ударили прямо в глаза коню —
 И заиграли на остром копье,
 На лужах, алеющих в колее.

Все тише стлалась тропа, безмолвной,
 И на дубовой опушке, в тени
 Листвы молодой открылась часовня:
 Он знал ее в юности. В старые дни,
 Перед походом в пески Сальватэрры,
 Под меч наступающих магометан,
 Он здесь преклонялся с незыблемой верой,
 И вера хранила от смертных ран.
 Здесь, переборами лат звеня,
 Сошел он с коня.

Две стертых ступени. Сумрак. Прохлада.
 Усталое благоуханье, покой...
 Пред изваяньем Мадонны — лампада,
 Затепленная благочестивой рукой.

Привыкший к крикам, к воплям, к крови,
 Смотрел он, остановясь вдалеке,
 На пряди волос, на печальные брови,
 На мрамор цветов в благосклонной руке.

А там, позади, над дорогой, над лугом
 Ликующий жаворонок звенел,
 Он с солнцем небесным встречался, как с другом,
 Он пел, замирая от счастья, — все пел.

И пали колени на светлую паперть,
 Склонилось чело на холодный порог...

— Помоги мне, Заступница-Матерь,
 Ты прибежище всех одиноких!
 Но достигну ли речью простою,
 Долетит ли к Тебе мой зов,
 Ты, вершина под белой фатою
 Непорочных, чистых снегов!
 Дева! Радость моя! Вечно — Дева!
 Ясный свет чистоты голубиной!..
 Ты стояла у крестного древа,
 Ты взирала на мёртвого Сына.
 Ты, хранящая тёмную сушу,
 Океан и звездную твердь,
 Оружье прошло Твою душу,
 Ибо Сын Твой — изведал смерть. —

Он поднял лицо. В усах его сизых
 Слеза заблестела, как капля росы,
 И чудилось: верой одет, будто ризой,
 Он жизнь перед Девой кладёт на весы.

— Вот я здесь, пред Тобой, без покровов!
 Мое сердце Ты ведаешь, Дева,
 Как жестоко оно, как сурово
 В мраке ревности, гордости, гнева!
 Только помыслы кружат пустыне,
 Как ветер в сухом камыше...
 Опустит ж Свои очи благие
 К этой чёрствой, мёртвой душе!
 Вот он, меч мой, что в год посвященья,
 В Благовещенье, перед Тобою
 Окропил водою священник

Для победы, для правого боя...
И, неся в отдаленные страны
Непорочное имя Твое,
Я прекраснейшей из христианок
Посвятил его острие!..

Он смолк. Тишина становилась суровой,
Но там, в глубине алтаря, вдалеке,
Чуть дрогнули тихо печальные брови
И лилия в благосклонной руке.

— Госпожа моя! Щит мой! Ограда!
Здесь, в душе, как в поруганном храме,
Лишь одна не погасла лампада,
Луч один: любовь к моей даме.
Без неё мне — всё слепо, всё глухо!
Без неё мне — кромешная ночь!..
Разреши же мне в подвиге духа
Ей, чистейшей из чистых, помочь!
Вот духовной, невидимой брани
Приближается срок молимый,
И Тебе я смиренной данью
Возвращаю меч мой любимый!
Охрани ж нас двоих, безоружных,
С вышины Твоих алтарей,
О, надежда средь гибели вьюжной,
Голубая Звезда Морей!

Все стихло кругом. В полусумраке храма
Замедлило время ток вечной реки...

И с призрачным шелестом плавно на мрамор
Упал благосклонный цветок из руки.
Он взял его.

Белый и благоуханный,
Гость дальних миров на стебле золотом,
На сердце он лег под кольчугою бранной,
Сплетясь лепестками с нательным крестом.

И встав,
Рожэ положил перед Девой,
Меж трёх пастухами затепленных свеч,
Оружие благочестивого гнева,
Свой добрый, в сраженьях зазубренный меч.

И вновь за холодным гранитом порога
Пустынно по-прежнему стлалась дорога,
И вновь, поднимаясь в небесный предел,
Ликующий жаворонок звенел.

Песнь вторая

ГОРЫ В ЦВЕТУ

Не к народным забавам и праздникам,
Не в кишашие людом предместья,
Лишь к пустынным лугам, к виноградникам
Поведёт эта грустная песня.

Не пройдёт в её тихих излучинах
Ни купец, ни маркграф, ни крестьянин,
Только вёсла застонут в уключинах,
Только шмель прогудит на поляне.

* * *

По синим отрогам — спокойно, упорно
Шагают вдвоём — человек и осёл...
Сыра еще глина на выгибах горных;
Боярышник белый на гребнях зацвел;
Все глубже и глубже, сквозь иглы и кроны
В долинах синее весенняя мгла...

На ослике — женщина; ткань шаперона
Сливается с серою шерстью осла.

А там, впереди, уже близко за бором,
Алмазной преградой вздымаются горы;
Уже различимы на блещущих кручах
Воронки скользящие вьюг неминуемых.
И близко уже, как угроза врага,
Жестоким дыханием дышат снега.

— Как странно, Рожэ, с той минуты, как ночью
Мы оглянулись на Безансон,
Как будто впервые мой путь воочью
Смыслом и светом стал озарен!
Тогда поняла я, мой друг, навеки
От нашего замка я уйду

Куда-то за горы, за льды, за реки,
 К непонимаемому рубежу!
 И вот — девятнадцать дней идем мы,
 И все мне отраднo, все легко:
 У этих костров спокойная дрема,
 В охотничьих хижинах — молоко.
 А этот ослик — какой он милый,
 Я никогда не видала смешней,
 И разве прежде я так любила
 Хоть одного из своих коней?

— Должно быть, от этих лесов, госпожа,
 Покой нас объемлет священный:
 Взгляните, как зелень ясна и свежа,
 Как чист этот купол нетленный!..

— Да, милый Рожэ... Но вчера, у привала,
 Чуть сон прикоснулся к глазам моим,
 Как тяжело, трудно, как больно стало!
 Да: это меня призывал Джероним.
 Он звал, будто в смертном томлении духа,
 Мольбой, замирающей, как струна,
 Заклятьем, едва достигающим слуха,
 Как стон из глубин подземного сна!..
 Туда не сойдут ни лучи, ни виденья,
 Там давит бездумная, тяжкая твердь,
 Оттуда ведут только два пробужденья:
 В вечную жизнь
 И в вечную смерть.

— Не должно скорбеть, государыня, путь
 И жизнь его небом хранимы:
 Не мы, так другие сумеют вернуть
 Из тьмы короля Джеронима.

— Ты прав. И я верю, Рожэ, это братья,
 Для помощи каждому в муках его
 От вечного солнца на Монсальвате
 Сошедшие в сумрак мира сего.

— Госпожа! Как радуюсь я!
 Ваша вера — вера моя!
 Но гляньте: уже прохлада
 Встает от сырой земли,

И, кажется, шум водопада
 Я различаю вдали.

Миг — и пред ними открылось ущелье:
 Плавнo-стремительная река
 И вдалеке — невзрачная келья,
 Кров перевозчика-старика.
 Вдруг — за скалою раздался топ,
 Грубый, дикий, грузный галоп:
 Точно раскатистый низкий гром,
 Через кусты,
 сквозь бурелом...

— Стойте, моя госпожа! Тише!
 Это кабан матёрый идёт.
 Он полуслеп, но чутко слышит...
 Эх! Рогатину бы! —

И вот,
 Чёрен, как уголь, быстр, как ветер,
 Вырвался на дорогу вепрь.
 Птица шарахнулась. Взмыл орел.
 Стиснул поводья Рожэ.

Осел
 Рвался — не вырвался —
 заревел —

Зверь обернулся:
 остр и бел,
 На солнце сверкнул трехгранный клык,
 Вепрь
 бросился.

Сдавленный крик
 Вырвался у Агнессы...
 Рожэ

Палку схватил
 и настороже
 Молниеносный нанёс удар
 В длинную морду.

Свирип и стар,
 Не испугался зверь:

Миг —
 Рожэ к траве опускался, ник,
 Хлынула кровь...
 Загнутый клык —

Дальше спуталось все:
 не крик,
Но чей-то спокойный и властный голос,
Вдруг —
 Тишина.
 И в облачных полосах —
Старец, склоняющийся к нему
Через сгущающуюся тьму.
То перевозчик вышел навстречу,
Снова, как в дни незабвенные те,
Только теперь сутулые плечи
В белом, домотканом холсте.

— Оставь, старик! Дай умереть,
Агнессу благослови.

— Путник, мужайся! Не смерть, но жизнь
Твердым духом зови!

И, сморщенная от холода,
Лишений и горьких зол,
Рука старика распорола
Залитый кровью камзол.
Кровоточащая рана,
Как омутом, взгляд маня,
Казалась грешной и странной
Под солнцем юного дня.
Казалось, что кровь струится
Не раной, не плотью, нет —
Из древней общей криницы
Под зыбью пространств и лет;
Криницы, открытой Богом
На самом дне бытия,
В молчанье, во мраке строгом
Истоки жизни тая.

Туда, где лилия Девы
Цвела под ударами жил,
Руку своей королевы
Тогда Рожэ положил.

И вздрогнула дрожью невольной
Неведающая рука,
Как будто коснувшись больно

Невидимого клинка.
А взгляд становился серым,
Уже догорал и ник...

— Молись, госпожа! Веруй! —
Твердо молвил старик.
О нет, это был не слабый,
Не прежний рыбак долин:
Нечеловеческой славой
Светился венец седин;
И поднял он к бездне синей
Пророческие глаза.
Блестящие, как в пустыне
Затерянная бирюза;
И складками древней муки
Изрезанное чело,
И над умирающим руки
Простер, как щит и крыло.

Иисусе Христе! Твоим именем,
Побеждающим смерть человека;
Моим правом, свыше дарованным,
Отменить начертания рока:
Вашей помощью, дважды рождённые
В недоступных снегах Монсальвата,
Да удержится жизнь отходящая
В плоти сей — до грядущего рока!

...Смеркалось...

 У ветхого, тесного дома
Закат наклонил свои копыя уже,
Когда на истлевшие клочья соломы
В полузабытьи опустился Рожэ.
И ночь, отходя, унесла, как юдоль,
Затихшую боль.

И странные дни над бревенчатой кельей
Для трёх единённых сердец потекли
В безмолвном согласье, в духовном веселье,
Под плеск и журчанье весенней земли.
Уже не томим исцеленною раной,
Но слабый, недвижимый, думал Рожэ
О солнечных бликах над топкой поляной,
О вдруг промелькнувшем вдоль окон стриже,

О ней, неотступно склоненной над другом;
 То взглядом, то речью, то пищей простой
 Она, как весна над воскреснувшим лугом,
 В невянущей юности шла над душой.
 Старинную ревность и тёмное горе
 Изгнал чудотворный цветок на груди,
 И радостно слушало сердце, как море
 Глухих испытаний шумит впереди.

Порою шаги старика Гурнеманца
 Впускала в чарующий круг тишина.
 Он молча склонялся к лицу чужестранца,
 Как светлый водитель целебного сна...
 И вновь уходил к своим мрежам и пчелам
 Иль к широкодонной дощатой ладье,
 Где, плавно танцуя в мельканье весёлом,
 Играли форели в прозрачной воде.

Песнь третья КРОВЬ МИРА

Только тем, кто, забыв правосудие,
 Всех простив, всё впитав, всё приемля,
 Целовал, припадая на грудь её,
 Влажно-мягкую, тёплую землю;
 Только щедрым сердцам, сквозь которые
 Льётся мир всё полней, всё чудесней, —
 Только им утolenie скорое,
 Только им эта лёгкая песня.

* * *

Тот день был одним из даров совершенных,
 Которые миру дарит только май,
 Когда вспоминаем мы роцци блаженных,
 Грядущий или утраченный рай.
 Луга рододендронов белых и дрока
 Дрожали от бабочек белых и пчел,
 Как будто насыщенный духом и соком,
 Трепещущий воздух запел и зацвёл.
 Обвитые горным плющом исполины
 Безмолвно прислушивались, как внизу
 От птичьего хора гремели долины

И струи журчали сквозь мох и лозу.
 Все пело — и дух миллионов растений
 До щедрых небес поднимала Земля,
 Сливая мельканье цветных оперений
 С качаньем шиповника и кизилия.
 И солнце, как Ангел, тропой небосклона
 Выходило над миром, забывшим о зле,
 Для всех, кто припал к материнскому лону,
 Для радости всех, кто живёт на земле.

Уж день истекал, когда вышла Агнесса,
 И свет предвечерья сквозь кружево леса
 Упал на задумчивое лицо,
 На грубое, скошенное крыльцо.

Призывом на подвиг высокий тревожа,
 Ей голос судьбы не давал отдохнуть:
 Рожэ поправлялся — вставал уже с ложа —
 На утро назначен был выход в путь.

Усталая от нескончаемой муки,
 В своём запылённом сером плаще,
 Сложила благоговейные руки,
 Помедлила в розоватом луче.
 И вдруг, — точно девочка, быстрая, гибкая,
 По тёплым ступенькам сбежала с улыбкой
 Туда, к побережью, в зелёную вязь,
 Где в папоротнике тропинка вилась.

Спускался таинственный час на природу:
 И пчёлы, и птицы, и ветер утих,
 Как будто сомкнулись прохладные воды
 И низкое солнце алеет сквозь них.

— Как торжественно всё, как таинственно!..
 Всё молчит, всё склонилось друг к другу...
 Ах, пройти бы с тобой, мой единственный,
 По такому вот мирному лугу!
 Сердце в сердце, дыханье в дыханье,
 Взгляд во взгляд, неотрывно, бездонно,
 Сквозь цветенье, сквозь колыханье
 Этих Божьих садов благовонных!..

Дорога исчезла. Но всюду, как вести
 Младенческих лет непорочной земли,
 Сплетались у ног мириады созвездий,
 Качаясь и мрея, вблизи и вдали, —
 То желтых, как солнце, то белых, как пена,
 То нежно подобных морской синеве...
 И сами собой преклонились колена,
 И губы припали к мягкой траве.

— И не плоть ли Твоя это, Господи,
 Эти листья, и камни, и реки,
 Ты, сошедший бесшумною поступью
 Тканью мира облечься навеки?..
 Ведь назвал Ты росу виноградную
 Своей кровью, а хлеб — Своим телом, —

И, навзничь склонясь в глубокие травы,
 Темнеющий взгляд подняла в вышину,
 Где чудно пронзенные светом и славой,
 Текли облака к беспечальному сну.
 Как будто из смертных одежд воскресая,
 Весь мир притекал к золотому концу,
 К живым берегам беззакатного рая,
 К простершему кроткие руки Отцу.

— Дивно, странно мне... Реки ль вечерние
 Изменили течение прохладное,
 Через сердце мое текут, — мерные,
 Точно сок — сквозь лозу виноградную...
 Вот и соки — зелёные, сонные...
 Смолы желтые, благоухающие...
 Через сердце текут — умиленное...
 Умоляющее...
 Воздыхающее...
 То ль, растворяясь в желаемом лоне,
 Стала душа
 Смолами сосен на дремлющем склоне
 И камыша...

.....

 Или сердце ударами плавными?..
 Или колокол — шире, все шире, —
 Будто благовест!.. благовест!.. благовест!..

Будто Сердце, Единое в мире!..
 И просияло на тверди безбурной
 Сердце одно,
 Бегом стремительным сферы лазурной
 Окружено.

Слова отлетели, растаяли,
 Исчезли блеклыми стаями,

И близкое солнце, клонясь к изголовью,
 Простерло благословляющий луч, —
 Бессмертная Чаша с пылающей Кровью
 Над крутизной фиолетовых туч.
 Сознание погасло...

И мерно, и плавно,
 Гармонией неизречённой светла,
 Природа течением миродержавным
 Через пронзённую душу текла.
 Пока на Бургундской волнистой равнине
 Туман перепутал леса и сады;
 Пока не зажглось в вечеряющей сини
 Мерцание древней пастушьей звезды.

Песнь четвертая

ГУРНЕМАНЦ

Кряжи косные, грозные, мощные —
 А в ложбине — распяты и хижина;
 Одиночество; бденье всеношное;
 Время долгое, неподвижное.
 Только звезды взойдут и закатятся
 За волнами предгорий зелёных;
 Только в чуткую полночь прокатится
 Смутный грохот лавин отдалённых.

* * *

Вспыхнули серые скалы багрянцем,
 Воздух над быстрой рекой посвежел.
 Долго на теплой скамье с Гурнеманцем
 Слушал, молчал и дивился Рожэ.

К синему краю старинных поверий
Вел его тихою речью старик:
Люди — не люди там, звери — не звери;

Каждый живущий — глубок и велик.
Званные к новому существованью
Вещью верой в то, чего нет,
Странные образы смутных преданий
Встали со дна незапамятных лет;
То, что давно утеряли народы
В бурных волнах несмолкающих смут;
То, что таинственно в роды и роды
Иноки избранные передают.

... — В полночь ушёл от Пилата
В горестный путь свой Иосиф,
Под безутешною тьмою
К Лобному месту спеша;
Вынул он жгучие гвозди,
В чашу хрустальную бросив...
Чашу держал он у раны,
Плача, молясь, не дыша.
Капля за каплей стекала...
Капля за каплей горела...
Тишь гробовая настала
В мире, в саду и в раю...
Чаша наполнилась кровью,
Тихо тяжёлое тело
С помощью жен опустил он
На плащаницу свою.

И в недоступной пустыне,
Жаром Египта сожжённой,
Долго берёт он святыню —
Кровь и святое копье.
Смерть не коснулась... И первым
В плоти своей просветлённой
Был он восхищен на небо,
В вечное всебытие.
Чашу на пламенных крыльях
Подняли ввысь серафимы —
Выше великого солнца,
В первые небеса;
В строгом священнослуженьи

Пали пред ней херувимы...
Неисчислимы хоры
Слили свои голоса!

Верь, что вселенная — тело
Перворождённого Сына,
Распятого в страданье,
В множественности воле;
Вот отчего кровь Грааля —
Корень и цвет мирозданья,
Жизни предвечной основа,
Духа блаженная боль.

— Прости, прости, отец святой...
Мой ум — ленивый и простой,
Он не готов еще принять
Сказаний древних благодать...

— Не бойся! Вести о Боге
Последним приемлет ум.
Падут они семенем строгим
На самое дно твоих дум.
Ещё не расцветшие злаки
Созреют в прахе души,
В Богохранимом мраке,
В благоговейной тиши.

Рожэ обернулся
и взглядом слегка
Коснулся лучистых очей старика;
В стоянье в часы многотрудного бденья,
Что видели эти глаза наяву,
Какие светила, какие виденья
Наполнили светом их синеву?..
И понял Рожэ: до последнего дна
Душа его вещему взору видна.

— Но, отец... гордыню, страсть, бессилье
Мне ли духом слабым побороть?..
Гурнеманц, ведь только эта лилия
Озаряет душу мне и плоть!
Таёт все: страданье, вождельенье,
Кровь утихла, сердце в чистоте,
В ликовании, в благоговении

Перед той, чье имя на щите!
 Не средь мира, мареву подобного,
 Не на узком жизненном мосту,
 В полноте свершения загробного
 Я улыбку Дамы обрету! —

— Но скажешь ли, сын мой, в раю:
 «Вот она, это — я, это — он?»
 Только в нашем ущербном краю
 Так душа именуется сквозь сон.
 Дух дробится, как капли дождя,
 В этот мир разделённый сходя,
 Как единая влага — в росе...
 Но сольёмся мы в Господе — все!

За ясные дни, проведенные в келье,
 Рожэ наблюдал, что приходят сюда,
 Оставив соху, и топор, и стада,
 Крестьянин, пастух, дровосек из ущелья;
 А раз, на закате, в бревенчатый дом
 Поспешно проехал по светлой поляне
 С бровями орлиными, в чёрной сутане
 Угрюмый аббат на коне вороном.
 И все уходили в селенья по склонам,
 Как будто им чудо узреть довелось:
 С прекрасной улыбкой, с лицом просветлённым
 С сияющим взглядом, блестящим от слёз.

— Кто же ты, мне Господом указанный?..
 Верно, вправду жизнь твоя тиха!
 Верно, путь, тобою не рассказанный
 Никому, и правда, без греха?

О, какая печаль замерцала во взоре!
 Как странно от этой печальной тоски!
 Иль память о юности, память о горе,
 О страстных падениях сжала виски?..

— Пойми благодать благодати:
 Когда я тебе иль народу
 Молитвой, советом, словами
 Дарю чуть брезжущий свет, —
 То — льются духовные воды
 С источника на Монсальвате,

Поток изливается свыше;
 Моей же заслуги — нет.
 Вот слушай: уже миновало
 Четыре десятилетия,
 Когда, от распутия усталый,
 Вот в этот заброшенный дом
 Забрел я, охотясь... Синий
 Простор и рыбацкую сеть я
 Увидел, как видишь ты ныне.
 Быть может, всё было кругом
 Живее и радостней: ельник,
 Овечий — вон там — водопой...
 А жил здесь дряхлый отшельник,
 Молчальник... полуслепой...

Он замолк. Увлажнила роса
 Мох и доску ветхой скамьи;
 С каждым мигмом полней небеса
 Письмена чертили свои;
 Неотрывно смотрел Гурнеманц
 В их темнеющую бирюзу...
 Ночь вступала в права —
и туман
 Целый мир окутал внизу, —

— Аммарэт — было имя отшельника.
 Уже многие, многие годы
 Дальше этих утесов и пчельника
 Не ступал он. И смертные воды
 Уже пели псалом, призывающий
 Прочь от суши, к свободе безбрежной,
 Как прибой, ввечеру прибывающий,
 Заливающий камень прибрежный...
 А в долинах садами, деревьями
 Расцветало счастье в народе:
 Дни безбурные... Лица безгневные,
 Жизнь, забывшая о непогоде.

Но не мнили, не знали, не ведали,
 Что живет здесь бедно и глухо,
 Ослепительными победами
 Прославленный в царстве духа;
 Что имеющий невод да пасеку,
 Богоданною властью молитвы

Отвращает усобицы, засуху,
 Гнев бургграфов... грозные битвы...
 Друг мой! Друг мой! Одно лицезренье
 Вот такого, как он, человека
 Тьме кромешной дает озарение,
 Незакатывающееся до века!
 Если ты над душой моей чёрною
 Видишь всходы, горящие светом, —
 Не моя в них заслуга: то зёрна,
 Посеянные
 Аммарэтом.

— Сорок лет назад... Теперь святится
 Он, наверное, по всей стране...
 Где ж могила чудная таится?
 Дай над нею помолиться мне.

— У него могилы нет.
 — Как, нет могилы?
 Ни креста, ни склепа — ничего?
 Иль, быть может, ангельские силы
 Смерть не допускают до него?

— Друг! На это не будет ответа:
 На ответ мне власть не дана:
 Пусть вокруг судьбы Аммарэта
 Будут сумерки и тишина.
 Да и что расскажут слова?..
 Попрощаемся. Но сперва
 Дай мне крест твой нательный на память,
 А себе этот, медный, возьми:
 Знай, что полными терний тропами
 Поведёт он тебя меж людьми.

Но креста драгоценнее нет.
 Его раньше носил Аммарэт.

Песня пятая

РОЖДЕНИЕ

Скоро ль? Скоро ль, чудные вестники?
 Все спокойней душа, все покорней.
 Им, премудрым, дарующим песню

И очам открывающим — горнее.
 Им, одетым нетленными тканями,
 Им, рожденным от Духа и пламени, —
 Эти свечи в унылом жилище,
 Эта горькая трапеза нищая!

* * *

До ночи глаза поднимали в мольбе
 К Распятью — Рожэ, королева — к звездам,
 В последнюю ночь перед страшным отъездом
 Навстречу неисповедимой судьбе.
 Созвездье Орла поднялось над отрогом,
 С вершин потянул холодный дух,
 Когда наконец за усталым порогом
 Оранжевый отблеск лучины потух.

Но слабым, усталым, уснувшим — на смену,
 В сарайчике тесном, где сено в углу,
 Седой Гурнеманц преклоняет колена,
 Больные колена — на жестком полу.
 Лицо опустилось в простёртые руки,
 Молитвенной формулы краткие звуки
 В послушное сердце низведены;
 Дыхание мерно, глаза смежены.
 И слово за словом, проникновенно,
 Смиренно выстукивает оно,
 Как колокол, погружённый на дно
 В сияющем озере спящей вселенной,
 И тихо, кругами, молитва — любовь
 Исходит из сердца лучисто и ровно...
 Безгласна спокойно текущая кровь.
 Отогнаны мысли. Сознание безмолвно.
 Глубокая тьма. За дверями, в ущелье
 Ни шага, ни звука... Поляна — как сад.

— Мир твоей келье
 И душе твоей, брат! —

Он вздрогнул. Нежданный
 Вздох сорвался — и стих.
 В дверь поляны туманной
 Входят тени троих:
 В пальцах каждого — посох

С крестом наверху,
В голубеющих росах
От тропинок во мху...

И шепчет он слово,
Трепет, радость и ужас тая:

— Ведаю, кто вы...

Верую, кто вы,
Но за что мне милость сия?!

— За смиренье без страха,
За невидимый подвиг в тиши,
За создание из праха
Богоносной души.
И капюшон —

откинулся...

Ни — облика, ни — зениц, —
Лишь луч ослепительный хлынул,
Бросающий в страхе ниц:
Старик отшатнулся.

Руку

Подняв щитом у лица,
Как сноп подкошенный рухнул
К стопам святого гонца;

Но свет — через пальцы — в очи
Лился, как белая дрожь,
Как волны по воздуху ночи,
С дыханьем лилии схож.

— Радуйся, брат наш, полно!
Вгляни на нас, — не страшись!
Близится вечный полдень
Ставшей твоей души!

Был голос теплее привета —
Так смертные не говорят, —
И поднял к источнику света
Старик прозревающий взгляд...
Он видел — сквозь струи сиянья —
Отеческий взор и уста,
Улыбкой прощенья и знания
Подобные лику Христа.

Черты проступали сквозь свет
— Аммарэт!..

Не знал он, что светом обратным
Лицо его блещет; что он
Уж избран на путь невозвратный
Из плещущих волн времён.

— Тебя ожидают, как брата,
Святые в саду Монсальвата. —
— Учитель!.. Учитель!.. Брачных одежд
Нет у меня! Нет!
Как же взойду я на пир? Где ж
Вынести мне этот свет?!

Но встали, склонив колена,
Младшие из троих,
Касаясь — справа и слева —
Тканью одежд своих;
И — как священник во храме
Пред тем, как Чашу поднять,
Руки воздев над Дарами,
Испрашивает благодать, —
Так Аммарэт у порога
Руки возвёл и лик,
И звуку молитвы строгой
Внимал, рыдая, старик:

— Искупитель невольных и вольных,
Воплощенный Завет!
Солнце горних и дольних!
Всепрощающий Свет!
Милосердьем ведом,
Ты открыл Никодиму
О рожденье втором.

Душу нового брата
Мощь и право нам дай провести
До ворот Монсальвата,
Защищая в пути,
К совершенному строю
В осиянном краю,
Сквозь рожденье второе
В Дух и Волю твою!

И легла, как бесплотный огонь,
На главу Гурнеманца ладонь.

— В Богоносное

Тело

Облекись, — и в Нетленную ткань;
Под творящие

Стрелы

Духа Божьего —

Встань! —

Пламя ли ринулось с неба, как дар?
Сердце ли оборвало свой удар?
Вихрь ли смятенную кровь закружил
Вспять по руслу пламенеющих жил?
Это, как молния, Божья милóть
Падала — на расщеплённую плоть.
Сил земнородных бессильная муть
Голову покидала и грудь
Через стопы, торопясь, как струя,
В землю, под землю, на дно бытия;
Жадно впитывала их толща пород,
Всасывая в круговорот,
В сумрачный круговорот вещества,
В битву без торжества.

И просиял ослепительный лик,

Выстраданный

и раскованный,

Долго томившийся в узах Двойник,
Царствию

приуготованный,

Странно подобен был кроткий взор

Распятому,

Сострадающему,

Как уподобилась лилия гор

Крину

неувядающему.

А над ущельем делался серым
Воздух, и над колыбелью дня
Матерью нежной никла Венера,
К сыну лицо золотое клоня.

Медных бубенчиков тонкие трели
Пели в долинах, и пастухи
У побледневших костров смотрели
На розовеющие верхи.

Там, по ступеням алого снега
Выше, все выше текли облака,
Ибо в морях лучезарного неба
Смерть, как и жизнь, — свята и легка.

1934–1938

КОРОЛЕВА КРИМГИЛЬДА

Поэма

I

В былые дни бургундской славы
 В старинном Вормсе я жила
 И у окна подобный травам
 Зеленоватый плащ ткала.
 И белый парус дней девичьих,
 И вёсен пар, и лета зной
 Сменялись в дальнем плеске птичьем
 Над долами страны родной.

О Нибелунгах царстве тайном
 Пел миннезингер часто мне,
 О рыцаре необычайном
 На белом солнечном коне;
 Чья мощь и слава обогрела
 Стезю вдоль городов и чащ...
 Певцу я молча подарила
 В награду златотканый плащ.

И волновали тайной строгой
 Мне душу, точно лёгкий хмель,
 За Рейном пыльная дорога
 И глушь незнаемых земель...
 — Ты обошёл моря и сушу,
 Грусть обо мне тебя влекла —
 Приди ж, — я здесь, я плоть и душу
 Тебе, как чашу, сберегла.

2

ЗИГФРИД

В глубоких низинах гнездится туман,
 Потоки гремят в лесу...
 Свободно ступает меж диких полян
 Мой конь в траву и росу.

.....
 О гордом Вормсе песнь высока,
 Его короли — орлы,
 О нём мою душу томит тоска
 Острей клинка и стрелы.

Зачем мне пропел захожий певец
 Про лилию в замке том,
 О сердце, как драгоценный ларец,
 О взоре её голубом?

И реки, и тучи, и снег, и лёд
 Теперь о нём говорят,
 И <...> в крови звенит и поёт
 Его невидимый яд.

Да будет же неуклонен и прост
 Итог моей славы там:
 Как перед гостем опустят мост,
 И выйдет король к вратам.

Солнце, отец мой! благослови
 Этот голос в крови,
 Асов и ангелов призови
 В день тот на пир любви.

3

Тот,
 о ком миннезингер пел,
 Въезжает под трубный клик;
 Плащ его бел, конь его бел,
 Слепящ
 рыцарский лик.

В светлице своей у окна
 Встала в огне:
 То ль — в глубине
 Вещего сна
 Сокол заклёван орлом?
 Нет! Этот могуч,
 Тополя он стройней

.....

Взор — луч...

Выпустила завесу окна.
В смятенье стою одна.
Вносит корону мать:
— Выйди гостя встречать! —

Приветственной чаши вино
Искрится светом.
Выхожу... тесно в груди...
Это он! Там впереди,
Точно в лучи одетый!
Вот взглянул на меня,
Входит в заклыйтый круг.
Тихо Зигфрид берёт
Чашу из моих рук,
К краю губами приник,
В душу мою глядит,
Над вещим вином его лик
Жжёт, блещет, горит —
Точно кругом — гроза,
Молний живых кольцо —
Зигфрид! Твои глаза
Крыльями бьют в лицо...

4

В день обручения грянули трубы,
В утро венчания — колокола.
Жизнь, напоённую светом, как кубок,
Лилия неба на нас пролила.

Зори сменяли крылатые зори,
Неугасающие, как в раю;
Яблоней вешних цветущее море
Утром встречало улыбку твою.

И зацвели холмы и овраги,
Друга приветствуя своего;
Чистых лучей золотую влагу
Лил голубой небосклон на него.

Сил и блаженств золотое обилье
Ночью слетало на ложе моё:

Ночь проносила на огненных крыльях,
Оба мы — крыльями были её.

Только всё чаще мне снился, высоко
Поднятой на полуночном крыле:
Жгучей стрелой подстреленный сокол
Падает, чтоб умереть на земле.

5

Замок в закате усталом
Факелом тухнет седым.
Солнце склонилось за валом
В мутно-лиловый дым.

Вот уж над Вормсскою башней
Трубит охотничий рог...

— Зигфрид! любимый! мне страшно:
Брат мой гневен и строг...

— Гаген, Гунтер уж пошли...
Друг мой, что ты?
Разве страшное сулит
Рог охоты?
Завтра грянет он в лесу
Звонкой медью.
И тебе я принесу
Мех медведя...

— Зачем же Гагена взор упорный
Бедой грозил?
Вчера мне снилось: вопрь чёрный
Тебя сразил...

— Полно, Кримгильда.
Боятся ли стужи
На переключке добрых рогов?
У твоего веселого мужа
Нет врагов.

— Но смертный страх, как уголь, тлеет
В моей груди.

Я вся дрожу, вся леденею, —
Не уходи.

— До свиданья, любимая. Жди меня
Завтра к ночи домой.
Твоего благодатного имени
Каждый звук — вечно со мной,
Поведет он меня в ловитву
И в сраженьях укажет путь...
Ты ж, ко сну отходя, молитву
Сотвори — и спокойна будь.

6

Холодно в замке. По переходам
Долго брожу одна,
Долго спасительного восхода
Жду у окна.
Но на дороге — размытые тропы
К замку ведут с реки,
Но не рассвет, а чёрная пропасть
Смотрит в мои зрачки.

Холодно. Вдруг — как опалённый,
Огненный, как вино,
Лист багрово-красного клёна
Впархивает в окно.

Полночь. Уснули верные слуги.
Но без конца — часы —
Воют на псарне под мокрой вьюгой
Сторожевые псы.
Кто-нибудь умер?.. Или — не сыты?..
(Дремлет усталый мозг.)

...Кто-то у врат, стучат копыта,
Бьют о подъёмный мост.

Медленно, медленно едут в гору.
Тени от факелов пляшут вокруг.
Шепчущие клочки разговора
Вьюга подхватывает в игру.
Плотно облеплены грязью дорожной

Панцири, брови, усы.
Белую лошадь порожнюю
Егерь ведет под уздцы.
Замок обходят крадучись, с тыла,
Низко склонив лицо.
Плотно у грубого гроба застыло
Грузных фигур кольцо.
Молча над гробом зажглись канделябры,
Воздух — чаден и сперт...
— Горе, принцесса! Наш Зигфрид храбрый
Мёртв.

7

Исходит ночь заупокойной мессой
В безмолвие, как друг, погружена.
Исходит ночь, но чёрною завесой
Укрыт витраж алтарного окна.

— Изменой подлой, а не мощью львиной
Тронье убил супруга моего.
Король мой! брат мой! Гунтер справедливый!
Законом чести покарай его!
Король, король, прошу и умоляю.
Отмщенью помоги!

— Его вина — моя вина.
Не выдам я слуги.

— Мой Гизельхер, мой младший... знаю,
С Тронье — друзья вы, не враги,
Но он — убийца!.. Заклинаю.
Возмездью помоги!

— Его вина — моя вина.
Не выдам я слуги.

— О Фолькер! миннезингер верный!
Тебя, как брата, я люблю

.....
Помочь молю...

— Его вина — моя вина.
Я верен королю.

Спит он, неотомщенный,
В мягкой её груди.
Мой вечный! Мой обрученный!
Спи, мой любимый, жди!

Меч несвершенной мести
Между тобой и мной.
Жди меня, будем вместе
В земле родной.

Станем, чистые, оба
Перед судом Отца
И жизни счастливой за гробом
Не будет конца.
1942(?)

ГУЛЯНКА

Наше дело молодое,
Нас и Бог простит.
Частушка

Ярко-желтый плат на косах,
Взгляд, внезапный как ожег —
Этой тайны глаз раскосых
Я с утра забыть не мог.

Пестрых красок зыбью знойной
Площадь плещет по глазам,
Мучит скрип телег нестройный,
Ранит ярмарочный гам —
И не знаю сам: случайно
Иль огонь залить огнем,
В толчею базарной чайной
Захожу палящим днем.

У окна шумит ватага.
За окном снует народ.
Будь, что будет: брызнет брага,
Станет жизнь — наоборот
И пойдет — гулящим кругом,
Будням всем наперерез,
К новой сказке — с новым другом —
Трактористом МТС.

Чай?
чай?
Не скучай:
Радость хлынет невзначай.

Увидал я утром, Боря,
На базаре здесь — одну:
Сам не знаю, что за горе,
Только впрямь пошел ко дну!

Уж развеять этот морок,
 Позабыть давно пора,
 Как накладывала творог
 Да из красного ведра...
 А взглянула — опалила
 Зноем, заревом, лучом,
 Уголь в жилах раскалила, —
 Все теперь мне нипочем!

Пей,
 брат,
 кружки в ряд!
 Угощаю всех ребят.

— Не случилось, как ни ной,
 Ничего огромного:
 Ночью сходим к ней домой,
 Это Даша Громова.
 Пой
 с нами,
 друг родной:
 Нынче всем нам выходной.

Поначалу — не спеша,
 С треньканьем, с разливами,
 Чтоб развежилась душа,
 Как река под ивами;
 Чтоб очистилась она
 От тоски, от горечи,
 Зазвенела, как струна,
 Со струной гуторючи.

Трень,
 трень —
 вдалеке
 Вон кувшинки на реке.

Трели вьются повиликой
 У журчащего ручья, —
 Поболтай-ка, попиликай,
 Балалаечка моя!
 Разукрась — укрась цветами
 Бесшабашное житьё,
 Поведи меня местами,
 Где калиточка её!

Уведи —
 береги —
 счастье вьется впереди.

Шибче, шибче! звоном, гулом!
 Разгорелись голоса, —
 Огневицею, разгулом
 Дух в ватаге занялся.
 Русской песни хмель таковский:
 Хоть не хочешь, верь не верь,
 Ходи хата, ходи доски!
 Ходи, крыша, ходи дверь,
 На столах запляшет водка,
 Станет горница узка,
 Как пойдём писать чечётку,
 Чёт да нечет трепака.
 Вздрогнут в лестнице ступени,
 Мух шарахнутся рои:
 — Ах вы, сени мои, сени,
 Сени новые мои —

Йи!
 йи!
 дни мои!
 развесёлые ручьи. —

А в мельканье, а в угаре,
 Точно блещущей росой,
 Карий, карий, карий, карий
 Взор под желтой полосой.
 В каждом блике, звоне, звуке,
 Сквозь прищелк, и стук, и мовь, —
 Руки, руки, руки, руки,
 Тьму наставшие на кровь.

Жги!
 жги!
 подмоги —
 грохочите, сапоги!

Громче, громче! лихо, лихо!
 С гиканьем, со взмахами —
 Вихорь, вихорь, вихорь, вихорь
 Красными рубахами.

Жаром солнечных полей,
 Диким духом донника
 Пышет зелье, — лей же, лей
 Трель свою, гармоника;

Лей,
 лей,
 не желей:
 Будет ночь веселей.

Голосисты, разудалы,
 Вот выходим в блеск и в жар;
 Свистом, посвистом трёхпалым
 Вторглись в плещущий базар,
 Замелькало... зарябило...
 Всё в шелках да в кумаче...
 Полдень бухнул буйным билом
 На пожарной каланче.

Нам
 сам
 черт не брат:
 Скачем передом назад.

Гуси, куры, говор, лай,
 Бочки, люди, лошади...
 Ходит, бродит балалай
 По Народной площади.
 Подобрели во хмелю
 С радости да с удали:
 Верю всякому — люблю —
 Каин ли, Иуда ли.
 А на пяточки присев
 Ситцевыми бёдрами,
 Из Селища девки все
 Возьются над вёдрами.
 Ярче ягод их наряд:
 Красной, синей, белою
 Там повязками пестрят
 Лица загорелые:

Как
 сад
 над рекой:

Мак,
 мальва,
 левкой,

Только сердце ноет, ноет,
 Всё гляжу кругом, гляжу:
 Не войдет ли среди зною
 Цветик жёлтый на межу?
 Как звезда небесным сводом,
 Как кувшинка на воде,
 Не плывёт он меж народом,
 Где ж он? где, желанный, где?
 Ничего кругом не слышу,
 Лютик в пальцах мну да рву —
 Как под солнцем кровь утишу?
 Как до ночи доживу?

А вдали,
 А вдали,
 По траве да по пыли,
 Уже льётся, нарастая,
 ай-люли —
 ай-люли —
 Песня мощная другая,
 Шире рек
 и земли:
 — Ах ты, Волга, мать родная,
 Волга русская река!
 Не видала ты подарка
 От донского казака...

Слышен ветер степи жаркой,
 Склик и рокот боевой,
 Сечи буйные, победы
 Дикой бражницы былой
 И разгул великих дедов
 Всею русскою землей.

Стих народ, своё почуя,
 Замер, слушая, в тиши:
 — Грянем, братцы, удалую
 На помин её души!

То подходит, праздник зная,
 Раstabаново-село,
 Что из всех колхозов края
 Жить умеет весело.
 Посреди — Никита Зорин,
 Их прославленный баян,
 Синяками разузорен,
 Разухабист, дик и пьян.
 Но как праздник — всё на свете
 Позабудет люд честной
 За лихие трели эти
 Да за голос разливной —

ой,
 ой,
 разливной
 Голос вольницы степной.

Вот орда с ордой слилась:
 Новые да прежние —
 Песня громом понеслась
 В шири побережные:

— Как по улице широкой,
 Что на ярмарку вела,
 Ехал парень черноокай
 Из заречного села,

Эх,
 эх,
 из села —
 По любовь да по дела!

А за рынком — вижу, вижу:
 Вдалеке — у ворот —
 Шаг за шагом, ближе, ближе
 Расступается народ,
 Словно тучи на восходе
 Раздвигаются возы,
 Будто солнышко выходит
 Из весенней
 грозы;
 В алой юбочке пунцовой,
 В ярко-желтом
 платке,

С пёстрой лентою — обновой
 Да с орешками в руке —
 — Вдоль по площади плывёт
 Да орешки

грызёт;
 С ней девчата огневые,
 Как цветок
 всяк наряд,
 И частушки боевые,
 Подхватив,
 голосят:

— Мой милёнок
 Пер'вертёнок
 Пер'вертушечка моя:
 Улыбнулся
 Пер'вернулся
 На постельке у меня! —

Гаркает село
 Девушкам назло —
 Парни удалые, что на ум

взбрело:

— Жили-были в Рамасухе два

коз-
 ла,

Лбами гардарахнулись раз

со
 зла!.. —

Хохот громыхает, и припев

встал

хором,

Зорин по гармонике быстрит

бег

рук...

Шуткой, прибауткою,

задором, разговором

Втягивают Дашу невзначай

в свой

круг.

Ладится повадка,
 пропал
 весь
 вес —
 — Йих, — пошёл в присядку
 не я —
 сам
 бес!

Эх-эх-эх!
 Эх-эх-эх!

Быль — не укоризна, молодость не грех.

Небо стало золотом,
 базар
 стал
 рыж,
 Кружатся, как полосы,
 дома,
 блеск
 крыш,
 Топот убыстряется,
 дружней
 дробь
 рук,
 Шире расступается
 для нас
 весь
 круг.

Туча ли веселья
 гром
 пролила,
 Солнечными зельями
 двоих
 зажгла —
 Зельем приворотным
 струй
 своих?..
 Вторит весь народ нам —
 задорист, лих —
 Йих-йих-лих!
 Йих-йих-лих!

Радуется, ратует, болеет за своих.

Всюду плещут токи
 от них —
 к нам,
 в нас,
 Кто-то Многоокий
 крепит
 наш
 пляс,
 Нами и над нами
 вертя
 свой
 смерч,
 Свищущий как пламя,
 слепой
 как
 смерть.

— Эх-эх-эх?
 — Эх-эх-эх!

Подмога — от каждого,
 пляс — за всех.

Вертятся заборы,
 ларьки,
 лбы,
 рты,
 А на оси взора —
 одна
 лишь
 ты.

Будто на натянутых концах
 луча
 Связанных две жизни кружатся,
 мча,
 Сердце — вокруг сердца, глаза —
 вкруг
 глаз,
 Солнце — вокруг солнца, гроза —
 вкруг
 нас.

Дышат, тая тихо, тучи...
 Синева... синева...
 От сверкающих излучин
 Закружилась голова.
 Не манят уже ни кручи,
 Ни лесок, ни трава:
 Затихает скрип уключин, —
 Лодка раз качнулась, два,
 Мчит нас вдаль сама собою —
 Что за прыть? что за прыть?
 Только к балке за рекою
 Не доплыть! не доплыть!

И сплелись до боли, муки,
 В безыскусной простоте
 Руки, руки, руки, руки,
 Огневые руки те,
 Что наслали этот морок.
 В душу с самого утра,
 Как накладывали творог
 Да из красного ведра.
 <1950>

УТРЕННЯЯ ОРАТОРИЯ

Ряд светящихся предгорий на подступах к Мировой Сальватэрре.

Х о р д е м и у р г о в - н а р о д о в о д и т е л е й

Ты, правящий с солнцем полёт
 в край
 млечный,

Ты, ширящий к Богу богов
 взмах крыл!

Стихий, человечеств, культур
 дух
 вечный

Ты, собезначальный Творцу
 всех сил!

О, Логос Земли! в мировой
 путь
 званны,

Творим сверхнароды, вершим
 твой храм, —

Тебе — наших ясных вершин
 фирн
 тронный,

Тебе — совершеннейший строй
 всех стран!

Д е м и у р г Д р е в н е г о Д в у р е ч ь я
 Отец наш! Ты видел, на синем престоле,
 Как мой сверхнарод завершал

путь
 бед,

Не чая бессмертья,
 плача в неволе,

И вот погрузился
 в Твой сад,
 Твой свет.

Как томится в глубинах сна
 Под дрожащим огнем Стожар,
 Как сникает по злым ночам
 В вихрь и смерч она, —
 Вся текучая, как волна,
 Как струящийся фимиам,
 Ни народом, ни гранью царств
 Не очерчена.
 Её пестует мать Земля;
 Ей волхвуют цари стихий;
 Но лишь ты — её брат и друг,
 Сердцем призванный:
 Только с нею судьбу деля,
 Ты стратигом иерархий
 Завершишь свой громовый путь,
 Ныне избранный!

Я р о с в е т

Так вот, отец, к чему готовил,
 Мне солнцем детство убеля,
 Ты смутный дух мой у верховий
 Трёх рек Небесного Кремля!

В а я т е л ь ч е л о в е ч е с т в а
 Брака вашего смысл и цель
 Ты не скоро постигнешь там,
 Но не знает другой — светлей —
 Человечество:
 Это — белая цитадель,
 Это — солнечный город-храм,
 В чьём строительстве примет плоть
 Дочь Вечности.

Ж е н с т в е н н ы й г о л о с с бесконечной высоты

Осеню вашу тварную,
 Многобурную Русь,
 В вашу Дочь лучезарную
 Над землёй облекусь.

Тишина.
 Звуки труб.

Г е н и и б у д у щ и х г е р о е в
 Рокот с серебряных башен
 Ринулся, нас призывая

К юному духу-творцу.
 Братья! Мечи препояшем
 Верностью русскому раю,
 Сыну его и отцу.
 Кончены детские игры
 В солнечном сердце планеты,
 В ласковом небе земном.
 Все мы отныне — лишь искры
 Огненного Яросвета,
 Лук его, стрелы и гром.

Благовест.

Г е н и и б у д у щ и х п р а в е д н и к о в

Вы, наимладшие ангелы!
 Умножатели силы,
 Необорной греху!
 Затеплите факелы
 И паникадила
 Здесь, наверху!
 Нам будет завещано —
 В дремучих пещерах,
 В глуши немереч,
 В расселинах, в трещинах
 Светильники веры
 Блюсти и разжечь.

Г е н и и б у д у щ и х т в о р ц о в

Каждая славит струна
 Миг
 Спуска в огне и в грозе;
 Девочкой тихой страна
 Ждёт
 На предречённой стезе.
 Песенники и творцы!
 Рать
 Истинного Кремля!
 Вы, кто построит дворцы
 Из
 Звуков, лучей, хрусталя!
 Вы, кто ещё не рожден
 Был
 Древней землёй никогда!
 В недра народа! во плоть,
 Вниз,
 В пашни, в леса, в города!

Даждь —
 Бог! Перун!
 Жар!
 Буйный вождь!.. —

Г о л о с Я р и л ы
 Пейте ж огненную брагу
 По лесам!
 Небесам!
 По низинам! по оврагам!
 По горам!
 Всем мирам!
 Вон спешит за мною следом
 Вглубь и вширь
 Богатырь,
 К ослепительным победам
 В даль времён
 Устремлён, —
 Где невеста?.. Разомкни же
 Ей, весна,
 Ковы сна,
 Облака пусть ей унижут
 Грудь, персты,
 Все листы, —
 Стан увьют тимьян и хмель ей,
 Убеля
 На лету,
 Звезды станут ожерельем,
 Вся земля —
 Во цвету!

С т и х и а л и
 Озёр мерцающих
 и рек разлиvistых
 Мы ткань журчащую
 ей прядём,
 Прядём из зарослей,
 из круч обрывистых,
 Из зацветающих
 густых урём.

Фатой черёмухи,
 калиной снежною
 И сербаринником
 увита вся,

Расстанься с дрёмою,
 Засмейся, нежная,
 Навстречь избранника
 дары неся!

Г о л о с Г о и
 Вижу качанье зелёных теней,
 Смех в барбариснике,
 в тальнике,
 Вашу заботу, друзья моих дней,
 Милые
 соигральники!
 Только опять закручинилось мне,
 Как непроглядными зимами,
 Дума томит — и сейчас, по весне, —
 Снами
 неотразимыми.

С т и х и а л и
 Так поведай нам
 Боль заветную:
 Мы поймём,
 Мы поймём,
 Пряжу горя в дальне-море
 Унесём,
 Распрядём.

Г о я
 Вот, на певучие ль реки взгляну,
 На голубые ль разводины —
 Словно опять различу глубину
 Звёздных садов моей родины.
 Блики... обман... никогда до конца!
 Миг — и туман уж укрыл его...
 Уж не оттуда ли ждать нам гонца,
 Гостя сереброкрылого?
 Удары литавр.

П е р у н
 Сдвину, грохну глыбы-тучи
 С топотом!
 Стукотом!
 Брошу ток на ток кипучий
 С шорохом!
 С рокотом!

Тучи! Трубные сувои
 В золоте!
 В золоте!
 Гостя песней круговою
 Жалуйте!
 Жалуйте!
 Он, как бог, грядет за мною
 К юности!
 К младости!
 К власти славою земною,
 В радости!
 В радости!
 Он взовьёт судьбу над нами
 Буйную!
 Смелую!
 Он, бушующий, как пламя
 Белое!
 Белое!..

Г о я

Кто это? кто это?
 Сердце колотится,
 Сердце заходится,
 Дух занимается.

Раскаты грома, ветер, шум лесов.

Г о л о с Г а м а ю н а

Стихии веющие,
 Кружитесь в танце:
 Спешит ликующий
 Любимец Солнца!

Г о л о с С и р и н а

Душа младенческая
 Святого края!
 Встречай, увенчивай
 Творца-героя!

Г о л о с А л к н о с т а

Пастыря горного
 Тихая дочерь!
 Открой свою горницу
 Для трапез и вѣчерь!

Г о я — в смятении

Горница настезь открыта,
 Полная блеска и света...
 Отче! слепят твои вести!..
 Кто же вы, дивные гости?

Г е н и и б у д у щ и х г е р о е в

Ты видела нас! Ты вспомнишь!
 Ты подружишься с нами
 В тёмной своей судьбе.
 Ратниками и властями
 Будем строить хоромы
 Одной тебе.

Г о я — трепеща

Не помню я вас... не ведаю...
 Невнятна мне ваша речь!
 Я только с листвою беседовала,
 Ручьи любила беречь;
 Кудесников, птиц, юродивых
 Упестую и накормлю
 Да о лазурной Родине
 Снобденье моё люблю.

Г е н и и б у д у щ и х п р а в е д н и к о в

Мудрость благополезную
 Низольём в твою землю,
 В твой нерощенный сад,
 О вселенной болезнью,
 Состраданьем объёмля
 Судьбы всех мириад!

Г е н и и б у д у щ и х г е н и е в

Разве наш сладостный гром
 Чужд
 Рокоту вешних долин?
 Разве тебе незнаком
 Смех
 Наших весёлых дружин?
 Ангела юного мощь
 Хор
 Славить грядёт на луга,
 В глубь расступившихся рощ
 В бор,
 В поле и на берега!

Это — торопится сонм,
 Чья
 Участь на Русской земле —
 Цветом и звуком ваять
 Сказ —
 Быль о Небесном Кремле!

Голос Яросвета раскатывается от края до края неба; хоры стихий и сонмов кажутся
 зыблущимися и кипящими у его ног.

Внезапная тишина.
 Протяжное, высокое, скрипичное звучание.

Я р о с в е т — *тихо, тихо*
 Я различил, дитя, твой голос,
 Твой лепет ласковый, но здесь —
 Лишь струи бледных, нежных полос,
 Туман, лучом пронзённый весь!..

Г о я
 Желанный мой!
 Жданный мой!
 Туманна душа моя,
 Ещё не приняв
 Лиц;
 Здесь — тишь первозданная,
 Едва оглашаемая
 Лишь трелью моих
 Птиц.
 Их стаяй аукаемая,
 Их пеньем встречаемая,
 Над мирной рекой
 Сплю,
 Ветрами баюкаемая,
 Лесами качаемая,
 Исконный покой
 Длю!
 Никем не лелеяными
 Полями непахаными
 Да крепью, где спит
 Мох,
 Лугами несеяными,
 Медвяными запахами
 Мой терем хранит
 Бог.

Я р о с в е т
 Ты видишь меня?
 Г о я
 Но жар и озноб
 Бьют меня, хлещут, кружат...
 Вижу: в руке твоей блещет сноп,
 В правой руке — оружие.

Я р о с в е т
 Теперь я различаю тут
 Твою мерцающую плоть:
 Ей стихии вяжут, ткут
 Лесную, дикую милоть...

Г о я
 О, узнаю тебя!.. узнаю!
 В давности
 незапамятной —
 Мальчик весёлый в Отчем краю,
 Солнечный!
 Пламенный!
 Как я ждала! Беседой благой
 Думу развей туманную,
 Благослови мой цветущий покой
 Трапезой
 долгомечтанною!

Я р о с в е т
 Вхожу, любимая сестра моя,
 Цветок нездешних стран несущий...
 Какая тишь неповторимая
 В твоём лесу!

Г о я
 Так мыслит приученный
 к хорам высот
 Слух твой, высоко реющий...
 Сядь, — и припомним родимый сад
 С радостью несгорающей.

Я р о с в е т
 Теперь я понял, чьё томление
 Меня тревожило в раю,

Чьих хороводов плеск и пение
 Влекло с крутизн судьбу мою.
 Бездонно-древней пряжей связаны
 Мы в чьей-то дивной ворожке,
 И я создам, что мне предсказано,
 Лишь из тебя, — с тобой, — в тебе!

Г о я

Но что тебе в девочке, самой меньшей,
 От мудрых сестёр удаляющейся,
 С лесною, дремучею, смутной душой,
 Едва ещё раскрывающейся?..

Г о л о с Г а м а ю н а
 Пробил час клятвам!
 Уж в отдаленье
 Старший несёт вам
 Благословенье!

Г о л о с С и р и н а
 Плещут в эфире
 Крылья и ткани,
 Блещет трикирий
 В поднятой длани.

Г о л о с А л к о н о с т а
 Тайна и Истина
 Замкнуты в чаше —
 Дар Евхаристии
 К трапезе вашей, —
 Узкие кольца
 Светят на блюде,
 Вот уже клонятся
 Духи и люди.

Нарастающие отзвуки древнего напева.

Г о л о с А н г е л а В и з а н т и и
 Приобщитесь к познавшим
 Безначального Бога,
 К возревновавшим
 Храма-Чертога!
 Свяжитесь причастием
 На крест и утраты,
 На скитанье и счастье,
 На путь без возврата!

К л и р

Готов ли ты стать её суженым,
 Хранящим сокровище Божье, —
 В просторе, снегами завьюженном,
 В блужданиях, в бою, в бездорожье?

Я р о с в е т

Навеки.

К л и р

Готова ли стать ты Невестой —
 Блюдущей невидимый клад
 В плену, под бедой неизвестною,
 В пустыне разлук и утрат?

Г о я

Навеки.

А н г е л В и з а н т и и
 На йскус предбрачный
 Любви и печали —
 Друг другу назначенных
 Вас обручаю.

К л и р

Укрепитесь на пост многотрудный,
 На творенье души всенародной,
 Этой трапезой чудной —
 Жертвою Единородной.

А н г е л В и з а н т и и

П р и й д и т е!

Я д и т е!

С и е е с т ь Т е л о М о ё Н о в о г о З а в е т а,
 И ж е з а в ы и з а м н о г и х л о м и м о е
 В о о с т а в л е н и е
 Г р е х о в!

Тишина.

Я р о с в е т

В мирах довременно
 Распятый страданьем,
 Логос Вселенной —
 О д и н и О д н о!

Тебе приобщаемся,
Вкушая плоть мира
И кровь мироздания —
Хлеб и вино.

А н г е л В и з а н т и и

Сия есть Кровь Моя Нового Завета,
Иже за вы и за многих изливаемая
Во оставление
Грехов!

Тишина.

З а в с е х — и з а в с я !

Г о я

Хлеб божественный преломив,
Принимаем на веки веков.

Я р о с в е т

Кровь божественную испив,
Облекаемся в новый покров.

А н г е л В и з а н т и и

Прими же подарок
от сурового брата,
Тропу завершающего
по земле.
Золотые оплечья и упругие латы
Против демонов бурных
в грядущей мгле.
Не сумел завершить я
исполинскую думу
И загадки загаданной
не разгадал;
Будет день — и ты примешь
бремя грозного Рума,
Всё наследье, пред коим
град и мир
трепетал.
Не осмелюсь постигнуть я,
какую стихиру
Ты воздвигнешь из звуков
отдаленнейших дней,
Что за солнце зажжётся
обновлённому миру

В грозном откровенье
души
твоей.

Но верую,
что величайший возложен
На рамена тебе
крест Отца,
И что ты не напрасно
вырвешь меч свой
из ножен

В преддверии
мирового Конца.

З а г л у ш ё н н ы е Г о л о с а С т и х и а л е й

Мы — ткань вечная
Твоей невесте
И с вами вечно
Пребудем вместе.

Пауза.

Я р о с в е т к одному из гениев-героев

Спешите же в дебри снеговые,
В тайгу и в степи, в крепь и сон,
Как власть имеющий — впервые
Сводя мой свет в сердца племен.
Уж там, на утреннем престоле,
Вождь многогранный ждёт тебя,
О мощной, гордой, высшей воле
Глухим предчувствием скорбя.
Моим познанием, волей, смыслом
Войди в него, как сталь в ножны,
Ты будешь первым родомыслом
Моей страны.

Г е н и й к н я з я В л а д и м и р а
Нисхожу,

посланник твой отныне,
Чуя крепость, жар и мощь твою, —
Вижу край — разливы рек, пустыни,
И утёс
зелёный
в том краю.

Над Днепром,
над шумной степью вольной,

Камни стен
 крестами окрыля,
Да святится первый город столичный,
Первый отблеск
 Горнего
 Кремля.

Январь – сентябрь 1951

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

* * *

За днями дни... Дела, заботы, скука
Да книжной мудрости отбитые куски.
Дни падают, как дробь, их мертвенного стука
Не заглушит напев тоски.

Вся жизнь — как изморозь. Лишь на устах осанна.
Не отступаю вспять, не настагаю вскачь.
То на таких, как я, презренье Иоанна —
Не холоден и не горяч!

1928

* * *

Близятся осени дни, по ночам холодеют туманы.
Скоро на голых лугах песни затынет пурга,
Злаки падут под серп, закружится поток Эридана,
Стикса загробного лед жизни скует берега.

Кончено лето души. Из долин надвигается стужа.
Белые хлопья кружат, шагом ночей взметены...
Чье же возникнет лицо из осыпанных инеем кружев,
Шествие чье озарит луч заходящей луны?

Авг <уст> 1929

* * *

Я неизбежен, как рок.
Слышишь хохот окрест?
Это я мчусь за тобой
По пастбищам и лесам

И сам уложу тебя в гроб,
Сам засыплю землей,
Сам воздвигну твой крест
К плачущим небесам.

Если же запоешь —
Там, под землей, в гробу —
Я к земле припаду,
Я притаюсь, не дыша.
Не разорвать узду;
Не обмануть судьбу;
Мерно вонзит нож
В сердце свое душа.

Плачешь, дитя? Плачь!
Немы мои уста,
Я у креста простерт,
Я не уйду — прочь;
Наш бессмертен палач,
Имя его — нищета.
Я именем этим — горд.
Хлынь же в меня — ночь!

МАРТ 1930

* * *

— Обманул меня!.. Вышвырнул!..
Звать своей — не посмел!.. —
...В белом облаке вишня
Легкий день догорел.

— За тебя ли мне ратовать!
И сама чуть жива!.. —
...Над садами Саратова
Синева... синева...

— Ночью летней, недолгою,
Долго ль плакаться мне?!.. —
...Над туманною Волгою
Тишина, как во сне.

— Я приду! — Обожди меня!
Выйди сам на межу!
Я заветного имени
Никому не скажу!

За изменами, распрями —
Только ты! Только ты! —
Долго тянутся в Астрахань
За плотами плоты...

И журчит говорливая
У обрыва — волна..
— Не прощу тебе, милый мой,
Никогда, никогда.
<1930>

АЛЕКСАНДРУ КОВАЛЕНСКОМУ
И МОЕЙ СЕСТРЕ —
АЛЕКСАНДРЕ ФИЛИППОВНЕ
ДОБРОВОЙ-КОВАЛЕНСКОЙ

Отрывок из юношеской поэмы

...Но папоротник абажура
Сквозит цветком нездешних стран...
Бывало, ночью сядет Шура
У тихой лампы на диван.
Чуть слышен дождь по ближним крышам.
Да свет каминный на полу
Светлеет, тлеет — тише, тише,
Улыбкой дружеской — во мглу.

Он — рядом с ней. Он тих и важен.
Тетрадь раскрытая в руке...
Вот плавно заструилась пряжа
Стихов, как мягких струй в реке.
Созвездий стройные станицы
Поэтом-магом зажжены,
Уже сверкают сквозь страницы
«Неопалимой Купины».
И разверзает странный гений
Мир за мирами, сон за сном,
Огни немислимых видений,
Осколки солнц в краю земном.

Но вдаль до поздних поколений
 Дойдут ли скудные листы
 Сквозь шквалы бурь и всесожжений,
 Гонений, казней, немоты?
 Иль небывалое творенье —
 Живой цветок нездешних стран —
 Увянет с тем, кому горенья
 Суровый жребий свыше дан?
 Сквозь щель гардин шумит ненастье,
 Но здесь — покой, здесь нет тоски,
 Здесь молча светится причастье
 Благословляющей руки.
 Здесь многокнижными ночами
 Монах, склонившись на копье,
 Следит недвижными очами
 Крещение странное моё.
 Годину наших дней свинцовых
 Он осенил своим крестом,
 Он из глубин средневековых
 Благословляет бедный дом;
 И под тенями капюшона,
 На глади древнего щита
 Лишь слово Zeit¹ — печать закона —
 Ясна, нетронута, чиста.

Текут часы. Звучат размеры,
 Ткут звуковой шатёр, скользя...
 И прежней правды, дальней веры
 Чуть брезжит синяя стезя.
 Но над лазурью — башни, башни,
 Другой кумир, иной удел...

— Будь осторожен вдвое! Страшный
 Соблазн тобою завладел. —

Так говорит сестра. Но мигом
 Уж не рассеется дурман...
 Она откладывает книгу
 На свой синеющий диван.
 Все измышленья в темень канут
 От этой ласковой струи...

— Спокойной ночи, мальчик, — глянут
 Глаза сестры в глаза мои.
 И еле зримо, — смутно, смутно —
 Не знаю где, какой, когда —
 Нездешней правды луч минутный
 Скользнёт в громаду тьмы и льда.

* * *

Мой город, мрачный, как власяница,
 Лежал на скудном краю пустыни,
 И ни одно дерево, ни одна птица
 Не осеняли его твердыни.
 И когда на закатах в горящую даль мы
 Полуослепший вперяли взор —
 За горизонтом качались пальмы
 И серебряный блеск озёр.

И тогда бунт пронёсся в толпах.
 Правитель пал. Озверев, мы
 Ринулись, как стада, с топотом,
 По камням пустынь, из тюрьмы.
 Я был ребёнком. Влачим матерью,
 Видел: меркли миражи пальм
 И ровною, как стена, скатертью
 Раскалённая легла даль.

Мать, умирая, ломала руки.
 Люд дичал от бед и обид.
 Вождь уверял, что увидят внуки
 Страну блаженных — и был убит.
 И возмужал я. В ночном небе
 Видит сердце, как звездочёт,
 Бунт <...> и <...> жребий,
 Пути народов и времени счёт.

И по ночам, когда, обессилив,
 Уйдёт люд изнывать в шатры,
 Мне в небесах голубой светильник
 Горит, ярчайший, сквозь все миры.

_____ 1. Z e i t — время (нем.) — Ред.

Он горит, чтоб на смертной тризне
Вознесли мы сердца горé,
Мы, обманутые снами жизни,
Заблудившиеся в их игре.

1932

* * *

Лёгким бризом колышимые,
Волны мирного моря
С тихим плеском, чуть слышимые,
Не достигнут нагорья.

Там лугами некошеными
Овладела истома,
Камни, в пропасти брошенные,
Мягче дальнего грома.

А эхо аукающее
Перекатами тает
В глубь неба, баюкающего
Перелётную стаю...

1930-е (?)

* * *

Милый друг мой, не жалею о старом,
Ведь в тысячелетней глубине
Зрело то, что грозовым пожаром
В эти дни проходит по стране.

Вечно то лишь, что нерукотворно.
Смерть — права, ликуя и губя:
Смерть есть долг несовершенной формы,
Не сумевшей выковать себя.

1935

* * *

Лечь в тебя, горячей плоти родина,
В чернозем, в рассыпчатый песок...
Над глазами расцветет смородина —
Терпких ягод кисловатый сок.

Тихий корень, прикоснись к груди моей,
Выпей кровь из охладевших жил,
Мчи ее наверх, в поля родимые,
Где когда-то я дышал и жил.

Осенью лиловые и красные
Гроздья ягод птицы поклюют...
Где конец твоим высоким странствиям,
Плоть моя, где для тебя приют?

1935

* * *

Над тальми кровлями ранней весной
Призывные ветры нам шлёт юго-запад:
В них — жизнь непохожих народов и зной,
Густых виноградников приторный запах.

Пьянящие образы их на лету
Лови, и услышишь — в горячем просторе —
Лязг якорной цепи в далёком порту
И ропот и смех лучезарного моря.

И, в море отчалив, споют издали
Солёные, пёстрые, рваные флаги
Про женщин тебе неизвестной земли,
Про гавани, бури и архипелаги.

Мечта зазвенит, как натянутый лук,
В младое скитальчество, в мир многолюдный,
И звонкими брызгами блещущий юг
Ворвётся в твои безысходные будни.

И станет постылым знакомый причал,
Твое ремесло и поденная плата...
О, бросить бы жизнь на кочующий вал,
Поверив лишь морю, как старшему брату!

Но ветру и волнам, их вольной хвале
Ответишь ты страстным и жалобным стоном,
Прикован, недвижим, — как кедр на скале —
Меж синью морей и песком раскалённым.

* * *

Сколько ты миновал рождений,
И смертей, и веков, и рас,
Чтоб понять: мы земные сени
Посещаем не в первый раз.

Эту память поднять, как знамя,
Не всем народам дано:
Есть избранники древней памяти,
Отстоявшейся, как вино.

Им не страшны смертные воды,
Заливающие золотой путь...
Как светло у такого народа
Глубокая дышит грудь!

Будто звёзды с облачной ткани,
Словно жемчуг на смутном дне,
Цепь расцветов и увяданий
Ныне брезжит сквозь смерть и мне.

* * *

Ночь горька в уединённом доме.
В этот час — утихшая давно —
Плачет память. И опять в истоме
Пью воспоминанья, как вино.

Там, за городскими пустырями,
За бульваром в улице немой
Спит под газовыми фонарями
Снег любви зеленоватый мой.

Отдыхай под светом безутешным,
Спи, далёкий, невозвратный — спи.
Годы те — священны и безгрешны,
Справедливы, как звено в цепи.

Но зачем же головокруженье
Захватило сердце на краю
В долгий омрак страстного паденья,
В молодость бесславную мою?

Как расширить то, что раньше сузил?
Как собрать разбросанное псам?
Как рассечь окаменевший узел,
Как взрастить, что выкорчевал сам?

И брожу я пленником до света
В тишине моих унылых зал...
Узел жизни — неужели это,
Что я в молодости завязал?

* * *

Есть строки Памяти, — не истребить, не сжечь их,
Где волны времени, журча среди камней,
В заливах сумрачных лелеют сонный жемчуг
Невозвратимых чувств, необратимых дней.
И, в тёмных завитках хранящая годами
Волн юности моей давно утихший гул,
Там раковина есть — как бледный лунный камень,
Чей голос я любил, чьё сердце разомкнул.
Любил — забвенья нет. И в ночь тоски широкой,
Склоняясь на перламутр устами прежних дней,
Я слушаю, томясь, глухой протяжный рокот, —
Напев моей судьбы, запечатлённый в ней.

* * *

Где не мчался ни один наездник,
На лугах младенческой земли,
Белые и синие созвездья,
Млея и качаясь, расцвели.

И теплом дыша над бороздою,
Ветер рая, пролетая дол,
Два согласных стебля переплёл
И звезду соединил с звездой.

Мириады жизней пройдены,
Млечный Путь меняет облик пенный,
Только судьбы наши сплетены
Навсегда, во всех краях вселенной.

* * *

Не помним ни страстей, ни горя, ни обид мы,
 Воздушный светлый вал принять в лицо спеша,
 Когда от образов, одетых в звук и ритмы,
 Как странник в ураган, замедлит путь душа.

Глаза ослеплены. Кипенье, колыханье
 Всё ширится, растёт — лица не отвернуть —
 И чьё-то чуждое, огромное дыханье
 Внедряется и рвёт, как ветром встречным, грудь.

Всё смолкнет. Даль чиста. И мудрые ладони
 Несут нас, как ладья в стихающем русле,
 На солнечную гладь ликующих гармоний,
 Чьей славы не вместят напевы на земле.

* * *

Ни кровью, ни грубостью праздников,
 Ни безводьем духовных рек,
 Ни кощунством, ни безобразием
 Победить не властен наш век.

В дни татар находили отшельники
 По скитам неприметный кров,
 И смолисто-грустные ельники
 Стерegli свечу от ветров.

Каждый нищий, каждый калека
 Мог странничать, Бога ища, —
 А ты, мой товарищ по веку,
 Заперт, и нет ключа.

Чтоб враг не узнал вседневный,
 О чем сердце поет в ночи,
 Как молчальник скитов древних,
 Опустив веки, — молчи.

Тишины крепостным валом
 Очерти вокруг себя кольцо
 И укрой молчанья забралом
 Человеческое лицо.

* * *

Вечер над городом снежным
 Сказку запел ввечеру...
 В сердце беру тебя нежно,
 В руки чуть слышно беру.

Всё непонятно знакомо,
 Холмик любой узнаю...
 В гнездышке старого дома
 Баюшки, Листик, баю!

Звери уснули в пещере,
 Хвостики переплетя, —
 Спи в моей ласке и вере,
 Ангельское дитя.

Нашей мечтою всегдашней
 Горькую явь излечи:
 ...Там, на сверкающих башнях,
 Трубят морям трубачи,

Искрится солнце родное,
 Струи качают ладью...
 Вспомни о благостном зное,
 Баюшки, Листик, баю!

В ткань сновидений счастливых
 Правду предчувствий одень:
 Пальмы у светлых заливов
 Примут нас в мирную тень.

Счастьем ликующим венчан
 Будет наш день в том краю...
 Спи же, тоскующий птенчик
 Синей жар-птицы, баю!

1947

ВОСХОЖДЕНИЕ МОСКВЫ

Тот, кто лепит подвигами бранными
 Плоть народа, труд горячий свой
 Укрывал столетья под буранами,
 Под звездами воли кочевой.
 Тело царства, незнакомо с негою,
 Крепло в схватках бури боевой,
 Где моря играют с печенегамы,
 Где поля гудят под татарвой.

И призвал он плотников, кирпичников,
 Тысячами тысяч, тьмою тем,
 Бут тесать для сводов и наличников,
 Укреплять забрала белых стен.
 С давних лет водителями горними
 Труд могучий был благословен.
 Это созидалась плоть соборная
 Для души — сосуд её и плен.

День вставал размеренно и истово,
 Свежестью нетронутой дыша,
 Жития с молитвой перелистывал
 И закатывался не спеша.
 Что завещано и что повелено,
 Знала ясно крепкая душа
 И брала всю жизнь легко и медленно,
 Как глоток студёный из ковша.

И в глуши, где ягод в изобилии,
 Где дубы да щедрая смола,
 Юной белокаменной лилией
 Дивная столица расцвела.
 Клирным пением сменялись гульбища,
 Ярмарками — звон колоколов;
 Золотом сквозь нищенское рубище
 Брезжили созвездья куполов.

1949 (?)

* * *

Я не знаю, какие долины
 Приютят мой случайный привал:
 Кликнул вдаль меня клин журавлиный,
 По родимым дорогам позвал.

Нет за мной ни грозы, ни погони;
 Где ж вечернюю встречу звезду,
 К чьим плечам прикоснутся ладони
 Завтра в тёмном, бесшумном саду.

Мук и боли ничьей не хочу я,
 Но луной залиты вечера,
 И таинственно сердце, кочуя
 По излуцинам зла и добра.

Прохожу, наслаждаясь, страдая,
 По широкой Руси прохожу —
 Ах, длинна ещё жизнь молодая,
 И далёк поворот к рубежу!

Снова море полей золотое,
 Снова тучи, летящие прочь...
 Высоко моё солнце святое,
 Глубока моя синяя ночь.

1937–1950

* * *

Ржанье конское!
 Степь задонская

От Волыни до Урала
 В дни раздольные
 Надо мною простирала
 Тучи вольные.

Мчала, пела, укачала
 Перепутала начала,
 Не собой ли обручала
 На ночлегах и в бою?

Венчан я навек с тобою
 В поле — синью грозовую.
 Скрой же чистою травую
 Смерть мою!

Утро сонное —
 Ширь бездонная...

Тополя пирамидальные
 Прячут белый тихий дом.
 Степь в росе и тучи дальние
 Оторочены дождем.

Вновь запахнет конской гривой,
 Снова звякнут стремяна,
 И пойдет нетерпеливая
 По лицу плясать весна.

<1950?>

* * *

В кармане бушлата
 Нож с пятнами крови,
 Град крепкого мата
 Всегда наготове,
 Тяжелые ноги
 Да с водкою фляга
 Мерещатся многим
 При слове «бродяга».

Злодейства и кражи.
 Но есть ведь другие.
 И званье бродяжее
 Моя панагия.
 Я легок и весел,
 И нет во мне злобы,
 И гению песен
 Я верен до гроба.

1950-е

[ДРАМАТИЧЕСКИЙ ОТРЫВОК]

[П е р в ы й]

Иль оттого, что дикий барс — и боров,
 С утробной яростью во двор из хлева
 Рванувшийся, чтоб по навозным лужам
 Нестись, распугивая ребятишек —
 В одной берлоге не живут?.. Иль верно,
 Что богоборчество не есть безбожье?

Второй путник, в молчаливом ожидании стоявший в стороне от реки, приближается.

В т о р о й

Отвечу — я, знаток твоей дороги.
 Три существа в тебе оскорблены:
 Художник — мистик — и ревнитель строгий
 Своей страны.

П е р в ы й

А ты уж здесь... И не сердит? Спасибо
 За пунктуальность — на таком ветру...
 Куда ж теперь? Обещано...

В т о р о й

Ты прибыл —
 И я назад условий не беру.
 Я проведу — но там, за Рубиконом,
 Не повернёшь ли в ужасе ты сам,
 Едва взглянув в лицо другим законам
 И чудесам?

П е р в ы й

Я не нуждаюсь в пышных предислов[ьях.]

В т о р о й

Но в опытных предупрежденьях — да,
 Чтоб знать какая в мировых низовья[х]
 Вас ждёт беда.
 Мы любим тех, кто в резком свете знан[ья]
 Подъёму вверх предпочитает срыв.
 Сядь на минуту: два-три замечанья —
 И путь открыт.

Оба присаживаются на массивные круглые брёвна, чуть различимые в темноте.

В т о р о й

[О]хотникам слегка порхать над бездной
 [И] тешить нервы — я не проводник.
 [С]винцовый кряж и океан железный
 [Им] не узреть ни на единый миг!
 [Их] узрит тот, кто муку воздаянья
 [Со]чтя за честь, за доблесть и почёт,
 [Ос]трей отточит узкий серп деянья
 [И] цвет души от стебля отсечёт.
 [За] пропуск наш — монетой преступленья,
 [На]личными заплатят храбрецы:
 [Ли]шь с узких лестниц самоистребленья
 [На] миг увидишь даль во все концы.

П е р в ы й

[Брезгли]в я к тем деяньям, чья огласка
 [Крас]неть потом принудила б меня;
 [Все?] тайны низки, ежели краснеть
 [При]шлось бы мне от их обнаруженья.

В т о р о й

[Бои]шься? ты? А где хвалёный дух
 [Бес]страшия?

П е р в ы й, с усмешкой

Не страх: брезгливость тол[ько,]
 Моральная эстетика... А ты
 Мне предлагаешь брать товар вслепую,
 Кота в мешке — по старой поговорке?

В т о р о й

Но разве те, торгующие Богом
 На рынках веры, действуют не так?
 Влачи, богобоязненный простак,
 За годом год в молитвословье строго[м,]
 Рви узы дружбы, замолкай с людьм[и.]
 На чашу брось свободу, страсть, гордын[ю.]
 И лишь потом — коль будешь жив — прим[и]
 Вслепую купленную благостыню. —
 У нас в ходу такой же принцип. Д[а,]
 Сперва динарий вольного деянья,
 И — вот наш пропуск в потаённый кра[й]
 Тебе распаханного мирозданья!

П е р в ы й

Всего?

В т о р о й

О нет... Исподние миры
 [От]части Кносскому дворцу подобны:
 [Там] есть пещеры, площади, дворы,
 [Там] есть моря свинцовых вод загробных.

П е р в ы й

[И] минотавр, конечно?

В т о р о й

Почему ж

Не быть и минотавру, даже — многим?
 [Коль] дело в том, что эта тьма и глушь
 [Ра]счерчены по логарифмам строгим.
 [Под]валы зала — вечно на замке;
 [Рас]членены моря подземным Тавром;
 [И] чёткий круг расчислен на реке
 [Дл]я резвых игр смешным ихтиозаврам.

П е р в ы й

[Во]ображаю, как смешно...

В т о р о й

Ключи

[Ко] всем замкам подобраны особо:
 Один ты купишь горшей из круч[ин,]
 Другой — изменой, третий — смертной з[лобой.]

П е р в ы й

Возврата нет?

В т о р о й

Возврат, хоть трудный, ест[ь,]

Пока ты сам его способен волить,
 Пока открытия — за вестью весть —
 Твой разум будут шлифовать и школи[ть.]
 Но есть черта, когда ты предпочтёшь[ь]
 Не возвращаться боле.

П е р в ы й

Отчего же?

В т о р о й

А оттого, что ты познаешь дрожь
 Погибели — и сладость этой дрожи.
 Но тот рубеж далёк ещё... Сперва
 Ты перемен почти не обнаружишь;
 [Кол]ь новым зреньем маски вещества
 [Не] совлечёшь с лица всемирной стужи.
 [Ты] до сих пор угадывал порой,
 [Пус]кай — неясно, трепетно и глухо —
 [За] зданьями, столицей и страной,
 [За] всей природой — зыбкий конус духа.
 [Но е]сть другой, есть нижний окоём —
 [Дво]йник того — без имени, без знака,
 [Нап]равленный глубинным остриём
 [Сквоз]ь все миры в исток и сердце мрака.
 Из ночи в ночь¹ сквозь череду кругов
 К таким исчадьям и таким гигантам
 В каком молва не обретала кров
 [В к]анонах вер, по мудрым фолиантам.
 Я чую² тех, кто грудь планеты сжал,
 [Кем] плат Охраны сорван и распорот, —
 Тех упырей, кто тысячами жал
 Язвит страну и этот стольный город.
 [Пой]мёшь, зачем вот этот монастырь
 [Усн]ул в руинах, наг и обескрещен,
 И кто ползёт по всей планете вш[ирь]
 Из этих скважин, этих узких трещин...

П е р в ы й

Ну, это, кажется, и без тебя
 Давно понятно...

В т о р о й

Ложь! одни миражи!
 Догадки робкие, когда, скорбя,
 Ты призывал мечи небесной страж[и]
 Ступай за мной — и скоро детский бу[нт]
 Во имя древней красоты — забудешь,
 Ты всё предашь за несколько секунд
 В чертогах той, о ком так слепо судишь[.]

П е р в ы й

Так. А потом?

В т о р о й

Боишься — к небесам
 Утратить ключ? Он — при тебе. Не дума[й!]
 Всеми черёд! Ведь ты захочешь сам...

<...>

<1950?>

ВСТРЕЧА С БЛОКОМ

(Отрывок из неоконченной поэмы)

...Еле брезжило «я»
 в завихрившемся водовороте,
 У границ бытия
 бесполезную бросив борьбу.
 Что свершается: смерть?
 предназначенный выход из плоти?
 Непроглядная твердь...
 И пространство черно, как в гробу.
 Только там, надо мной —
 (непонятно: далёко иль близко) —
 Завладел вышиной
 титанический облик царя
 В вихре тёмных пучин
 нерушим, как базальт обелиска,
 Он остался один,
 с миром дольным без слов говоря.
 Фосфорический лик
 трупной зеленью тлел среди ночи,
 Но ни шёпот, ни крик
 не звучал ни вблизи, ни вдали.
 Он меня не видал.
 Опустив пламеневшие очи,
 Он склонялся и ждал
 чьих-то знаков с кромешной земли.
 Я не смел разглядеть:
 он в тумане ли? в латах? в плаще ли?
 Облекла его медь
 или облачные пелены?..
 Я искал, трепеща,
 тесной скважины, впадины, щели,

1. Текущему — зачёркнуто; уведёт — зачёркнуто. — Ред.

2. ...лишь — зачёркнуто. — Ред.

Если путь по злым пустыням
Мне суждён,
Жди меня пред устьем синим
Всех времён!

От паденья — кровом брака
Осени!
От успенья в лоне мрака
Охрани!

В персть и прах, в земные комья
Взят судьбой,
Лишь тобой горé влеком я,
Лишь тобой!..

Где ни мук, ни зла, ни гнева,
Жди меня.
У престола Приснодевы
Жди меня!

Пусть я отдан вражьей силе
Здесь, в аду —
Лёгкий след твой в млечной пыли
Я найду!

Груз греха отдав возмездью
И суду,
За тобою все созвездья
Обойду.

Дней бесчисленных миную
Череду, —
Я найду тебя! найду я!
Я найду!

Начало 1950

АЛЕКСАНДРУ КОВАЛЕНСКОМУ

Незабвенный, родной! Не случайно
Год за годом в квартире двойной
Твоей комнаты светлая тайна
За моей расцвела стеной!
И уж воля моя не боролась,
Если плавным ночным серебром
Фисгармонии бархатный голос
Рокотал за расшитым ковром.

Что пропели духовные реки
Сквозь твоё созерцанье и стих —
Да пребудет навеки, навеки
Неразгаданным кладом троих.
И какая — враждующих душ бы
Ни разъяла потом быстрина, —
Тонкий хлад нашей девственной дружбы
Всё доносится сквозь времена!

И промчались безумные годы,
Обольстив, сокрушив, разметав,
Заклучив под тюремные своды
И достойных, и тех, кто не прав.
Где же встреча? когда? меж развалин?
У подъёма ль на форум врага?
Будет снова ль хоть миг беспечален,
А беседа — светла и строга?

Иль наш хрупкий цветок похоронят
Груды брошенных роком лавин
И верховную правду заслонит
Список терпких ошибок и вин?

Иль, быть может, в пучинах кочуя,
Древней плоти уже не влача,
Близость друга бывшего почую
В приближенье живого луча?

Всё мертво. Ни вестей, ни ответа.
Но за младость, за нашу зарю,
За высокую дружбу поэта
В горькой зрелости благодарю.

Х. 1950

[ОТВЕТ ПУШКИНУ]

...И равнодушная природа
Красою вечною сиять...

Как: равнодушная?! И воды,
И травы, мягкие, как мать,
И пляжа бархатное ложе,
И добродушный дуб-простак,
Все — равнодушно? — Боже, Боже,
Несчастливы те, кто мыслит так.

По воробьям стрелять из пушки
<...>
Но здесь — авторитет! Здесь — Пушкин!
«Поэт — а резвость какова»...

Пускай, кто жаждет споров бурных,
Доискивается причин
Сего явления — в мгле культурных
И прочих смутных величин.
Чтоб не теряться в многострочьях,
Я путь другой ищу: он прост,
И потому взываю: прочь их!
Хватайте истину за хвост.

А хвост ее — не в том, что прав-де,
Гигант во всем — от А до Я,
А в том, что он не снидил к правде
Стихий, их душ, их бытия.
Естественно! Откуда б мог он
Понять, чем истинно светла
Природа? Из дворянских окон?
Иль в осень — с конского седла?

Ходил ли Пушкин без перчаток?
И в золотой пыли дорог
Хоть раз мелькнул ли отпечаток
Его разутых, шустрых ног?
Босыми пятками отстукав
Верст двадцать в лунном серебре,
Он не ловил дремучих звуков
И треска хвойных игл в костре.

Брезгливо помня о заразе,
Мальчишкой, черный как жуки,
Он не лепил из жирной грязи
Ладошкой бойкой пирожки.
Не черпал он у солнца пламя
Всем телом жадным, как ковшом,
Валяясь чудными часами
В песке у речки, нагишом.

Над зарослями иван-чая,
Сквозь птичий гам, фью-фью, ку-ку,
Листву колебля и качая,
Не распевал он на суку!
Он не давал в пустынных нивах
К своей груди, к своим плечам
Устам туманов молчаливых
С лобзаньем никнуть по ночам.

Но если б воздух, землю, воду
Он осязал, как в наши дни —
Про равнодушный лик природы
Не заикнулся б он. Ни-ни.

1955

* * *

Медленно зреют образы в сердце,
Их колыбель тиха,
Но неизбежен час самодержца —
Властвующего стиха.

В камеру, как полновластный хозяин,
Вступит он, а за ним
Ветер надзвездных пространств и тайн
Вторгнется, как херувим.

Страх, суету, недоверие, горе,
Всё разметав дотла,
Мчат над городами и морем
Крылья стиха — орла.

Жгучий, как бич, и лёгкий, как танец,
 Ясный, как царь к венцу,
 Скоро он — власть имеющий — станет
 С миром лицом к лицу.

Жду тебя, светоча и денницу,
 Мощного, как судьба,
 Жду, обещан позором темницы,
 Мечен клеймом раба.
 1955 (?)

ИЗ ГЁТЕ

Гаснут горные пики.
 Доли млеют во мгле.
 Стихли щебет и крики,
 Дремлет птенчик в дупле;

Тишиной зачарован
 Мир склоняется к снам...
 Подожди: уготован
 Вечный отдых и нам.
 1950-е

* * *

Когда-то раньше, в расцвете сил,
 Десятилетий я в дар просил,
 Чтоб изваять мне из косных руд
 Во имя Божье мой лучший труд.

С недугом бился я на краю
 И вот умерил мольбу свою:
 Продлить мне силы хоть на года
 Во имя избранного труда!

Но рос недуг мой, я гас и чах,
 И стал молиться о мелочах:
 Закончить эту иль ту главу,
 Пока не брошен я в пасть ко льву.

Но оказалось: до стран теней
 Мне остаётся десяток дней:
 Лишь на три четверти кончен труд,
 И мирно главы в столе уснут.

Хранить их будет, всегда верна,
 Моя подруга, моя жена.
 Но как бессилён в наш грозный век
 Один заброшенный человек!

Ты просьб не выполнил. Не ропщу:
 Умеет Тёмный вращать пращу
 И — камень в сердце. Но хоть потом
 Направь хранителей в горький дом:

К листам неконченных, бедных книг
 Там враг исконный уже приник:
 Спаси их, Господи! Спрячь, храни,
 Дай им увидеть другие дни.

Мольба вторая — на случай тот,
 Коль предназначен мне свет высот:
 Позволь подать мне хоть знак во мгле
 Моей возлюбленной на земле.

Молитва третья: коль суждено
 Мне воплощенье ещё одно,
 Дай мне родиться в такой стране,
 В такое время, когда волне
 Богосотворчеств и прав души
 Не смеет Тёмный сказать: Глуши!

Дай нам обоим, жене и мне,
 Земли коснуться в такой стране,
 Где строят храмы, и весь народ
 К Тебе восходит из рода в род.
 Ночь на 19 октября 1958

«ЖЕЛЕЗНАЯ МИСТЕРИЯ» ДАНИИЛА АНДРЕЕВА

Вся жизнь, все мироздание — мистерия борьбы
провиденциальных и демонических сил...

Даниил Андреев

В «Железной мистерии» показана вся история России XX столетия, с Февральской революции до предсказанного скорого крушения тоталитаризма и наступления эпохи Розы Мира. Символические, театрально яркие образы, напряженный сюжет, трехъярусная сцена, на которой разворачиваются непримиримые схватки вселенских сил добра и зла — в олицетворяющей Россию Цитадели, над ней и под ней, — представляют действие и таинство вершащейся истории. Об этих же событиях, их мистических механизмах, об этих же мировых слоях — вышнем, нижнем и среднем, — где разыгрывается действие мистерии, Даниил Андреев методично и последовательно рассказывает в «Розе Мира» — книге, завершающей и объясняющей его «вестническое» творчество.

Мистерия для поэта-вестника и автора «поэтической реформы» — важнейший, сугубо сакральный жанр, опыт одного из театрально-религиозных таинств будущего царства Розы Мира. Конечно, «реформа» вовсе не революционный переворот в поэтике и русском стихосложении, скорее это обоснование системы собственных строфических и метрических приемов. Утверждая, например, такие формы поэмы, как поэма-симфония или поэма-оратория, или такие строфы, как русская октава, он все время оглядывается на историю русской поэзии, на ее великих поэтов. И все же Даниил Андреев мечтает о действительной реформе, суть которой не в стихосложении, а в том, что он хочет видеть в поэзии часть нового религиозного миропознания и даже культа.

В работе «Некоторые замечания по стиховедению», определив свой метод как «сквозящий реализм или мета-реализм» и коснувшись «реформы» некоторых поэтических жанров, он заметил: «воздержусь... пока разбирать вопрос о реформировании мистерии...»¹. О мистерии, жанре религиозном по определению, поэт пишет в «Розе Мира», мечтая о мистериалах, театрах мистерий будущего, когда мистерия станет одним из важнейших средств воспитания человека «облагороженного образа», а театры мистерий — необходимым учреждением верградов — городов веры, духовных центров будущего. По убеждению Даниила Андреева, мистерии, объединяя богослужение и искусство, одинаково требуют творчества, творящей воли человека-художника, или, говоря словами Блока, «человека-артиста», поскольку необходимо «творить во всем». «Генетически идея мистериала, — сообщает в «Розе Мира», — ведёт своё начало из глубокой древности: вспомним мистерии Элевзина, католические действия Средневековья и, как уцелевший до нашего времени их рудимент — мистерии Страстной недели в баварском городке Обераммергау. Другие мистериальные традиции живы до сих пор в Индии, Индонезии и странах Индомалайской метакультуры. Но, не сравнимые с религиозным примитивом Средних веков, идейное богатство и глубина нового религиозного сознания вызовут к жизни такие сценические действия, которые окажутся отстоящими от старых мистерий так же далеко, как наши представления о космосе от системы Птолемея. Оборудование механизмами, о каких даже в начале нашего века никто не посмел бы мечтать, позволит воплощать литературные и музыкальные тексты многопланового со-

держания, мистериально отображать события, совершающиеся или совершившиеся в иных мирах Шаданакара. Репертуар мистериалов сформируется постепенно, когда жанр мистерии нового типа, получив широкое распространение, вызовет появление монументальных драматических эпопей этого рода».

Для поэта мистерия не окончательно сложившийся и канонизированный драматургический жанр, он говорит о мистерии-драме и мистерии-эпопее, мистерии-опере и т. д. Будущий театр мистерий, по его мнению, в верградах будет двух видов — драматический и музыкальный.

Особенно дорого Андрееву то, что мистерия жива до сих пор и кроме того — жива в Индии. Совместить, сроднить разные мистериальные традиции для него означает приблизиться к чаемой Розе Мира.

В репертуар мистериалов, кроме мистерий нового типа, войдут, считает он, «из ресурсов мировой поэзии и музыкальной драмы» «трагедии Эсхила, “Фауст”, “Орфей”, драмы Калидасы и Тагора, “Пер Гюнт”, “Лоэнгрин”, “Парсифаль”, “Сказание о граде Китеже”». Все эти шедевры «могут и должны быть... философски и сценически трактованы как мистерии».

Мистерии будущего непременно воплотят синтез религиозного и поэтического творчества. В этом синтезе для Даниила Андреева заключен идеал искусства будущего. В «Железной мистерии» и предлагается опыт «мистерии нового типа». Опыт этот глубже, чем может показаться, связан с мистериями античности и Средневековья, хотя поэт оглядывается и на эксперименты своих современников — на «Мистерию-буфф» Маяковского и на, видимо, безвозвратно погибшую на Лубянке неоконченную драму-мистирию А.В. Коваленского «Неопалимая купина» (1927). Но прежде всего он создает нечто собственное — новое действие, со своим театральным временем, композицией, действующими лицами. Двенадцать актов андреевской мистерии — число не случайное, связанное не с театральной, а с некоей мистической традицией, — столько же книг в «Розе Мира».

Средневековые европейские мистерии на сюжеты из Священной истории часто предлагали зрителю обширные театральные хроники, объемлющие целый ряд событий. Так же как «Железная мистерия», они иногда говорили и о будущем, заканчиваясь картинами Страшного суда. Некоторые мистерии были основаны на конкретных исторических событиях, например, «Мистерия об осаде Орлеана» (1429) или «Разрушение великой Трои» (ок. 1450), но неотрывных от ветхозаветных и евангельских или легендарных представлений.

Средневековые мистерии и миракли, повествующие о чудесах святых, включали в себя апокрифические сказания, перекликались с мотивами духовной поэзии. Они были обращены к городской улице, воплощали народную веру и народные представления о Божественном мироустройстве и миропорядке. И Даниил Андреев повторяет пути народного религиозно-поэтического творчества. Несмотря на то что многомерное мироздание «Розы Мира» возведено из камней мировой культуры и рациональное начало, стремление к систематизации всего и вся в его сочинениях очевидно, руководствуется он художественными интуициями, аналогии которым находят именно в народном околоцерковном творчестве. Можно даже утверждать, что многие из андреевских с точки зрения православия ересей так или иначе восходят к архетипам народного религиозного сознания.

Как и античная мистерия, которая была более таинством, чем театральным зрелищем, так и постановки в мистериалах верградов должны, по замыслу поэта, стать частью грядущего культа Розы Мира, религии итога. Мистерия, считал он, «стоит на подороге от театра к культу, и многие стороны роднят ее с богослужением». Понятно, почему, говоря о «поэтической реформе», Андреев опустил жанр мистерии, обойтись в этом случае рассуждениями только о поэтике было невозможно. И в «Розе Мира» он мечтает не о мистериальных театральных или литературных формах, а о мистерии грядущего религиозного сознания, каким оно ему видится. Герой романа «Странники ночи», мечтающий написать Литургию, наверное, должен быть и сочинителем мистерий. Тем более что в этом герое, Олеге Горбове, судя по тому, что мы о нем знаем,

¹ Здесь и далее все цитаты из произведений Д.Л. Андреева приводятся по настоящему изданию.

угадывается автобиографический прообраз поэта, стремящегося стать поэтом-вестником. Того же рода герой угадывается в Неизвестном «Железной мистерии».

Андреева восхищают культуры, пронизанные религиозной духовностью, а мистерия — одно из высших ее проявлений. Такова, говорит он в «Розе Мира», Индийская и Индомалайская метакультура. В ней «духовность веет» «от пронизанных внутренним светом изумительных ремесел, и от народного искусства, и от отношения “человека массы” к проблемам жизни и смерти, и от мистерий и героических эпопей, которые целыми ночами представляются на жалкой площади в любой, самой захудалой деревне...»

Некогда Вячеслав Иванов, размышляя о путях теургического творчества, видел в античной мистерии прообраз одной из главных религиозных форм будущего. «Эллинская форма, единая верная, восторжествует опять, углубленная и обогащенная орудийной Симфонией... — утверждал он. — Через святилища Греции ведет путь к той Мистерии, которая стекшиеся на зрелище толпы претворит в истинных причастников Действа, в живое Дионисово тело»¹. В «Железной мистерии» как раз и очерчен путь человечества к религиозным действиям будущего, для Даниила Андреева всегда взаимосвязанным с искусством. В «Розе Мира» он говорит не только о необходимости для полноты духовного восприятия многомерности мира вседневного ощущения «жизни как мистерии», но и о том, что исполнители мистерии «ни в коем случае не должны преемственно связываться с такими формированиями, как театральная труппа. Этические нормы, прилагаемые к коллективу мистериала, атмосфера и обычаи, в нём царящие, религиозное горение, без которого он теряет свой смысл, — всё это не прилагалось и не может прилагаться к артистам театра, — поясняет он. — Артисты мистериала образуют коллектив, имеющий черты сходства отнюдь не с труппой, а с её антиподом: с монастырём». Это сходство в том, что им необходимо «совместное обитание подле мистериала, подчинённость повседневной жизни смыслу мистерий, внутренняя работа над собой, изгнание из личных отношений всяких признаков враждебности, зависти, соперничества и т.п.» Но, продолжает Андреев, «артист мистериала не отрезает себя от жизни, он находится одновременно в ней и над ней...».

Средневековая мистерия вышла из храма и отправилась за церковную ограду, оставшись религиозным действием, но все чаще касаясь земного, высказываясь о нем сатирически, часто с площадной, грубой насмешкой. Но как бы она ни обмирщалась, каких бы низких житейских материй ни касалась, в ее «карнавальности» сохранялась литургическая основа. Она и была для Андреева сущностью мистерии.

Мистерия дожила до нашего времени. Один из немногих примеров ее долгожительства — представление «Мистерии Страстей Господних» в немецкой деревушке Обераммергау, о которых Даниил Андреев упоминает в «Розе Мира». Начавшиеся в 1634 году, — по преданию, в благодарность Господу за избавление от чумы, — они проходили каждые десять лет, хотя в традиции этой были и долгие перерывы, связанные с папским запрещением XVI века ставить мистерии. В наши дни постановки «Страстей Господних» стали уже не только религиозным действием, но и рекламным, привлекающим туристов зрелищем. При всем том жители Обераммергау ревностно поддерживают старинную традицию, храня с незапамятных времен костюмы и декорации, из поколения в поколение участвуя в постановках. В сохранении этой народной традиции, несомненно, есть некое сакральное начало. Еще ставились в XX веке мистерии перед собором Нотр-Дам в Париже, в испанском городе Эльче («Мистерия тела Господнего»), известны сугубо литературные и театральные опыты возрождения мистерии. Эти остатки великой мистериальной традиции Европы, в той или иной мере известные автору «Розы Мира», тоже воодушевляли его мечты о мистериалах грядущего.

Средневековая мистерия — монументальное действие, но в истории религиозной драматургии, появившейся в XVII веке и в России, известны и вышедшие из мистерии литургические драмы на библейские темы, такие, как «чин пещного действия», как пьесы Симеона Полоцкого и св. Димитрия Ростовского. Популярны были рождественские представления, украинские вертепы, уцелевшие до нашего времени. Об одном из

1. Иванов В. Собр. соч. Брюссель, 1974. Т. 2. С. 84

них, происходившем тайком, да еще в лагерной обстановке, вспоминала жена поэта: «На Рождество украинки устраивали вертеп. Это разыгрывалась мистерия Рождества. Шепотом передавали: “Алочка, четвертый барак... в восемь часов после ужина”. Приходишь, залезаешь на верхние нары, делая вид, что с кем-то там разговариваешь. По-немножечку все расслаживаются, и начинается мистерия. Рождество Христово. Ангел поет, плачут матери, у которых Ирод детей убил. Потом все, что полагается в этом простом и чистом Рождественском представлении»¹.

Даниил Андреев не возвращает мистирию ни на площадь, ни в христианский храм, он видит ее частью нового религиозного мировоззрения — Розы Мира. Но в «Железной мистерии» поэт все же создает не мистирию нового культа, культа Розы Мира, наподобие элевсинской, а мистирию истории XX века. В ней, несмотря на всю символику и новизну поэтического языка, а может быть и благодаря ему, сказано о русской истории то, что мало кому сказать удавалось. В первоначальном замысле она и называлась «Русской мистерией». Собственно, таинству русской истории посвящено все творчество Андреева, и «Железная мистерия» лишь часть, следующая за поэтическим ансамблем «Русские боги», задуманной поэтической трилогии², которой во всей полноте осуществить он, видимо, не успел.

В двух уцелевших детских тетрадях можно обнаружить истоки почти всех мотивов и жанров творчества Даниила Андреева. В одной из них есть и совсем небольшой драматургический этюд в двух действиях с пятью действующими лицами «Самоубийство». Написан этюд со знанием дела, с продуманными, живыми ремарками. Он даже вполне сценичен. Что ж, знакомство Даниила Андреева с театром и началось в самом раннем детстве. В доме Добровых часто бывали московские актеры. Его двоюродная сестра А.Ф. Доброва (Коваленская) была ученицей театральной студии, до замужества — профессиональной актрисой. И конечно, он был не только заинтересованным театралом, но и непререкаемым зрителем отцовских пьес, в двадцатые годы иногда еще шедших в московских театрах.

Некогда Леонид Андреев, в одном из писем, не только адресату, но и самому себе отвечая на вопрос — не мистик ли он? — искренне ответил: «Не знаю». Но заметил: «Для всех серьезно мыслящих и живущих жизнь — мистерия...»³ Это общее с сыном ощущение жизни как мистерии было заметно в его драматургии уже современникам, и не только в «Анатэме» или в «Черных масках», о которых он в связи с обвинениями в мистицизме упоминает.

Второй драматургический опыт Даниила Андреева, который мы знаем, уже из тюремных черновики. Это «драматический отрывок», фрагмент неизвестного нам, видимо незавершенного, произведения. Главным мотивом — желанием добровольного спуска в «мировые низовья» — он прямо перекликается со стихотворениями «Материалов к поэме “Дуггур”» и главой «Спуск» «Железной мистерии», в свою очередь, внутренне взаимосвязанным. Но «Материалы к поэме “Дуггур”» — лирическая исповедь, полная автобиографических подробностей, а в отрывке звучит эпическая интонация (начало — нерифмованный пятистопный ямб — внятно отсылает к пушкинскому «Моцарту и Сальери»). Действующие лица отрывка — Первый и Второй — фигуры символически обобщенные. Правда, и здесь в Первом некие «автобиографические» черты угадываются. Самоопределение «Художник — мистик — и ревнитель строгий/Своей страны» можно отнести и к действующему лицу «Железной мистерии» — Неизвестному (тот, кто мог бы стоять во главе Розы Мира, должен совмещать «в себе три величайших дара: дар религиозного вестничества, дар праведности и дар художественной гениальности»). Второй в отрывке говорит о «мировых низовьях», о Кносском дворце, то есть о лабиринте. Эти же

1. Андреева А.А. Плаванье к Небесной России. М.: Аграф, 2004. С. 223

2. О предполагаемой трилогии Д.Л. Андреев говорит в работе «Некоторые замечания по стиховедению»; см. т. 4.

3. Реквием: Сборник памяти Леонида Андреева / Под ред. Д.Л. Андреева и В.Е. Беклемишевой; С предисл. В.И. Невского. М.: Федерация, 1930. С. 260.

образы используются поэтом в «Материалах к поэме “Дуггур”», в стихотворении 13-м цикла «Похмелье»: «И, проплыв Ахероном к мировому низовью, / В лабиринте открыл я предпоследнюю дверь». Так и в «Железной мистерии» Неизвестный, которого можно соотнести с Первым «отрывка», цитирует и вспоминает как собственные строки из «Материалов к поэме “Дуггур”»: «Помню образ: “Здесь за Ахероном...”». А в главе «Спуск» «Железной мистерии» Даймон (в отрывке — Второй) и Неизвестный оказываются так же, как персонажи отрывка, перед «спуском» у реки. Но ясно, что Второй — это совсем не Даймон, который в «Железной мистерии» показывает Прозревающему совершающееся в Нижнем слое. Он скорее принадлежит к неназванным темным силам и в своей демонической иронии традиционен. Говоря об «исподних» мирах, Второй обходится расхожей мифологической терминологией и самыми общими словами, пока еще лишь намекающими на неповторимые образы андреевских описаний миров возмездия. Так эти миры могли бы описывать и люди, никогда ничего подобного не видевшие. Из этого ясно, что драматический отрывок был написан до тех «озарений», о которых Даниил Андреев писал в тюремных дневниках и в «Розе Мира». В нем поэт еще только ищет подступы к стиху и интонации мистерии, к новому для себя языку, а главное, он еще не пережил всей полноты того, что он называет метаисторическим познанием. Но предполагаемый спуск в миры возмездия и автобиографический образ ведомого даймоном прозревающего поэта останутся и в его поэмах, и в «Железной мистерии».

«В употреблении олицетворения для мистических целей средневековый театр напоминает своими приемами древний мир индийской драмы, священного дара Браммы людям, — где весьма нередко вмешательство в людские дела коренных начал, двигающих миром»¹, — это давнишнее наблюдение над средневековой драматургией вполне можно отнести к «Железной мистерии». Тем более что для Даниила Андреева, точно так же как и для творцов религиозных драм, эти «коренные начала», как бы условно и даже наивно они ни выводились на сцене, были отнюдь не художественным приемом, а иной реальностью.

В «Железной мистерии» мы видим те же три слоя, что и в средневековой мистерии, представление которой часто и проходило на специально устроенных трех ярусах мистериальной сцены: над бревенчатым помостом, становившимся землею, надстраивался рай, внизу размещался ад. Место действия Андреев рисует с той же символической условностью и размахистостью, что и средневековые драматурги: Цитадель, Дворец, Собор, Площадь и т.д. Так же довольно подробно в канонических мистериях изображались рай и ад, хотя и куда упрощенней, театральней, нежели у Даниила Андреева. Символизируя сотворение мира, над сценой являлись звери, птицы, рыбы. На специальных приспособлениях взлетали ангелы со святающимися трубочками во рту. Ад под помостом озарялся красным пламенем. Подвластные Сатане демоны носили особые имена: Астарот, Белиал, Вельзевул, Форгинбург, Гаргаран и т.д.

Эти традиционно мистериальные образы ада и рая вместе с представляющими их персонажами есть и в «Мистерии-буфф» Маяковского, который во второй ее редакции выводит на сцену не одну разновидность карикатурных чертей — от Вельзевула и Обер-черта до двух десятков «с рогами и хвостами». Карикатурны в революционной мистерии и святые, среди которых, кроме ангелов, — Мафусаил, Жан Жак Руссо, Лев Толстой и Гавриил.

Пожалуй, за все советское время после «Мистерии-буфф» Владимира Маяковского не появилось, по крайней мере в печати и на сцене, ни одной мистерии. Мистерия — религиозное таинство, приобретшее театральные формы. Какое же религиозное таинство могло стать содержанием советской мистерии? Маяковский пародировал мистику. Приставка «буфф» недвусмысленна. Несмотря на это, поэт объяснял: «Мистерия — великое в революции, буфф — смешное в ней»¹. В «Мистерии-буфф» пародийны рай и ад, сакрален революционный пафос: «Становитесь хорами — / будущему псалмы!»

Некоторая оглядка на «Мистику-буфф» в «Железной мистерии» очевидна. Маяковский для Андреева не только «один из идеологов Доктрины», но и поэт, «о гениальности которого можно спорить». Поэтому, противостоя богочестиву и «партийным книжкам» революционного поэта, автор «Розы Мира» не проходит мимо плакатных приемов и поэтического языка Маяковского. Об этом языке, «зримом» и «грубом», о стихотворных «трансуранных размерах» он прямо говорит в «Гиперлеоне», отсылая к вступлению в поэму «Во весь голос». Этот язык для Даниила Андреева и есть подлинный язык революции, поэтому его интонации отзываются в речах и репликах революционных масс, советских толп «Железной мистерии». Но разница между поэтами принципиальна. Для Маяковского мистерия — лишь уместный прием. Ее таинство он отвергает, хотя и не обходится без сакрального пафоса, богочестиву и обращаясь к Творцу. А для Андреева «вся жизнь, все мироздание — мистерия». Небывалое действие «Железной мистерии» начинается с русской революции — с демонической схватки старого Жругра, олицетворяющего имперскую государственность, с Жругритами, рвущимися к власти, но заканчивается торжеством Розы Мира, всемирным хором и голосами транскосмических сфер. Мистерия совершает неумолимый метаисторический круг, разделенный автором на двенадцать актов. Потому, как бы он ни пользовался гротеском и сатирой в изображении советской истории, но за крикливым языком улицы ему слышится сакральная борьба «благого начала» и «темных сил». Они в воображении поэта абсолютно реальны как образы и символы «метаисторического созерцания». В иных образах мистерии проглядывают приемы, напоминающие о «певце революции», но они еще и образы эпохи. «Автомат», «люди-циферлаты», «люди-авиабомбы», «люди-громкоговорители», конечно, заставляют вспомнить вслед за незабвенными персонажами «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина «человека без головы» или «женщину со слезой» из трагедии «Владимир Маяковский», но они органичны для искусства XX века. Это образность и немецкого экспрессионизма, и Дали с растекающимся циферблатами временем, и Пикассо, изобразившего крики гибели в «Гернике».

В «Железной мистерии» за театральной символической условностью узнаются конкретные события — свержение царя, Гражданская война, тирания и смерть Сталина, воцарение Хрущева, предугаданное поражение в «холодной войне». Изображенные с живыми подробностями, исторические эпизоды неотрывны от мистической борьбы сил и обитателей двух «слоев» — «нижнего» и «вышнего». Обусловленность земного времени сакральным, метаисторическое видение происходящего в «среднем» слое делают для поэта русскую историю мистерией не в драматургическом, а в буквальном смысле.

Переживая метаисторический процесс как мистику, Андреев не только показывает в поэтических образах мистически ощущаемые им движущие силы истории, но и моделирует события будущего, и можно только поражаться его провидческой интуиции. Многие из того, о чем рассказано в «Железной мистерии», произошло уже на наших глазах, и в картинах краха Цитадели узнается то, что мы пережили в последние десятилетия — противостояние с Западом, брежневщину, годы перестройки, последствия краха советской системы со всеми «карнавальными» выписанными подробностями. В тюремной камере, в еще не «оттепельной» первой половине пятидесятых поэт провидит крушение СССР, появление на наших улицах иностранных вывесок, гуманитарных грузов, зазывающих в секты проповедников и жрецов «New Age», а один из персонажей мистерии поет частушку, словно бы подслушанную в девяностые годы: «Хоть и каплет из носу, / Приучайся к бизнесу...»

Символический язык, которым пользуется Даниил Андреев, в «Железной мистерии» легко соединяет высокое с низким, пафос ораторских монологов и религиозные песнопения с гротеском и сатирой. Улица в мистерии говорит собственным языком, но в ней не только звучит острое народное словцо, но и пародируются газетные лозунги и казенные гимны.

Средневековое мистериальное площадное действо тоже совмещало высокое и низкое, сакральное и бытовое, внося в представление живую злободневность. В этом Андреев следует традиции. В своем сатирическом гротеске он использует советскую агитку, популярное стихотворчество, городской фольклор и частушку. Это делает

1. Веселовский А. Старинный театр в Европе. М.: В типографии П. Бахметева, 1870. С. 47.

2. Маяковский В. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1956. Т. 2. С. 359.

мистериальное действие живописным и многоголосым. Многоголосье это поразительно разнообразно, богато оттенками. Революционную стихию в первых актах он показывает, то следуя интонациям революционных песен, то ритмам, близким «Двенадцати» Блока:

Ночь взмахнула кистенями,
Разомкнула погребя —
Ой, ой погребя...

Пародийные типажи мистерии узнаваемы. Вот стихи Государственного лирика из девятого акта:

Здесь до смертной черты — полшага,
Но сквозь бури невзгод и скорбей
Мне доносят родные снега
Стон жены: отомсти — и убей!

Здесь не только сразу узнаются строки Алексея Суркова из всем знакомой песни: «Между нами снега и снега. / До тебя мне дойти нелегко, / Но до смерти четыре шага...», а еще и слова Держинского из стихотворения Багрицкого «ТВС»: «Но если он скажет: “Солги”, — солги. / Но если он скажет: “Убей”, — убей».

Кроме мистического пафоса и едкой сатиры в мистерии время от времени слышится высокая романтическая нота, чаще всего звучащая в монологах тех персонажей, в которых угадывается та или иная проекция автора. Это, например, Одинокий голос. В его словах различимы интонации ранних стихотворений Андреева:

Ночь России
глядит в упор,
Свищет лютою непогодой,
Плетью снежной сечет наш взор,
И в раздолье души пустынной
Запевавет ветер Конца —
Неумолчный и неустанный,
Как рокошущий
рог
гонца.

Стихотворческий арсенал, использованный Даниилом Андреевым в «Железной мистерии», изощренно богат. Он не только индивидуален, но и складывается в целую систему продуманных стиховых приемов, которую поэт определил как «поэтическую реформу». В сущности, реформой он называет последовательное применение ряда собственных метрических и строфических предпочтений, которые им тщательно классифицированы в работе «Новые метрострофы»¹. В мистерии, как и в «Русских боггах», Андреев широко, как никто до него в русской поэзии, использует спондеи, которые, на его взгляд, «адекватны не только темам барабанного боя, воинской команды или марша, но и темам пляски, танцев, народных празднеств, ритмике трудовых процессов, улично-го движения, шума заводов, волнения больших народных масс, звуковым картинам и внутренним ритмам сражений и восстаний...». А главное, «переплетаясь с малоударными или с трехсложными метрами, они могут оттенять внутреннюю динамику торжественных богослужений и ритуальных процессов наряду с их внешней замедленностью и плавностью...». Все это присутствует в «Железной мистерии».

Обилие не только спондеев, но и ассонансных рифм, подчеркивающих своеобразную организованность строфических периодов, складывается в систему, становясь элементом нового поэтического языка, звучащего в «Железной мистерии».

Даниил Андреев считал, что в мистерии «темы, связанные с чисто духовной реальностью, повелительно диктуют к символической методике»². Этот символизм, ко-

нечно, связан с театральной природой мистерии, с ее традициями. И хотя «Железная мистерия» воспринимается прежде всего как драматическая поэма, она театральна и зрелищна. Пусть сегодня ее трудно вообразить идущей на сцене, все же она могла бы быть поставлена. Тем более что «иные миры Шаданакара» в нашем веке изобразить не так уж трудно, жанр «фэнтези» в кино это подтверждает. Даниил Андреев и надеялся на кинотехнику будущего. В «Розе Мира» он предсказывал: «Вырисовываются перспективы такого технического могущества, когда иерархии смогут быть сценически отображены не в сниженном, уплощенном, убого-очеловеченном виде, но в гигантских обликах, туманных или светящихся, проносающихся, как веяние ветра, или вздымающихся, как огненные смерчи. Обогащение технического оснащения кинематографическими средствами раздвинет пространство сцены и позволит расползт его на любое число планов, таким образом отражая параллелизм событий и процессов, в них совершающихся. Все это обеспечит появление таких постановок, относительно художественного великолепия и философской глубины которых нам составить себе представление еще нельзя».

Кинематографические средства вроде компьютерной графики действительно появились и уже никого не удивляют. Не препятствие и большой объем «Железной мистерии». Средневековые мистерии бывали огромными, в несколько десятков тысяч стихов, в их представлениях, занимавших не один день, участвовали сотни актеров. Да и в постановке «Мистерии-буфф» — это известно — принимали участие триста пятьдесят актеров, приглашенных из нескольких московских театров и цирка.

Мистерия Даниила Андреева не только поэтически, но и драматургически выразительна. Многообразие действующих лиц — угадываемые исторические деятели, демоническая иерархия — игвы, раруги, уицраоры, представители Вышнего слоя — создает впечатляющее зрелище метаисторических событий каждого акта. И многоголосие мистерии совсем не замедляет действия, движущегося от акта к акту, от установления тирании в Цитадели — России до всесветного торжества «Розы Мира».

«Железная мистерия» — необходимое звено в проективном поэтическом творчестве Даниила Андреева. Оно — последовательное, программное создание всеобъемлющего поэтически-религиозного мифа со своим идеалом сакрального поэта, духовидца и псалмопевца — поэта-вестника, который доносит до нас всю полноту вести об иных мирах и повествует о переживаемой им жизни с точки зрения мистического знания. Необходимость систематического изложения познанного и заставляет поэта писать трактат или предварительный очерк, как он первоначально называл «Розу Мира». Выстраивая свой миф, он не отвергает и почти ничего из прежнего, *дооткровенного* творчества, становящегося частным случаем большого знания, фрагментом большой картины.

Все творчество Даниила Андреева, в особенности тюремных пятидесятых годов, мистериально по своей сути. Это не просто литературные сочинения, а переживания мистически чувствуемой и постигаемой действительности как таинства, в котором автор одновременно и одно из главных действующих лиц.

«Весной 1997 года тоже было чудо. Началось оно просто, с телефонного звонка из Германии. Композитор Александр Сойников просто и буднично сообщил мне, что написал мистерию «Роза Мира», посвященную Даниилу Андрееву, и она в мае будет исполняться в Иркутске»², — писала вдова поэта в своих воспоминаниях. Она была уверена, что это известие порадовало бы Даниила Андреева, мечтавшего о мистериях будущего, хотя сбудутся ли эти мечты, появятся ли на земле верграды с мистериалами, нам и сегодня знать не дано. Но «Железная мистерия» навсегда останется одним из впечатляющих поэтических воплощений трагической мистерии русской истории XX века.

Борис Романов

1. См. т. 4.

2. Там же.

1. Андреева А.А. Плаванье к Небесной России. С. 342.

ПРИМЕЧАНИЯ

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АС — Рукописный альбом Д.Л. Андреева, подаренный им Г.Б. и Л.Ф. Смирновым 24 января 1941 г.
- Краткий словарь — Краткий словарь имен, терминов и названий, часто упоминаемых в тексте [«Розы Мира»]
- ПНР — Андреева А.А. Плавание к Небесной России. М.: Аграф, 2004
- РАЛ — Русский архив Бротертонской библиотеки университета г. Лидса (Великобритания)
- РБ — Русские боги
- РМ — Роза Мира
- СС — Андреев Д. Собр. соч.: В 3 т. (4 кн.). М.: Московский рабочий: Фирма Алесь: Присцельс: Урания, 1993–1997

ЖЕЛЕЗНАЯ МИСТЕРИЯ

Впервые полностью: Андреев Д. Железная мистерия: Поэма / Предисл. и примеч. В. Грушецкого. М.: Молодая гвардия, 1990. Для издания: СС. Т. 3: Железная мистерия. Стихотворения и поэмы / Сост. и примеч. А.А. Андреевой и Б.Н. Романова. М.: Московский рабочий: Присцельс, 1996, текст был сверен по авторизованной машинописи; в настоящем издании текст вновь сверен и уточнен по авторским рукописям. В примечаниях не объясняются понятия, термины, имена, встречающиеся в первом томе настоящего издания.

ВСТУПЛЕНИЕ

С. 7. *Парабрама*; парабрахма — в индуизме первотолчок, послуживший началу жизни и развития Вселенной, связанный с высшей и абсолютной духовной реальностью.

Акт первый
ВТОРЖЕНИЕ

С. 10. *Августейший* — олицетворение императора Николая II. *Mesdames* — *a doite...* и далее — бальные команды. *Женишок-Саваоф* — глава секты («корабля») хлыстов; здесь: олицетворение Г.Е. Распутина.

С. 13. *...чело достойней / Белого клобука?* — *Клобук* — головной убор православных монахов, у патриархов и митрополитов белого цвета; здесь речь о прочинье в патриархи Распутина.

С. 14. *Царица семи корон...* — В Большом государственном гербе Российской империи изображены: Астраханская корона, Большая императорская корона, Великогерцогская корона, Грузинская корона, Императорская корона, Королевская корона, Ольденбургская корона, Финляндская корона. *...отпочковывается уменьшенное его подобие.* — Здесь описывается рождение политических сил, вступивших в борьбу за власть, которые в РМ названы жругритами (см.: РМ, 3, 396–401); в дальнейшем жругры получают наименования — Бледный, Бурый, Багровый, Черный, соответственно условно олицетворяя монархистов, сторонников Временного правительства, большевиков и сил анархии, смуты. *Хотим — Босфор... И Дарданелл... Я — доктор прав, на мне всегда сюртук.* — Здесь и далее в образе *Господина в сюртуке* изображен обобщенный образ кадета; так председатель партии кадетов П.Н. Милоков в 1915–1916 гг. выступал за необходимость контроля России над Дарданеллами, за что был прозван противниками Милоковым-Дарданельским, эту же позицию он отстаивал и после Февральской революции (З.Н. Гиппиус в своем «Дневнике» 25 марта 1917 г. записала: «Милоков... заявил опять, прежним голосом, что России нужны проливы и Константинополь». — Гиппиус З.

Дневники. М.: ИПК «Интелвак», 1999. Т. 1. С. 503); в то же время юристом и профессором уголовного права был другой кадетский лидер — В.Д. Набоков.

С. 15. *Гладстон* Уильям Юарт (1809—1898) — английский государственный деятель, глава правительства на протяжении ряда лет; возглавлял либеральную партию.

С. 21. *Человекоорудие Багрового* — здесь и далее олицетворение тоталитарной власти в лице В.И. Ленина, а затем И.В. Сталина.

С. 30. *Тех троих...* — Имеются в виду жругриты.

С. 34. *Казнь завершим / Плен...* — Речь идет о плане убийства царской семьи.

Акт второй ВОСШЕСТВИЕ

С. 37. *Три магистральные трассы...* — Здесь *трассы* и далее *командиры* — *Бледный*, *Бурый* и *Черный* (о них см. выше) — символизируют расстановку трех основных политических сил, участвовавших в Гражданской войне против большевиков — *Багрового*; первую, очевидно, представляют монархисты и монархически настроенные кадеты, вторую — сторонники А.Ф. Керенского и Временного правительства, третью — анархисты и всевозможные «самостийные» движения. *Этих парвеню... Парвеню* (от фр. parvenu) — здесь: выскочки; в дневнике З. Гиппиус, с которым мог быть знаком Д.Л. Андреев, parvenu назван Керенский (см.: Гиппиус З.Н. Синяя книга: Петербургские дневники. Белград: Типография Раденковича, 1929). *Человек... во френче* — очевидно, А.Ф. Керенский.

С. 38. *Человек на фонаре* — очевидно, олицетворение анархистов и разделявших их настроения матросов; можно соотнести этот образ с балтийским матросом А.Г. Железняковым, принадлежавшим к анархистам, поддержавшим большевиков. *Каждому — все: кюрасо...* — *Кюрасо* — марка ликера; здесь также имеются в виду многочисленные «винные погромы», начавшиеся с разграбления погребов Зимнего дворца 24 ноября (7 декабря) 1917 г. *Аракчеев* Алексей Андреевич (1769—1834) — военный и государственный деятель, игравший особенно большую роль в царствование Александра I; его методы управления как сторонника полицейского и военного деспотизма получили наименование «аракчеевщины»; см. также РМ (3, 321).

С. 40. *...треножник всероссийской пифии...* — *Пифия* — в Древней Греции жрица-прорицательница; возможно, имеется в виду З.Н. Гиппиус.

С. 42. *Тарнаба* — род балалайки с восемью струнами.

С. 45. *Изва* — демоническое существо главной из рас античеловечества (см. Краткий словарь).

С. 51. *Тель* — здесь: тело.

С. 54. *Дух-Противобог...* и далее — ср.: т. 1, с. 129.

С. 55. *Уппум* — слой возмездия, «ад уицраоров» (Краткий словарь). *Дно* — здесь: «Дно Шаданакара, страдалище демонических шельтов и немногих людей — носителей темных миссий» (РМ. 3, 147).

С. 57. *Грац* — город в Австрии. *Аржан* — от французского argent, здесь: деньги.

Акт третий ЦАРСТВОВАНИЕ

С. 61. *...мудрые мисты...* — *Мисты* — прошедшие первую степень посвящения участники античных (в частности, элевсинских) мистерий.

С. 67. *Азраил*; Израил — у мусульман ангел смерти. *Злобный паралич / Нашего вождя / Сгреб.* — Имеется в виду смерть В.И. Ленина 21 января 1924 г.

С. 70. *Рушьте его свод / В прах...* — Речь идет о взрыве храма Христа Спасителя 5 декабря 1931 г.

С. 71. *Уходим в пустыни темные...* — Здесь и далее говорится о возникновении так называемой катакомбной церкви.

С. 79. *Веды* — священные книги брахманизма. Св. Сергей *Радонежский* (в миру Варфоломей Кириллович; 1321—1391) — церковный и политический деятель. *Эхнатон*; Аменхотеп IV (правил 1419 – ок. 1400 до н.э.) — египетский фараон, утверждавший культ единого бога — Атона. *Рабиндранат Тагор* (1861—1941) — индийский писатель.

С. 83. *...Антарес / Льет свою силу на крепость ту.* — См. об Антаресе в РМ: «...планетная система этой звезды — средоточие богоборческих полчищ Галактики, их обиталище в трехмерном мире; это также титаническая метабрамфатура демонов, Антикосмос нашего Млечного Пути...» (3, 148).

Акт четвертый ТИРАНИЯ

С. 92. *Чайковский* Петр Ильич (1840—1893) — композитор, дирижер, педагог; в РМ он отнесен к трагическим гениям нисходящего ряда, «павших жертвой не разрешенного ими внутреннего противоречия» (3, 336). *Репин* Илья Ефимович (1844—1930) — живописец; в РМ о нем говорится как об авторе картины «Иван Грозный и сын его Иван», создание которой сказалось на его трагическом посмертии, и в то же время как о «неглубоком» художнике (см. 3, 132, 354). *Сафонов* Василий Ильич (1852—1918) — пианист, дирижер, педагог. *Толстой* Лев Николаевич (1828—1910) — писатель; в РМ он назван среди «просветленных, взшедших в Небесной России на особенную высоту» (3, 124). *Памороки* — пасмурная, мокрая погода.

С. 95. *Ларец Пандоры* — в греческой мифологии сосуд или ящик с человеческими бедами, открытый Пандорой.

С. 96. *Пал... наместник!* — Имеется в виду убийство С.М. Кирова 1 декабря 1934 г.

С. 109. *С древних орбит сорван дейтрон...* — *Дейтрон* — ядро атома изотопа водорода; дейтроны, в частности, используются в экспериментальной ядерной физике как бомбардирующие частицы.

Акт пятый УЩЕРБ

С. 112. *...новое, как бы синтетическое детище.* — Речь идет о рождении Лай-Чжоя, уицраора коммунистического Китая, упоминаемого далее; также см. РМ.

С. 119. *Райны* — здесь: старинное название рей.

С. 120. *Оцет* — уксус.

С. 127. *Припомним когда-нибудь и Саваофу / Этот террористический акт!* — Здесь и далее имеется в виду смерть И.В. Сталина 5 марта 1953 г.

С. 129. *Кессон* — здесь, очевидно, железный ящик; от фр. caisson — ящик.

С. 133. *Претендент на руководящую роль* — очевидно, имеется в виду Л.П. Берия.

С. 135. *Претендент* — имеется в виду Н.С. Хрущев. *Конец прохвосту. Спокойней-ка: / На нем — все вины покойника.* — Здесь речь идет об аресте и расстреле Л.П. Берии.

С. 138. *Туннели Шим-бига...* — *Шим-биг* — первый из слоев нижнего чистилища, являющий собой «медленный поток, движущийся по невыразимо мрачному миру, заключенному под высокий свод» (см. 3, 155 и далее).

С. 141. *Император-инок* — Александр I; см. о нем РМ.

Акт шестой КРИПТА

С. 150. *...резвой Наташей...* — Здесь: Наташа Ростова, героиня романа «Война и мир» Л.Н. Толстого. *...задумчивой Таней...* — Здесь: героиня романа «Евгений Онегин» А.С. Пушкина. *Гордой Еленой...* — Здесь: героиня романа «Накануне» И.С. Тургенева. *Кроткою Соней...* — здесь: Соня Мармеладова, героиня романа «Преступление и нака-

зание» Ф.М. Достоевского. ...поэту во мгле... и далее — имеется в виду А.А. Блок и его книга «Стихи о Прекрасной Даме» (1905).

С. 155. *Плерома Вселенской Церкви...* — *Плерома* (от греческого — полнота) — общая мистическая основа христианских церквей.

С. 157. ...*в грядущем зоне...* — *Эон* — эпоха геологической истории Земли, включающая несколько геологических эр; в философии Платона означает вечность; у Д.Л. Андреева «мировые периоды, характеризующиеся различным состоянием материальностей в Энрофе какой-либо брамфатуры» (Краткий словарь).

С. 161. ...*ведомо / Едва ли десятку тысяч / То имя...* — В.С. Соловьев; см.: РМ. ...*трижды он был восхищен...* — Речь идет о мистических видениях В.С. Соловьева, описанных им в поэме «Три свидания» (Москва — Лондон — Египет. 1862–1875–1876) (1898); см.: РМ.

С. 162. «*Рыцарь-монах*» (1910) — статья А.А. Блока о В.С. Соловьеве. ...*он сжег золотое создание...* — Н.В. Гоголь; см.: РМ.

С. 163. *А следующий — как молния...* — М.Ю. Лермонтов; см.: РМ. *Запечатленным стихом предварил...* — Имеется в виду стихотворение М.Ю. Лермонтова «Предсказание» (1830); см.: РМ.

С. 164. *Тот, кто сходил / В недра душ человеческих...* — Ф.М. Достоевский; см. РМ.

С. 168. *Укурмия* — уицраор Западной Германии.

Акт седьмой
ГЕФСИМАНИЯ

С. 172. *Император-искупитель* — имеется в виду Александр I.

С. 175. *О плавающих, о затерянных...* и далее — здесь: аллюзия на ектенью «О плавающих, путешествующих, недугующих; о вдовицах и сиротах; о в пленении сущих, в судах истязуемых...» (см.: Историческое, догматическое и таинственное — изъяснение Божественной литургии. М., 1993. С. 318).

Акт восьмой
СПУСК

С. 189. *Помню образ: «Здесь, за Ахероном...»* — Автоцитата из стихотворения «Романтический залив» («Материалы к поэме “Дугтур”»); см. с. 495. *Ахерон* — в греческой мифологии подземная река в царстве мертвых, через которую переправлялись души умерших.

С. 191. *Ликург* — легендарный законодатель Спарты.

С. 198. *Пентаграмма черни* — здесь: пятиконечная звезда.

С. 200. ...*кто растлил «малых»...* — Имеются в виду слова Евангелия «Кто соблазнит одного из малых сих...» и далее (Матф. 18, 6, Марк 9, 42, Лука 17, 2).

Акт девятый
НИЗВЕРЖЕНИЕ

С. 213. ...*государственная депутация возвращается из заграничного турне.* — Имеется в виду государственный визит Н.С. Хрущева и Н.А. Булганина в ноябре — декабре 1955 г. в Индию, Бирму и Афганистан.

С. 215. *Гроб Тимура* — имеется в виду мавзолей Гур-Эмир в Самарканде, построенный в 1404 г. по приказу Тимура, где он и похоронен.

С. 216. *Хинди* — *руси*, *бхай*, *бхай* — популярный в середине 1950-х годов лозунг, когда особенно активно развивалось сотрудничество СССР и Индии.

С. 218. *Уицраор Стэбинг* — демон великодержавной государственности США. *Уицраор Устр* — демон великодержавной государственности Англии.

С. 219. *Мудгабр* — шрастр (обиталище античеловечества) метакультуры Северо-Запада.

С. 220. ...*и ты, Брут?!* — слова Цезаря, обращенные к его убийце Марку Юнию Бруту в трагедии Шекспира «Юлий Цезарь» (д. 3, явл. 1), которые историки считают легендарными.

С.225. *Архитрав* — часть архитектурной конструкции, лежащая на капителях колонн.

С. 233. *Маршал Икс* — здесь, возможно, намек на Г.К. Жукова; см. РМ.

С. 245. *Трансформа* — здесь: переход из одной формы жизни в другую, минуя смерть; «преображение» (см. 3, 85).

Акт десятый
ПЕПЕЛИЩЕ

С. 254. *Велиар* — одно из имен сатаны, упоминаемое во Втором послании апостола Павла к коринфянам.

С. 259. ...*руины Святого Петра...* — Здесь: собор Святого Петра в Риме.

С. 267. *Ганди Моханад Карамчанд* (1869–1949) — один из руководителей национально-освободительного движения Индии, отрицавший насилие. *Шоу Джордж Бернард* (1856–1950) — английский драматург, прозаик. Св. *Франциск Ассизский* (наст. имя Джованни Бернардоне; 1181 или 1182–1226) — итальянский религиозный деятель.

С. 269. *Овидий Назон Публий* (43 до н.э. – ок. 18 н.э.) — римский поэт. *Берлиоз Гектор* (1803–1869) — французский композитор, дирижер, музыкальный критик, писатель. ...*мудрость Фомы.* — Очевидно, речь идет о *Фоме Аквинском* (1225 или 1226–1274) — теологе-философе.

С. 270. ...*теория / Об излучениях разных почв.* — См. в РМ об излучениях стихий (3, 523–525).

С. 272. «*Король Артур*» — имеются в виду рыцарские «романы Круглого стола» о короле Артуре.

С. 273. *Гедонисты* — сторонники гедонизма, считающие наслаждение высшим благом.

С. 274. *Хунхузы (кит.)* — вооруженные разбойничьи отряды, действовавшие в Маньчжурии и Северном Китае с середины XIX в. до победы китайской революции. *Шинто*; синто (япон.: путь богов) — традиционная религия японцев.

С. 277. *Марат Жан Поль* (1743–1793) — деятель Великой французской революции, публицист. *Савонароло Джироламо* (1452–1498) — итальянский религиозно-политический деятель, поэт. *Лига* — здесь: см. РМ, в которой говорится о Лиге преобразования сущности государства (3, 13).

Акт одиннадцатый
ВОЗМОЖНОСТИ

С. 287. *Морганы* — представители крупнейшего банка США, основанного семьей Морганов.

С. 291. *Приставка модная* — *мета...* — *Мета* (гр. meta) — после, за, через; в РМ Д.Л. Андреев использует ряд терминов с приставкой мета: метаистория, метакультура, метаэфирный и др.

С. 293. ...*до знойных Голконд...* — *Голконда* — местность в Южной Индии, некогда известная алмазным месторождением.

С. 295. *Брукс* — возможно, речь идет об английском квакере, корреспонденте Л.Н. Толстого Бруксе Эдмонде Райте. *Лука* — очевидно, св. Лука, преподобный элладский (ум. ок. 946).

С. 297. *Не допускали к тайне Троицы.* — Собственный, с православной точки зрения еретический, взгляд на учение церкви о Троице Д.Л. Андреев излагает в РМ. *Наука зоовоспитания* — см. в РМ о зоогике, педагогике животных.

С. 298. ...опыты / С интрапротонной силой!.. — Гипотеза о неэлементарности протонов (точнее, всех частиц класса адронов) была впервые выдвинута в физике уже после смерти Д.Л. Андреева, в 1964 г. (теория кварков), а ее экспериментальные подтверждения получены лишь в конце 1960-х гг.

С. 304. *Трансмиф* — в РМ «вторая реальность», постигаемая метаисторически, художественно и философски (см. 3, 96).

С. 305. *Бенарес* (ныне Варанси) — город в северной Индии, центр индуизма и буддизма.

С. 308. *Офелия* — героиня трагедии В. Шекспира «Гамлет».

С. 309. *Жанна д'Арк* (ок. 1412–1431) — народная героиня Франции; в 1920 г. причислена католической церковью к лику святых. *Беатриче* Портинаре (в замужестве Деи Барди; 1265–1290) — возлюбленная Данте Алигьери; по воспоминаниям А.А. Андреевой, в комнате поэта висела репродукция картины Д.Г. Россети «Встреча Данте с Беатриче на улице Флоренции». *Клара* — очевидно, речь идет о Кларе Моврай, обманутой и обольщенной героине романа Вальтера Скотта «Сен-Ронанские воды» (1824). *Радха* — в индуистской мифологии пастушка, возлюбленная Кришны. *Сакунтала*; *Шакунтала* — героиня одноименной драмы Калидасы, древнеиндийского драматурга. *Сита* — в ведийской мифологии богиня пашни, в древнеиндийском эпосе «Рамаяна» жена Рамы. *Лейли* — героиня восточных сказаний о трагической любви «Лейли и Меджнун». *Мумтаз-и-Махал* — жена Аурангзеба, последнего подлинного правителя Могольской империи. *Зохере*; *Захре* — героиня тюркских сказок о трагической любви «Зохре и Тахир». *Ниппон* — Япония. *Кваннон*; *Кваным* — в корейской мифологии самый популярный бодисатва; у китайских буддистов — женское божество, богиня милосердия. *Аматэрасу*; *Аматэрасу* — в японской мифологии богиня солнца, глава пантеона богов.

С. 311. *Каабба* — мусульманский храм в Мекке, одна из святынь ислама. *Аватара* — в индуизме воплощение божества в смертном существе ради спасения мира.

Акт двенадцатый РОЗА МИРА

С. 316. *Экклезия* — здесь: вселенская церковь.

С. 319. *Мираклей планы многослойные...* — *Миракль* — (фр. miracle от лат. miraculum — чудо) в средневековой религиозной драматургии стихотворная драма о чудесах, творимых святыми, основанная на житийных сюжетах; Д.Л. Андреев, очевидно, был знаком с переведенным А.А. Блоком мираклем «Действо о Теофиле» (1907).

С. 320. *Дискос* — один из главных сосудов, употребляемых в православной церкви при литургии.

С. 324. *Нил Небесный* — в РМ «великая одухотворенная стихияль земного Нила и Соборная идеальная Душа египетского народа» (см. 3, 113). *Эанна* — в РМ затомис (обиталище Синклита) вавилоно-ассиро-ханаанской метакультуры (см. 3, 113). *Гелиос* — в греческой мифологии бог солнца.

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Представленные в этом разделе стихотворные циклы и поэмы относятся к разным периодам творчества Д.Л. Андреева, но в окончательном своем виде они, как правило, оформились в 1950-е годы, во Владимирской тюрьме и после освобождения, когда поэт восстанавливал по памяти (создавая зачастую новые редакции) произведения, погибшие при аресте, и работал над РБ. Некоторые циклы, в том числе «Утренняя оратория», прямо связаны с РБ, но по тем или иным причинам они в поэтический ансамбль не вошли, а планировавшаяся одно время поэтом третья, заключительная часть трилогии, включающей РБ и «Железную мистерию», не была составлена.

Во второй части раздела представлены те произведения разных лет, которые не получили окончательного оформления в том целостном поэтическом замысле, который объединяет почти все созданное Д.Л. Андреевым.

Большинство текстов печатаются по авторизованной машинописи из архива А.А. Андреевой и по рукописям, хранящимся главным образом в РАЛ. Ранние стихотворения Д.Л. Андреева сохранились также в рукописном альбоме Д.Л. Андреева, подаренном им Г.Б. и Л.Ф. Смирновым; альбом составляют тексты 44 стихотворений, которые предваряет дарственная надпись: «Милым друзьям Глебу Борисовичу и Любви Федоровне Смирновым — плоды поэтического досуга. 24.1.41» (архив А.Г. Смирнова).

I

ЛУННЫЕ КАМНИ

Цикл посвящен *Галине Сергеевне Русаковой* (в замужестве Еремеевой), школьной однокласснице и первой, неразделенной юношеской любви Д.Л. Андреева; оба они сохранили на всю жизнь глубокие дружеские отношения.

1. «**Пламенея над городом белым...**» (С. 333)

В АС вариант 15–16-й строк:

Непорочный, мерцающий иней,
Полночная цепь фонарей!

21–22-й:

И внизу под высоким балконом
Я едва различал в глубине,

3. **Элегия.** (С. 334)

В АС вариант 14–15-й строк:

Залитые нежно прохладой нездешней волны,
И ищем друг друга, сходя на туманную землю,

5. «**Берег скалистый высок...**» (С. 335)

В АС варианты 3–4-й строк:

Вечер. За амбразурами
В старом дворце — никого.

6. «**Над зыбью стольких лет незыблемо одна...**» (С. 336)

В алтарь, где спит ковчег завета... — *Ковчег завета* — главная святыня Иерусалимского храма, обитый золотом ящик, в котором находились скрижали с Господними заповедями, сосуд с манной и жезл Аарона; ковчег завета погиб при разрушении храма.

ДРЕВНЯЯ ПАМЯТЬ

«**Когда былых миров оранжевые зори...**» (С. 338)

Друг Д.Л. Андреева В.М. Василенко (1905–1991) — поэт и искусствовед, отличавшийся замечательной, не ослабевшей и в старости памятью, в письме к Б.Н. Романову от 23 августа 1988 г. вспоминал: «...я проводил часы многие годы, слушая его стихи, читая свои, восхищаясь его романтическо-поэтическими “воспоминаниями” о его жизни в двух иных мирах, где было несколько солнц (изумрудное, синее, такое, как наше) и были удивительные утра, и дни, и вечера, особенно когда эти солнца встречались утром и

вечером; расходясь — тоже; жизнь там была счастливая — без войн, без злодеяний, все любили искусство, поэзию, не было страшных городов-спрутов, городов-чудовищ... Он, Данечка, был всегда влюблен в ослепительно прекрасных девушек, мечтательниц; в одну художницу, писавшую зори и вечера, когда два солнца встречались и расходились. Он очень ярко это описывал и говорил, что он помнит (цитирую на память): “Толубое солнце неохотно уступало место золотому, и мы (с нею) замирали в восторге, глядя, как голубые и золотые потоки света смешивались, голубые ослабевали, гасли, а золото заполняло все мягким сиянием, очень были, Витя (это мне), красивы печальные кипарисы, — они там тоже были, — это дерево, Витя, есть и на других планетах, — они голубели, а потом растворялись в золоте и казались вылитыми из золота; ветра по утрам не было; они были неподвижны; золотом заливались — до дна — озера, — их мы видели с холма, где встречал я с моей возлюбленной восход, — и я слушал, как она произносила стихи...” — “Скажи, Даня, а ты помнишь эти стихи?” — наивно спрашивал я. “Нет, конечно, — отвечал Андреев, — но я помню, что они возвышенны и прекрасны”».

В АС вариант 15-й строки:

Не меркнут никогда живые ореолы

ДИКИЙ БЕРЕГ

2. «Я возвращался с долгой ловитвы...» (С. 339)

Меконг — река на Индокитайском полуострове.

По воспоминаниям И.В. Усовой (СС, 3, 2, 444), ранний вариант 14-й строки:

И я настиг твое тело и душу.

Мадленские пещеры. (С. 343)

Мадленские пещеры — по пещере Ла-Мадлен (Франция) мадленской называется позднелепестовая эпоха раннего первобытнообщинного строя в Европе.

В АС вариант 24-й строки:

В пещерном дыму незапамятных рас.

Язык любви. (С. 343)

Квадрига — у римлян колесница, запряженная четырьмя лошадьми.

«Люди любили не нашей любовью...» (С. 344)

Стогны — широкие улицы, площади.

В АС вариант 3–4-й строк:

Медленно их преклонял к изголовью
Омрак густой.

15-й:

Тут в стороне — однотонные хоры

20-й:

В спящий мой дом.

29–30-й:

Ты поняла — этот образ — лишь вежа,
Горестный знак.

40-й:

Не пробуждай.

«Ослепительным ветром мая...» (С. 345)

В этом стихотворении, как и в ряде других, Андреев говорит о своей «первой жизни» в Индии. В.М. Василенко вспоминал: «Даня говорил и о жизни своей на земле в Индии: он был воином, она жрицей храма, и свою любовь он и она скрывали. Было это в давние времена, он подчеркивал — “когда складывались стихи ‘Рамаяны’”» (письмо к Б.Н. Романову от 23 августа 1988 г.). «Рамаяна» создана около IV в. до н.э., а окончательно сложилась ко II в. до н.э. По свидетельству И.В. Усовой, Д.Л. Андреев рассказывал: «...в прошлой жизни я был индусом, принадлежал к касте брахманов, но был изгнан за брак с неприкасаемой» (СС, 3, 2. С. 311). См. также РМ.

Вторая строфа восстановлена по АС. В АС варианты 19–20-й строк:

На железных снегах России,
На бесплодных вершинах скал.

В музее. (С. 346)

Совершенный... в тонком венце бодисатв... Совершенный — здесь: Будда; *бодисатва* (бодхисатва) — в буддийской мифологии буквально: существо, стремящееся к просветлению.

Из дневника («...И вот упало вновь на милую тетрадь...») (С. 348)

Первая часть стихотворения сохранилась только в АС. *Мемфис* — столица Египта в эпоху Древнего царства (XXVIII–XXIII вв. до н. э.). *Микены* — древний город в Аргониде, столица Ахейской Греции. *Ур* — древний город-государство, существовавший с IV тыс. до конца IV в. до н. э. на территории нынешнего Ирака. *Альгамбра* — крепость мавританских правителей в середине XIII — конце XIV в. на юго-восточной окраине Гранады. *Вавилон* — столица Вавилонии, древнего государства Двуречья. *Майя* — в индийской религии и философии иллюзия мира, творимого божеством; в русской поэзии начала века этот образ встречается у К.Д. Бальмонта («Майя»), В.Я. Брюсова, В.И. Иванова, Ф.К. Сологуба и других.

«На орлиных высотах Непала...» (С. 349)

Кали — одно из имен Махадеви, олицетворяющей силы природы, жены бога Шивы и его женской ипостаси.

«Бенарес! Негазнувшая радуга...» (С. 350); Отрывок (С. 351)

Очевидно, к этим стихотворениям относится следующее воспоминание И.В. Усовой: «У него была и поэма из индусской жизни, “Бенаресская ночь”, о прекрасной индийской девушке. С этой поэмой связано одно из его многих (как, наверное, у всех поэтов), увлечений, о котором он нам поведал. Расскажу эту историю как помню. Однажды он ехал в трамвае и на одной из остановок увидел девушку, которая стояла, держа в руках что-то вполне прозаическое, вроде бидончика для молока или продуктовой сумки, и, видимо, ожидая свой номер. Что-то в ее наружности поразило его, и он выпрыгнул на ходу из трамвая (в то время еще не было закрывающихся автоматически дверей). Но, будучи очень застенчивым, не решается подойти к ней. Входит вслед за ней в ее трамвай и едет до железнодорожного вокзала, проходит с толпой через контроль на перрон, но у него нет перронного билета, и он остается... И потом ездит к этому вокзалу и ждет у перрона. Уж не помню, сколько дней или недель и по сколько часов ждал там, только однажды он увидел ее опять! А так как он понимал, что невозможно будет объяснить ей кратко, почему он обратился к ней, то он брал с собой эту индийскую поэму, где говорилось о любви, о предназначенности друг другу и прочих поэтических вещах. <...> Он подошел к ней, подал эту тетрадь: “Прочтите”, — и спросил, когда она снова будет в Москве. Через сколько-то дней он опять помчался на вокзал... Вот она, идет! Что-то она ему скажет?! Она возвращает ему тетрадь со словами: “Я замужем”. — И все» (СС, 3, 2. С. 402–403).

Миларайба. (С. 352)

Миларайба — правильно Миларепа (1040–1123); «Буддийский поэт-отшельник, живший в IX веке в Тибете, одно из замечательнейших лиц пантеона “Махаяны”» (примеч. Д.Л. Андреева); см. о нем также РМ. *Махаяна* — разновидность буддизма.

Вариант 2-й строки:

А внизу — заросль и луг зеленый

8-й:

Летят, жужжат милые пчелы.

Сеннаар. (С. 353)

Сеннаар — одно из древних названий Вавилонии, употребляемое в Библии. *Аккад* — здесь: область Южного Двуречья в Вавилонии. *Истар* — видимо, то же, что Иштар; см. примеч. в 1 т. на с. 500. *Эрэх*; *Эрек* — упоминаемый в Библии один из городов земли Сеннаар.

В АС вариант 2-й строки:

Протяжный ветр широкого Аккада

13–14-й:

Вечерних литургий еще звучит везде
Однообразный гул, клубятся благовонья

17-й:

Проводят в капища послушной чередой

ГОЛОСА ВЕКОВ

Палестинская мелодия. (С. 354)

...*трубы Ангела, Льва и Орла*. — Имеются в виду символы евангелистов: Ангел — Матфея, Лев — Марка, Орел — Иоанна.

Серебряная ночь Пророка. (С. 354)

В основе стихотворения мусульманские предания о великом откровении пророку Мухаммеду о ночном путешествии в Иерусалим (см. Коран, 17:1) и о вознесении его на небеса; по мнению исследователей, средневековые мусульманские описания этого события могли послужить одним из источников сюжета «Божественной комедии» Данте; см. также: Романов Б. Святая Русь и Святая Земля Даниила Андреева // Даниил Андреев в культуре XX века. М., 2000. С. 68.

«Я уходил за городскую стражу...» (С. 356)

Мицор (Мицар) — звезда созвездия Большой Медведицы; у арабов испытанием силы зрения служит звезда Алькор, затмеваемая Мицаром. *Сунны* — священные рассказы о поступках и изречениях Мухаммеда, как бы дополняющие и поясняющие Коран.

Бар-Иегуда Пражский. (С. 357)

Одним из источников стихотворения предположительно можно считать роман австрийского писателя Г. Майринка «Голем», в котором изображается обстановка пражского гетто. *Мицраим* — библейское наименование Египта. *Книга Сефирот* — здесь, видимо, имеется в виду первая книга каббалы «Сефер Иецира» («Книга творения»); во второй книге — «Зогар» — перечисляется десять сефирот — творящих атрибутов божества. *Йод-хэ-во-в-хэ* — Иегова, Яхве — Сущий.

Титурэль. (С. 358)

В предисловии к поэме А.А. Андреева писала: «Поэма была уничтожена после следствия “органами” и восстановлена автором в тюрьме. Это говорит о том, что он придавал ей большое значение в своем творчестве, которое и было его жизнью. Легенда о Титурэле принадлежит к целому пласту западноевропейских легенд о Святом Граале и поисках его. Как всегда, когда дело касается легенд, существует немало вариантов. Очень обобщенно суть состоит в следующем. Иосиф Аримафейский, тайный ученик Христа, снимая с креста тело Спасителя, собрал святую Его Кровь в чашу. Эта чаша и называется Чашей Святого Грааля. Ангелы взяли Чашу из рук Иосифа и унесли на небеса, так как на Земле не было того, кто мог бы ее принять: у апостолов было другое задание — их послал в путь проповедания Евангелия сам Спаситель. Подвиг Титурэля и описан Даниилом в поэме. Получив Чашу со святой Кровью из рук ангелов, старец Титурэль получил и силы уйти в Пиренеи, основать там храм-замок Монсальват и стать его королем. Последующая история Монсальвата — это уже другие легенды и другие темы» (Урания. 1997. № 2. С. 4). Поэма связана с мотивами средневековой легенды о Святом Граале, интерес к которой не оставлял Д.Л. Андреева во все периоды его творчества; см. также его поэму «Песнь о Монсальвате» и РМ (3, 98). Мотивы эпических циклов, связанных с легендой о Святом Граале, разработаны первоначально во французской литературе Кретьеном де Труа (вторая половина XII в.) — «Персеваль, или Повесть о Граале», затем в немецкой Вольфрамом фон Эшенбахом (ок. 1170–1220) — роман «Парцифаль», по сюжету которого в 1882 г. Рихард Вагнер написал одноименную оперу; см. также неоконченный роман В. фон Эшенбаха «Титурэль» (см.: Веселовский А.Н. Где сложилась легенда о святом Граале. СПб., 1900; Дашкевич Н.П. Сказание о святом Граале. Киев, 1877; Михайлов А.Д. Артуровские легенды и их эволюция // Томас Мэлори. Смерть Артура. М.: Наука, 1974. С. 813–825). Отталкиваясь от этих источников, и в стихотворении, и в «Песне о Монсальвате» Андреев, создавая собственный мифопоэтический эпос, включает в него и по-своему переосмысленное предание о Святом Граале. *Титурэль* — один из королей Грааля; в РМ Титурэль — великий дух, создатель Монсальвата (см. 3, 498). *Чаша Святого Грааля*, в которую *Иосиф Аримафейский*, член синедриона и тайный ученик Христа (см. Ин. 19, 38–42), после распятия выпросивший его тело у Пилата и предавший погребению, по преданию, собрал кровь Иисуса Христа, была вознесена на небо, а затем вручена ангелом Титурэлю; Титурэль отнес чашу в замок Монсальват, куда могут проникнуть только праведники. *Сарацины* — арабы. *Азра пала, пал Вифлеем...* — Здесь имеется в виду завоевание Иерусалима египетским султаном *Саладином* (настоящее имя Салах-ад-дин Юсуф ибн Айюб; 1138–1193), который в 1187 г. нанес поражение крестоносцам. *Конрад Монферрат*, маркграф — успешно защищал Тир в 1187 г. от Саладина, активный участник Третьего Крестового похода; в 1192 г. избран королем Иерусалима, но вскоре умерщвлен. *Тамплиеры* — католический духовно-рыцарский орден, основанный после Четвертого Крестового похода для защиты паломников и государства крестоносцев. *Тевтонский орден* — основан в 1128 г. в Иерусалиме для оказания помощи немецким паломникам; военный характер приобрел около 1189 г. *Медина* — с VII в. н. э. один из двух главных (с Меккой) священных городов ислама.

«Мне радостно обнять чеканкой строк...» (С. 361)

Первые строки стихотворения перекликаются со словами Н.С. Гумилева из статьи «Жизнь стиха»: «Чеканом ли мы свои стихи, как кубки...» (см.: Гумилев Н.С. Письма о русской поэзии. Пг., 1923. С. 18–19).

ПРЕДГОРИЯ

В одном из вариантов в цикл также входило стихотворение (5) «Могила М. Во-лошина».

2. «Часы, часы ласкать глазами...» (С. 363)

В АС варианты 8-й строки:

Навек, как сказочную быть...

14-й:

Лазурью в золотом ковше.

3. «Запах мимозы: песчаные почвы...» (С. 363)

Существует редакция этого стихотворения без 2-й строфы, с вариантом 3-й строки:

На красном кустарнике — терпкие почки.

12-й (8-й):

Яснее, чем вздох цветка.

4. «Утро за утром — все лучезарней...» (С. 364)

Вариант 13-й строки:

Как голубой кристалл.

ЯНТАРИ

Цикл посвящен *Марии Павловне Гонте* (1904?–1995) — актрисе, журналистке и сценаристке.

1. «Усни, — ты устала... Гроза оттремела...» (С. 366)

Дафнис и Хлоя — герои одноименного любовно-буколического романа Лонга, древнегреческого писателя II–III вв. до н.э.

2. «В жгучий год, когда собирает родина...» (С. 366)

См. стихотворение «Беженцы» в РБ (1, 137). *Один* — в древнескандинавской мифологии верховное божество, бог войны. Вариант 21–22-й строк:

Может быть, таким лучом отмечено
Наше сердце было только раз

24-й:

Будем мы враждой и битвой рас.

3. «Воздушным, играющим гением...» (С. 367)

Вариант первых 4 строк:

Крылатым, играющим гением
То лето сошло над столицей,
Как облачко пала на лица
Воздушная тень от крыла, —

6. «Свисток. Степную станцию готов оставить поезд...» (С. 371)

Вариант 16-й строки:

Желанная и ясная, как первая весна.

7. «Я помню вечер в южном городе...» (С. 371)

Вариант 41–43-й строк:

А там вдали, вдоль побережья,
Гордятся свободным, смуглым телом,
Шли и смеялись люди в белом —

8. «Кто там: медуза? маленький краб ли...» (С. 373)

Вариант 3–4-й строк:

Влажные глыбы! светлые капли!
Как ваша синь близка мне!

9. «Убирая завтрак утренний...» (С. 373)

Подир — длинная ряса священника.

10. «Оранжевой отмелью, отмелью белой...» (С. 375)

Вариант 9–13-й строк:

Лучистые брызги летят, как червонцы,
По темному телу скользя моему;
Пред очи великого, доброго Солнца
Я щедрую радугу их подниму!

Как щедр и прекрасен твой мир совершенный

15. «О не все ль равно, что дума строгая...» (С. 380)

Вариант 9–11-й строк:

Зашуршала осень листопадами
В слишком резкой, ясной синеве...
Гном-ноябрь меж серыми громадами

Вариант 25–27-й строк:

Сберегу ль до поздних лет, до старости,
В тайниках душевной целины
Тихий пламень нежной благодарности,

16. «Есть правда жестокая в подвиге ратном...» (С. 381)

Вариант 7–8-й строк:

Веди с озарённых, бездумных нагорий
В метели, пожарища и мятежи.

ЗЕЛЕНОЮ ПОЙМОЙ

Этот цикл, как и цикл «Лесная кровь», поэмы «Немереча», «Гулянка» и ряд стихотворений, связан с трубчевскими впечатлениями поэта. В Трубчевск он впервые попал в августе 1930 года и затем проводил в нем, совершая прогулки и путешествия по окрестностям, лета 1931, 1932 и 1936 годов; последний раз, видимо, совсем ненадолго, по свидетельству Л.П. Левенок, приезжал в Трубчевск в 1940 году. Но впечатления от этих мест, с которыми он сроднился, где нашел друзей, стали для него одним из главных олицетворений образа России.

Русские октавы. (С. 382)

Прокимн; прокимен — в церковной службе стихи, произносимые чтецом и повторяемые хором и выражающие смысл последующей службы. *Святое* — ныне село Партизанское на реке Навля. *Тёмное* — село в Трубчевском районе Брянской области. *Погар* — ныне город, центр Погарского района Брянской области. *У ветхого монастыря...* — Возможно, имеется в виду Чолнский монастырь под Трубчевском, расположенный на высоком берегу Десны.

В раннем варианте присутствует еще одна, 10-я строфа:

Еще не пробил уготованный
 Час воплощенья рокового
 Дитя веков, младенец-слово
 Еще почит в мгле стихий;
 Еще над <...> околдованной
 Как ураган бушует демон:
 Для мира слеп, и глух, и нем он,
 Но зорек в сумраке, как Змий.

«Тесен дом мой у обрыва...» (С. 385)

В этом древлянском лесу. — Древлянское племенное объединение славян в VI–X вв. занимало территорию Полесья.

В АС варианты 14–15-й строк:

Отблеском желтой звезды,
 Зовом забытого — шорох

22-й:

У темно-красного лба

24-й:

Властвующая судьба.

25-й:

Песен ее не открою.

Дивичорская богиня. (С.386)

В АС варианты 1–2-й строк:

Отчего такой промозглый дует
 Ток воздушный из болот, со дна?

31–32-й:

И сияли тропы в поднебесье
 Первородной девы и сестры.

Весной с холма. (С. 390)

Демурга страны — имеется в виду народоводитель российской метакультуры; см. РМ. *Разливы рек её, подобные морям...* — Строка из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Родина» (1841).

«Лес не прошумит уже ни жалоб, ни хвалы...» (С. 391)

В АС под заглавием «На порубах»; вариант 1-й строки:

Лес не прошумит уже ликующей хвалы.

Плотогон. (С. 391)

Ранний вариант датирован «1934–1945».

Памяти друга. (С. 394)

Стихотворение памяти П.П. Левенка (о нем см. 1, 514) написано в годы заключения, когда поэт ничего не знал о его судьбе. *Ра* — в египетской мифологии бог солнца.

«Чуть колышется в зное...» (С. 396)

В АС вариант 5-й строки:

Там на сонной опушке

10-й:

Пристань вольной души Базар.

Из дневника. (С. 397)

На день восьмой открылся путь чугунный... — Очевидно, здесь говорится о восьмидневной дороге до поселка Навля, через который проходит железнодорожный путь, которым Д.Л. Андреев мог в 1936 г. добираться далее до упоминаемого поста Нерусский (ныне Нерусса) или до станции Суземка, откуда однокорейка вела до станции Бороденка под Трубчевском.

Базар. (С. 399)

В АС иной вариант стихотворения:

Хорошо — из дикого бора
 В утро ярмарочное, по росе,
 Подниматься в маленький город,
 Чтобы жить в этот день, как все.

Еще длинные хрупкие тени
 И не встал разъяренный жар,
 Но, как озеро в белой пене,
 В белых тканях тихий базар.
 Мимо хлеба, ягод, посуды,
 Через лавки, лабаз, столбы
 Обращается с плавным гудом,
 С гулом мягким, река толпы.

Подойди, прохожий, взгляни-ка,
 Как простой помидор румян,
 Как хранит еще земляника
 Дух горячих, хвойных полян!
 Как прозрачны яйца, как белы,
 Чуть светящиеся изнутри,
 Будто луч заронил в их тело
 Светло-розовый луч зари!

Кто поймет, отчего так сладко
 По базару бродить вот так,
 Отдавать ни за что украдкой
 То двугривенный, то пятак,
 И в толпу, как в воронку вира
 Погружаясь, войти совсем
 В эти плавные ткани мира,
 Сам не зная еще зачем.

«Мы прикоснулись, как Антей...» (С. 402)

Эпиграф из стихотворения А.А. Блока «Скифы» (1918). *Антей* — в греческой мифологии великан, сын Посейдона и Геи, который черпал у земли свою силу.

УСТЬЕ ЖИЗНИ

Первый эпиграф — неточно приведенный стихотворный набросок Гумилева Николая Степановича (1886–1921), опубликованный в его книге «Посмертный сборник» (Пг., 1922); второй эпиграф — из стихотворения Жемчужникова Алексея Михайловича (1821–1908) «Старость» — также приводится неточно; правильно: «Словно хожу по цветистому лугу, / Но ни цветов, ни травы уж не мну!..»

1. «Поздний день мой будет тих и сух...» (С. 405)

Притин — здесь: солнцепек, место, припекаемое полуденным солнцем.

6. «Когда не ради наслаждения...» (С. 407)

Чем блещет дикая порфира... — *Порфира* — см. примеч. т. 1, с. 501; *дикая порфира* — выражение из стихотворения Е.А. Боратынского «Последняя смерть» (1827): «И в дикую порфиру древних лет / Державная природа облачилась...». *Верграды* — «очаги и источники новой религиозной культуры», «архитектурные ансамбли: осью каждого из них является Храм Солнца Мира, окруженный венцом меньших святилищ». (См. РМ). *Пряха вечнобдящая* — образ восходит к богине судьбы в греческой мифологии — мойре по имени Клото, что значит «прядущая».

7. «Утро обрамляет расчерченный план...» (С. 409)

Батавия — прежнее, голландское название столицы Индонезии Джакарты.

8. «Из года в год, в густом саду...» (С. 409)

Стихотворение связано с педагогическими идеями Д.Л. Андреева о «воспитании человека облагоустроенного образа», высказанными в РМ. *Синклит*; «Синклиты — обитающие в затомисах метакультур сонмы просветленных человеческих душ» (Краткий словарь).

10. «Нет, — то не тень раздумий книжных...» (С. 412)

Вариант стихотворения, вошедшего в РБ, 1, 385.

13. «Когда уснет мой шумный дом...» (С. 414)

Бесшумная, подходишь ты... — Здесь и далее речь идет об А.А. Андреевой.

ЛЕСНАЯ КРОВЬ

Написанный в предвоенные годы цикл был восстановлен по памяти во Владимирской тюрьме и дополнен. Получив его текст, А.А. Андреева писала мужу: «...я, как и раньше, всхлипывала над “Лесною кровью”. Ужасно жаль мне эту, никогда не бывшую на свете девчонку, написанную поэтом, которому не удастся любовная лирика. Только конец, по-моему, остался недотянутым: как-то герой неубедительно уходит, как и раньше было!» (письмо от 6 декабря 1956).

«Все истории, описанной в поэме, никогда не было. Героиня возникла из переживания автором романтики Брянских лесов, а внешность её Д. А. взял у жены своего друга, очаровательной, сероглазой, русокосой женщины, очень органично связывающейся с природой. Она об этом не знала и очень удивилась, когда я рассказала ей это на лагерных нарах (и она и муж её были тоже взяты по нашему делу). Позже, в тюрьме, дорабатывая поэму, Д. А. усложнил образ героини некоторыми моими чертами — так он сказал» (примеч. А.А. Андреевой).

1. «Здесь по ночам — луна с дружиной духов...» (С. 418)

В АС с некоторыми разночтениями.

2. «В пугливых зарослях леса...» (С. 418)

В АС с разночтениями, вариант 11-й строки:

Бряцают пестрые бусы

15–16-й:

И бьется — влево и вправо —

Качаясь, красная ткань.

21-й:

И падает луч на руки,

23–24-й:

И нет ни мысли, ни муки —
Только лесная кровь.

3. «Сумрак засинел...» (С. 419)

Вторая и предпоследняя строфы восстановлены по АС. Вариант 43-й строки:

В гущу вековых

4. «Что блуждать от утрат к утрате?..» (С. 421)

В АС с некоторыми разночтениями.

7. «Вспомнишь ли заоблачные горы...» (С. 423)

На Жеронском озере в бору. — Имеется в виду Большое Жеренское озеро в окрестностях Трубчевска, в 1930-е годы называвшееся Жеронским или Большим Жероном. В АС без второй и третьей строф, вариант 4-й строки:

В русские русалочки глаза

14-й:

Кровь ее тугая вспоена

19-й:

А улыбка — мирная, как пена.

24-й:

Светлояр ли благовестит мне?

В АС последние две строфы:

Это плоть широкого народа:
Медленным, задумчивым резцом
Изваяла русская природа
Этот стан и детское лицо.

Наклонись же с радостью и миром,
Как в озера сонная лоза,
В узкие, серебряные виры,
В русские русалочки глаза.

8. «Оттого, что бабочки бьются...» (С. 424)

Вариант 16-й строки:

К этой плотной жизни припасть.

9. «Дух овина, стоячий, прелый...» (С. 424)

Лавы — здесь: лавки, скамьи.

Вариант 12-й строки:

В Богодухове лают псы.

38-й:

Нас закручивает водоверть —

11. «Как роковое наследство...» (С. 427)

Вариант 12-й строки:

В наш взбаламученный век.

12. «Как душно в этой стороне!..» (С. 428)

В одном из вариантов после 3-й строфы:

Об урожае, об озимых,
Об оскуденье рыбных рек,
О том, что этот тесный век —
Предтеча бурь неотразимых...

17. «На июльской заре, чуть в бóрах...» (С. 433)

Вариант 3-й строки:

Персть песчаную росный пар —

18. «Воск, растопляясь, пальцы греет...» (С. 433)

Омофор — плат с изображением креста, отличие архиерея, символизирующее спасение Иисусом Христом рода человеческого.

Вариант 8-й строки:

С платочком скомканным в руке

21. «Я помню кромешную ночь: по сознанию...» (С. 435)

Замкнулась душа седмиричным ключом... Седмиричный — кратный семи; здесь и далее имеется в виду сакральное, мистическое значение числа семь.

23. «Ни грядущая тьма, ни былое...» (С. 437)

В АС с некоторыми разночтениями.

24. «На траву я упал...» (С. 437)

В АС отсутствует 5-я строфа, предпоследняя строфа:

И была в нем — печаль
туч,
Над равниной лесной
дремлющих,
Песен сел, тишине
круч,
Голосам всей земли
внемлющих.

Вариант 9-й строки:

Над прохладным песком

21-й:

Это с чугунных дорог.

25. «Горше полыни, жалейки слаще...» (С. 438)

В АС нет 3-й, 4-й и 5-й строф; вариант 2-й строки:

Древняя память разлук и встреч

7-й:

Завтра уйдешь гречишным полем

21-й:

Что ж, уходи! Под щебетом птичьим.

Вариант последних строф:

В черномалиннике, на сенокосах,
Сколько их будет еще впереди, —
Сколько их, капель в прохладных росах,
Сколько их, бус на моей груди?

Дни шелестят золотою пряжей,
Теплые, солнечные, как мед,
Только меня никто не расскажет,
Кроме тебя — никто не поймет.

НЕМЕРЕЧА

О путешествии по брянским лесам в окрестностях Трубчевска, описанном в поэме, см. в РМ; 3, 43–54. В черновых тетрадах текст поэмы имеет некоторые разночтения и датирован 1937–1945 гг.

Ф.А. Добров (1869–1941) и *Е.М. Доброва* (урожд. Велигорская; 1871–1943) — дядя и тетя Д.Л. Андреева, заменившие ему родителей, в их семье он воспитывался и жил с рождения.

Глава первая. (С. 440)

Гарвей Габриэль (1550–1630) — английский писатель.

2. *Нербадда*, *Ганг*, *Джамна* — реки в Индии. *Пред таборами праотцев моих?* — существовало семейное предание, по которому дед Д.Л. Андреева Николай Иванович был сыном орловского помещика Карпова и крепостной красавицы Глафиры Иосифовны, а также слухи о том, что предводитель орловского дворянства сошелся с таборной певицей. Об этом предании, получившем преломление в его творчестве, поэт знал. Кроме того, в его внешности, как и его старшего брата, было нечто индусское, заметное даже на некоторых фотографиях. Зная Д.Л. Андреева в юности, в эти слухи вполне верили, называли его индийским принцем и не удивлялись поэтической любви к Индии. В незаконченной и неопубликованной повести В.Л. Андреева «Молодость Леонида Андреева» предание рассказано по-другому. Прабабушку писатель называет Дарьей, дочерью крепостного Карповых — Степана Бушова, за черноту прозванного цыганом.

Вариант 14-й строки:

Их рваные, цыганские шатры.

5. *Чухраи* — лесная деревня недалеко от реки Неруссы. *Рум* — лесное урочище у Неруссы.

7. *Шива* — один из главных богов в индуизме.

8. *Притин* — здесь: полуденное положение солнца. *Нергал* — в шумеро-аккадской мифологии первоначально — небесный бог, олицетворение палящего солнца; позднее — владыка подземного царства, а также божество войны.

Глава вторая. (С. 445)

Бонзельс Вольдемар (1880–1952) — немецкий писатель, романтически и одухотворенно описывавший природу; эпиграф — неточная цитата из его книги «В Индии» (М.; Пг., 1924; перевод А. Горнфельда). По свидетельству В.М. Василенко, Д.Л. Андреев также высоко ценил детскую повесть В. Бонзельса «Приключения пчелки Майи», которая была в его библиотеке (М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923).

2. ...*Над клавишами вижу я седины...* — Речь идет о Ф.А. Доброве, часто музицировавшем на рояле.

Глава третья. (С. 450)

Эпиграф из цикла «Гимны к ночи» *Новалиса* (настоящее имя Фридрих Леопольд фон Гарденберг; 1772–1801), немецкого поэта и прозаика. В творчестве Д.Л. Андреева ряд мотивов через символистов восходит к поэзии Новалиса (см.: «Гимны к ночи», «Духовные стихи» и др.); родственно Д.Л. Андрееву, например, и отношение немецкого романтика к природе.

4. ...*с младенческого горя...* / *Я понял смерть...* — Речь идет о глубоко пережитой поэтом смерти бабушки, Е.В. Велигорской (урожд. Шевченко; 1846–1913).

7. *Серезжа М.* — Сергей Николаевич Ивашёв-Мусатов (1900–1992) — художник, близкий друг Д.Л. Андреева, первый муж А.А. Андреевой, был осужден вместе с ним по одному делу. *Два — под дождём алтайской непогоды* — имеются в виду Мария Самойловна Калецкая и Сергей Николаевич Матвеев (1900–1955) — географы, друзья Д.Л. Андреева; С.Н. Матвеев был осужден по делу Д.Л. Андреева и погиб в лагере. *И девушке в глаза глядит другой...* — В.М. Василенко. *Расчесывает косы цвета меда...* — Г.С. Русакова.

8. *Вторая мать* — здесь и далее речь идет о Е.М. Добровой.

II. *Ведь смерть права...* и далее — ср. стихотворение «Милый друг мой, не жалею о старом...».

ВОСХОД ДУШИ

1. «**Бор, крыши, скалы — в морозном дыме...**» (С. 457)

Ваамельсуу — в переводе с финского — Черная Речка, деревушка, где находился описываемый дом отца поэта, Л.Н. Андреева, в котором Даниил Андреев жил зимой 1909–1910 гг. и несколько раз гостил в последующие годы до начала Первой мировой войны.

Вариант 13-й строки:

Ступая мягко по синим сукнам,

3. «**Его любил я и качал...**» (С. 459)

Стихотворение посвящено игрушечному медведю, который был дорог поэту как память о детстве и который пропал при его аресте. В РМ он писал «...правее не мы, а дети, свято верящие в живую природу своих игрушек и даже в то, что они могут говорить... чем более любим плюшевый медвежонок, чем больше изливается на него из детской души нежности, тепла, ласки, жалости и доверия, тем плотнее в нем сосредотачивается та тончайшая материя...» (3, 190–191).

Вариант 4-й строфы:

То паинька, то хитрый зверь,
Он мастер притворяться. Если
Я отвернусь — он шмыг за дверь
Иль кувырывается на кресле.

4. «**Нет, младенчество было счастливым...**» (С. 460)

Нодендаль — финское Наантали — в предреволюционные годы небольшой курортный городок.

5. «**Она читает в гамаке...**» (С. 462)

Возможно, что это стихотворение навеяно впечатлениями от летнего пребывания в имении у близких друзей семьи Добровых Муравьевых в селе Щербинино Тверского уезда Тверской губернии, где Даниил гостил в детстве. «Девочки Муравьевы, Ирина и Татьяна, и их ровесники дети Вихляевы, Александр (Шуня) и Наталья, жили летом в Щербинине вольной сельской жизнью (хоть и при гувернантке-немке): они помогали на сенокосе, ухаживали за лошадьми, катались верхом на доброй смиренной Малютке... Часто гостил мальчиком в Щербинине Даниил Андреев...» («Стой в завете своем...»: Николай Константинович Муравьев: Адвокат и общественный деятель: Воспоминания, документы, материалы. М.: АМА-Пресс, 2004. С. 237–238). *Фройлен* — здесь: гувернантка. *Шляфен* (schlafen — нем.) — спать.

Существует иная редакция стихотворения — без 4-й и 6-й строф, с вариантом 9-й и 10-й строк:

Зов на прогулку под луной

Она ко взорным повторила.

6. **Старый дом.** (С. 463)

Дом, в котором Д.Л. Андреев провел детство в семье Добровых и жил до ареста, находился в Малом Левшинском переулке (дом 5, кв. 4); не сохранился. *Хлебосольный аксаковский кров...* — в соседнем доме — Малый Левшинский переулок, д. 3 — зимой 1855–1856 годов жили Аксаковы; об их гостеприимстве историк С.М. Соловьев вспоминал: «Аксаковы жили открыто, хлебосольно, всегда можно было застать у них кого-нибудь, всегда кто-нибудь обедал» (Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. М., 1983, С. 301). *Победителя-галла...* — Семейное предание о том, что дом, в котором жили Добровы, пережил пожар 1812 г., неверно, его пережил большой усадебный дом, стоявший рядом, а дом Добровых был построен в 1832 г. «*Вечная память*» — см. примечание к стихотворению «И “Вечную память” я вспомнил...» (1, 494).

8. «**Есть кодекс прав несовершеннолетних...**» (С. 465)

В АС под заглавием «Мальчики», с некоторыми разночтениями.

МАТЕРИАЛЫ К ПОЭМЕ «ДУТГУР»

Дуггур — один из слоев демонических стихийалей; см. РМ (3, 530). «Задуманная Д.Л. Андреевым поэма с чертами автобиографической достоверности должна была рассказать о погружении души в темный мир Дуггура и о её спасении силами Света» (*примеч.* А.А. Андреевой). Об источниках поэмы и «тёмном периоде» в жизни Д.Л. Андреева см. также РМ (3, 60); ПНР (с. 78–81).

I. Вехи спуска

2. **Окончание школы (1923 г.). Вальс.** (С. 468)

Д.Л. Андреев окончил школу № 90 (бывшую гимназию Е.А. Репман, после Октябрьской революции преобразованную в 23-ю школу второй ступени), находившуюся на Гоголевском бульваре, д. 9 (здание не сохранилось).

3. **Другу юности, которого нет в живых. (Первое).** (С. 468)

Друг юности Д.Л. Андреева Юрий Попов погиб (1941), упав с крыши при артанале во время дежурства. *Шадуф* (араб.) — приспособление для подъема воды из колодца, колодезный журавль. *Мы забывали, что соперники...* — Д.Л. Андреев и Ю. Попов оба были влюблены в одноклассницу Г.С. Русакову (см. выше).

4. **В отблесках голубого сияния.** (С. 470)

Истоки этого стихотворения, несомненно, связаны с духовными исканиями начала века. Уместно здесь привести строки из конспекта лекции В.И. Иванова «Голубой

цветок», прочитанной, видимо, в начале 1910-х гг.: «...У Новалиса Голубой Цветок уже мистический символ, имеющий определенное значение. Это уже не несбыточное мечтание, но символ, скрывающий целую религиозную систему. ...Синий цвет — цвет мистиков (Владимир Соловьев — “Три свидания” — Небесный цвет на Царице — Душе Мира — Голубой цвет у лермонтовского образа, о котором пишет А. Белый, — стихи В. Иванова). Мировая душа (понятая как Вечная Женственность) занимает большое место и в современной поэзии...» (Иванов В. Собрание сочинений. Т. 4. Брюссель, 1987. С. 739.) ...*прошепчет Новалис / Про знак голубого цветка!* — Под знаком голубого цветка и его символикой развивается действие романа Новалиса «Генрих фон Офтердинген» (1799–1801). ...*размер / Октав светоносного Гете / Про Женственность ангельских сфер.* — Здесь имеются в виду строфы «Посвящения» к фрагменту «Тайны» И.-В. Гете, в частности строки: «...предстал, паря над облаками, / Вдруг образ мне божественной жены» (перевод С. Шервинского). *Таинственный стих Соловьева / О Неугасимой Звезде.* — Здесь, видимо, имеются в виду строки поэмы «Три свидания» (1898): «Я осязал нетленную порфиру / И узнавал сиянье Божества»; в связи с названием стихотворения нельзя не обратить внимание на следующие строки поэмы В. Соловьева: «...передо мною / Уже лучился голубой туман»; см. также РМ, с. 236. *Безвестный еще Коваленский...* — Коваленский Александр Викторович (1897–1965) — муж А.Ф. Добровой, троюродный брат А.А. Блока, по свидетельствам близко знавших его, своеобразный мистический поэт и прозаик, оказавший большое влияние на юношу Д.Л. Андреева; все произведения Коваленского были уничтожены МГБ после ареста; в печати выступал главным образом как детский писатель и переводчик. *Хорал Купине...* — Купина в христианской традиции прообраз Богоматери; «Неопалимая Купина» — не сохранившаяся поэма А.В. Коваленского.

5. Перед «Поверженным Демоном» Врубеля. (С. 470)

О восприятии Д.Л. Андреевым творчества М.А. Врубеля см. РМ, а также сохранившийся фрагмент романа «Странники ночи». *Лиловая тень* — лиловая тень у поэта сопровождает образы «темных миров»; см. РМ.

7. Подмена. (С. 473)

Кримгильда; Кримхильда — героиня «Песни о нибелунгах», мстительница, мстящая убийцам своего мужа Зигфрида; трактовка этого образа у Д.Л. Андреева иная; см. также его поэму «Королева Кримгильда». В связи с этим образом А.А. Андреева вспоминала: «На годы юности Д.А. прихлясь демонстрация немого германского фильма “Нибелунги” (он шел под музыку Вагнера, исполняемую тапером или оркестром в зависимости от ранга кинотеатра). Фильм был поставлен по мотивам эпоса “Песнь о нибелунгах”. Д.А. влюбился в Кримгильду, каждый вечер смотрел вторую серию, она и называлась “Кримгильда”. Образ любящей женщины, которая всю жизнь посвящает месту за предательски убитого мужа, много лет занимал поэта». См. также ПНР (с. 70–71).

9. Первая вестница. (С. 474)

Другая — лунная демонница Воглеа, см. РМ.

12. Другу юности, которого нет в живых. (Второе). (С. 476)

И скользкое пространство риманово / Сверкало в черной глади их... — *Риманово пространство* — многомерное пространство, для которого евклидова геометрия верна как частный случай. Образ черных зеркал у Д.Л. Андреева связан с обозначением иной реальности, см. также стихотворение «Мчатся гимны, звенят...» и в поэме «Симфония городского дня»: «Асфальтовой глади пространства нагие / Сверкают иллюзией черных зеркал». В одном из примечаний в черновых тетрадах, возможно, что и к этому циклу, поэт отметил: «Поэтический образ “черных зеркал” был в свое время намечен А. Коваленским в одном из эскизов к мистерии “Неопалимая Купина”».

13. «Предоставь себя ночи метельной...» (С. 477)

Эфемера — образ несохранившейся одноименной поэмы А.В. Коваленского, а также незавершенного и уничтоженного на Лубянке после следствия романа Д.Л. Андреева «Эфемера». В черновых тетрадах поэта сохранилось следующее примечание, видимо относящееся к одному из черновых вариантов «Розы Мира»: «...*Эфемера*. Ясно, что к мотылькам-однодневкам, носящим прозвание эфемер, Эфемера этой книги не имеет никакого отношения. Попытке некоторого раскрытия объективного содержания

той космической сущности, которую я решился обозначить этим наименованием, посвящена глава VIII».

14. Саморазрушение. (С. 478)

«Есть упоение в бою / И бездны мрачной на краю...» — цитата из песни председателя «Пира во время чумы» (1832) А.С. Пушкина; последние строки стихотворения Д.Л. Андреева соотносятся с дальнейшими пушкинскими: «Все, все, что гибелью грозит, / Для сердца смертного таит / Неизъяснимы наслажденья».

II. Московские предвечерия

2. На балконе. (С. 480)

Вариант последних строк:

Фонари несметные, смеясь
Лишь мне,
Манят, как волшебники, в простор
мглы
дальной
К имени, сверкающему там —
На дне.

3. Глаза рук. (С. 482)

Вариант 17–18-й строк:

Вникал премудрым осязанием
Я в человеческое тло,

20-й:

Но глубже, чем добро и зло.

5. Госпоже города. (Первое). (С. 483)

Госпожа города — о демоницах великих городов см. РМ (3, 194–195). В черновой тетради предпоследняя строфа:

Укрываясь за мглой вседневности,
В недоступности вековой,
Так взирали богини древности
На возлюбленный город свой.

6. Одержание. (С. 484)

Мельпомена — в греческой мифологии муза трагедии.

Вариант 17-й строки:

И все ближе последняя вежа,

9. Лунная мелодия. (С. 486)

Селена — олицетворение луны в греческой мифологии. *Астарот*; Астарта — в западносемитской мифологии олицетворение планеты Венеры, богиня любви и плодородия.

10. Госпоже города. (Второе). (С. 487)

«Наименование обоженной луны у различных народов: римлян (Luna), перуанских инков (Квилла), греков (Селена, Геката), монголов (Сайн), карфагенян (Таннаит)» (примеч. Д.Л. Андреева). *Луна* (лат.) — божество луны в римской мифологии. *Геката* — в греческой мифологии богиня мрака, ночных видений, чародейства. *Танит*; Тиннит — в западносемитской мифологии богиня-дева луны или неба, плодородия.

п. Кароссе Дингре. (С. 489)*Каросса Дингра* — см. РМ.

В первоначальном варианте под заглавием «XI. Разоблачение» (зачеркнуто), затем «Афродите Всенародной»; вместо первых 4 строф:

Мой взгляд проник к твоим куполам:
Он острым от боли стал, —
И вьется, разорванное пополам,
Первое из покрывал.

Огромна, как город, смутна, как жизнь,
Как я, человек, — как все, —
Ты — лишь служанка своей госпожи,
Рубин в дремучей косе.

И Гений народа, и чародей —
Два солнца твоей любви,
И так же несутся бури страстей
В эфирной твоей крови.

12. Голос их цитадели. (С. 489)

Вариант 1–4-й строф:

Ты жаждал меня в сновиденье,
Ты звал меня в ночи свиданья,
Ты ждал моего нисхожденья
В плаще векового преданья.

13. Вторая вестница. (С. 490)

Вторая вестница — образ, связанный с «госпожой города»; см. выше.
В черновом варианте зачеркнутая 9-я строфа:

И в слепительном полете —
Взор во взор...
Что в ее круговороте:
Смерть? позор?

14. Над городом. (С. 492)

Вариант 35-й строки:

Только перстень Эфемеры

III. Похмелье**3. Измена.** (С. 496)

Цирцея — в греческой мифологии волшебница, превратившая в свиней спутников Одиссея, а его удерживавшая в течение года; символ коварной обольстительницы.

6. Ее голос. (С. 498)

В стихотворении звучит голос кароссы Дингры, под действием которой поэт отдал дань тем «темным» блужданиям, о которых он пишет; см. также РМ (3, 60). ...я отстранила мечи Ориона... — *Орион* — в греческой мифологии божество созвездия того же имени, изображаемое с мечом; Орион преследует звезды и обращает в бегство планеты. Орион, как и Андромеда, один из символов мира, где не существует зла.

8. «Темные грезы оковывать метром». (Гумилев). (С. 500)

«Темные грезы оковывать метром» — последняя строка стихотворения Н.С. Гумилева «Правый путь» (1908) из книги «Жемчуга» (М., 1910).

10. «Я в двадцать лет бродил, как умерший...» (С. 502)

В глуши Рогожской и Лефортова... — Здесь и далее речь идет о районах Москвы, в конце 1920-х гг. бывших окраинными.

п. Эринии. (С. 502)

В одном из примечаний в черновых тетрадах, очевидно связанных с этим циклом, поэт отметил: «Античный миф, как известно, видел в эриниях — низших богинь-мстительниц за пролитую кровь родных. Эту краткую форму можно было бы применить и к пониманию данных стихотворений, только с вычетом последнего слова из составляющих ее». «Нурмись» — марка беговых коньков. *Это* — к *грядущему...* и далее — эта строфа — цитата из стихотворения «Окончание школы (1923 г.). Вальс» из 1-й части «Вехи спуска».

13. «Не из хроник столетий, не из дымки преданья...» (С. 506)

Плачь, Великое Сердце... — См. этот мотив также в поэме «У демонов возмездия» и в «Железной мистерии»

18. Двенадцать Евангелий. (С. 510)

Двенадцать Евангелий — богослужение Великого четверга на Страстной неделе, состоящее из двенадцати чтений евангельских текстов, чередуемых с великопостными песнопениями. *Тропарь* — церковное песнопение. *Толико время...* — Ин. 14,9. *Кедрон* — ручей, протекавший между Иерусалимом и Елеонской горой. *Гефсимания* — место за Кедром у южной подошвы Елеонской горы, где уединялся Иисус Христос, уходя из Иерусалима. *Прискорбна есть душа Моя...* — Мф. 26, 38. *В преторию и синедрион...* — *Претория* — здесь: главное местопребывание Пилата; *синедрион* — верховное судилище в Иерусалиме. *И, заплакавши горько...* — Мф. 26, 75. *Варавва* — сын Аввы, иерусалимский разбойник, освобожденный, когда Иисус Христос был осужден на распятие; Мф. 27, 16; Лк. 23, 18. *Игэмон (греч.)* — наместник, главарь; в русском переводе Евангелия: правитель. *Не повинен емь...* — Мф. 27, 24. *Саддукеи* — одна из трех, наряду с фарисеями и ессеями, религиозно-политических групп в Иудее. *Симон из Киринеи* в Ливии — один из иудеев, которого заставили нести крест Христа, когда он упал под его тяжестью; см.: Мф. 27, 32; Мк. 15, 21 и др.

19. Из погибшей рукописи. (С. 513)

Погибшая рукопись — роман Д.Л. Андреева «Странники ночи».

21. Звезда морей. (С. 515)

Звезда морей — <Ave> Maris Stella (*лат.*) — католическая молитва моряков и рыбаков, обращенная к Богоматери.

КРЕСТ ПОЭТА

Судя по черновым записям, в задуманный Д.Л. Андреевым, но не законченный цикл должны были также войти стихотворения о Пушкине, Лермонтове, Гоголе, Достоевском, Гаршине, Л. Толстом, Л. Андрееве, Блоке, Есенине, Маяковском, Цветаевой. Эпиграф из стихотворения М.А. Волошина «На дне преисподней» (1922).

Рылеву. (С. 516)

Рылеву Кондратий Федорович (1795–1826) — поэт-декабрист. Печатается по письму Д.Л. Андреева к В.Л. Андрееву от 6 сентября 1930 г. (см. т. 4, «Письма»), где под заглавием помета: «Из цикла “Русскому поэту”».

Грибоедов. (С. 516)

Грибоедов Александр Сергеевич (1795–1829) — великий драматург, поэт и дипломат; трагически погиб в Тегеране.

[Гумилёв]. (С. 517)

Смертной болью... и далее — перифраз строк: «Вижу свет на горе Фаворе / И безумно тоскую я...» из стихотворения Н.С. Гумилёва «Я не прожил, а протомился...» (1916).

Хлебников. (С. 518)

Хлебников Владимир (Виктор) Владимирович (1885–1922) — поэт. *Правителем земного шара...* — В стихотворном «Воззвании председателей земного шара» (1917) Хлебников писал: «...мы нацепили на свои лбы / Дикие венки Правителей земного ша-

ра». «Ка» (1915) — повесть Велимира Хлебникова; Ка в египетской мифологии — один из элементов человеческой сущности, второе «я».

Могилы М. Волошина. (С. 519)

Ранний вариант этого стихотворения, датированный «Коктебель. 20.X.1934», см. в кн.: Образ поэта: Максимилиан Волошин в стихах и портретах современников. Феодосия. М., 1997. В АС под заглавием «Могилы», с некоторыми разночтениями. Входило в вариант цикла «Предгория».

Волошин Максимилиан Александрович (1877–1932) — поэт, критик, художник. Согласно воле поэта, он похоронен на вершине горы Кучук-Енишар в Коктебеле. В.М. Василенко вспоминал, что Д.Л. Андреев «примерно за три года до смерти М.А. Волошина был у него в Крыму, откуда привез стихотворение “Дом поэта”, которым мы зачитывались, и другие стихотворения Волошина, которые мы переписывали». По мнению А.А. Андреевой, «это сообщение Виктора Михайловича Василенко ошибочно. Даниил Леонидович рассказывал мне иначе, летом 1931 года он встретил в Москве, на улице, Максимилиана Александровича Волошина и, преодолев на этот раз свойственную ему болезненную застенчивость, подошёл к нему и представился. Совершенно понятно, что встречен он был Максимилианом Александровичем с полным дружелюбием, радостью и тут же приглашён в Коктебель. Но этим летом у Д. А. денег не было совсем, а на следующий год Волошина уже не было в живых. Но произведения его, конечно, привозили из Крыма, переписывали и читали. Я хорошо помню вечер <...> после возвращения Д. А. с фронта, когда к нам пришел сияющий В.М. Василенко и, “захлёбываясь” от восторга, читал “Владимирскую Богоматерь”, причём читал наизусть». ...открытый всем ветрам / И видимый с любой дороги... — аллюзия из стихотворения Волошина «Дом поэта» (1926):

Дверь отперта. Переступи порог.
Мой дом раскрыт навстречу всех дорог.
В прохладных кельях, беленных известкой,
Вздыхает ветр...

В дни мятежей не гражданином быть... — Перифраз строки из стихотворения М. Волошина «Доблесть поэта (Поэту революции)» (1925): «В дни революции быть Человеком, а не Гражданином...» С запевом *вьюги в Диком Поле*. — Здесь имеется в виду стихотворение М. Волошина «Дикое Поле» (1920).

СЕМЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

Стансы. (С. 521)

В стихотворении идет речь о доме Добровых в Малом Левшинском переулке.

Так было. (С. 522)

В какой же ты ныне / Беспросветной томишься глуши... — В это время Д.Л. Андреев ничего не знал о судьбе жены, находившейся в Дубровлаге.

II

ПЕСНЬ О МОНСАЛЬВАТЕ

Драматическая поэма «Песнь о Монсальвате» — одно из ранних и незавершенных произведений Д.Л. Андреева, работа над которым занимала важнейшее место в его творчестве середины 1930-х годов. В письме к Е.Н. Рейнфельд от 15 мая 1936 года он писал: «Осеню я начал большую поэму из эпохи Крестовых походов — свободная вариация на тему центрального мифа позднего Средневековья, — **очень** свободная, озаренная тем пониманием, которое возможно только для человека нашей эпохи и страны. (Впрочем, действие поэмы протекает на пороге XII и XIII вв. И в ней фигурируют, наря-

ду с вымышленными мною, и традиционные персонажи, например Лоэнгрин.) Вещь будет очень объемистая. Написана треть. В художественном (да, впрочем, и в других) отношениях она, к счастью, оставила далеко за собой написанное мною прежде» (см. т. 4, «Письма»). Остались свидетельства об увлеченности этой темой не только Андреева, но и некоторых его близких друзей. Так, В.М. Василенко вспоминал: «Особенно много он мне рассказывал о Монсальвате, о чаше Святого Грааля. Он говорил о трубадуре, который всю жизнь посвятил поискам Монсальвата и в конце концов умер где-то на Востоке, за Ираком, так и не найдя его.

Даня, писавший о Монсальвате, говорил, что в прошлой жизни приходил к Граалю. Храм он видел с близлежащих склонов, дальше его не пустили. Что здесь было от действительного знания, а что от поэтического воображения — не знаю. Но меня тогда тема Грааля очень волновала, я был под большим влиянием Дани. Я даже написал стихотворение “Монсальват”...» (СС, 3, 2, 389). Увлечен был этим мифом и С.Н. Ивашев-Мусатов; см. посвященную ему главу «Замок святого Грааля» в романе А.И. Солженицына «В круге первом» (1955–1964), где он выведен под именем Кондрашева-Иванова. Очевидно влияние на образы поэмы не столько «Парцифаль» В. фон Эшенбаха, сколько драматической мистерии Рихарда Вагнера «Парсифаль» (1882). См. также примеч. на с. 679 к стихотворению «Титурэль».

Печатается по одной из сохранившихся машинописных копий. Редакцией уточнена нумерация частей и песен поэмы в машинописи.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

(С. 526) Основные действующие лица поэмы восходят к «Парсифалю» Р. Вагнера: *Титурэль* — см. поэму «Титурэль», а также примеч. на с. 679; *Амфортас* — в опере король Грааля; *Парсифаль* — герой всего круга легенд о Святом Граале (впервые появившийся в романе Кретьена де Труа «Персеваль, или Повесть о Граале» (1181–1191), давшем начало продолжениям и интерпретациям этого сюжета), в опере он становится королем Грааля; *Гурнеманц* — в опере рыцарь; *Клингзор* — в опере злой волшебник замка Клингзор; *Кундри* — героиня, заколдованная Клингзором, в «Парцифале» В. фон Эшенбаха колдунья, вестница Грааля. *Лоэнгрин* — герой одноименной оперы (1850) Р. Вагнера, сюжет которой восходит к немецкой легенде о Лоэнгрине, также изложенной в романе В. фон Эшенбаха. *Раймонд Альгвадурский* — возможно, Раймунд IV, де Сен-Жиль (1041 или 1042 – 1105), граф Тулузский с 1093; в 1096 г. возглавил рыцарское ополчение из Южной Франции в Первом Крестовом походе, в котором одержал ряд побед.

Рамануджа, брамин — индийский религиозный реформатор XII века, основатель секты рамануджей; см. о нем также РМ; 3, 32. *Миларайба, буддийский монах* — см. стихотворение «Миларайба», а также примеч. на с. 678.

ПРОЛОГ

С. 527. ...по горам Елеонским... — *Елеонская гора* расположена к востоку от Иерусалима, на ее западной стороне находился Гефсиманский сад. «*Te Deum*» — *Te Deum Iadamas* — Тебя, Боже, хвалим (лат.) — начальные слова католического благодарственного гимна. *Победою франков гремит Сальватэрра!* — Имеется в виду Первый Крестовый поход, закончившийся в 1099 г. завоеванием Иерусалима.

С. 528. ...*Манихейство* — религиозное учение, вообравшее в себя халдейско-вавилонские, персидские (зороастризм) и христианские представления и ритуалы. *Бенедиктинцы* — члены старейшего католического монашеского ордена.

С. 530. *Паладин* — преданный рыцарь. *Победой ислама гремит Сальватэрра!..* — Речь идет о завоевании Иерусалима в 1187 г. египетским султаном Салах-ад-Дин и об окончившемся неудачей Третьем Крестовом походе 1189–1192 гг.

С. 531. *Причастие Логосу*: здесь *Логос* — Иисус Христос, см. РМ.

С. 532. *Шпильманы* — в средневековой Германии странствующие поэты, певцы и музыканты.

ЗАПЕВ

С. 533. *Миннезингеры* — в Германии рыцарские поэты-певцы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Песнь первая
НОЧЬ В БЕЗАНСОНСКОМ ЗАМКЕ

С. 534. *Безансон* — город в Восточной Франции.

С. 535. *Жонглеры* — странствующие певцы и музыканты в средневековой Франции.

Песнь вторая
ЧТЕНИЕ СУДЬБЫ

С. 541. *Интердикт* — запрещение римского папы проводить богослужения, налагавшееся как наказание на некоторых королей.

С. 543. *Мюнстер* — замок.

Песнь третья
РЫЦАРИ

С. 544. ...*кузен короля Оливер...* — *Оливер* — как историческое лицо не засвидетельствован, в «Песне о Роланде» — побратим Роланда.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Песнь первая
У РЕЧНОГО ПЕРЕВОЗА

С. 548. *О чести Готфрида, Гвидо...* — *Готфрид* Бульонский (ок. 1060–1100) — король Иерусалимского государства, созданного после взятия крестоносцами Иерусалима; *Гвидо де Лузиньян* (ум. 1195) — король иерусалимский, при котором Иерусалим был завоеван Саладином, а Гвидо попал в плен. ...*у границ Калифата...* — Здесь речь идет захвате части Сирии в войне крестоносцев с халифатом Фатимидов.

Песнь третья
СВЯТОЕ ВИНО

С. 561. *Ригель* — наиболее яркая звезда в созвездии Ориона.

Песнь четвертая
СПУСК

С. 562. *Роба* — здесь: одежда (*устар.*). ...*у тирских разрушенных врат / Он дрался... с самим Саладином...* — Речь идет о защите Тира в 1187 г. от войск Саладина. *Твердыня храмовников — замок Сафэд...* — *Храмовники* — тамплиеры; *замок Сафэд* — замок в Иерусалиме возле места, где, по преданию, был храм Соломона.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Песнь пятая
РОЖДЕНИЕ

С. 587. *Ты открыл Никодиму / О рожденье втором.* — Речь идет о Никодиме, тайном ученике Иисуса Христа (см.: Ин. 19, 38–42), и о предании апокрифического Евангелия от Никодима (IV в.), в котором говорится о страданиях Иисуса Христа.

КОРОЛЕВА КРИМГИЛЬДА

В поэме Д.Л. Андреев использует сюжет, восходящий к немецкому средневековому эпосу «Песнь о нибелунгах»; см. также примечание к с. 473.

Кримгильда; Кримхильда — героиня «Песни о нибелунгах», отомстившая убийцам своего мужа Зигфрида. Трактовка этого образа у Д.Л. Андреева иная. См. примеч. к циклу «Материалы к поэме “Дуггур”», с. 689–690.

1

В былые дни бургундской славы / В старинном Вормсе я жила... — Бургундское королевство на левом берегу Рейна со столицей в Вормсе существовало в IV–V вв. до его разгрома гуннами в 437 г.

2. Зигфрид

Асы — в скандинавской и германской мифологии боги, возглавляемые Одинем.

5

Гоген; Хаген — вассал и родич бургундских королей.

7

Тронье — владение Гагена. Здесь: сам Гаген. *Гунтер* — старший из бургундских королей. *Гизельхер* — младший из бургундских королей. *Фолькер* — вассал бургундских королей, друг Гагена и искусный скрипач.

8

Этцель — король гуннов, второй муж Кримгильды; образ, исторически восходящий к Аттиле, прозванному Бич Божий.

ГУЛЯНКА

Поэма «Гулянка» входила в ранний вариант РБ — «Русские октавы», датированный февралем — сентябрем 1950 г., как часть третья. Его составили главным образом стихотворения и поэмы, связанные с трубчевскими впечатлениями поэта. Сюжет «Гулянки», в котором ясно очерчен Трубчевск и его окрестности, органично вписывался в продуманную композицию «Русских октав», но в последующем от этого замысла автор отказался, а поэма была им отвергнута. По свидетельству А.А. Андреевой, он считал ее неудавшейся и высказывался против будущей публикации поэмы.

С. 601. *Огневица* — здесь: горячка. *Мовь* — здесь: речь, от украинского: мова.

С. 602. *Полдень бухнул бу́йным билом / На пожарной каланче.* — Речь идет о сохранившейся поныне пожарной каланче г. Трубчевска, построенной в 1894 г. *Балалай* — здесь от: балалайка — пустой, болтливый человек; *Народная площадь* — бывшая Ярмарочная площадь в Трубчевске. *Селище* — село под Трубчевском.

С. 603. *Ах ты, Волга, мать родная...* — Вариант строфы из народной песни на слова Д.Н. Садовникова «Из-за острова на стрежень...» (1883).

С. 605. *Рамасуха* — село, ныне поселок в Почепском районе.

УТРЕННЯЯ ОРАТОРИЯ

«Утренняя оратория» — произведение, к которому автор предполагал вернуться. По времени создания оно предшествует основным главам «Русских богов»; характерно, что в «Утренней оратории» слово «гений» употребляется как синоним появившихся позднее понятий «даймон» и «вестник», используется в ней и другая терминология, позже получившая более конкретный характер. Некоторые строфы «оратории» позднее были включены в другие произведения. Рукопись поэмы хранится в краеведческом музее г. Владимира.

С. 614. *Кайласа* — гора в Гималаях, в индуистской мифологии обитель богов.

С. 615. *Сукхавати* — буквально: счастливая страна, в буддистской мифологии страна, находящаяся очень далеко от нашего мира, все ее обитатели рождаются из лотоса и наслаждаются беспредельным счастьем. *Бург* — замок, крепость (*нем.*).

С. 616. *Дух черных зеркал...* — см. примеч. к с. 476.

С. 620. *Голоса птиц* — см. в РБ стихотворение «Птички» (I, 423).

С. 622. *Яршла* — в славянской мифологии персонаж, связанный с весной и плодородием.

С. 623. *Гоя* — первоначальный вариант имени Соборной души русского народа, позднее — Навна.

С. 628. *Трикирий* — архиерейский трёхсвечник, символизирующий Троицу Бога. *Евхаристия* — таинство соединения Спасителя и верующих в Него; в узком смысле слова — освящённые хлеб и вино (Святые Дары).

С. 630. *Рум* — здесь: распространенное в странах Востока название Рима и Римской империи.

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

«**За днями дни... Дела, заботы, скука...**» (С. 633)

Не холоден и не горяч! — Откр. 3, 15.

«**Близятся осени дни, по ночам холодеют туманы...**» (С. 633)

Стихотворение, как и два последующих, печатается по тексту письма Д.Л. Андреева к В.Л. Андрееву от 6 сентября 1930 г. (см. 4, «Письма»).

«**Я неизбежен, как рок...**» (С. 633)

Стихотворение, видимо, связано с настроениями «темного периода», о котором говорится в цикле «Материалы к поэме “Дуггур”».

«**— Обманул меня!.. Вышвырнул!..**» (С. 634)

Можно предположить, что стихотворение связано с воспоминаниями о разрыве с первой женой — А.Л. Гублён (Горобовой).

«**Мой город, мрачный, как власяница...**» (С. 637)

Стихотворение входило в черновой вариант цикла «Голоса веков».

«**Легким бризом кольшимые...**» (С. 638)

Стихотворение входило в ранний вариант цикла «Предгория».

«**Милый друг мой, не жалею о старом...**» (С. 638)

Позднее переработанные строки из этого стихотворения вошли в поэму «Немецкая речка»: см. с. 455.

«**Над тальми кровлями ранней весной...**» (С. 639)

Стихотворение входило в ранний вариант цикла «Лунные камни».

«**Сколько ты миновал рождений...**» (С. 640)

Стихотворение входило в ранний вариант цикла «Древняя память».

«**Ночь горька в уединенном доме...**» (С. 640)

Стихотворение входило в ранний вариант цикла «Лунные камни».

«**Вечер над городом снежным...**» (С. 643)

Листик... — «Я была худощавой и зеленоватого, от трудной жизни, цвета. Листик было мое прозвище. Оно осталось во всех письмах. (А Даниил был Зайка.) Подразумевался ивовый листик, зеленый и узкий. Не только потому, что Даня любил иву, но и потому, что я, особенно после войны, была узенькой и бледно-зеленого цвета». — ПНР. С. 296.

«**Я не знаю, какие долины...**» (С. 645)

Стихотворение завершало ранний вариант цикла «Лесная кровь», с последней строфой в иной редакции:

Снова ржи необъятное море,
Снова тучи, летящие прочь...
Ясны вы, мои алые зори,
Глубока моя синяя ночь.

«**Ржанье конское!..**» (С. 645)

По местоположению в черновой тетради это стихотворение можно датировать 1950 г. Но, как свидетельствовала А.А. Андреева, оно представляет собой фрагмент из поэмы «Солнцеворот», над которой поэт работал в 1930–1931 гг. (см.: Протокол допроса арестованного Андреева Даниила Леонидовича // Урания. 1999. № 2 (39). 1999. С. 105) и ряд фрагментов которой вошел в поэму «Рух», в ней есть и первые строки этого стихотворения.

«**В кармане бушлата...**» (С. 646)

Стихотворение, очевидно, входило в предполагавшуюся книгу «Бродяга».

[**Драматический отрывок**]. (С. 647)

Фрагмент неизвестного нам, и, видимо, незавершенного произведения. Датировка предположительно, исходя из содержания и стилистических особенностей текста.

«**Встреча с Блоком. (Отрывок из неоконченной поэмы)**». (С. 651)

Можно предположить, что этот отрывок и первое стихотворение из цикла «Голубая свеча» (РБ, гл. 10) восходят к одному замыслу поэмы, «которая должна была быть продолжением “Ленинградского Апокалипсиса”». О мистической встрече с А.А. Блоком см. также в РМ (3, 389–390). ...*титанический облик царя...* — Речь идет о памятнике Петру I (см. также РМ; 3, 176–177), мистический образ которого у Д.Л. Андреева восходит к стихотворению А.А. Блока «Петр» (1904).

«**...И, расторгнув наши руки...**» (С. 653)

Стихотворение написано в то время, когда Д.Л. Андреев еще ничего не знал о судьбе жены; позднее оно было прислано ей в лагерь (см. 4, «Переписка»). *Азраил*; Израил — у мусульман ангел смерти.

«**Александр Коваленскому**». (С. 655)

Стихотворение входило в ранний вариант цикла «Вехи спуска».

[**Ответ Пушкину**]. (С. 656)

В рукописи без заглавия. Первые две строки — заключительные в стихотворении А. С. Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (1829); в РМ по поводу этих пушкинских строк высказана та же мысль, что и в стихотворении (см. 3, 471).

«**Из Гете («Гаснут горные пики...»)**» (С. 658)

Перевод стихотворения И.-В. Гёте «Wanderers Nachtlied» («Über alien Gipfeln») (1780), широко известного в вольном переводе М.Ю. Лермонтова «Из Гете» («Горные вершины...») (1840).

«**Когда-то раньше, в расцвете сил...**» (С. 658)

Последнее стихотворение Д.Л. Андреева, умершего 30 марта 1959 г.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРНЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ Д.Л. АНДРЕЕВА,
ВОШЕДШИХ В Т. I—2

- «А в кварталах, клубках...» (Танцы внизу) I, 455
 «А в мутно-дымном зеркале Истории...» (Родомыслы, I) I, 256
 «А еще я люблю их...» (Лопух) I, 427
 «А прожекторы — тускло-розовый и багровый...» (Танцы вверх) I, 454
 «А сердце еще не сгорело в страданье...» I, 142
 Александр. Глава четырнадцатая I, 335
 Александрийский век («От зноя эпох надвигающихся...») I, 381
 Александру Блоку («Никогда, никогда...») I, 237
 Александру Коваленскому («Незабвенный, родной! Не случайно...») 2, 655
 Александру Коваленскому и моей сестре — Александре Филипповне Добровой-Коваленской.
Отрывок из юношеской поэмы («...Но папоротник абажура...») 2, 635
 Арашамф («Не знаю, живут ли дриады...») I, 416
 Афродита Всенародная I, 452
 «...Ах, зачем эти старые сны...» ([Гумилев]) 2, 517
 «Ах, как весело разуться в день весенний!..» I, 415
 «Ах, этот вольный крик!..» (Гуси) I, 406
- Базар («Хрупки еще лиловые тени...») 2, 399
 Баллада («Подновлен румяным гримом...») I, 138
 Бар-Иегуда Пражский («Ветер свищет и гуляет сквозь чердак...») 2, 357
 Беженцы («Киев пал. Все ближе знамя Одина...») I, 137
 «Без герба, без знамени, без свиты...» (Романтический запев) 2, 495
 Без заслуг («Если назначено встретить конец...») I, 143
 «Без небесных хоров, без видений...» (Из погибшей рукописи) 2, 513
 «Безлюдный закат настиг меня тут...» (В тумане) I, 435
 «Безучастно глаза миллионов скользнут...» (Демоницы. Предупреждение, 4) I, 100
 «Белеса ночь. Над сном гудрона голого...» (Шествие) I, 459
 «Бенарес! Негаснущая радуга...» 2, 350
 «Берег скалистый высок...» 2, 335
 Библиотека («Я любил вечерами...») I, 38
 «Близятся осени дни, по ночам холодеют туманы...» 2, 633
 «Блистая в облаках незыблемым дюралем...» (Монумент) I, 89
 «Бог ведает, чем совершенны...» I, 441
 «Болото («В сотах огромного улья...») I, 459
 Большой театр. Сказание о невидимом граде Китеже («Темнеют пурпурные ложи...») I, 46
 «Бор, крыши, скалы — в морозном дыме...» 2, 457
 Босиком. Глава восемнадцатая (1–2) I, 414
 «Бравый солдат...» (Из первой редакции цикла «Миры Просветления») I, 448
 Брянские леса («Заросли багульника и вереска...») 2, 384
 «Бряцающий напев железных строф Корана...» (Грибоедов) 2, 516
- «Будущий день не уловишь сетью...» 2, 406
 «Бурей и свободой шумно маня...» 2, 523
 «Был час, годами и пространствами...» (У стен Кремля, II) I, 31
 «Был часом нашей встречи истинной...» (Памяти друга) 2, 394
- «В белых платочках и в юбках алых...» I, 435
 «В будни, в удушливый зной...» (Ирудрана) I, 407
 «В дикой раме...» (Во мху) I, 431
 «В дни, когда светозарно и мирно...» I, 217
 «В жгучий год, когда собирает родина...» 2, 366
 «В каких морях рожденная волнами...» 2, 334
 «В кармане бушлата...» 2, 646
 «В коловращении...» (Пропулк) I, 94
 «В ком возмужал народный гений...» (Вступление) I, 27
 В музее («Визую оттепель, в сумерках, по нескончаемым залам...») 2, 346
 «В нелюдимом углу долины...» 2, 407
 В ночных переулках («Ни Альтаира. Ни Зодиака...») I, 127
 В отблесках голубого сияния («По книгам, преданьям и кельям...») 2, 470
 «В пугливых зарослях леса...» 2, 418
 «В пыльный вечер и днями жаркими...» (Госпоже города. *Первое*) 2, 483
 «В сердце ночь. В судьбе темно...» (Лунная мелодия) 2, 486
 «В визую оттепель, в сумерках, по нескончаемым залам...» (В музее) 2, 346
 «В сизый пасмурный день...» (Перед «Поверженным демоном» Врубеля) 2, 470
 «В сотах огромного улья...» (Болото) I, 459
 «В суете и в кружении...» (Уснорм. Из первой редакции цикла «Миры Просветления») I, 447
 «В те дни мне чудилось, что Ты...» (Подмена) 2, 473
 «В тот вечер багровость заката...» (Эринии) 2, 502
 В Третьяковской галерее («Смолкли войны. Смирились чувства...») I, 36
 В тумане («Безлюдный закат настиг меня тут...») I, 435
 «В узел сатаны нити городов...» (Яросвету — Демиургу России) I, 101
 «В этот вечер, что тянется, черный...» I, 233
 Василий Блаженный («На заре защebetали ли...») I, 34
 Ватсалья («Тихо, тихо плыло солнышко...») I, 428
 «Вдали — как из ведра...» (Ливень) I, 429
 Велга («Клубится март. Обои плеснятся». — Демоницы. Предупреждение, I) I, 97
 «Великих дедов возблагодарим...» (У стен Кремля, III) I, 33
 «Веселым, как вечный мальчишка — Адам...» 2, 396
 Весельчак («Подневный жар. Тропа в лесу...») I, 403
 Весной с холма («С тысячелетних круч, где даль желтела нивами...») 2, 390
 «Ветер свищет и гуляет сквозь чердак...» (Бар-Иегуда Пражский) 2, 357
 Вехи спуска. I (1–14) 2, 467
 «Вечер над городом снежным...» 2, 643
 «Видно в раскрытые окна веры...» I, 379
 «Вижу, как строится. Слышу, как рушится...» I, 126
 «Вина — во мне. Я предал сам...» 2, 509
 «Власть Твою, всемогущий Судья...» (Разрыв) 2, 476
 Вместо эпилога («Так, в садах, квартирах, клубках...») I, 461
 «Вновь с песчаного Востока дует...» (Дивичорская богиня) 2, 386
 «Во всем, что ласково...» (Сорадовательнице мира) I, 249
 Во мху («В дикой раме...») I, 431
 Вовсе не шутя («И в том уже горе немаленькое...») I, 418
 «Воздушным, играющим гением...» 2, 367
 «Воск, растопляясь, пальцы греет...» 2, 433

- Восход души (1–9) 2, 457
 Восхождение Москвы («Тот, кто лепит подвигами бранными...») 2, 644
 «Вот...» (Шабаш) 1, 457
 «Вот блаженство — ранью заревою...» 1, 419
 «Вот, бродяжье мое полугодье...» (Заклучение) 1, 442
 «Вот лесной перерыв...» (Перед глухою деревней) 1, 439
 «Враг за врагом...» 1, 125
 «...Все безвыходней, все многотрудней...» (Так было) 2, 522
 «Все было торжественно-просто...» (К открытию памятника) 1, 96
 «Все запреты, все законы...» (Вторая вестница) 2, 490
 «Все отступило: удачи и промахи...» (Окончание школы (1923 г.). Вальс) 2, 468
 «Все упованье, все утешенье...» 1, 262
 «Все, что слышится в наших песнях...» 2, 416
 «Вспомнишь ли заоблачные горы...» 2, 423
 Встреча с Блоком. (*Отрывок из неоконченной поэмы*) («...Еле брезжило “я”...») 2, 651
 «Вступаю в духовные волны...» (Концертный зал) 1, 41
 Вступление («В ком возмужал народный гений...») 1, 27
 Вступление («Когда на нас военная зима...») 1, 216
 «Всю ночь...» (Праздничный марш (*дохмий*). — Столица ликует, 1) 1, 73
 Вторая вестница («Все запреты, все законы...») 2, 490
 «Вы, реки сонные...» 1, 393
 «Выходила из гжучей Гашшарвы...» (Демоницы. Предупреждение, 3) 1, 99
- «Гаснут горные пики...» (Из Гете) 2, 658
 «Где бесшумны и нежны...» (Старый дом) 2, 463
 «Где не мчался ни один наездник...» 2, 641
 «Где травка, чуть прибита...» (Привал) 1, 422
 Гении («Пред лицом колоннад...») 1, 258
 Гибель Грозного. Глава двенадцатая 1, 264
 Гипер-пэон («О триумфах, иллюминациях, гекатомбах...») 1, 83
 «Гладит предутренний ветер вечно-священные камни...» (Палестинская мелодия) 2, 354
 Глаза рук («По стали, мрамору и дереву...») 2, 482
 Голос из Цитадели («...Ты ждал меня в ночи паденья...») 2, 489
 Голоса веков 2, 354
 Голубая свеча (1–5) 1, 237
 «Горше полыни, желейки слаще...» 2, 438
 Госпоже города. (*Первое*) («В пыльный вечер и днями жаркими...») 2, 483
 Госпоже Города. (*Второе*) («Станут к вечеру алы...») 2, 487
 Готимна («Садом Судеб Высоких значится...») 1, 112
 Грибоедов («Бряцающий напев железных строф Корана...») 2, 516
 Гридруттва («Но выше всех метакультур, объяв...») 1, 118
 «Громяхают в метро...» (Карнавал. — Столица ликует, III) 1, 80
 «Грудь колесом, в литой броне медалей...» (О тех, кто обманывал доверие народа, 1) 1, 85
 Гулянка 2, 599
 Гумилев («...Ах, зачем эти старые сны...») 2, 517
 Гуси («Ах, этот вольный крик!...») 1, 406
- Даймону («К огню и стуже — не к лазури...») 1, 388
 Даймоны («О, у Тебя в блаженном мире мало ли...») 1, 107
 Двенадцать Евангелий («Свежий вечер. Старый переулоч...») 2, 510
 «Десятьнацать веков восхожденья...» (Дом Пресвятой Богородицы, 2) 1, 243
 «Дедов бор, полотно, и неспешно влачащийся поезд...» (Самое первое об этом) 2, 389
 Демоницы. Предупреждение (1–4) 1, 97

- Дивичорская богиня («Вновь с песчаного Востока дует...») 2, 386
 Дикий берег (1–3) 2, 338
 «Для народов первозданных...» (Aphrodite Pandemion) 1, 452
 «Долго речь водил топор...» (Плотогон) 2, 391
 Дом Пресвятой Богородицы (1–8) 1, 242
 Дома («Этот двор, эти входы...») 1, 128
 [Драматический отрывок] 2, 647
 Древнее («Над рекою, в нелюдимом предвечерии...») 1, 396
 Древняя память 2, 338
 «Другие твердят о сегодняшнем дне...» 1, 395
 «Другу ли скажешь — нахмурится, вздрогнет...» 1, 129
 Другу юности, которого нет в живых. (*Первое*) («Мы подружилась невозвратными...») 2, 468
 Другу юности, которого нет в живых. (*Второе*) («Истоки сумрачной расколотости...») 2, 476
 Другу юности, которого нет в живых. (*Третье*) («Я любил тебя горчайшею из дружб...») 2, 497
 Другу юности, которого нет в живых. (*Четвертое*) («Исподний мир — двойник столицы...») 2, 499
 Другу юности, которого нет в живых. (*Последнее*) («Ты ждешь меня в пустыню каменную...») 2, 508
 «Дух мой выкорчеван. Все мало...» 2, 501
 «Дух овина, стоячий, прелый...» 2, 424
 «Духовной похотью томим...» (Не Дугтур ли?) 2, 505
- «Его любил я и качал...» (Мишка) 2, 459
 Ее голос («— Не пробуй разъять изощренную мыслью...») 2, 498
 «Ее славят предания...» (Святая Россия) 1, 116
 «...Еле брезжило “я”...» (Встреча с Блоком. (*Отрывок из неоконченной поэмы*)) 2, 651
 «Если б с древней громады...» 1, 384
 «Если б судьба даровала — при драгоценных и близких...» 2, 416
 «Если вслушаешься в голоса ветра...» 1, 412
 «Если город — дарохранительница...» (Марево) 2, 486
 «Если мы, втроем, вчетвером...» (На перевозе) 1, 421
 «Если назначено встретить конец...» (Без заслуг) 1, 143
 «Если ты просветлил свою кровь...» 1, 384
 «Есть в гулких ветрах ледохода...» (Холод пространств) 2, 473
 «Есть в медлительной душе...» (Размах) 1, 131
 «Есть вершины, где нету боле...» (Затомисы) 1, 115
 «Есть кодекс прав несовершеннолетних...» 2, 465
 «Есть правда жестокая в подвиге ратном...» 2, 381
 «Есть праздник у русской природы...» 1, 404
 «Есть строки Памяти, — не истребить, не сжечь их...» 2, 641
 «Еще, в плену запечатанных колб...» 1, 126
 Еще к «Афродите Весенардной» («Так вот царица человечества...») 1, 462
 «Еще не брезжило. В лесу шуршала осень...» 2, 335
 «Еще не взошли времена...» (Демоницы. Предупреждение, 2) 1, 98
- «Ждало бесплодно человечество...» (Иерархия) 1, 383
 Железная мистерия 2, 5
- «За детство — крылатое, звонкое детство...» 2, 466
 «За днями дни... Дела, заботы, скука...» 2, 633
 «Завершается труд...» [Сквозь тюремные стены] 1, 389
 Заклучение («Вот, бродяжье мое полугодье...») 1, 442
 Заклучение («Трехмерный ум по трем координатам...») 1, 235

- «Запад! Великое, скорбное слово!..» (О старшем брате, 1) 1, 376
 «Запах мимозы: песчаные почвы...» 2, 363
 «Заросли багульника и вереска...» (Брянские леса) 2, 384
 Затомисы («Есть вершины, где нету боле...») 1, 115
 Заходящему солнцу («Как друзья жениха у преддверия брачного пира...») 1, 405
 «Звезда ли вдали? Костер ли?...» 1, 436
 Звезда морей («Нет, не Тому, Кто в блещущем уборе...») 2, 515
 «Здесь по ночам — луна с дружиной духов...» 2, 418
 «Здесь — уицраор...» 1, 232
 Зеленою поймой 2, 382
 «Знаю. — Откуда? — Отвечу...» (Эльдорадо) 1, 387
 «Золотом луговых убранств...» 1, 123
 «Зорькой проснешься — батюшки, где я?...» 1, 440
- «И в том уже горе немаленькое...» (Вовсе не шутя) 1, 418
 «И вера нас не пустит, а не злоба...» 2, 434
 «И “Вечную память” я вспомнил...» (Красный реквием, 4) 1, 94
 «И воздух, поющий ветрами...» 1, 417
 «И вот берет она ветвь сосны...» 2, 436
 «И вот закрывается теплый дом...» 1, 142
 «И вот летим мы...» 2, 426
 «...И вот упало вновь на милую тетрадь...» (Из дневника) 2, 348
 «И всегда я, всегда готов...» (Следы) 1, 430
 «И гудели вьюжными зимниками...» (Праведники прошлого, 3) 1, 261
 «И не избавил город знойный...» 2, 370
 «И образы живого золота...» (Каменный старец, III) 1, 45
 «И отошел Он...» 1, 228
 «...И равнодушная природа...» ([Ответ Пушкину]) 2, 656
 «...И, расторгнув наши руки...» 2, 653
 «...И слились вечера...» (Сквозь перезвон рифм) 2, 485
 «Играя мальчиком у тополя-титана...» (Орлионтана) 1, 412
 Иерархия («Ждало бесплодно человечество...») 1, 383
 Из Гете («Гаснут горные пики...») 2, 658
 «Из года в год, в густом саду...» 2, 409
 Из дневника («...И вот упало вновь на милую тетрадь...») 2, 348
 Из дневника («На день восьмой открылся путь чугунный...») 2, 397
 Из дневника («Но Запад прав: мы — дикари, мы — дети...») 2, 341
 Из маленькой комнаты. Глава пятая (1–21) 1, 125
 «Из обездоленности...» (Дом Пресвятой Богородицы, 7) 1, 248
 Из погибшей рукописи («Без небесных хором, без видений...») 2, 513
 «Из шумных, шустрых, пестрых слов...» 1, 414
 Измена («Как горестно взмывает на простор...») 2, 496
 Изнанка мира. Глава седьмая 1, 180
 Изобилие («Свищут и салютуют...». — Столица ликует, 2) 1, 77
 «Индия! Таинственное имя...» 2, 349
 Ирольн («Преисполнено света и звона...») 1, 105
 Ирудрана («В будни, в удушливый зной...») 1, 407
 «Исподний мир — двойник столицы...» (Другу юности, которого нет в живых. *Четвертое*) 2, 499
 «Истоки сумрачной расколотости...» (Другу юности, которого нет в живых. *Второе*) 2, 476
 «Исчезли стены разбегающиеся...» 2, 385

- «К огню и стуже — не к лазури...» (Даймону) 1, 388
 К открытию памятника («Все было торжественно-просто...») 1, 96
 «Как будто музыкант крылатый...» (Хлебников) 2, 518
 «Как горестно взмывает на простор...» (Измена) 2, 496
 «Как друзья жениха у преддверия брачного пира...» (Заходящему солнцу) 1, 405
 «Как душно в этой стороне!..» 2, 428
 «Как не любить мне колыбели...» 2, 479
 «Как роковое наследство...» 2, 427
 «Как участь эта легка...» 1, 421
 «Как чутко ни сосредотачиваю...» 2, 524
 «Какое благовоние...» 2, 376
 Каменный старец (I–III) 1, 43
 Карнавал («Громяхают в метро...». — Столица ликует, 3) 1, 80
 Кароссе Дингре («Прозреньем безжалостным я разъял...») 2, 489
 «Киев пал. Все ближе знамя Одина...» (Беженцы) 1, 137
 «Клубится март. Обои плеснятся...» (Велга. — Демоницы. Предупреждение, 1) 1, 97
 «Когда былых миров оранжевые зори...» 2, 338
 «Когда, в борьбе изнемогая...» (Первая вестница) 2, 474
 «Когда еще помедлил раз...» 2, 362
 «Когда закончишь ты вот этот крошечный...» (Олирна) 1, 109
 «Когда ковчегом старинной веры...» (Каменный старец, I) 1, 43
 «Когда лунною ночью бездонной...» 2, 430
 «Когда на нас военная зима...» (Вступление) 1, 216
 «Когда не ради наслаждения...» 2, 407
 «Когда не разделишь в клочкующем шторме...» (Дом Пресвятой Богородицы, 8) 1, 248
 «Когда несносен станет гам...» 1, 397
 «Когда обезьяноподобные люди...» (Мадленские пещеры) 2, 343
 «Когда уснет мой шумный дом...» 2, 414
 «Когда я холодно расторг...» (Саморазрушение) 2, 478
 «Когда-то раньше, в расцвете сил...» 2, 658
 Концертный зал («Вступаю в духовные волны...») 1, 41
 «Кончились круги косного плена...» (Файр) 1, по
 Королева Кримгильда 2, 590
 Красный реквием (1–4) 1, 89
 Крест поэта 2, 516
 «“Красное Солнышко”...» (Родомыслы, 2) 1, 257
 «Кровь не обманешь. И нет...» 2, 430
 «Кто там: медуза? маленький краб ли...» 2, 373
 «— Кто ты, мальчик? куда?... Твои волосы...» (Титурэль) 2, 358
- «Левушка! Спрячь боевые медали...» 1, 416
 «Легким бризом колышминые...» 2, 638
 Ленинградский Апокалипсис. Глава шестая 1, 146
 «Лес не прошумит уже ни жалоб, ни хвалы...» 2, 391
 Лесная кровь (1–25) 2, 418
 «Летопись сердца у желтой свечи...» (Со свечой) 2, 508
 «Лечь в тебя, горячей плоти родина...» 2, 638
 «Леший старый ли, серый волк ли...» 1, 394
 Ливень («Вдали — как из ведра...») 1, 429
 Лиурна («Перекрываемый тенями влажными...») 1, 425
 Лопух («А еще я люблю их...») 1, 427
 Лунная мелодия («В сердце ночь. В судьбе темно...») 2, 486
 Лунные камни (1–6) 2, 333

- «Люди входили тихонько в хату...» 2, 422
 «Люди любили не нашей любовью...» 2, 344
- Мадленские пещеры («Когда обезьяноподобные люди...») 2, 343
 Манику («Семью домового из хат...») 1, 399
 Марево («Если город — дарохранительница...») 2, 486
 Материалы к поэме «Дуггур» (I–III) 2, 467
 «Медленно зреют образы в сердце...» 2, 657
 «Меж горьких трав в равнинах шелестел...» (Сеннаар) 2, 353
 «Менялись столетья. Открытые створы...» (Дом Пресвятой Богородицы, 6) 1, 247
 Метакультуры («От школьных лет мы помнить можем...») 1, 114
 Миларайба («Позади — горы, белый шелк снега...») 2, 352
 «Милый друг мой, не жалею о старом...» 2, 638
 Миры просветления. Глава четвертая (1–15) 1, 103
 Мишка («Его любил я и качал...») 2, 459
 «Мне радостно обнять чеканкой строк...» 2, 361
 Могила М. Волошина («Прибрежный холм — его надгробный храм...») 2, 519
 «Моею лодочкою...» 1, 438
 «Может быть, тихою раковиной...» 1, 106
 «Мой город, мрачный, как власяница...» 2, 637
 «Мой край душистыми долинами...» (Русские октавы) 2, 382
 Монумент («Блистая в облаках незыблемым дюралем...») 1, 89
 Московские предвечерия. II (1–14) 2, 479
 «Мчатся гимны, звенят...» 2, 497
 «Мы возвращались с диких нагорий...» 2, 377
 «Мы — лучи Люцифера, восставшего в звездном чертоге...» (Юношеское) 2, 472
 «Мы на завтрашний день...» 1, 380
 «Мы подружались невозвратными...» (Другу юности, которого нет в живых. *(Первое)*) 2, 468
 «Мы прикоснулись, как Антей...» 2, 402
- На балконе («Островежим очерком вдали...») 2, 480
 «...На берег вышла. Солнце тканью...» (Отрывок) 2, 351
 «На день восьмой открылся путь чугунный...» (Из дневника) 2, 397
 «На заре защебетали ли...» (Василий Блаженный) 1, 34
 «На июльской заре, чуть в борах...» 2, 433
 «На орлиных высотах Непала...» 2, 349
 На перевозе («Если мы, втроем, вчетвером...») 1, 421
 «На траву я упал...» 2, 437
 «На холм Демиург всероссийский ступил...» (Дом Пресвятой Богородицы, 4) 1, 244
 Навна. Глава восьмая 1, 203
 «Над белоснежною Меккою...» (Серебряная ночь Пророка) 2, 354
 Над городом («Чудо?.. Сон?.. Трансформа плоти?..») 2, 492
 «Над зыбью столких лет незыблемо одна...» 2, 336
 «Над каждым городом-колосьсом...» (Стансы) 1, 48
 «Над Неруссой ходят грозы...» 2, 393
 «Над рекою, в нелюдимом предвечерии...» (Древнее) 1, 396
 «Над тальми кровлями ранней весной...» 2, 639
 «Наитье зоркое привыкло...» 1, 130
 «Народная память хранит едва...» (О полузабытых) 1, 254
 «Не блещут кремлевские звезды...» 1, 140
 Не Дуггур ли? («Духовной похотью томим...») 2, 505
 «Не знаю, живут ли дриады...» (Арашамф) 1, 416
 «Не из хроник столетий, не из дымки преданья...» 2, 506

- «Не как панцирь, броня иль кираса...» 1, 226
 «Не летописью о любви...» 2, 494
 «Не мнишь ли ты, что эгоизм и страх...» 2, 400
 «Не можем прозревать зенит мы...» (С жестокостью зрелых лет) 2, 467
 «Не может кровью не истечь...» (Чаша) 1, 375
 «Не может явленным...» (Нэртис) 1, 111
 «Не о комбайнах...» 1, 391
 «Не омрачай же крепом...» (Последнему другу) 2, 525
 «Не помним ни страстей, ни горя, ни обид мы...» 2, 642
 «Не поторапливаясь...» (Andante) 1, 437
 «— Не пробуй развять изощренную мыслью...» (Ее голос) 2, 498
 «Не ради звонкой красоты...» 1, 410
 «Незабвенный, родной! Не случайно...» (Александр Коваленскому) 2, 655
 «Неистощим, беспощаден...» 1, 426
 Немереча 2, 440
 «Нет...» (О тех, кто обманывал доверие народа, 2) 1, 85
 «Нет, младенчество было счастливым...» 2, 460
 «Нет, не боюсь языческого лиха я...» 1, 401
 «Нет, не Тому, Кто в блещущем уборе...» (Звезда морей) 2, 515
 «Нет, не юность обширная...» 2, 458
 «Нет, — то не тень раздумий книжных...» 1, 385
 «Нет, — то не тень раздумий книжных...» (*вариант*) 2, 412
 «Ни Альгаира. Ни Зодиака...» (В ночных переулках) 1, 127
 «Ни грядущая тьма, ни бывшее...» 2, 437
 «Ни кровью, ни грубостью праздников...» 2, 642
 «Никогда, никогда...» (Александр Блоку) 1, 237
 «Никчемных встреч, назойливых распросов...» (Товарищ) 1, 433
 «Но выше всех метакультур, объяв...» (Гридрутта) 1, 118
 «Но Запад прав: мы — дикари, мы — дети...» (Из дневника) 2, 341
 «Но, как минута внезапной казни...» 2, 416
 «...Но папоротник абажура...» (Александр Коваленскому и моей сестре — Александре Филипповне Добровой-Коваленской. *Отрывок из юношеской поэмы*) 2, 635
 Ночлег («Туман в ложбинах течет, как пена...») 1, 436
 «Ночь горька в уединенном доме...» 2, 640
 «Ночь. — Саркофаг. — Величье. — Холод...» (У гробницы) 1, 87
 «Ночь светает, — покров и храм нам...» 2, 432
 «Ночь снизошла, всю ложь опровергая...» 1, 134
 Нэртис («Не может явленным...») 1, 111
- «О, не все ль равно, что дума строгая...» 2, 380
 «О, не так величава — широкою поймой цветущей...» 2, 389
 О полузабытых («Народная память хранит едва...») 1, 254
 «О, превышающий ангелов! Страшно...» 1, 220
 О старшем брате (1–2) 1, 376
 О тех, кто обманывал доверие народа (1–3) 85
 «О, тихая полночь! — Узор...» (Дом Пресвятой Богородицы, 5) 1, 245
 «О триумфах, иллюминациях, гекатомбах...» (Гипер-пэон) 1, 83
 «О, у Тебя в блаженном мире мало ли...» (Даймоны) 1, 107
 «— Обманул меня!.. Вышвырнул!..» 2, 634
 Обсерватория. Туманность Андромеды («Перед взором Стожар...») 1, 40
 Одержанье («Я не знал, кто рубин Мельпомены...») 2, 484
 «Одно громоносное слово...» (Шквал) 1, 136
 Окончание школы (1923 г.). Вальс («Все отступило: удачи и промахи...») 2, 468

Олирна («Когда закончишь ты вот этот крошечный...») 1, 109
 «Она читает в гамаке...» 2, 462
 «Они молились за многошумное...» (Праведники прошлого, 2) 1, 260
 «Оранжевой отмелью, отмелью белой...» 2, 375
 Орлионтана («Играя мальчиком у тополя-титана...») 1, 412
 «Осень! Свобода!.. Сухого жнивья кругозор...» 1, 441
 «Ослепительным ветром мая...» 2, 345
 «Острроверхим очерком вдали...» (На балконе) 2, 480
 «Острым булатом расплат и потерь...» 1, 382
 «От зноя эпох надвигающихся...» (Александрийский век) 1, 381
 «От школьных лет мы помнить можем...» (Метакультуры) 1, 114
 [Ответ Пушкину] («...И равнодушная природа...») 2, 656
 Отрывок («...На берег вышла. Солнце тканью...») 2, 351
 «Оттого ль...» 1, 446
 «Оттого с тобою рядом...» 2, 434
 «Оттого, что бабочки бьются...» 2, 424

Палестинская мелодия («Гладит предутренный ветер вечно-священные камни...») 2, 354
 Памяти друга («Был часом нашей встречи истинной...») 2, 394
 Первая вестница («Когда, в борьбе изнемогающая...») 2, 474
 «Перед близким утром кровавым...» 1, 374
 «Перед взором Стожар...» (Обсерватория. Туманность Андромеды) 1, 40
 Перед глухою деревней («Вот лесной перерыв...») 1, 439
 Перед «Поверженным Демоном» Врубеля («В сизый пасмурный день...») 2, 470
 «Перекрываемый тенями влажными...» (Лиурна) 1, 425
 Песнь о Монсальвате 2, 526
 Плавань к Небесному Кремлю. Глава девятнадцатая 1, 444
 «Пламенея над городом белым...» 2, 333
 Плотогон («Долго речь водил топор...») 2, 391
 «Плывя к закату, перистое облако...» 1, 434
 «По вечерам, по чистым вечерам...» 2, 347
 «По книгам, преданьям и кельям...» (В отблесках голубого сияния) 2, 470
 «По стали, мрамору и дереву...» (Глаза рук) 2, 482
 «Повеса, празднослов, мальчишка толстогубый...» (У памятника Пушкину) 1, 46
 «Подергиваются пеплом оранжевые поленья...» (Танго) 2, 482
 Подмена («В те дни мне чудилось, что Ты...») 2, 473
 «Подновлен румяным гримом...» (Баллада. [Эвакуация вождя из мавзолея в 1941 году]) 1, 138
 «Поднявшись с гулом, свистом, воем... (Полет) 1, 410
 «Позади — горы, белый шелк снега... (Миларайба) 2, 352
 «Поздний день мой будет тих и сух...» 2, 405
 «Полдневый жар. Тропа в лесу...» (Весельчак) 1, 403
 Полет («Поднявшись с гулом, свистом, воем...») 1, 410
 «Полынушка, полынушка...» (Серая травка) 1, 402
 «Помню: широкие губы...» (Дикий берег, 1) 2, 338
 «Порой мне брезжила отрада...» (Стансы) 2, 521
 «Порой мне казалось, что свят и нетленен...» (Художественному театру) 1, 37
 «Порхают ли птицы, играют ли дети...» 1, 391
 Последнему другу («Не омрачай же крепом...») 2, 525
 Похмелье. III (1–21) 2, 494
 Праведники прошлого (1–3) 1, 259
 Праздничный марш (дохмий) («Всю ночь...». — Столица ликует, I) 1, 73
 «Пред лицом колоннад...» (Гении) 1, 258
 Предварения. Глава шестнадцатая 1, 374

«Предваряю золотые смолы...» 2, 523
 Предгория (1–5) 2, 362
 «Предоставь себя ночи метельной...» 2, 477
 «Предчувствую небывалые храмы...» 1, 251
 «Преисполнено света и звона...» (Ирольн) 1, 105
 «Пренепорочная. Присноблаженная...» (Приснодеве-Матери) 1, 240
 «Прибрежный холм — его надгробный храм...» (Могила М. Волошина) 2, 519
 Привал («Где травка, чуть прибита...») 1, 422
 «Привычные, как старый амулет...» (Дикий берег, 3) 2, 339
 Приснодеве-Матери («Пренепорочная. Присноблаженная...») 1, 240
 «Приуязав мое младенчество...» 1, 29
 Пробуждение («Я не помню, кто отпер засовы...») 2, 507
 «Прозреньем безжалостным я разъял...» (Кароссе Дингре) 2, 489
 «Проклятый сон: тот самый бой...» (О старшем брате, 2) 1, 376
 «Пронизан духовною славой...» 1, 450
 Пропулк («В коловращении...») 1, 94
 Птички («Я берегу...») 1, 423

«Разве это — монашество?...» 2, 406
 Размах («Есть в медлительной душе...») 1, 131
 Разрыв («Власть Твою, всемогущий Судья...») 2, 476
 «Ранняя юность. Пятнадцать лет...» (У стен Кремля, 1) 1, 30
 «Речи смолкли в подъезде...» (Сочельник) 1, 133
 «Ржанье конское...» 2, 645
 Родомыслы (1–2) 1, 256
 Романтический запев («Без герба, без знамени, без свиты...») 2, 495
 «Русские зодчие строили прежде...» 1, 70
 Русские октавы («Мой край душистыми долинами...») 2, 382
 Рух. Глава тринадцатая 1, 293
 Рылееву 2, 516

«С бдями бодрствует Ангел. — Не спи...» 2, 514
 С жестокостью зрелых лет («Не можем прозревать зенит мы...») 2, 467
 «С опухек свежих прохладой веющие...» (Стихиали Фальторы) 1, 400
 «С тысячелетних круч, где даль желтела нивами...» (Весной с холма) 2, 390
 «Садом Судеб Высоких значится...» (Готимна) 1, 112
 Самое первое об этом («Дедов бор, полотно, и неспешно влачащийся поезд...») 2, 389
 Саморазрушение («Когда я холодно расторг...») 2, 478
 «Свежий вечер. Старый переулоч...» (Двенадцать Евангелий) 2, 510
 «Свеча догорает. Я знаю...» 2, 378
 «Свисток. Степную станцию готов оставить поезд...» 2, 371
 «Свистит и салютуют...» (Изобилие. — Столица ликует, II) 1, 77
 Святая Россия («Ее славят предания...») 1, 116
 Святорусские духи. Глава одиннадцатая 1, 252
 Святые камни. Глава первая (1–12) 1, 29
 Сеннаар («Меж горьких трав в равнинах шелестел...») 2, 353
 Семь стихотворений 2, 521
 «Семью домового из хат...» (Манику) 1, 399
 Серая травка («Полынушка, полынушка...») 1, 402
 Серебряная ночь Пророка («Над белоснежною Меккою...») 2, 354
 Симфония городского дня. Глава вторая 1, 50
 Синклиты («Смерть не равняет чернь и героев...») 1, 252
 «Сила ровным светом газовая...» (Уличные волшебники) 2, 475

Сказание о Ярославле. Глава девятая 1, 216
«Сквозь годы скитанья опять зазвучавшие речи...» (Элегия) 2, 334
«Сквозь жизнь ты шел в наглазниках. Пора бы...» (Красный реквием, 1) 1, 89
Сквозь перезвон рифм («...И слились вечера...») 2, 485
Сквозь природу (1–23) 1, 391
[Сквозь тюремные стены] («Завершается труд...») 1, 389
«Сколько рек в тиши лесного края...» 1, 424
«Сколько ты миновал рождений...» 2, 640
Следы («И всегда я, всегда готов...») 1, 430
«Случается ночь, оторачивающая...» (Соловьиная ночь) 1, 405
«Смерть не равняет чернь и героев...» (Синклиты) 1, 252
«Смолкли войны. Смирились чувства...» (В Третьяковской галерее) 1, 36
«Смотри-ка! Смотри-ка!..» (Ягодки) 1, 426
«Сном, мимолетным, как слово...» 2, 369
Со свечой («Летопись сердца у желтой свечи...») 2, 508
«Собрав ребят с околицы, с гумна, из душевной хаты...» 2, 464
«Создал сначала для родины сын...» 1, 229
Солнечная симфония. Глава двадцатая 1, 445
Соловьиная ночь («Случается ночь, оторачивающая...») 1, 405
Сорадовательнице мира («Во всем, что ласково...») 1, 249
Сочельник («Речи смолкли в подъезде...») 1, 123
«Спасибо за игры вам, резвые рыбы...» 2, 524
«Спокойна трезвенность моей прощальной схимы...» 2, 405
Стансы («Над каждым городом-колоссом...») 1, 48
Стансы («Порой мне брезжила отрада...») 2, 521
«Станут к вечеру алы...» (Госпоже Города. *Второе*) 2, 487
Старый дом («Где бесшумны и нежны...») 2, 463
«Стих...» (Красный реквием, 2) 1, 90
Стихиали Фальторы («С опушек свежих прохладой веющие...») 1, 400
Столица ликует (I–III) 1, 73
«Странно поверить, трудно постичь...» 1, 225
«Сумрак засинел...» 2, 419
«Сумрачные скалы Галилеи...» (Дом Пресвятой Богородицы, 1) 1, 242

«Таится дремный мир сказаний...» 1, 396
Так было («...Все безвыходней, все многотрудней...») 2, 522
«Так, в садах, квартирах, клубах...» (Вместо эпилога) 1, 461
«Так вот он, тайник...» 2, 421
«Так вот царица человечества...» (Еще к «Афродите Всенародной») 1, 462
«Так лучистая Звезда Скитаний...» 2, 413
Танго («Подергиваются пеплом оранжевые поленья...») 2, 482
Танцы вверху («А прожекторы — тускло-розовый и багровый...») 1, 454
Танцы внизу («А в кварталах, клубах...») 1, 455
«Твои невыразимые глаза!..» 2, 429
«Темнеют пурпурные ложи...» (Большой театр. Сказание о невидимом граде Китеже) 1, 46
Темное видение. Глава третья 1, 70
«Темные грезы оковывать метром...» (*Гумилев*) 2, 500
«Тесен дом мой у обрыва...» 2, 385
Титураль («— Кто ты, мальчик? куда?.. Твои волосы...») 2, 358
«Тихо, тихо плыло солнышко...» (Ватсалья) 1, 428
«Ткали в Китеже-граде...» 2, 401
«То было давно...» (Третий уицраор) 1, 72
«То цветущими вишнями...» (Дом Пресвятой Богородицы, 3) 1, 243

Товарищ («Никчемных встреч, назойливых расспросов...») 1, 433
«Тоскуя по древне-забытому краю...» 2, 340
«Тот...» (Красный реквием, 2) 1, 91
«Тот, кто лепит подвигами бранными...» (Восхождение Москвы) 2, 644
Третий уицраор («То было давно...») 1, 72
«Трехмерный ум по трем координатам...» (Заключение) 1, 235
Трансмифы 1, 450
«Туман в ложбинах течет, как пена...» (Ночлег) 1, 436
«Тщетно...» (Шаданакар) 1, 103
«Ты еще драгоценней...» 1, 141
«...Ты ждал меня в ночи паденья...» (Голос из Цитадели) 2, 489
«Ты ждешь меня в пустыню каменную...» (Другу юности, которого нет в живых. *Последнее*) 2, 508
«Ты изъяснил мне движение твари...» (Каменный старец, II) 1, 44
«Ты осужден. Конец. Национальный рок...» (О тех, кто обманывал доверие народа, 3) 1, 87
«...Ты с башни лиловой сходила...» («Темные грезы оковывать метром» (*Гумилев*)) 2, 500

У гробницы («Ночь. — Саркофаг. — Величье. — Холод...») 1, 87
У демонов возмездия. Глава пятнадцатая 1, 336
У памяти Пушкина («Повеса, празднослов, мальчишка толстогубый...») 1, 46
У стен Кремля (I–III) 1, 30
«Убирая завтрак утренний...» 2, 373
«Уж не грустя прощальной грустью...» 2, 415
Уличные волшебники («Сияла ровным светом газовая...») 2, 475
«Усни, — ты устала... Гроза отгремела...» 2, 366
Уснорм. 13 («В суете и в кружении...») 1, 447
Уснорм («Я не знаю — быть может, миллиард миллионов...») 1, 119
Устье жизни (1–17) 2, 405
Утренняя оратория 2, 613
«Утро за утром — все лучезарней...» 2, 364
«Утро. Изморось. Горечь сырая...» 1, 135
«Утро обрамляет расчерченный план...» 2, 409

Файр («Кончились круги косного плена...») 1, 110

«Хвойным покровом...» 1, 223
Хлебников («Как будто музыкант крылатый...») 2, 518
Холод пространств («Есть в гулких ветрах ледохода...») 2, 473
«Холодеющий дух с востока...» 1, 432
«Хрупки еще лиловатые тени...» (Базар) 2, 399
Художественному театру («Порой мне казалось, что свят и нетленен...») 1, 37

«Часы, часы ласкать глазами...» 2, 363
Чаша («Не может кровью не истечь...») 1, 375
«Что блуждать от утрат к утрате?..» 2, 421
«Чтоб лететь к невозможной отчизне...» 2, 364
«Чудо?.. Сон?.. Трансформа плоти?..» (Над городом) 2, 492
«Чуть колыхнется в зное...» 2, 396

Шабаш («Вот...») 1, 457
Шаданакар («Тщетно...») 1, 103
Шествие («Белеса ночь. Над сном гудрона голого...») 1, 459
Шквал («Одно громоносное слово...») 1, 136

Элегия («Сквозь годы скитанья опять зазвучавшие речи...») 2, 334
 Эльдорадо («Знаю. — Откуда? — Отвечу...») 1, 387
 Эринии («В тот вечер багровость заката...») 2, 502
 «Это свершилось в начале пути...» 1, 221
 «Этот двор, эти входы...» (Дома) 1, 128

Юношеское («Мы — лучи Люцифера, восставшего в звездном чертоге...») 2, 472

«Я берегу...» (Птички) 1, 423
 «Я был предупрежден, что опасно...» 1, 135
 «Я в двадцать лет бродил, как умерший...» 2, 502
 «Я вздрогнул: ночь? рассвет?... Нет, это зимний день...» 1, 71
 «Я возвращался с долгой ловитвы...» (Дикий берег, 2) 2, 339
 «Я любил вечерами...» (Библиотека) 1, 38
 «Я любил тебя горчайшею из дружб...» (Другу юности, которого нет в живых. (Третье)) 2, 497
 «Я любил эти детские губы...» 2, 379
 «Я люблю направлять наши мысленные...» (Праведники прошлого, 1) 1, 259
 «Я люблю — не о спящей царевне...» 1, 392
 «Я мог бы рассказывать без конца...» 1, 386
 «Я мог бы рассказывать без конца...» (вариант) 2, 414
 «Я не знал, кто рубин Мельпомены...» (Одержание) 2, 484
 «Я не знаю — быть может, миллиард миллионов...» (Уснорм) 1, 119
 «Я не знаю, какие долины...» 2, 645
 «Я не один. Друзья везде...» 2, 411
 «Я не отверг гонца метельного...» 1, 144
 «Я не помню, кто отпер засовы...» (Пробуждение) 2, 507
 «Я неизбежен, как рок...» 2, 633
 «Я помню вечер в южном городе...» 2, 371
 «Я помню кромешную ночь: по сознанию...» 2, 435
 «Я слышу четче с каждым годом...» 1, 253
 «Я умирал травой и птицей...» 1, 106
 «Я уходил за городскую стражу...» 2, 356
 Ягодки («Смотри-ка! Смотри-ка!..») 1, 426
 Язык любви («Язык любви из мягких звуков соткан...») 2, 343
 «Язык любви из мягких звуков соткан...» (Язык любви) 2, 343
 Янтари (1–16) 2, 366
 Яросвету — Демидургу России («В узел сатаны нити городов...») 1, 101

Andante («Не поторапливаясь...») 1, 437

Aphrodite Pandemios («Для народов первозданных...») 1, 452

СОДЕРЖАНИЕ

ЖЕЛЕЗНАЯ МИСТЕРИЯ

5

От автора 6

Вступление 7

Акт первый. Вторжение 10

Акт второй. Восшествие 37

Акт третий. Царствование 60

Акт четвертый. Тирания 86

Акт пятый. Ущерб 112

Акт шестой. Крипта 144

Акт седьмой. Гефсимания 171

Акт восьмой. Спуск 184

Акт девятый. Низвержение 212

Акт десятый. Пепелище 247

Акт одиннадцатый. Возможности 280

Акт двенадцатый. Роза Мира 312

Послесловие 328

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

I

ЛУННЫЕ КАМНИ

333

1. «Пламеня над городом белым...» 333

2. «В каких морях рожденная волнами...» 334

3. Элегия 334

4. «Еще не брезжило. В лесу шуршала осень...» 335

5. «Берег скалистый высок...» 335

6. «Над зыбью столько лет незыблемо одна...» 336

ДРЕВНЯЯ ПАМЯТЬ

338

«Когда былых миров оранжевые зори...» 338

Дикий берег. Триптих

1. «Помню: широкие губы...» 338

2. «Я возвращался с долгой ловитвы...» 339
 3. «Привычные, как старый амулет...» 339
 «Тоскуя по древне-забытому краю...» 340
 Из дневника («Но Запад прав: мы — дикари, мы — дети...») 341
 Мадленские пещеры 343
 Язык любви 343
 «Люди любили не нашей любовью...» 344
 «Ослепительным ветром мая...» 345
 В музее 346
 «По вечерам, по чистым вечерам...» 347
 Из дневника («...И вот упало вновь на милую тетрадь...») 348
 «Индия! Таинственное имя...» 349
 «На орлиных высотах Непала...» 349
 «Бенарес! Негаснущая радуга...» 350
 Отрывок («...На берег вышла. Солнце тканью...») 351
 Миларайба 352
 Сеннаар 353

ГОЛОСА ВЕКОВ

354

- Палестинская мелодия 354
 Серебряная ночь Пророка 354
 «Я уходил за городскую стражу...» 356
 Бар-Иегуда Пражский 357
 Титурэль 358
 «Мне радостно обнять чеканкой строк...» 361

ПРЕДГОРИЯ

362

1. «Когда еще помедлил раз...» 362
 2. «Часы, часы ласкать глазами...» 363
 3. «Запах мимозы: песчаные почвы...» 363
 4. «Утро за утром — все лучезарней...» 364
 5. «Чтоб лететь к невозможной отчизне...» 364

ЯНТАРИ

366

1. «Усни, — ты устала... Гроза отгремела...» 366
 2. «В жгучий год, когда собирает родина...» 366
 3. «Воздушным, играющим гением...» 367
 4. «Сном, мимолетным, как слово...» 369
 5. «И не избавил город знойный...» 370
 6. «Свисток. Степную станцию готов оставить поезд...» 371
 7. «Я помню вечер в южном городе...» 371
 8. «Кто там: медуза? маленький краб ли...» 373
 9. «Убирая завтрак утренний...» 373
 10. «Оранжевой отмелью, отмелью белой...» 375
 11. «Какое благовоние...» 376
 12. «Мы возвращались с диких нагорий...» 377
 13. «Свеча догорает. Я знаю...» 378

14. «Я любил эти детские губы...» 379
 15. «О, не все ль равно, что дума строгая...» 380
 16. «Есть правда жестокая в подвиге ратном...» 381

ЗЕЛЕНОЮ ПОЙМОЙ

382

- Русские октавы 382
 Брянские леса 384
 «Исчезли стены разбегающиеся...» 385
 «Тесен мой дом у обрыва...» 385
 Дивичорская богиня 386
 Самое первое об этом 389
 «О, не так величава — широкою поймой цветущею...» 389
 Весной с холма 390
 «Лес не прошумит уже ни жалоб, ни хвалы...» 391
 Плотогон 391
 «Над Неруссой ходят грозы...» 393
 Памяти друга 394
 «Чуть колышется в зное...» 396
 «Веселым, как вечный мальчишка — Адам...» 396
 Из дневника («На день восьмой открылся путь чугунный...») 397
 Базар 399
 «Не мнишь ли ты, что эгоизм и страх...» 400
 «Ткали в Китеже-граде...» 401
 «Мы прикоснулись, как Антей...» 402

УСТЬЕ ЖИЗНИ

405

1. «Поздний день мой будет тих и сух...» 405
 2. «Спокойна трезвенность моей прощальной схимы...» 405
 3. «Разве это — монашество?...» 406
 4. «Будущий день не уловишь сетью...» 406
 5. «В нелюдимом углу долины...» 407
 6. «Когда не ради наслаждения...» 407
 7. «Утро обрамляет расчерченный план...» 409
 8. «Из года в год, в густом саду...» 409
 9. «Я не один. Друзья везде...» 411
 10. «Нет, — то не тень раздумий книжных...» 412
 11. «Так лучистая Звезда Скитаний...» 413
 12. «Я мог бы рассказывать без конца...» 414
 13. «Когда уснет мой шумный дом...» 414
 14. «Уж не грустя прощальной грустью...» 415
 15. «Но, как минута внезапной казни...» 416
 16. «Если б судьба даровала — при драгоценных и близких...» 416
 17. «Все, что слышится в наших песнях...» 416

ЛЕСНАЯ КРОВЬ

418

1. «Здесь по ночам — луна с дружиной духов...» 418

2. «В пугливых зарослях леса...» 418
3. «Сумрак засинел...» 419
4. «Что блуждать от утрат к утрате?...» 421
5. «Так вот он, тайник...» 421
6. «Люди входили тихонько в хату...» 422
7. «Вспомнишь ли заоблачные горы...» 423
8. «Оттого, что бабочки бьются...» 424
9. «Дух овина, стоячий, прелый...» 424
10. «И вот летим мы...» 426
11. «Как роковое наследство...» 427
12. «Как душно в этой стороне!..» 428
13. «Твои невыразимые глаза!..» 429
14. «Когда лунною ночью бездонной...» 430
15. «Кровь не обманешь. И нет...» 430
16. «Ночь светает, — покров и храм нам...» 432
17. «На июльской заре, чуть в борах...» 433
18. «Воск, растопляясь, пальцы греет...» 433
19. «И вера нас не пустит, а не злоба...» 434
20. «Оттого с тобою рядом...» 434
21. «Я помню кромешную ночь: по сознанию...» 435
22. «И вот берет она ветвь сосны...» 436
23. «Ни грядущая тьма, ни бывшее...» 437
24. «На траву я упал...» 437
25. «Горше полыни, жалейки слаще...» 438

НЕМЕРЕЧА. Поэма

440

ВОСХОД ДУШИ

457

1. «Бор, крыши, скалы — в морозном дыме...» 457
2. «Нет, не юность обширная...» 458
3. «Его любил я и качал...» 459
4. «Нет, младенчество было счастливым...» 460
5. «Она читает в гамаке...» 462
6. Старый дом 463
7. «Собрав ребят с околицы, с гумна, из душной хаты...» 464
8. «Есть кодекс прав несовершеннолетних...» 465
9. «За детство — крылатое, звонкое детство...» 466

МАТЕРИАЛЫ К ПОЭМЕ «ДУТГУР»

467

I. ВЕХИ СПУСКА

1. С жестокостью зрелых лет 467
2. Окончание школы (1923 г.). Вальс 468
3. Другу юности, которого нет в живых (Первое) 468
4. В отблесках голубого сияния 470
5. Перед «Поверженным демоном» Врубеля 470

6. Юношеское 472
7. Подмена 473
8. Холод пространств 473
9. Первая вестница 474
10. Уличные волшебники 475
11. Разрыв 476
12. Другу юности, которого нет в живых (Второе) 476
13. «Предоставь себя ночи метельной...» 477
14. Саморазрушение 478

II. МОСКОВСКИЕ ПРЕДВЕЧЕРЯ

1. «Как не любить мне колыбели...» 479
2. На балконе 480
3. Глаза рук 482
4. Танго 482
5. Госпоже города (Первое) 483
6. Одержанье 484
7. Сквозь перезвон рифм 485
8. Марево 486
9. Лунная мелодия 486
10. Госпоже города (Второе) 487
11. Кароссе Дингре 489
12. Голос из Цитадели 489
13. Вторая вестница 490
14. Над городом 492

III. ПОХМЕЛЬЕ

1. «Не летописью о любви...» 494
2. Романтический запев 495
3. Измена 496
4. Другу юности, которого нет в живых (Третье) 497
5. «Мчатся гимны, звенят...» 497
6. Ее голос 498
7. Другу юности, которого нет в живых (Четвертое) 499
8. «Темные грезы оковывать метром...» (Гумилев) 500
9. «Дух мой выкорчеван. Все мало...» 501
10. «Я в двадцать лет бродил, как умерший...» 502
11. Эринии 502
12. Не Дуггур ли? 505
13. «Не из хроник столетий, не из дымки преданья...» 506
14. Пробуждение 507
15. Другу юности, которого нет в живых (Последнее) 508
16. Со свечой 508
17. «Вина — во мне. Я предал сам...» 509
18. Двенадцать Евангелий 510
19. Из погибшей рукописи 513
20. «С бдящими бодрствует ангел. — Не спи...» 514
21. Звезда морей 515

КРЕСТ ПОЭТА

516

*Рылееву 516

Грибоедов 516

[Гумилев] 517

Хлебников 518

Могила М. Волошина 519

СЕМЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

521

Стансы 521

Так было 522

«Бурей и свободой шумно маня...» 523

«Предваряю золотые смолы...» 523

«Спасибо за игры вам, резвые рыбы...» 524

«Как чутко ни сосредотачиваю...» 524

Последнему другу 525

II

ПЕСНЬ О МОНСАЛЬВАТЕ

526

Пролог 527

Запев 533

Часть первая

Песнь первая. Ночь в Безансонском замке 534

Песнь вторая. Чтение судьбы 538

Песнь третья. Рыцари 543

Часть вторая

Песнь первая. У речного перевоза 548

Песнь вторая. Горный страж 552

Песнь третья. Святое вино 559

Песнь четвертая. Спуск 561

Часть третья

Песнь первая. Лилия Богоматери 566

Песнь вторая. Горы в цвету 571

Песнь третья. Кровь Мира 576

Песнь четвертая. Гурнеманц 579

Песнь пятая. Рождение 584

КОРОЛЕВА КРИМГИЛЬДА. Поэма

590

*ГУЛЯНКА

599

УТРЕННЯЯ ОРАТОРИЯ

613

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

633

«За днями дни... Дела, заботы, скука...» 633

*«Близятся осени дни, по ночам холодеют туманы...» 633

*«Я неизбежен, как рок...» 633

*«— Обманул меня!.. Вышвырнул!..» 634

Александр Коваленскому и моей сестре —

Александре Филипповне Добровой-Коваленской. *Отрывок из юношеской поэмы* 635

«Мой город, мрачный, как власяница...» 637

«Легким бризом колышимые...» 638

«Милый друг мой, не жалею о старом...» 638

*«Лечь в тебя, горячей плоти родина...» 638

«Над тальми кровлями ранней весной...» 639

«Сколько ты миновал рождений...» 640

«Ночь горька в уединенном доме...» 640

«Есть строки Памяти, — не истребить, не сжечь их...» 641

«Где не мчался ни один наездник...» 641

«Не помним ни страстей, ни горя, ни обид мы...» 642

*«Ни кровью, ни грубостью праздников...» 642

«Вечер над городом снежным...» 643

Восхождение Москвы 644

«Я не знаю, какие долины...» 645

*«Ржанье конское!..» 645

«В кармане бушлата...» 646

* [Драматический отрывок] 647

Встреча с Блоком (*Отрывок из неоконченной поэмы*) 651

«...И, расторгнув наши руки...» 653

Александр Коваленскому 655

[Ответ Пушкину] 656

«Медленно зреют образы в сердце...» 657

Из Гете («Гаснут горные пики...») 658

«Когда-то раньше, в расцвете сил...» 658

Борис Романов

«ЖЕЛЕЗНАЯ МИСТЕРИЯ» ДАНИИЛА АНДРЕЕВА

660

ПРИМЕЧАНИЯ

668

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Д.Л. АНДРЕЕВА, ВОШЕДШИХ В Т. I-2

700

* Звездочкой отмечены произведения, прежде не входившие в собрание сочинений Д.Л. Андреева.

А 655 **Андреев Д.Л.**
Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2: Железная мистерия; Стихотворения и поэмы / Сост., подгот. текста, послесл. и примеч. Б.Н. Романова. — М.: Русский путь, 2006. — 720 с.: 16 с. ил.

ISBN 5-85887-247-6

ISBN 5-85887-249-2

Второй том собрания сочинений выдающегося русского поэта и мыслителя составили драматическая поэма «Железная мистерия», а также стихотворения и поэмы 1926–1957 годов.

ББК 84 (2Рос)6

Даниил Леонидович АНДРЕЕВ
Том 2
ЖЕЛЕЗНАЯ МИСТЕРИЯ
СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Редактор С. Бучнева
Художник Е. Вельчинский
Компьютерная верстка П. Сандомирский
Корректор О. Савичева

Подписано в печать 23.10.2006. Формат 70x100/16
Бумага офсет. Шрифт: Charter
Усл. печ. л. 58,1. Тираж 2000 экз. Заказ №

ЗАО «Издательство «Русский путь»
109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
Тел.: (495) 915-10-47. E-mail: info@rp-net.ru
www.rp-net.ru

Отпечатано в ОАО «Типография «НОВОСТИ»
105005, Москва, ул. Ф. Энгельса, д. 46

